

К. МОИСЕЕВА

ДОЧЬ ЭХНАТОНА

К. МОИСЕЕВА ДОЧЬ ЭХНАТОНА

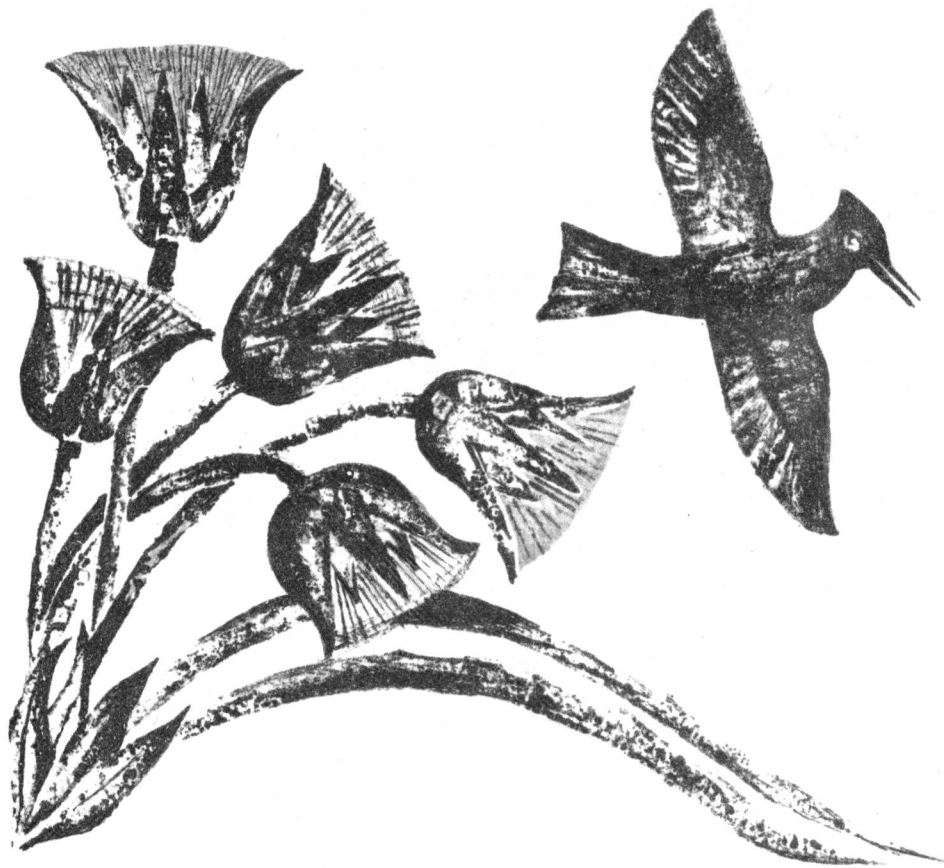

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

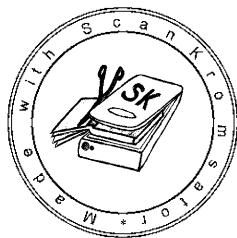
К. МОИСЕЕВА

ЭХНАТОНА

П О В Е С Т И

P 2
M 74

Scan AAW

Рисунки В. Освера

Откройте книгу, и вы окажетесь в Древнем Египте, при дворе фараона Тутанхамона, который правил страной в XIV веке до н. э. Вы побываете во дворцах и храмах, в мастерских и хижинах. Вы узнаете о трагической судьбе дочери Эхнатона, о благородстве художника Анху и коварстве жреца Эйе.

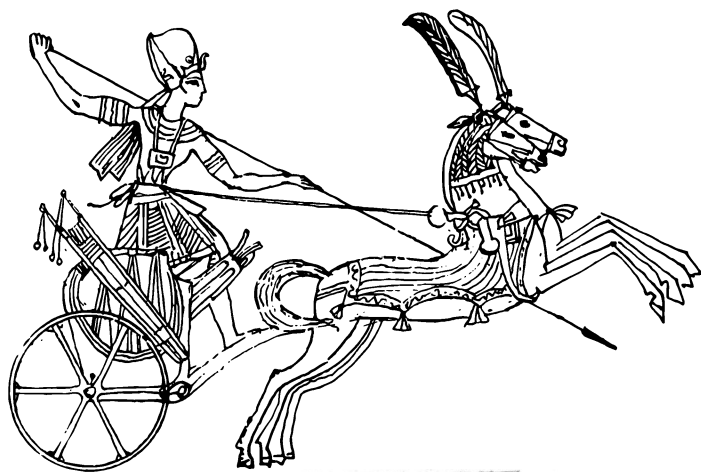
Переверните страницу — и в новой повести перед вами предстанут картины жизни средневекового Бенина, или государства Эдо, как называли эту страну пятьсот лет назад. Вы услышите звон обрабатываемой бронзы и увидите превосходные скульптуры литейщиков Бенина, прославленные далеко за пределами своей страны.

Третья повесть перенесет вас в древнюю Сахару — величайшую на нашей планете пустыню, которая была когда-то цветущей и обитаемой. В те далекие времена на зеленых пастбищах Сахары паслись стада, а вблизи рек и озер, в пещерах, среди скал жили люди. Они не умели писать и не оставили летописей. Они не умели строить города, и потому после них не осталось развалин. И все же они сумели рассказать о себе потомкам.

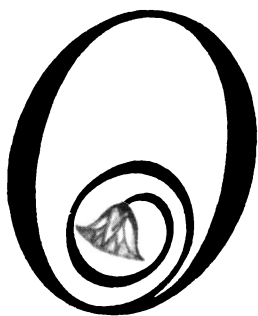
Последняя повесть этой книги «Роковая строка Памеджаи» расскажет о древней Нубии времен Рамсеса II, когда был создан пещерный храм Абу-Симбел — одно из прекраснейших творений древнего искусства.

ДОЧЬ ЭХНАТОНА

на проснулась внезапно, словно ее разбудили. Но кто мог ее разбудить? Во всей громадной стране не было человека, который осмелился бы потревожить ее покой. Ведь она была земной богиней, точно так же, как земным богом был ее муж, великий и могущественный правитель Египта фараон Тутанхамон.

Ее разбудили солнечные лучи. Они пробрались меж зеленых ветвей мандрагоры, осветили красочные росписи стен и величественные скульптуры царских покоев.

Когда они заиграли на спинке золотого ложа, нежный и теплый луч коснулся сомкнутых ресниц юной красавицы.

Она открыла глаза, прислушалась к мелодичному журчанию воды, с легким шумом падающей в каменный бассейн, посмотрела на свежие лотосы, раскинувшие свои розовые венчики в голубой фаянсовой вазе, и вдруг взор ее остановился на великолепном кресле, сверкающем позолотой в лучах утреннего солнца.

Это кресло оказалось здесь совсем неожиданно, хотя она давно ждала его и много раз справлялась, скоро ли закончит свою работу художник.

Она вскочила, сунула ноги в легкие, из тонкой позолоченной кожи сандалии, подбежала к креслу и радостно рассмеялась.

Все, о чем она просила, было сделано даже лучше и красивей. Она опустилась на ковер из шкур молоденьких леопардов и, сидя на корточках, стала рассматривать кожаную спинку кресла, украшенную золотым тиснением и цветной инкрустацией.

— Поистине он маг и волшебник! — воскликнула она, касаясь пальцами изображения. — Как он сумел это сделать? Как запомнил наши лица? Он сделал их так, словно каждый из нас глядится в серебряное зеркало!

Изображение на спинке кресла казалось ей живой картиной, созданной по волшебству. Она с восхищением рассматривала ее, продолжая размышлять:

«Когда мой великий, мой всесильный господин, мой божественный фараон увидит это кресло, в глазах его появится смешинка. Он возьмет в свои руки мои ладони, прижмет их к груди и скажет: «О госпожа моего сердца! Ты так добра и так умна... Если бы ты умела читать мои мысли, ты не смогла бы придумать более великолепного подарка. Я отлично помню тот день, когда меня покинул тяжкий недуг и ты пришла ко мне с драгоценным бальзамом. Это был счастливейший день моей жизни. Как хорошо, что ты запечатлела его на этом кресле!»

Она поднялась, подбежала к открытой террасе и, протянув руки к зеленым ветвям, воскликнула:

— Какое веселое, какое радостное сегодня утро! Может быть, этому помогло священное дерево мандрагоры? Жрица говорит, что оно способствует исполнению замыслов, — как не поверить?

Она снова стала рассматривать кресло.

Поразительно!

Художник так верно изобразил ее рядом с царственным мужем в тот памятный день.

Прекрасный, как само солнце, Тутанхамон сидел на своем троне в царском одеянии, а она смазывала ему плечо чудодейственным бальзамом, привезенным из страны Пунт.

Она видела сейчас доброе и благородное лицо своего господина. Оно показалось ей восхитительным именно потому, что было совсем таким, как в ту пору, после болезни, немного печальным, но приветливым и ласковым.

Лицо его не было здесь таким серьезным и суровым, каким оно бывало в те дни, когда он принимал иноземных послов и полководцев своей великой страны. Здесь он был таким, каким она видела своего господина только наедине. И как это было приятно сейчас! Как хорошо, что художник изобразил ее в праздничном наряде из легкой, прозрачной ткани, с ожерельем из драгоценных камней, в головном уборе царицы.

Вначале он нарисовал все это на листке папируса, показал ей, и, когда ей понравилось, он сказал, что перенесет все это на спинку кресла. Художник работал втайне от великого господина, и теперь она удивит фараона этим дорогим и редким подарком. Сейчас она позовет своих слуг и прикажет отнести это кресло в покои фараона. Как хорошо, что оно уже сделано!

За высокой резной дверью служанки и невольницы чутко прислушивались к звукам, доносящимся из священных покоев царицы. Великая госпожа сделала лишь один хлопок. Мгновенно распахнулись двери, и у ног ее распростерлись черные, желтые, белые рабы-

ни. Каждая находила на ковре след крошечной сандали и, целуя его, долго еще стояла, склонившись, пока госпожа не дала знать, что можно подняться.

Старая Тии, глава всех церемоний во дворце царицы, низко склонилась перед великой госпожой, но тут же гордо вскинула свою когда-то красивую голову, услышав желание царицы остаться одной.

— Как я могу покинуть тебя, моя божественная госпожа? — сказала Тии, целуя кончик сандали своей повелительницы. — Я буду сопровождать тебя повсюду...

— Нет! — возразила царица. — Со мной останется только Черный Лотос. Мне никто больше не нужен. Пусть уйдут носители опахала, пусть оставят меня хранительницы одежды и драгоценностей, и ты, почтенная Тии, оставь меня. Сегодня не будет церемоний в моем дворце. Я уйду к моему великому господину.

Старая Тии попятилась к дверям, вытесняя из покоев царицы пеструю толпу прислужниц. У ног великой госпожи осталась лишь одна невольница. Молодая, стройная женщина в желтом легком покрывале и в самом деле походила на редкий экзотический цветок. И хотя на всем свете не было черных лотосов, это имя удивительно подходило ей. Она распростерлась у ног великой госпожи и, протянув царице свои тонкие смуглые руки, благодарила за высочайшее доверие. Они подошли к прохладному бассейну, где уже были приготовлены разные умащения и свертки мягкого белого полотна.

Пока госпожа плескалась в благовонной воде, пока Черный Лотос умачала ее бальзамом, они вели неторопливый разговор.

— Тебе понравилось золотое кресло, Черный Лотос? — спросила госпожа. — Ты успела его рассмотреть?

— Я видела его много раз, великая госпожа, повелительница всех земель. Ведь художник, сделавший это кресло, — мой муж.

— Твой муж? И ты утаила это от своей госпожи? — рассмеялась царица. Она была в добром настроении и несколько не рассердилась на свою невольницу. Однако госпожа не могла сдержаться, чтобы не укорить невольницу: — Почему же ты не сказала мне о том, что у тебя есть муж, да еще такой искусный художник? И как случилось, что свободный египтянин женился на рабыне?

Черный Лотос была занята делом — она готовила притирания для божественной госпожи — и не могла пасть ниц, как полагалось рабыне, которая отважится отвечать своей повелительнице. Она низко опустила голову и тихо ответила:

— Великая госпожа, солнечный луч земли Фиванской, это случилось до того, как я попала во дворец. Меня привез в Фивы Анху. Он купил меня у воинов, когда нас гнали по знойным пескам пустыни, не давая ни капли воды, без горсти бобов. Он долго смотрел на меня, словно читал мои мысли в глазах, потом подошел к начальнику стражи и сказал: «Я покупаю эту женщину из страны Куш. Вот тебе драгоценные подвески, кольца и браслеты, и еще ты получишь большой сосуд доброго вина из Мемфиса. Это вино из подвалов верховного жреца храма Птаха». Как только начальник отряда услышал про винные подвалы верховного жреца Мемфиса, так схватил драгоценности и тут же своим ножом отрезал веревку, которая связывала меня с моими спутницами, невольницами из страны Куш.

— Вот как? — удивилась царица. — Расскажи поскорее, как ты попала во дворец и кто тебя купил для моих покоев.

— Великая госпожа, все, что ты узнаешь сейчас, известно только мне и Анху. Однако я не могу скрыть от тебя истину. Прости меня, бедную невольницу...

— Говори же дальше, — торопила увлеченная рассказом царица.

— Судьба Анху примечательна, великая госпожа. Юношей он покинул богатый дом своего отца, верховного жреца храма Птаха в Мемфисе. Отец хотел сделать его жрецом и учил великой премудрости, а юный Анху бежал в Ахетатон, чтобы научиться искусству художника и ваятеля. Он пошел к лучшему из лучших художников Ахетатона. Ты помнишь его. Это он увековечил прекрасный облик твоей матери Нефертити. Его руками сделаны статуи мудрого Эхнатона.

— Возможно ли это? Он ученик Тутмеса? Как ты обрадовала меня, Черный Лотос! словно я вернулась в свое счастливое детство и снова вижу наш дворец и прекрасную Нефертити. Поистине красивей нет женщины на свете!

Царица бросилась к креслу и, глядя на него, словно перенеслась к светлым годам, когда она играла со своими сестрами и когда ее нежно ласкала мать с таким удивительным лицом и мягкими, благоуханными руками. Анхесенпаамон вдруг вспомнился синий головной убор матери и струящиеся по тонкой шее две красные ленты, обведенные белой линией. Она вспомнила золотую повязку с самоцветами и прикрепленный спереди золотой урей — фигурку священной кобры, защитницы царей и богов от злых сил.

— Что с тобой, великая госпожа? — спросила невольница, когда увидела слезы на глазах царицы. — Я сказала тебе что-то печальное?

— Это хорошая печаль, — ответила царица. — Я вспомнила своих

любимых. Мне стало и горько и сладко на сердце. Говори же, что было дальше, Черный Лотос.

— Анху пробыл в Ахетатоне три года, и, когда все покинули дворец великого Эхнатона и Тутмес исчез неведомо куда, Анху вернулся к отцу и снова стал учиться наукам, подвластным только жрецам. Отец простил его. Как не простить единственного сына!

— Верховный жрец Мемфиса отпустил сына в Фивы?..

Черный Лотос прочла недоумение на прекрасном лице царицы. Она поспешила ответить:

— Анху был послан отцом, чтобы закупить жертвенных животных для храма Птаха. Отец был рад, когда сын вернулся. Но Анху ничего не говорил о своем занятии художника. Он сказал, что захотел побывать в самых дальних номах, чтобы увидеть, как велика и прекрасна страна фараонов.

— Он не закупил жертвенных животных? — рассмеялась царица. — Я жалею верховного жреца храма Птаха.

— Ты права, великая госпожа. Он не успел закупить жертвенных животных. Он встретил меня, и великая богиня любви Хатор внушила ему, что он должен выкупить меня, но не для рабства, а для счастливой жизни. И когда мы прибыли в великие стовраты Фивы, мой добрый Анху повел меня на базар. Он хотел, чтобы я сменила рубище на прекрасное покрывало. Я никогда не забуду тот счастливый миг, когда мы вошли под навес ткача и Анху велел мне взять желтое покрывало. И когда я завернулась в него, оставив обнаженной лишь правую руку и правое плечо, когда я поправила волосы и заколола их блестящими украшениями, мой Анху воскликнул: «Ты прекрасна, Черный Лотос!» Потом он купил мне печеных рыб и сладких пирожков. Я еще не успела поесть, не успела насладиться своим счастьем, как вдруг к нам подошла старая толстая Тии, окруженная невольницами. Она подошла к Анху и сказала: «Эта

женщина нужна мне для покоев великой госпожи, я покупаю ее. Сколько она стоит?»

Когда я услышала эти слова, сердце мое сжалось от тоски и печали. Я поняла, что счастье покидает меня. А ведь оно пришло ко мне в самый страшный час моей жизни. Но Анху сказал: «Все мы готовы служить великой царской жене. Моя рабыня будет при дворце нашей прекрасной госпожи, но мне непристойно брать за нее что-либо. Пусть она живет в моем доме и служит царице. А я буду придворным художником».

— Он остался в Фивах из-за тебя? А дальше что было?

— Анху не вернулся в Мемфис. Отец не знает о нем. Отныне он навсегда только художник. Он вспоминает иногда слова старого Тутмеса: «Искусство не знает предела». Разве может художник достигнуть вершины мастерства? Но он стремится достичь сияющих вершин мастерства. А дальше ты знаешь, моя великая госпожа. Я твоя рабыня, хоть и принадлежу Анху. В твоём дворце я рабыня, а в доме Анху мы равны. Все думают, что я рабыня, но я жена придворного художника. В недолгие часы досуга я вижу моего благородного Анху.

Ведь любовь не вырвешь из сердца. А она забралась в наши сердца и согревает нас своими лучами подобно тому, как солнце согревает землю.

— Берегите ее! — воскликнула царица. — Это величайшее сокровище!

— Я берегу! — сказала совсем тихо Черный Лотос и опустилась к ногам госпожи, чтобы поцеловать кончик священной сандалии.

— Мне нравится твоя печальная история, Черный Лотос. Но как попало сюда это кресло? Кто его принес и когда?

— Я осмелилась. Великая госпожа, мне помогли невольницы. Мы

вошли на рассвете, чтобы поставить это кресло и обрадовать тебя. Я подумала, что это будет приятно моей повелительнице.

— Ты отважна, Черный Лотос! Если бы какой-либо стук разбудил меня, кто знает, что случилось бы с тобой. Ведь я могла крикнуть, и мигом сбежались бы слуги. Тебя могли бы заколоть... Но все обошлось, и ты жива. Я рада этому, Черный Лотос. Мне приятно видеть тебя. Ты красива и гибка. В твоих движениях столько грации! Не была ли ты танцовщицей? А может быть, ты из знатного рода? У дочери землепашца, которая собирает полбу, не могут быть такие тонкие руки. И лицо твое благородно.

— Я не решаюсь признаться, великая госпожа...

— Говори, я сгораю от любопытства. Уже год как я пользуюсь твоими услугами и, сама не знаю почему, оказываю тебе наибольшее доверие. Но мне и в голову не пришло узнать, откуда ты. Говори же...

— В своей прекрасной и богатой стране Куш я была принцессой, великая госпожа. Теперь я рабыня. Я стараюсь не думать о прошлом. Ведь его не вернешь.

— Черный Лотос — принцесса! Как я не подумала об этом! Бог Луны и мудрости Тот надоумил меня и обратил мой взор к тебе. В твоем облике есть что-то значительное, гордое и непреклонное. Вот что мне понравилось в тебе. А разве тебе плохо в моем дворце? Ты мне мила, Черный Лотос. Я и впредь буду доверять тебе больше, чем другим. Скажи Анху, что он получит награду за свой труд. Впрочем, не будем откладывать. Возьми вот это ожерелье, оно тяжелое, я не люблю его. А в нем много золота.

— Я боюсь, великая госпожа. Это царское ожерелье. Если увидит старая Тии, она отберет, а меня отправит на черную работу.

— Не говори глупостей. Старая Тии никогда не посмеет сделать мне наперекор. К тому же я задумала освободиться от ее услуг. Я не люблю верховного жреца Эйе и не люблю его жену Тии. Не бойся. Возьми ожерелье и скажи своему мужу, что он угодил мне. Я довольна и запомню его имя. Однако мне нет нужды запоминать его имя — ты всегда здесь. Отныне я буду говорить тебе обо всем, что задумаю сделать руками твоего мужа. Он сказал, что сделает хорошее кресло, и сделал его. Великий Тутанхамон имеет множество драгоценных кресел. У него есть тяжелый золотой трон. У него есть такие табуреты и подставки для головы, каких нет на всем белом свете. У него бесчисленное множество жезлов и посохов, сделанных умелыми руками, но такого кресла у него нет. Я думаю, что доставлю большое удовольствие своему божественному господину.

— И я так думала, великая госпожа, когда посоветовала Анху сделать эту работу. Он долго трудился. Дни и ночи он вытачивал эти кошачьи лапы на ножках, эти львиные головы и крылатых змей с коронами. Его помощники не могли ему угодить. Они трудились со всем усердием, а он все исправлял. Сколько раз работа была уже

готова, а он ее отбрасывал и снова принимался за дело! Но трудней всего было сделать спинку. Поверь, великая госпожа, я видела, как у него руки дрожали от волнения. Однако я сразу сказала, что мне нравится изображение моей прекрасной госпожи. И разве это не так? Сколько красоты, сколько изящества в твоём прелестном юном стане! Ведь я немного старше тебя, моя великая госпожа, прости свою невольницу, я кое-что понимаю. Поверь мне, твой господин будет еще больше любить тебя, когда получит этот драгоценный подарок. А ты не пожалеешь о своей щедрости. Я знаю, сколько золота и драгоценного дерева ушло на этот подарок. Ты не скупилась, и великий бог Птах, покровитель искусства и ремесел, будет помогать тебе.

Когда госпожа была готова к выходу, Черный Лотос вызвала слуг. Им было приказано отнести кресло во дворец фараона.

Госпожа шла впереди, юная и прекрасная, в своем царственном наряде из такой тонкой и мягкой ткани, что весь ее стан уподобился легкому облаку. За ней шли слуги. Они несли кресло на деревянной подставке. И в тот час, когда великая госпожа приходила обычно к завтраку и когда фараон спрашивал свою любимую о том, как она спала и какие видела сны, — в тот час, задолго до того, когда царственного мужа осаждали жрецы и вельможи, она предстала перед ним сияющая и еще более счастливая, чем всегда.

— О, как это прекрасно! — воскликнул фараон. — Как ты смогла угадать мое желание, достойнейшая из всех дочерей Египта? Как ты придумала это, моя Анхесенпаамон? Это удивительно красиво!

Но на этот раз фараон не взял в свои руки ее тонкие, прозрачные ладони, такие хрупкие и нежные, что, казалось, они не выдержат пожатия руки. Он подошел к ней, бережно обнял за плечо и сказал совсем не то, что думала услышать Анхесенпаамон:

— Это не только прекрасно, моя любимая, это не только красиво и великолепно, это мудро!

Она была так рада, но не поняла и переспросила:

— Мудро?

— Именно так, моя сияющая, моя божественная Анхесенпаамон. Мудро потому, что таким образом ты увековечила нашу юность, утро нашей жизни. И, когда мы состаримся, нам будет особенно приятно видеть себя такими.

— О мой великий повелитель! — воскликнула она взволнованно. — Разве можно себе представить, что ты, мой прекрасный господин, сын Амона-Ра, и я, твоя любящая Анхесенпаамон, стоим вот так же, в этом священном месте, одряхлевшие, с седыми волосами и морщинистыми лицами?.. Нет, нет, это ужасно! Для чего же мои невольницы изощряются в приготовлении всевозможных умашений и бальзамов? Не для того ли, чтобы сохранить нашу молодость и свежесть? — Она весело рассмеялась, а вслед за ней звонко и весело рассмеялся Тутанхамон.

Они стояли рядом у прекрасного кресла и не слышали, как тихо, словно не дыша, вошел верховный жрец, тучный Эйе: визирь, носитель опахала по правую руку, главный из друзей. Он нередко позволял себе входить без предупреждения, пользуясь особым расположением юного фараона. Тутанхамон верил верховному жрецу. И хотя его нередко коробило при виде всегда хмурого и холодного лица Эйе, фараон старался думать о нем хорошо. Так много знал и умел Эйе, и так многое от него зависело. Став фараоном в двенадцать лет, Тутанхамон никогда ни на что не решался без верховного жреца. Просто невозможно было ссориться с ним, высказывать ему свое недовольство. Старый Эйе мудр и умен, зачем же он огорчает юного фараона?

И на этот раз скрипучий голос Эйе словно погасил радость счастливой четы:

— Старость священна, моя юная госпожа. Счастлив тот, кто доживает до преклонных лет. И вы, дети великого Амона-Ра, проживете долгую жизнь. Но юность не вечна. Можно остаться навеки юным только при одном условии...

Тутанхамон вздрогнул, но сдержался и вежливо спросил:

— При каком условии, мой верховный жрец? Может быть, есть такие целебные травы, которые позволят нам с юной царицей оставаться молодыми и веселыми долгие годы?

— Нет таких целебных трав, великий и божественный Тутанхамон. Только ранняя смерть может навеки сохранить всю прелесть юности. Но стоит ли об этом говорить в такое приятное утро! Вы так молоды и прекрасны, впереди у вас так много счастливых дней! Они будут идти друг за другом бесконечно, неся с собой свет и радость. Но почему вы не улыбаетесь? Когда я вошел сюда, я слышал такой веселый, радостный смех, а теперь я не вижу улыбок. Тебе еще нет и восемнадцати лет, мой великий повелитель, стоит ли печалиться?

Анхесенпаамон почувствовала, как задрожала рука фараона и как она похолодела. Фараон так нежно держал ее руку в своей руке, а тут он словно потерял силы и отпустил ее руку. Лицо его побледнело, в глазах появилась печаль.

— Я сегодня нездоров, — сказал фараон. — Я не расположен к беседам. — Он взял под руку царицу и пошел в открытые двери.

— Не удивляйся, мой друг, мой великий повелитель, — сказала Анхесенпаамон, стараясь незаметно смахнуть слезинку. — Твой верховный жрец всегда так поступает. Мне кажется, что он просто не может видеть радость на лице человека, ему тут же хочется прибавить каплю яда. Он злой человек.

Говоря это, Анхесенпаамон вспомнила случай, происшедший еще в дни раннего детства. Она вспомнила вот такое же чудесное весеннее утро в Ахетатоне, столице фараона Эхнатона, увитую зеленью каменную террасу дворца, свою мать Нефертити, отца Эхнатона и

сестер, которые с нетерпением ждали праздника. На площади перед дворцом было шумно и оживленно. Здесь играли музыканты, бродили фокусники и акробаты. И вдруг великий Эхнатон, ее благороднейший и добрейший отец, вздумал одарить простолюдинов подарками. Он велел принести ящичек с драгоценностями и стал бросать в толпу кольца, ожерелья, серьги и браслеты. Прекрасная Нефертити стала ему помогать и весело смеялась, когда брошенное ею золотое ожерелье поймала совсем юная и прелестная собой жрица. Анхесенпаамон с увлечением смотрела на эту забаву. Ее рассмешила драка между двумя почтенными писцами, которые вцепились в золотой браслет. И вдруг она увидела Эйе, который с мрачным видом подошел к юной жрице. Он что-то сказал ей, та заплакала, потом опустилась перед ним на колени и стала о чем-то просить, а он стоял безмолвный и мрачный с протянутой рукой. Потом из-за широкого пояса маленькой жрицы мелькнуло ожерелье и скрылось где-то в складках одежды старого Эйе. Тогда еще совсем юная Анхесенпаамон подумала: лишь на днях сам Эйе получил в награду от великого Эхнатона тяжелое золотое ожерелье, зачем же ему еще? Это было десять лет назад, но верховный жрец был уже толстым, лысым и злобным. «Может быть, он таким родился?» — подумала сейчас царица и спросила:

— Эйе любит тебя?

— Да, я не сомневаюсь в этом! Он был моим верным другом всегда. Он помогал мне во всем. Он настаивал на том, чтобы я вовремя покинул столицу, воздвигнутую великим Эхнатонем. Поистине твой отец был великим. Он был смелым и решительным. Он был бесстрашным. Я преклоняюсь перед его памятью, и тень его постоянно следует за мной, напоминая мне о его мужестве, мудрости и бесстрашии. Но Эйе знал, что готовится восстание, что жрецы могут поднять войско против меня, и я послушался его мудрого совета — я покинул дорогую мне столицу Ахетатон. Я никогда не говорил тебе о том, как печально мне все это. Как мне хотелось бы продолжить дело, начатое великим Эхнатонем! Но сегодня, когда меня огорчил Эйе, когда он испортил мне радостное утро, я сказал тебе об этом. Ты ведь долго ждала этого утра. Ты с любовью готовила подарок. Мы были веселы. Мы были счастливы. Зачем же он, старый мудрый жрец, напомнил нам о том, что мы смертны? Ах, зачем он это сделал!

— Он напоминает об этом постоянно, — сказала царица. — Он говорил об этом даже тогда, когда ты был болен и целиком зависел от искусства своих лекарей. Да пошлет им великий Птах здоровье и процветание! Их ремесло заслуживает наибольшего уважения.

— И все же он предан мне! — настаивал фараон.

— Позволь мне, мой повелитель, сказать тебе о том, что мучает меня постоянно.

— Говори, моя любимая. Ведь минуты нашего уединения недолги. Сейчас распахнутся двери, и я пойду во дворец приемов. Неснос-

ная толпа вельмож, жрецов и воинов окружит меня. Я устал от их лести и заискиваний. Мне хорошо только с тобой. Но правитель великой страны не может распоряжаться своим временем. Оно принадлежит кому угодно, но только не нам. Как это печально!

— Мой прекрасный господин, ведь ты сказал Эйе, что нездоров. Скажи об этом всем, и мы уйдем в наш тенистый сад, под зеленые ветви сикомор. Там расцвели белые душистые лилии, они так горделивы и нежны. Скажи, мой господин!

— Чудесно ты придумала все это! Сейчас скажу, и мы будем свободны до завтрашнего утра. Мы будем веселы, не правда ли? Как ты думаешь, Эйе не хотел нас огорчить, он просто так сказал это?

— Если хочешь знать правду, мой повелитель, Эйе ничего не делает случайно и необдуманно. Я давно уже не верю ему. Меня страшит его коварство. Я даже намерена отказаться от услуг его жены Ти. Я сказала ей, что хочу испытать верность одной невольницы и потому буду пока пользоваться ее услугами чаще, чем это было принято раньше. Я обещала Ти, что позову ее. Но я ее никогда не позову. Я буду просить тебя — защити свою любимую от дурных глаз.

— Но Эйе может рассердиться! Он всегда гордился тем, что женат на кормилице Нефертити. И вдруг ты отказываешься от услуг Ти. Это обидно для моего верховного жреца.

Слова царицы взволновали фараона. Тутанхамон знал, как самолюбив Эйе.

— Пусть сердится. Я приблизила к себе принцессу из страны Куш, Черный Лотос. Она так красива, так ловка и приятна мне, что я не в силах отказаться от ее услуг, хоть и знаю, что ее не любит старая Ти. Мне все надоели. Я готова выгнать из своих покоев носителей опакхала, косметиков, хранительниц одежды и драгоценностей. Иной раз я сама надеваю свои сандалии, чтобы не видеть неугодных мне людей. Ты не сердись, мой великий господин?

Анхесенпаамон сказала это с такой очаровательной улыбкой, с такой решительностью и отвагой в прекрасных миндалевидных глазах, что невозможно было укорить ее в чем-либо. Фараон улыбнулся и поцеловал ее в смуглую щеку.

Снова настало утро, снова великая госпожа хлопнула в ладоши, и на пороге царских покоев, где журчала вода в прохладном бассейне и благоухали белые лилии, появились слуги. И снова старая толстая Тии пожелала повсюду сопровождать свою юную и прекрасную госпожу, а великая госпожа снова приказала ей удалиться и оставила для услуг Черный Лотос. Старая Тии нисколько не скрывала своего негодования. И зачем только она повстречала ее в этом желтом покрывале? Зачем не купила, чтобы теперь сделать с ней все, что захочется? И как случилось, что она, мудрая Тии, кормилица царской жены Нефертити, не пользуется доверием юной царицы? Разве на ее, Тии, умном лице можно прочесть неприязнь? Почему юная царица так неприветлива и холодна? Все равно она, Тии, добьется своего, она будет главной и единственной наперсницей Анхесенпаамон. Она выгонит ничтожную рабыню из страны Куш. Пусть за нее заступается Анху. Пусть он даже падет к ногам великого фараона, все равно Эйе поможет сделать так, как хочет она, Тии. Не вовремя он сделал кресло и так угодил фараону. Да еще вернул драгоценности. Небывалое! Художник вернул золото и драгоценные камни, которые не пошли в дело. Так никто не поступает. Зачем он это сделал? Может быть, для того, чтобы его заметили? .. Но как случилось, что жена верховного жреца Эйе, благородная и знатная Тии, так много думает о ничтожном художнике Анху, о рабыне из страны Куш? Нет, нет! Тысячу раз нет! Недостойно ей, Тии, думать об этих людях. Она сметет их одним взмахом руки. Она испепелит их одним взглядом горячих черных глаз. Однако как ей неприятна великая госпожа, дочь Эхнатона! В ней есть что-то от отца, который был так самонадеян, что пошел против всего жречества. О, зачем только Эйе помогал ему, зачем взял под свое покровительство юного фараона? В сущности, Тутанхамон ничто без Эйе. А юная царица делает наперекор своей верной Тии!

— Поистине свет перевернулся! — шептала посиневшими губами старая Тии.

Тии покинула дворец своей великой госпожи разгневанная. А Черный Лотос в это утро почувствовала себя почти что принцессой. Великая госпожа, как равной, рассказывала ей, как весело и безопасно провела она вчерашний день.

Пока Черный Лотос умачала великую госпожу благовониями, пока она делала ей замысловатую прическу, госпожа рассказывала:

— Нам было так весело, так радостно в саду фараона! Я не помню, Черный Лотос, когда бы мой великий господин был так беспечен и доволен всем. Вначале мы чудесно позавтракали дичью и свежими фруктами. Затем пили молодое прохладное вино, ели жареный миндаль и ароматные сласти, доставленные вчера из страны хеттов. А потом я приказала своим музыкантам играть мои любимые песни, и юные танцовщицы услаждали нас своими замысловатыми танцами. Весь день мы наслаждались благоуханием цветов, пением

птиц, музыкой и танцами. И весь день моему великому господину было так легко и прекрасно без старого, тучного Эйе. Право же, при виде его мне хочется кричать и топать ногами! Знаешь, Черный Лотос, я хочу отказаться от его услуг. Недостойно мне терпеть, делать вид, будто я почитаю его, считаю мудрым.

— О моя великая госпожа, мне так радостно слышать твои приятные речи и так горестно узнавать о том, что есть рядом с тобой люди, которые тебе неприятны!

— Я бы хотела показать Эйе свою неприязнь. Но как можно? Ведь он всемогущ и всесилен. Он главный советник великого фараона Тутанхамона. Без него ничего не решает ни один полководец, ни один жрец. Посуди сама, можно ли открыто признаться в своем недоверии столь сильному и всезнающему человеку? Он коварен, его надо бояться и почитать, иначе он отомстит так хитро, что никто во всем обширном царстве не поймет его злодейства.

Царица выглядела совсем печальной, когда говорила эти слова.

— Не показывай ему своей неприязни, моя великая госпожа. Я желаю тебе добра!

Черный Лотос уже воздвигла замысловатое воздушное сооружение из длинных мягких, как шелк, волос своей повелительницы. Теперь она опустила к ее ногам и, пользуясь величайшей милостью царицы, поцеловала подошву слегка приподнятой маленькой сандалии.

Фараон Тутанхамон в это утро также с удовольствием вспоминал приятный день, проведенный в обществе своей любимой Анхесенпаамон. То и дело приходили на память ее трогательные заботы и знаки внимания, которыми она всегда умела согреть сердце фараона. Даже носители опахала и многочисленные слуги, окружавшие его с того момента, когда он проснулся и протянул ногу к золоченой сандалии, — все они, надоевшие ему своими бесконечными заботами и чрезмерной услужливостью, не могли помешать любоваться чудесным креслом. Он сел так, чтобы поближе рассмотреть легкий и воздушный стан своей жены.

Все было бы хорошо, если бы не воспоминание о дурном разговоре с Эйе и мысли о том, что такой разговор может повториться.

«Почему Эйе так любит напоминать, что мы смертны? Он не верит в «золотой век», а я верю. Я хочу прожить сто десять лет. Я буду жить долго, долго».

Фараон посмотрел на тяжелые, с золотыми украшениями двери. Сейчас они откроются, и в них появится тучный и лысый Эйе с лицом хмурым и непроницаемым. Глядя на него, никогда не скажешь, что он задумал и что сделает. С тех пор как Тутанхамон стал правителем Египта, он видит рядом со своим тронном всемогущего и мудрого Эйе. Верховный жрец затмил всех мудрых и знающих советников, жрецов и полководцев. Он никогда никому ничего не доверяет, все сам замышляет в тиши своего святилища и сам следит за тем, чтобы задуманное осуществилось. Может быть, так и надо? Вот сейчас он прибудет с целой свитой жрецов, и они будут сопровождать фараона в храм Карнака. Эйе говорил, что закончены восстановительные работы. Сегодня поставят стелу с посвятительной надписью. Эйе потребовал много золота и драгоценных камней для украшений. Много тысяч рабов были отосланы в Карнакский храм, чтобы достойно выполнить все работы. И хоть закружилась голова, когда хранитель сокровищницы Май сообщил о том, сколько потрачено драгоценностей, надо было быть щедрым. Тутанхамон вспоминал, как из дальних каменоломен возили гигантские плиты уже отесанного камня. Была устроена специальная дорога, чтобы волоком тащить эти безмерно тяжелые плиты. Тысячи рабов трудились далеко за пределами Фив, и все сделанное их руками стекалось к стенам Карнакского храма. Когда в подвластной Египту стране Куш задержались какие-то работы, фараон послал туда принца Хека-Нефера. Ему было велено жестоко наказать непокорных и заставить их сделать все задуманное жрецами. Принц достойно послужил делу фараона, но с ним случилась беда: он заболел какой-то загадочной болезнью, и жрецы, посланные Эйе, чтобы спасти его жизнь, оказались бессильными. И вот он угасает с каждым днем. Эйе даже посоветовал позаботиться о достойном захоронении принца в городе Миме.

Все эти мысли очень огорчали фараона и мешали ему радоваться жизни. Нередко он завидовал тем, кто мог предаваться радостям жизни и делать все, что им заблагорассудится. Тутанхамон думал о том, что все богатства страны, которые принадлежат ему, и даже сокровища завоеванных стран, которые также принадлежат ему, в сущности, не доставляют ему никакой радости. Пожалуй, лучше было бы иметь меньше золота, меньше рабов и меньше дворцов, но зато сколько угодно предаваться веселью, проводить дни вместе со своей прелестной Анхесенпаамон, охотиться, путешествовать или просто сидеть в тени сикомор и слушать чтение старинных папирусов. Его старый писец великий мастер читать старинные папирусы. Он делает это так искусно, что кажется, будто ты переносишься в то древнее царство, о котором повествует папирус. Но ему, великому божествен-

ному фараону, нельзя даже наслаждаться чтением. Нужно делать множество неприятных вещей, которые придумывает Эйе. А может быть, умная Анхесенпаамон права? Может быть, старый Эйе вовсе не такой уж благородный, каким его представлял себе великий Эхнатон? Он доверял своему верховному жрецу, считал его другом и помощником во всех делах, а когда величайший из великих ушел в поля Иалу, Эйе тут же стал говорить о нем дурно. Как он внушал, что недостойно поклоняться Атону, недостойно жить в новой столице, воздвигнутой заботами Эхнатона! Ведь это дурно. Почему он так сделал?

Юному фараону было о чем подумать. Теперь столицей Египта снова стали Фивы. Прекрасный город Атона заброшен, а здесь возникли неисчислимые заботы — восстанавливать храмы Амона, воздвигать новые святилища, ублажать жадных и корыстных жрецов, которых стало во много раз больше, чем было когда-либо. Жрецы забрали себе лучшие земли, требуют богатых жертвоприношений богам. И снова, как было много лет назад, когда вступил на престол Эхнатон, рабы мрут как мухи. Фараону Тутанхамону жаловались, что нет им спасения при той скудной пище, которую определили для них надсмотрщики и жрецы. «Рабы — не люди, они обречены с того часа, когда богу было угодно отдать их в рабство, — думал фараон, — но ведь больше пользы от живых рабов! Что толку от того, что их кости истлеют без священных пелен и без гробниц?»

На этот раз фараон с раздражением думал о приходе Эйе. Ему не хотелось видеть верховного жреца, не хотелось с ним разговаривать, а это было неизбежно. Все в его руках! Как давно это началось!.. Прежде, когда страной правил великий и мудрый Эхнатон, Эйе не был так силен. Смелый и бесстрашный фараон восстал против всесильных жрецов. Он заставил людей поверить ему. Никто не смел прекословить. Он не побоялся сказать, что есть лишь один бог — Атон. Он закрыл многие храмы и воздавал жертвы только великому Атону, богу солнца. При Эхнатоне верховный жрец не имел такой силы, а теперь он имеет.

Прежде чем Эйе перешагнет порог священных покоев, хорошо бы увидеть звездочета. Тутанхамон протянул руку к золотому молотку, и тут же, после трех ударов, явился его звездочет. Высокий, костлявый, с длинным посохом, в короткой юбке, звездочет имел лишь один знак своего достоинства — прекрасный скарабей из зеленого драгоценного камня висел на его волосатой груди. Он был так хорош, этот скарабей, что мог бы даже украсить грудь повелителя.

— Что ты скажешь мне? — спросил милостиво фараон, обратив свой взор к распростертому у трона звездочету. — Что ждет меня, что случится?

— Все, что задумано владыкой земли и неба, — все случится. Попутный ветер ведет твои корабли в покоренные страны, и скоро в священные Фивы доставят драгоценное дерево, слитки золота, сере-

бра и даже кусочки редчайшего в мире железа. Тысячи невольников придут в твою страну отовсюду, где твое имя священо. Сегодня небо милостиво, тебе будет удача!

— А свиток? — спросил с нетерпением фараон. — Ты нашел поучение Ахтоя Третьего? Мне нужны его советы сыну Мерикару. Читай советы, я тороплюсь: сейчас появится верховный жрец храма Амона, и будут новые заботы.

— Он велик, этот свиток! Но я прочту тебе кое-что, пока заботы о храме Амона не отвлекли тебя, мой великий господин. В поучении Ахтоя есть такие слова: «Возвеличивай твоих вельмож, и они исполнят твои постановления. Тот, кто обеспечен в своем доме, не пристрастен, ибо он богат и не нуждается, бедняк же не говорит согласно истине. Несправедлив говорящий «я хочу»! Он пристрастен к тому, кого он любит, он склоняется к владельцу его подношений. Могуч царь, имеющий свиту, славен богатый знатными. Говори истину в своем доме, и вельможи в стране будут бояться тебя... Твори истину, и ты пребудешь на земле. Успокой плачущего, не притесняй вдову, не отстраняй человека от имущества его отца, не удаляй вельмож с их мест. Не убивай — это не полезно для тебя, не наказывай ударами и заключением, и тогда эта земля процветет... Не убивай человека, достоинства которого ты знаешь, о котором ты пел писания».

— Все это я знаю с колыбели, — сказал фараон, прерывая звездоочета. — Ты свободен. Я жду верховного жреца.

Тутанхамон был в дурном настроении. Поучение Ахтоя, против его ожидания, не развлекло его. У фараона были сейчас совсем другие мысли. Он хотел сделать наоборот — проявить справедливость в отношении невольников, а вовсе не вельмож, как советовал сыну Ахтой.

Несколько времени назад начальник строительства Карнакского храма сказал ему, что он пообещал свободу очень искусным мастерам-сирийцам, если они хорошо поработают на отделке храма. Это были умелые камнетесы, ловкие и быстрые. У них был отличный инструмент, которым они владели лучше многих других. И вот, когда закончились работы, жрецы отказали невольникам в обещанном. Их погнали на новые работы и пригрозили заточением. Старший из мастеров, весьма искусный в грамоте, сумел передать фараону папирус, в котором рассказал о страшной несправедливости и просил милости божественного правителя.

Вспоминая сейчас эту печальную историю, Тутанхамон захотел выполнить обещанное — отпустить невольников. Он сделал бы это немедленно, но Эйе ведь не согласится. Надо поспорить с верховным жрецом. А это утомительно. Вот придет Эйе, и он скажет ему: «Жрецы не хотят, а я хочу. Делай по-моему!»

На этот раз Эйе прибыл без своей свиты жрецов. Он сказал, что должен сначала поговорить с божественным фараоном о важных делах страны, а потом начнется священнодействие в храме Карнака.

— Я озабочен, мой повелитель, — сказал Эйе, целуя след божественной сандалии. — Я должен рассказать тебе о тревоге. Она не дает мне покоя. Заставляет дни и ночи думать об одном и том же.

— О чем это, Эйе?

— До меня дошли тревожные вести. Они опередили твоего любимого полководца, военачальника. Ты доверяешь ему чрезмерно. Но он не стоит того. Я не доверил бы ему и сотни воинов. Речь идет о Хоремхебе.

— Твое недоверие к моему полководцу непонятно мне, — отвечал Тутанхамон. — Еще юношей он был телохранителем Эхнатона.

— И я служил великому фараону Эхнатону, — отвечал Эйе, не глядя в глаза фараона.

Тутанхамон обратил внимание на скрытое волнение верховного жреца, который умел не выдавать своих чувств и, как всегда, маскировался, стараясь сделать лицо холодным и непроницаемым, словно на нем была маска.

— Я бы отправил Хоремхеба в самый дальний ном, — предложил Эйе, — пусть охраняет твое великое и непобедимое царство. Он должен вернуться с победой, но ты не оказывай ему почестей и не оставляй его в Фивах. Он не заслужил почестей победителя.

— В чем же он провинился? — недоумевал фараон. — Может быть, ты скажешь мне причину твоей тревоги?

— Я предвижу, что длинные руки твоего военачальника протянутся к трону... Я о тебе пекусь, мой божественный Тутанхамон...

— Не может быть, Эйе!.. Я не поверю в такое предательство! Не огорчай меня и не думай так дурно о моем военачальнике. Почему вдруг тебе пришли в голову такие мысли?

Подумав немного, Эйе ответил:

— У меня есть длинные уши, мой великий господин. Они протянулись через пустыню к землям страны Куш и слышали недозволенные речи Хоремхеба. Я сказал, а ты повелевай...

Тутанхамон вдруг вспомнил: утро, прекрасное кресло, радость встречи с любимой и длинные иглы, пронзившие его сердце до самой лопатки. И все это от дурных слов старого жреца. Ему стало обидно за себя, за свою беспомощность, за то, что он никогда не решится избавиться от Эйе, который становится ему все более неприятен, особенно с тех пор, когда во всем призналась его любимая Анхесен-паамон. Нет, нет, тысячу раз нет!..

Тутанхамон сказал:

— Я ничего не слышал. Я ничего не знаю. Хоремхеб мой лучший полководец. Мое желание непоколебимо. Его встретят с почестями. А сегодня мы освятим стелу в Карнакском храме.

Подняв руку, Тутанхамон дал понять, что больше говорить не о чем. Эйе удалился, и тут же вошли носители опахала и вельможи.

Разговор фараона с верховным жрецом Эйе должен был остаться

в тайне. И даже носители опахала не должны были слышать что-либо. Ведь известно, что уши имеют память, и кто знает, не дойдет ли до полководца Хоремхеба какое-либо слово, которое оскорбит его достоинство. Как ни силен Эйе, но войско великого владыки Египта подчиняется Хоремхебу. Нельзя, чтобы полководец заподозрил недоброе.

Носители опахала, выстроившись позади царского трона, взмахами вееров из громадных пестрых перьев создавали легкий приятный ветерок. Фараон вздохнул и покосился на царедворцев, которые распростерлись у трона в ожидании ответов на свои вопросы. Ему не хотелось сейчас говорить с ними, ему хотелось подумать над словами Эйе. В душе копилось раздражение против верховного жреца.

«Почему он вздумал клеветать на достойного Хоремхеба? — спрашивал сам себя Тутанхамон. — И почему он так досаждаёт угрозами? Почему угрожал восстанием жрецов и ремесленников и заставил покинуть Ахетатон?» Ведь Эйе знал, что реформа великого Эхнатона по сердцу ему, Тутанхамону. Почему он восстал против нее? Может быть, для того, чтобы иметь в своем распоряжении много жрецов? Ведь Эхнатон изгнал многих недостойных служителей храмов. Да и храмов при нем стало намного меньше. Эхнатон был мудрым. Он оградил свою власть от влияния неугодных ему жрецов и царедворцев. Но он был мудрым правителем. Он уверенно шел к своей цели, и дела его не зависели от знаний верховного жреца. Шесть лет Эйе дает ему свои мудрые советы. Но никогда прежде он не был так назойлив и самонадеян. Он всегда старался показать, что уважает и почитает мнение юного правителя. Вот чем он завоевал доверие фараона. Но теперь этого не будет. Правитель великой страны должен сам решать дела своего царства. Он не должен прислушиваться к мнению кого-либо, даже верховного жреца. Хорошо было бы низвергнуть старого Эйе и найти более достойного. Но сразу этого не сделаешь. Надо набраться терпения, подождать. А пока сделать так, чтобы ни один царедворец не смог заподозрить его неуверенности в чем-либо. Побольше уверенности, Тутанхамон... И разве тебе не говорила об этом твоя любимая Анхесенпаамон? Вот кто мог бы стать лучшим советчиком в самых сложных делах. Как она решительна, как умна и бесстрашна! А ведь нежна и хрупка, словно только что расцветшая лилия. Истинная дочь Эхнатона. Пусть великий Тот, бог Луны и мудрости, и впредь покровительствует ей. Хорошо бы отправиться с процессией к храму Тота. Но сейчас, после того как он поговорит со своими царедворцами, ему предстоит посещение Карнакского храма. Это необходимо, чтобы показать свое уважение и преданность великому Амону. Ему, фараону, следовало бы пойти в этой процессии пешком, со всей свитой, с жрецами, певцами и царедворцами. Но почему-то совсем нет сил совершить это путешествие пешком. Надо будет приказать подать золоченую колесницу. И пусть рядом с ним будет его любимая, его

мудрая подруга. Когда он нездоров, ему особенно хочется видеть ее, коснуться ее тонкой, прозрачной одежды, благоухающей ароматами из страны Пунт. Кстати, ему так хотелось побывать в этой удивительной стране, откуда доставляют на кораблях столько приятных и полезных вещей. Пора бы уже собраться в это путешествие. Он отправится туда. Только пусть пройдет это недомогание, это скверное ощущение бессилия.

Торжественная процессия двигалась вдоль красивейшей улицы священных Фив. Впереди на золоченой колеснице — царственная чета, позади — вельможи и сановники, жрецы и целое стадо жертвенных животных, помытых, почищенных и украшенных цветами. Медленно движется процессия мимо многочисленных храмов Карнака, мимо каменных сфинксов, обелисков и гигантских статуй богов. Все здесь удивительно величаво, пышно и сказочно богато. Многие поколения фараонов потратили несметные сокровища для украшения Карнакского храма.

— Рядом с этими колоннами человек кажется крошечным, — шепчет фараону Анхесенпаамон.

— Поистине, — отвечает фараон. — Посмотри, какими тростинками выглядят высокие пальмы, посаженные рядом с могучими колоннами. Все сделано в угоду великому Амону. Жрец, ведающий строительными работами храма, говорил мне, что есть запись в священной книге храма. Первый его строитель велел взобраться на верхнюю часть одной гигантской колонны нескольким десяткам рабов. И представь себе, их поместилась целая сотня. Но это было тогда, когда работы еще не были завершены. С тех пор было построено еще много колонн, было сделано много богатых приношений. А сколько собрано статуй! Их некуда ставить. Эйе велел спрятать в тайник несколько тысяч бронзовых статуй. Я дал много золота, серебра, лазурита, малахита, оникса, слоновой кости. Сюда согнали тысячи лучших ваятелей, литейщиков, резчиков по камню. Лучшие, искуснейшие мастера священных Фив оказались во власти Эйе.

— Вот почему мне было трудно найти искусного мастера, — рассмеелась Анхесенпаамон. — Ведь я делала подарок тайно. Старая Тии сказала, что пока строится Карнакский храм, невозможно

найти мастера, достойного предстать передо мной. Я обошлась без ее совета.

— Ты говоришь о мастере, сделавшем золотое кресло? — вспомнил Тутанхамон. — Он очень искусен. Я удивляюсь тому, что Эйе не забрал его сюда. Но сейчас здесь уже все сделано. А мне этот мастер нужен, чтобы сделать сундуки для одежды, оружия и драгоценностей. Как ты думаешь, настанет день, когда корабль, влекомый попутным ветром, доставит нас в страну Пунт? Мне давно хочется увидеть эту богатую страну. Многие поколения фараонов черпали ее богатства для своих дворцов.

— И мы наполним наши сундуки драгоценными камнями, золотом и слоновой костью, — обрадовалась царица.

Наконец-то процессия приблизилась к храму, и царственная чета покинула колесницу, чтобы возглавить шествие в святилище. Они долго шли по громадным роскошным залам храма, где гулко отдавались шаги. Шли молча, почтительно кланяясь бесчисленным изображениям великого бога Амона. Наконец-то они подошли к стеле, на которой была высечена надпись:

«Я нашел храм в развалинах: стены святилища были разрушены, дворы его заросли травой. Я вновь воздвиг святилище и восстановил храмы и пожертвовал им всевозможные превосходнейшие вещи. Я отлил изваяние богов из золота и электрона, украсив их лазуритом и всевозможными драгоценными камнями».

На этой стеле значилось имя Тутанхамона.

— Все так, — сказал шепотом Тутанхамон своей божественной спутнице.

А в это время позади них оказался Эйе:

— Ты доволен, повелитель? Не правда ли, отличная надпись? Она увековечила твое прекрасное приношение великому Амону.

— Очень доволен!

Эйе приступил к священнодействию, а стоявшие позади него молоденькие жрицы в венках из цветов стали петь гимны великому богу, покровителю всех земель и всех людей Египта:

... Ты — единый творец, равного нет божества!
Землю ты создал по нраву себе.
В единстве своем нераздельном ты сотворил
Всех людей,
Всех зверей,
Всех домашних животных.
Все, что ступает ногами по тверди земной,
Все, что на крыльях парит в поднебесье,
В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте...¹

---

¹ «Гимн Солнцу». Перевод с египетского В. Потаповой.

Когда кончилось священнодействие и великому богу Амону-Ра были принесены щедрые жертвы, Анхесенпаамон пожелала поклониться жене бога Амона, богине Мут, храм которой был недалеко. Царственная чета отправилась к небольшому изящному храму Мут, где стояло пятьсот статуй великой богини. У каждой статуи царица клала свое приношение. То драгоценное колечко, то венок из цветов, то серебряную чашу, то фаянсовый сосуд с вином. Целая шеренга невольниц следовала за царственной четой, и у каждой на голове была поклажа для щедрого жертвоприношения. Тии внимательно следила за всем священнодействием. Кроме нее, никто не знал, куда деваются щедрые дары, сложенные у подножия многочисленных священных статуй.

Под каменными сводами храма, среди колоннад, была приятная прохлада. Ее усиливали еще и носители опахала, неустанно освежая воздух вокруг великого фараона, его жены и вельмож, следующих за ними. Однако царица снова заметила бледность лица великого фараона. Она тихонько коснулась его руки и почувствовала, что рука холодная и влажная. К тому же она дрожала. Тутанхамон страдал от сильнейшего озноба, но старался не выдавать своего недомогания. Тогда Анхесенпаамон сделала вид, что ей худо, и потребовала подать золоченую колесницу к самому храму богини Мут. Она сказала, что не желает, чтобы вся процессия следовала за ними, что царская колесница должна помчаться ко дворцу возможно быстрее, без задержки.

Прежде чем верховный жрец Эйе узнал о случившемся, колесница уже была у стен храма.

Анхесенпаамон, взяв за руку своего повелителя, довела его до колесницы, а сама все приговаривала, что ей душно и сердце чрезмерно бьется.

Когда они прибыли во дворец, великая госпожа тотчас же приказала вызвать жрецов, врачей и своего старого лекаря, которому она больше всего доверяла. Она знала его с тех пор, когда еще совсем крошечной девочкой заболела и старая черная рабыня впервые прочла над ней заклинание, которое запомнилось ей на всю жизнь. В те дни, когда ее великий господин бывал нездоров, она непременно читала это заклинание и верила в его чудодейственную силу. Сейчас, пока еще никого не было, царица стала у изголовья фараона и зашептала:

— Изыди, приходящая из мрака, входящая крадучись, нос которой позади нее, лицо которой обращено назад... Не пришла ли ты поцеловать этого ребенка? Я не дам, чтобы ты поцеловала его! Не пришла ли ты заставить его замолчать? Я не дам, чтобы ты заставила его замолчать! Не пришла ли ты навредить ему! Не пришла ли ты отобрать его? Я не дам, чтобы ты отобрала его от меня.

Но вот пришел старый врачеватель. В руках у него была скорлу-

па от яйца страуса, и в ней питье из диких трав. Читая заклинания так быстро, что никто ничего не мог понять, врачеватель напоил больного, сам укрыл шкурами леопарда, в ноги положил священную кошку, которую очень любил Тутанхамон, а в руки дал круглый фаянсовый сосуд с горячей водой. К тому времени, когда покои великого господина наполнились жрецами и лекарями, больному уже стало лучше. Кошка своим теплом согрела ему ноги, сосуд с горячей водой согрел руки, питье успокоило сердце, и вскоре царица увидела, что глаза его повеселели. Фараону захотелось прохладного виноградного сока, который тут же доставили из царских погребов.

— Удалитесь! — сказала царица собравшимся.

Она давно уже заметила, что фараона раздражает чрезмерная суэта. А когда у ложа повелителя собралось десять жрецов и семь врачевателей и когда каждый стал шептать свои заклинания, в глазах фараона появилось выражение недовольства.

— Ты так прекрасно знаешь, что нужно твоему господину! — сказал фараон, когда остался наедине с царицей. — Твой врачеватель сумел удивительно быстро распознать мой недуг. Право же, он лучше всех лекарей, которым покровительствует Эйе. Как ты благо-разумна, моя любимая, что так быстро вызвала колесницу! Мы вовремя покинули храм, и вот мне уже совсем хорошо. Твой старый врачеватель отлично знает свое дело. Но еще больше я верю в твое заклинание. Самые лучшие заклинания — это те, что предназначены для спасения детей. А я слышал это заклинание, когда был еще совсем маленьким.

— Мой великий господин, — говорила царица, — мы вознесли столь щедрые жертвы Амону, ты будешь здоровым и веселым. Не печалься, печаль в твоих глазах разрывает мое сердце.

— Я не хочу тебя огорчать, моя любимая, но я должен признаться, что тревога забралась мне в душу и не дает мне покоя. Меня очень огорчил мой верховный жрец. Боюсь, что твои слова о нем столь же умны, сколь и правдивы.

— Что же он сделал, старый хитрый Эйе? Скажи мне, и пусть тревога покинет тебя, и пусть радость озарит тебя.

Фараон не хотел огорчать свою любимую. Но он был нездоров, а главное — он был одинок. И ему захотелось поделиться с ней своими сомнениями. Ему хотелось узнать мнение Анхесенпаамон о Хоремхебе. Ведь она знала его еще в ранней юности, когда он, молодой полководец, уже прославился при дворе великого Эхнатона. Тутанхамон рассказал царице обо всех подозрениях верховного жреца, о его желании низвергнуть достойного полководца и даже сослать его на Синайские рудники, где рабы добывали медь, прикованные к скалам. Они были обречены на верную смерть. Фараон подробно рассказал царице о достоинствах своего полководца, о том, как разумно и умело он защищал границы великого царства и как сумел с небольшим

войском отогнать кочевников, которые совсем недавно сунулись во владения фараона.

Слушая фараона, великая госпожа не переставала думать о словах Черного Лотоса. «Жизнь научила ее предвидеть будущее, не обольщаться, не верить в пустые слова», — думала царица. А невольница сказала, что Эйе хитер и зол и что хитрость его трудно разгадать. Значит, нельзя открыто прекословить ему, пойти против него, объявить себя противником. Но и подчиниться воле Эйе недопустимо.

— Мы уже не дети, — сказала вдруг Анхесенпаамон и посмотрела в глаза фараона строгими и умными глазами. — Мы должны с достоинством держать в руках священный жезл великих фараонов...

Тутанхамон оживился, взял руку царицы и сказал:

— У тебя мудрость твоего отца Эхнатона и смелость превеликая.

— Но мы не должны забывать о коварстве и хитрости Эйе, — прошептала царица, пугливо озираясь: она знала, что Эйе имеет обыкновение приходить тихо и незаметно, чтобы вдруг услышать что-нибудь любопытное или увидеть что-либо запретное. — Верховный жрец знает все, решительно все, — продолжала свою мысль великая госпожа. — Мы не станем ему прекословить, не будем оказывать почести полководцу Хоремхебу, но и не станем отсылать его на Синайские рудники. Скажи Эйе, что ты благодарен ему за мудрые советы, но, прежде чем осудить человека столь влиятельного и значительного, ты желаешь проверить, сколь он предан великому правителю и в чем он провинился.

— Наши мысли встретились на тропинке, ведущей к справедливости, — сказал фараон. — Я рад, что посвятил тебя в эту тайну. Больше никто не знает и не должен узнать об этом. Перед всеми людьми Верхнего и Нижнего Египта Эйе остается верховным жрецом, мудрым советником. Сейчас мы простим ему его странности, а потом подумаем.

Когда Анхесенпаамон собралась покинуть покои фараона, Тутанхамон вдруг воскликнул:

— Любимая, мне стало так хорошо, так прекрасно, что в голову пришли разумные мысли, и я придумал нечто...

— Что же ты придумал, мой божественный господин? Я так счастлива узнать, что тебе хорошо, что мой старый искусный лекарь помог тебе! И еще у меня очень легко на сердце оттого, что наш верховный жрец, занятый священной церемонией, не покинул храм и не пришел к тебе. Без него у меня на сердце покой и радость. Но что придумал мой великий господин?

— Я вдруг понял, что Эйе плетет какой-то заговор и хочет кому-то причинить зло. Но моя вера в Хоремхеба непоколебима, и вот я решил: я пошлю гонца к Хоремхебу и прикажу ему не являться

в Фивы до тех пор, пока я не позову его. Я дам ему понять, что мое приказание принесет ему великий дар.

— Какой дар, мой прекрасный господин?

— Самый великий дар, величайший на земле, — жизнь. Хоремхеб достаточно умен, чтобы понять это. А гонца я пошлю тайно от старого Эйе. И на душе у меня водворится покой.

— Это очень разумно, мой повелитель! Ничего лучше не придумаешь. На этот раз Эйе не удастся сделать по-своему. Но и далее будет так же.

— Я жду тебя, мой господин, мой прекраснейший Анху, — говорила молодая женщина своему мужу, раскладывая на маленьком низком столике все лакомства, которые любил ее повелитель. — Посмотри, какие свежие, румяные лепешки с медом. А как хороши эти печеные рыбы с кислым виноградом. И еще здесь есть одно лакомство, о котором ты не знаешь, а сделано оно точно так же, как его делают во дворце великой госпожи.

— Что же это за лакомство? И почему ты устроила это пиршество? Разве сегодня день поклонения Амону?

— Ты так занят своей работой, так озабочен, что даже позабыл о моем обещании. А я обещала тебе пиршество в честь драгоценного ожерелья божественной госпожи. Благодаря твоему бесподобному мастерству мы владеем настоящим кладом. Посмотри, какое тяжелое ожерелье. Щедрость моей госпожи беспримерна. Когда я слышу о жадных и скаредных жрецах Карнакского храма, я еще больше ценю свою великую божественную госпожу. Могла ли я думать, что в неволе мне будет дано такое счастье!

— В чем счастье? — спросил, улыбаясь, Анху.

— Во всем, мой повелитель. Ведь я была рабыней и числюсь рабыней, а живу лучше знатной и прислуживаю самой прекрасной женщине на свете. Да и принцесса свободная, неплененная, не отказалась бы служить при дворе царицы. Но главное — ты, Анху!

Черный Лотос грациозным движением поклонилась Анху, сидящему за работой, а затем жестом показала ему на соблазнительные яства. И Анху не стерпел, отбросил инструмент и одним прыжком очутился под навесом, искусно сделанным из листьев пальмы. Он сел

на циновке у столика с едой, а рядом, поджавши ножки, уселась его жена в желтом покрывале с золотыми запястьями на руках. Но, прежде чем приняться за еду, Анху снова взял в руки золотое ожерелье, подбросил его, чтобы еще лучше почувствовать тяжесть сверкающего металла, и, снова полюбовавшись, сказал:

— Поверь мне, Черный Лотос, ни в храме, ни во дворце я бы не получил такой награды. Это дань великой госпожи твоему благородству, твоему уму и твоей заботливости. Оно принадлежит тебе, и как мне прискорбно, что ты не можешь его носить! Но если нельзя им украсить твою прелестную смуглую шею, я хотел бы за это ожерелье купить тебе молодую ловкую рабыню, она бы отлично вела хозяйство в нашем доме. Но...

— Нет, нет! Рабыня нам не нужна. Ты уже раз купил рабыню. Мой прекрасный Анху, разве твоя рабыня плохо служит тебе? Право же, я так стараюсь тебе угодить! Что бы я ни делала, я постоянно думаю о тебе...

— А я о тебе! — воскликнул Анху и, закинув голову, стал пить молодое вино из круглого глиняного кувшина.

— Я всегда помню, мой Анху, что ты покинул свой родной Мемфис из-за меня. Что ты отказался от беспечной жизни богатого человека из-за меня. И как это случилось, что ты вдруг увидел меня в этой страшной пустыне, и как тебе пришлось в голову купить себе рабыню?

— Черный Лотос, в тебе такая причудливая смесь благородства, лукавства, смысленности и горделивости! Ты только сейчас дала мне понять, что сегодня исполнился год с того дня, когда я встретил тебя в пустыне. И так как этот день у нас с тобой священный, то ты и позаботилась об угощении. А говоришь об ожерелье, будто это самое главное. Что значит золото рядом с тобой?

— Ожерелье пригодится нам, Анху. Мы сохраним его. Кто знает, что ждет нас впереди. А вдруг твой отец разыщет тебя и надо будет бежать из Фив? Жрец, прислуживающий самому священному быку Апису, все может.

— Как он найдет меня, когда у меня совсем другое имя? Прошел целый год, и он давно привык к мысли, что меня увели кочевники. Он понял, что искать меня так же бесполезно, как бесполезно искать крошечный драгоценный камень на песчаной тропе в пустыне. Он хотел сделать из меня жреца храма Птаха, а я давно уже понял, что создан для другого. Я люблю свое занятие и считаю его столь же священным, сколь священны занятия жрецов. Да и кто бы увековечил лик великого божества, если бы не искусные руки скульптора и художника?

— Но когда ты покинул Мемфис с поручением отца, ты ведь не собирался поселиться в Фивах?

— Ведь я не знал, что встречу свою принцессу, предназначенную

мне богами. А когда я встретил свою принцессу, когда увидел печальные глаза Черного Лотоса, я решил, что на то воля богов, и отдал перепившимся воинам все свое достояние — за тебя, мой Черный Лотос. И право же, я не жалею. Я счастлив всем, что имею. Я молю великого Птаха, чтобы он простил меня и не причинил мне огорчений. Мне было бы спокойней, если бы ты сидела в этом бедном доме, а не прислуживала великой госпоже. Но раз уж так случилось, не будем печалиться.

— Старая Тии, приглашая меня во дворец царицы в качестве прислужницы, никогда не думала, что я буду пользоваться покровительством. Великая госпожа оказывает мне предпочтение, и это очень сердит Тии — у нее надменный и злобный нрав. Она привыкла быть самой главной.

— Ты забываешь, что Тии — жена верховного жреца Эйе. Она привыкла к власти над всеми, кто ниже ее. К тому же она недовольна тем, что я не продал ей свою невольницу. Я сказал, что все мы служим великой госпоже. Разве это не верно?

— Мой прекрасный Анху, я постоянно в тревоге. И я решилась во всем признаться великой госпоже. Я сказала ей, что в твоём доме мы равны, что я не рабыня, а жена тебе. У нее доброе сердце, и она не пожелает нас разлучить.

Анху молчал. Он вдруг мысленно окинул прошедший год и увидел, как трудно было притворяться. Он вдруг понял, как тревожно было на сердце у Черного Лотоса, когда она переступала порог царских покоев. Как много зависело от прихоти старой Тии. Хорошо, что великая госпожа добра и благородна. Она ни разу не обидела, не оскорбила молодую женщину. А ведь могла. У нее бесчисленное множество прекрасных дев из всех покоренных стран. «Великая госпожа помогает мне сохранить мое сокровище — мой Черный Лотос, — думал сейчас Анху. — Хорошо, что сделаны скульптуры богов и росписи стен у знатных. Теперь меня знают и ценят. Как мне пригодилось мастерство, приобретенное у благородного Тутмеса! Где сейчас старый художник? Как он любил свое занятие. И какое счастье мне выпало учиться у него! Впереди много хорошей работы и много счастливых дней с Черным Лотосом. Только бы не было причин для разлуки!» Нет, нет, он никогда не жалел о том, что оставил Мемфис и не стал жрецом храма Птаха. Бог Птах его простит, а отца он когда-нибудь увидит. Потом, когда настанет благоприятный день.

— Чем-то ты недоволен, мой господин? — спросила Черный Лотос. — Ты невесел. Почему? Ты вспоминаешь свой дом в Мемфисе? Ты был богат и беззаботен, а теперь ты трудишься день и ночь. Ты устал, мой благородный Анху. И зачем только ты встретил меня в этой знойной пустыне! Иной раз мне кажется, что я повинна в твоих бедствиях.

— О мой Черный Лотос! О каких бедствиях ты говоришь? Вся

моя жизнь в Фивах — одна радость. Никогда прежде, в моем богатом доме в Мемфисе, я не знал таких радостей. Только в домике старого Тутмеса. В Мемфисе я украдкой занимался любимым делом. Я высекал статуи из камня, и, когда приносил свои изваяния в храм, я говорил, что это делал невольник из страны Куш. Я хотел изображать людей и животных во всей их необычайной красоте и гармонии, а мне приходилось собирать жертвоприношения Апису и уносить в дом отца богатые дары. Я охотно отправился по поручению отца за покупкой жертвенных животных, но боги были добры ко мне и привели меня в знойную пустыню в тот час, когда ваш караван с невольниками сделал там привал. Я вижу тебя, мой прекрасный Черный Лотос, моя принцесса, достойная лучшего в жизни, и я занимаюсь делом, которое дорого мне, как дыхание и разлив великого Хапи, дающего жизнь нашей земле. О чем же мне печалиться, моя принцесса?

— Но кто я, ничтожная рабыня? Разве к этому ты стремился, мой прекрасный Анху? Как грустно и прискорбно мне, что я больше ничем не владею, что нет у меня тех дивных садов, того дворца и той удивительной крепости, которой владел мой отец, правитель целой области! Все, что было мне подвластно, я бы отдала тебе, мой прекрасный Анху. Но у меня нет ничего, кроме моей любви.

— А твои удивительные глаза, говорящие лучше самого красноречивого языка? А вся ты, стройная и прекрасная, достойная быть для меня моделью великой Хатор, — разве этого мало? Никогда не думай о своем дворце, о своих садах и рабынях. Забудь все прошлое и думай только о настоящем. Впереди много хорошего. Сегодня утром меня разыскал хранитель царской одежды и заказал мне несколько драгоценных сундуков. Фараон собирается в страну Пунт, и ему нужны сундуки для хранения одежды и драгоценностей. Вот уж где я дам волю своей фантазии! Вдоволь потрачу золота, перламутра, эбенового дерева и слоновой кости. После того как мои помощники так хорошо выполнили мой замысел, после того как получилось такое красивое кресло, я не боюсь никакой работы. У меня хорошие помощники, они сделают все как следует. Важно только, чтобы мой папирус с рисунком был хорош. Да еще нужны драгоценности для украшений.

— А у тебя останутся обрезки для скарабея? — спросила Черный Лотос. — Мне хотелось бы постоянно носить с собой скарабея, сделанного твоими руками. Ведь я не могу носить с собой вот эту тяжелую статую, которую ты сделал для меня.

Черный Лотос вошла под низкие своды небольшой комнаты, где стояла на табурете черная статуя. В ней без труда можно было узнать молодую невольницу.

Однако Анху сказал жене, что это изображение богини любви и радости Хатор и по воле самой богини Черный Лотос похожа на нее.

Черный Лотос помолилась богине и пропела:

О, как благостно и приятно, когда расцветает Золотая...
Когда лучится она и расцветает!
Пред тобой ликуют небо и звезды,
Тебе воздают хвалу солнце и луна,
Тебя славят боги,
Тебе воздают хвалу богини.
О, как благостно и приятно, когда расцветает Золотая...¹

Черный Лотос сложила к ногам богини свежие фрукты. Богиня была снисходительной и милостиво приняла скромный дар женщины.

Гонец, посланный фараоном навстречу полководцу Хoremхебу, встретил войско в двенадцати часах ходьбы от столицы Египта Фив. Он вручил послание Хoremхебу, и, когда полководец прочел его, гонец спросил, будет ли ответ. Хoremхеб, подумав немного, сказал, что тотчас же напишет ответ. Он удалился в свой шатер и продиктовал писцу послание фараону:

«Его величеству царю Верхнего и Нижнего Египта, которому дана жизнь вечно в качестве царя превосходного, Тутанхамону, возлюбленному сыну Амона-Ра, озаренному жизнью на веки вечные.

И вот получил я прекрасное послание его величества — да будет он жив, невредим и здоров! — и понял я о великом даре. Нет нужды повторять слова, говорящие о моей преданности его величеству и готовности защищать владения царя обеих земель. Нет слов, которые смогли бы передать мои истинные и возвышенные мысли, рожденные в тот миг, когда я прочел строки его величества, возлюбленного Ра. Меня озарил свет истины, и многое я понял в этот миг. И вспомнил я свои жертвоприношения в храме Карнака и странное благословение верховного жреца Эйе. А великий жрец говорил мне, что должен я быть на страже и должен я помнить, что есть многие достойные воины, готовые занять мое место в случае неудачи моего похода. И еще говорил Эйе о том, что его величество, да будет он здоров и невредим, недоволен мною. И чтобы я угождал ему, Эйе, и он вознесет

---

¹ «К богине Хатор». Перевод с египетского А. Ахматовой.

молитвы, а угождать я должен такими бесценными дарами Карнакскому храму, каких прежде не знали жрецы. И назвал он тогда немислимое количество золота, лазурита, оникса и драгоценных камней. Чтобы добыть все это, мне следовало ограбить все соседние страны и пойти войной на правителей, живущих далеко за пределами нашей досягаемости. И так все это было немислимо, что я не счел возможным огорчать его величество, справедливейшего повелителя. Я повел войско по пути, указанному его величеством, и постарался вычеркнуть из памяти столь необычное благословение. А теперь, прочитав между строк недосказанное, я говорю то, что знаю. А сам увожу свое войско обратно и жду гонцов его величества с новым посланием. И готов я служить верой и правдой до последнего часа...

...И еще я выполню свой долг перед его величеством, возлюбленным сыном Амона-Ра. Я посылаю папирус, найденный моим верным телохранителем в тот час, когда он выследил неизвестного ему человека и кинулся вдогонку. По всему видно, что папирус с донесением верховному жрецу. Но почему понадобилось донесение Эйе? Разве в моем шатре решаются дела жрецов и храмов? Пусть его величество судит сам. И пусть будут здоровы жены, вельможи, слуги и кони его величества. И пусть великий и божественный Амон-Ра покровительствует повсюду и всегда его величеству».

Гонец увез послание Хоремхеба, а войско прославленного полководца вернулось к стенам крепости на границе страны Куш, как повелел великий фараон.

Фараон уже поправлялся, когда гонец доставил ему послание Хоремхеба, но он был так слаб и немощен, что отказался сидеть на троне и присутствовать при церемонии приема иноземных послов. Он позвал Анхесенпаамон и показал ей послание полководца.

— О чем оно говорит? — спросил фараон. — Мне кажется, что твое недоверие к верховному жрецу Эйе справедливо. Мой жрец ведет себя странно и непонятно. Зачем он ругал Хоремхеба, говорил обо мне, ведь я не поручал ему этого? Как мне его понять?

— В твоём дворце, в твоём священном храме сидит хищный и злобный шакал. Ему надо пожить, и он требует несметных со-

кровищ. Он требует для храма, но разве боги так ненасытны? О, я не дождусь того дня, когда место верховного жреца займет человек благородный и мудрый, достойный прикоснуться к священным статуям!

Фараон долго не отвечал, он казался растерянным. Но, подумав немного, сказал:

— Эйе делает странные вещи, но он любит меня. Я помню, как он заботился о моем здоровье, как лечил меня от тяжкого недуга. И когда я думаю о его советах, то понимаю, что все они были разумны. Ведь жрецы и ремесленники могли подняться против меня, и тогда повторилось бы все, что мы знаем из священного свитка. Я очень благодарен Эйе за то, что он напомнил мне об этом свитке. Когда мой писец прочел мне его, предо мной воскресла страшная картина опустошения. Я понял, что может погибнуть все царство, и я согласился тогда покинуть Ахетатон.

— Я любила Ахетатон, — сказала в задумчивости царица. — Может быть, потому, что я не знаю этого свитка, мне было печально и прискорбно покинуть дворец моего великого отца Эхнатона. Я помню, мой великий господин, пышные дворцы справедливейшего Эхнатона. Они были так богаты и так красивы...

— Там и жила моя божественная Анхесенпаамон, — прервал ее фараон. — Но твой фиванский дворец ни капельки не уступает дворцам Эхнатона.

— О нет, мой благородный господин, ты сам знаешь, что город, созданный великим Эхнатоном, был удивительным. А может быть, мне все это кажется: ведь там прошли дни беспечного и счастливого детства. Я никогда не забуду последнего посещения храма, последнего при моем великом отце. Как он был прекрасен на своей золоченой колеснице, когда горячие жеребцы, украшенные султанами из страусовых перьев, неслись по улицам Ахетатона! Он любил, чтобы его сопровождали отважные воины с копьями, щитами и топорами. Эта пестрая и шумная толпа бородатых, длинноволосых воинов, этих черных атлетов, кажущихся выточенными из крепкого черного дерева, внушали людям страх и уважение. Люди выбегали на дорогу и лежали распростершись ниц перед живым богом. А мы следовали за ним на своих колесницах. Прекрасная Нефертити отдельно, и мы, дочери Эхнатона, отдельно... И так хороши были юные жрицы, распростертые у врат храма Атона!..

— Я слушаю тебя, моя любимая, — улыбнулся фараон, — и мне кажется, что я вижу нашу процессию. Все точно так же, как было при твоем великом отце, живом боге. Разница в том, что мы прибыли в храм Амона-Ра. Да еще прискорбно мое нездоровье. Но сколько раз все было прекрасно и восхитительно! Правда, с нами нет рядом наших детей, наследников великого престола, но они будут, мы молоды, и все у нас впереди. Если хочешь, я оставляю тебя здесь, когда

звездочет станет предсказывать мне будущее. Но прежде писец прочтет нам свиток о прошлом великих фараонов.

Фараон ударил золотым молоточком. У ног его распростерлись телохранители, писцы, носители опахала. С протянутыми руками они молча спрашивали, что угодно великому божественному господину. И Тутанхамон велел своему старому писцу принести свиток, который хранился в золоченом сундуке как драгоценная память о давно забытых предках.

— Сейчас ты все поймешь, моя любимая, вот он уже здесь, мой писец и столь же искусный чтец старинных свитков. Читай вторую часть, — приказал фараон.

— «Смотрите: огонь поднялся высоко; пламя его исходит от врагов страны. Смотрите: свершились дела, которые никогда не могли бы свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Смотрите: погребенный соколом, он лежит на носилках. То, что скрывала пирамида, то стоит теперь пустым. Смотрите: было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми, не знающими закона. Смотрите: приступили люди к мятежу против урея Ра, умиротворяющего обе земли. Смотрите: столица, она разрушена в один час... тайны царей Верхнего и Нижнего Египта стали всем известны. Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь войну. Нет возможности сопротивляться. Страна, она связана шайками грабителей. Что касается сильного человека, то подлый берет его имущество...»

— Дальше, дальше! — торопил в волнении Тутанхамон, видя, как загорелись гневом глаза царицы. — Пропусти несколько строк и читай главное!

— «...Смотрите: придворные изгнаны из домов царя. Смотрите: благородные женщины находятся на шеду — баржах. Вельможи пребывают в закромах. Тот, который не спал даже рядом со стеной, он стал теперь собственником ложа. Смотрите: владелец богатства проводит ночь, страдая от жажды. Смотрите: владельцы роскошных одеяний — в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя, — владелец тонкого полотна... Смотрите: благородные женщины великого рода, собственницы драгоценностей, отдают своих детей в качестве наложниц...»

— Остановись! — воскликнула Анхесенпаамон, закрыв лицо руками. — Я все поняла, мой повелитель! В этом деле Эйе был прав. Если бы случилось такое, я бы утонула в водах великого Хапи. Столько позора и несчастьев обрушилось на правителей великой страны! Если возможно такое кощунство, то я буду благословлять тот час, когда мы покинули мой любимый Ахетатон. Но теперь я буду хранить в памяти счастливые дни моего детства, когда не было ни забот, ни печали.

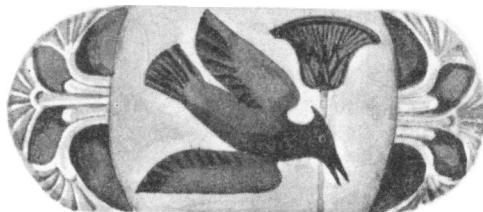
— Я никому не позволю печалить тебя, моя любимая! — вос-

кликнул Тутанхамон. — Я буду украшать все дни твоей жизни еще лучше и щедрей, чем делал это для своей любимой Нефертити великий Эхнатон. Все будет прекрасно. Пусть только покинет меня этот недуг. Он тяготит меня и не дает с полным правом взяться за руль правления. О, я много всего сделаю и покажу свою мощь! Рожденный ползать — да не подымется и не увидит неба, а сильный и знатный будет повелевать.

Фараон оживился, поднялся со своего ложа, снова ударил золотым молотком, и, когда покои его наполнились ожидающими за дверью слугами, он велел немедленно вызывать к нему верховного жреца Эйе. Царица в изумлении смотрела на своего повелителя, который так неожиданно преобразился, словно обрел волшебную силу. Она посмотрела в глаза фараона своими умными и очень красивыми миндалевидными глазами и сказала:

— Мой господин, я никогда больше не буду осуждать старого Эйе. Я вижу, что в нем больше достоинств, чем недостатков. Он спас наше царство в самый трудный час. И мы простим ему его любовь к сокровищам. Ведь он требует их для своего великого храма.

Царица покинула покои фараона, а в это время в другие двери вошел Эйе. Великий правитель Египта встретил его приветливой улыбкой.

Впервые с тех пор, как царица лишилась своих сестер, она подумала о своем одиночестве. Сегодня ей особенно не доставало любимой сестры, чтобы рассказать ей о своих думах и тревогах. Анхесенпаамон по природе была очень правдивой и искренней. Ей было чуждо притворство и лицемерие. Пока она считала Эйе злобным и скверным, она во всем видела только дурное и в каждом его поступке усматривала коварный замысел. Но сейчас, после чтения странного свитка, когда перед ней словно ожили страшные дни бедствий и тревог, она по-новому отнеслась к требованиям Эйе покинуть Ахетатон. Впервые за последние три года царица подумала о том, что верховный жрец ничего дурного не задумал, что он проявил мудрость и прозорливость. И тогда она уже другими глазами увидела заботы верховного жреца о здоровье фараона. Анхесенпаамон

вдруг подумала о том, что, быть может, ему, старому Эйе, они обязаны тем, что фараон поправился после тяжкого недуга. Ее божественный супруг еще не совсем здоров, он худ и бледен, но он возмужал, его недомогание не так опасно. Если бы Эйе не любил фараона, он бы не стал добывать редчайшие травы из подвластных Египту стран, чтобы исцелить своего господина. Нет, нет, она не должна более подозревать Эйе в дурных помыслах. А Хoremхeб? Царица призадумалась и тут же ответила себе: должен же Эйе позаботиться о щедрых жертвах Карнакскому храму. А если Хoremхeб не выполнил своих обещаний, не прислал обещанных даров, то Эйе мог и рассердиться. Да, да! Он рассердился, но без дурных помыслов. Этот свиток открыл ей глаза. В тот час, когда случилось непоправимое, великие правители Египта стали столь же беспомощными, сколь беспомощны правители страны Куш, оказавшиеся во власти завоевателей. Ведь Черный Лотос оказалась в их власти. Боги были милостивы к ней, и она обрела бесценных покровителей, она заслужила доверие своей божественной госпожи. И даже нашла мужа, который купил ее у воинов. Но Черный Лотос уже никогда не сможет возвыситься в своей стране Куш. И никогда не сможет стать женой хотя бы вельможи при дворе своего владыки. Нет в стране Куш своего владыки и нет своих вельмож. Все погибло в день нашествия. Страшно подумать, что бывает на земле, когда боги отказывают людям в своем покровительстве. Отныне она будет воздавать щедрые жертвы Амо-ну-Ра и его жене богине Мут. Она будет просить у них покровительства во всех делах великого, божественного фараона.

Когда старая Тии явилась во дворец своей божественной госпожи, Анхесенпаамон не выгнала ее, не сказала дерзкого слова, а, наоборот, снисходительно улыбнулась:

— Моя верная Тии, сегодня мы совершим возложение щедрых даров богине Мут, пусть все мои жрицы и знатные женщины моего двора сопутствуют нам. Я откажусь от колесницы и последую в храм на своих носилках. А ты будешь рядом со мной.

Старая Тии пала ниц и зарыдала от радости.

К храму богини Мут потянулась процессия знатных женщин, возглавляемая самой божественной Анхесенпаамон. Молодые стройные невольники в белых набедренных повязках несли роскошные носилки с позолоченными подлокотниками и удобным мягким сиденьем. Носилки были похожи на маленький шатер, покрытый драгоценными сидонскими тканями. Носители опахала, прислужницы и невольники бежали рядом, поднимая пыль, задыхаясь от бега и жары, обливаясь потом. За ними следовала толпа поющих жриц и носилки старой Тии, которая не имела над собой шатра и потому могла видеть, с каким любопытством всматриваются в священную процессию воины, прохожие, ремесленники, падая ниц перед божественной госпожой у дороги, ведущей в храм.

Старая Ти́и с удовлетворением видела, сколько щедрых даров приготовлено для жертвоприношения. Больше всего ее порадовали прозрачные сосуды с драгоценными благовониями, недавно полученные из страны Пунт. Благовония были доставлены невольницами в крошечных сосудах, сделанных искуснейшими мастерами Сирии. Ти́и уже предвкушала тот счастливый миг, когда эти сосуды с благовониями окажутся в ее доме. Кому, как не ей, хранить эти сокровища, предназначенные великой богине Мут? И кому, как не Ти́и, известно, что богине Мут вовсе не нужны эти щедрые дары, она довольствуется немногим — букетами душистых цветов из садов фараона.

«Но почему так переменилась великая госпожа? — спрашивала себя старая Ти́и. — Что побудило ее отказаться от прежней своей суровости? Может быть, она чувствует недоброе и хочет вымолить у великой богини Мут, покровительницы жен фараона, немного счастливых лет?»

— Не будет ей счастья! — прошептала тонкими лиловыми губами старая Ти́и.

Фараон сидел в саду, у бассейна, среди благоухающих цветов, поющих птиц и веселых, резвящихся мартышек. Он держал на коленях красивую полосатую кошку, священную кошку, любимицу божественной Анхесенпаамон, и, поглаживая ее своей тонкой, совсем слабой и бессильной рукой, думал о том, что он сделает, как только силы вернутся и он сможет делать все, что захочет. Прежде всего он повторит доблестный поход к водопою, о котором рассказывает свиток Тутмоса. Великий фараон был так отважен, что бился со стадом слонов в сто двадцать голов. Тутмос писал, что никогда не было совершенно подобное египетским царем. Так ли это?

«Я совершил это согласно приказу моего отца, Амона-Ра, владыки престолов обеих земель, ведшему мое величество по добрым пути своими благими мыслями...»

«Но если сделать хороший загон, — подумал Тутанхамон, — то мне хотелось бы встретиться со стадом в сто пятьдесят слонов. Почему бы мне не превзойти Тутмоса? Сейчас же велю готовить загон, — решил фараон. — Но еще важнее побить хеттов. Хеттский

царь Суппилулиума ведет себя нагло и возмутительно. Он завоевал уже несколько городов Сирии и Финикии. Если его не остановить, то он заберется в священные крепости Египта. Хорошо, что Хоремхем стоит у границы Куша. Пусть стоит! А я подумаю, как бы лучше повести своих воинов против старого хеттского владыки. Да, да, сейчас же велю вызвать главного советника и прикажу ему тайно готовиться к походу. Мое величество, сын Амона-Ра, сам поведет свое войско, свои колесницы против ненавистного Суппилулиумы. О, я ему покажу, на что способен молодой и сильный египетский фараон! Города Сирии и Палестины вернутся в божественные руки своего истинного владыки — Тутанхамона. Войско моего величества испепелит ничтожных всадников хеттского правителя. Молодой правитель обеих земель покажет ничтожным хеттам свою силу и доблесть».

Тутанхамон вспомнил свиток того же удачливого фараона Тутмоса III, который покорил азиатов и оставил памятные надписи.

«...Я разорил его города и поселения, — писал Тутмос III, — я предал их огню, мое величество превратило их в места, которые не будут населены, я захватил всех их людей, доставленных пленниками, и их скот в бесконечном количестве, а также их вещи. Я отнял у них жито, я вырвал их ячмень, я вырубил их сады, все их плодовые деревья...»

«Я побью хеттов! Я напишу свиток, и потомство мое узнает о моих доблестях!» Размышляя так, фараон вдруг увидел разоренный им город. Пламя пожарищ. Он слышал стоны. Тутанхамону показалось, будто перед ним горящие дворцы, развороченные сады и пашни. А дым клубится, застав ему глаза. Он в испуге сбросил кошку и протер руками глаза, но дым не ушел. Что же случилось? Разве уже началась битва? Фараон вскочил и закричал:

— Пожар! Дым! Враги!.. Воины! Жрецы! Бегите...

Чьи-то сильные руки подхватили немощное тело фараона и понесли в царские покои. Тотчас же был вызван жрец Эйе. Пришли лекари, колдуны, заклинатели, жрецы храма Амона. И никто не догадался позвать царицу, которая только что вернулась из храма

богини Мут и отдыхала у своего прохладного бассейна. Она была одна. Ей хотелось собраться с мыслями и по-новому оценить отношение верховного жреца к великому Тутанхамону и к ней. Она вспомнила все то хорошее, что могла вспомнить об этом старом и мудром человеке, и ей удалось понять, что он верный друг фараона, его око, его сила, его божественная мудрость. Царица вспомнила старую Ти́и, которая сегодня утром с рыданиями протягивала к ней руки и молила довериться ей, не отказывать ей в милостях. Необычное спокойствие и умиротворение обволакивали юную и прекрасную Анхесенпаамон. Она задремала и сквозь дрему слышала жужжание назойливого комара и журчание воды в бассейне. Но вдруг ее охватило волнение. Необъяснимая тревога забралась в душу. Что случилось?

Она хотела вскочить и позвать слуг, но какое-то странное оцепенение сковало ей руки и ноги. Она долго боролась с этим странным и непонятным состоянием, похожим на колдовство. Когда ей наконец удалось подняться на ноги, она захлопала в ладоши, громко и настойчиво, несколько раз, словно хотела этим выразить свою тревогу.

Двери распахнулись, и люди с рыданиями распростерлись у ее ног.

— Что случилось? Скорее говорите...

Старая толстая Ти́и, целуя кончик маленькой сандали, давясь слезами, промолвила:

— Великий фараон, наше солнце, наше божество, сын Амона-Ра, ослеп!

— Ты лжешь, старая Ти́и, ты выдумываешь!.. — закричала царица и бросилась во дворец своего великого господина.

Она забыла о том, что есть носилки и невольники, она забыла о правилах поведения и церемониях. Страшная весть, словно буря, сокрушила ее тоненькое хрупкое тело. Сердце мучительно билось, голова кружилась, в глазах темнело... Она бежала, спотыкалась, падала и снова бежала по гулким залам дворца.

Царские покои полны. Чужие и ненужные люди толпятся у изголовья ее великого господина. Старый жрец храма Амона лепечет заклинания беззубым ртом, а Эйе склонился над юным фараоном.

— Пустите! — закричала царица и бросилась к золоченому ложу, где лежал недвижимо ее прекрасный господин.

Он был бледен и строг, как никогда прежде. Ни тени улыбки на тонком, благородном лице. Она опустила на колени и нежным прикосновением руки приласкала его. Он с трудом приподнял правую руку и прикоснулся к ее склоненной голове. Он сказал только одно слово:

— Любимая...

Сердце у него билось так сильно, словно хотело покинуть тело.

— Прости меня, мой господин, я ничего не знала, я отдыхала. Я принесла щедрые жертвы богине Мут, она поможет.

— Великая госпожа, позволь нам напоить божественного фараона целебным питьем, — сказал Эйе.

Царица поднялась и, закрыв лицо руками, дала волю слезам.

Эйе сам поил фараона из священной чаши, доставленной из храма Амона, а его главный лекарь поддерживал голову фараона. Потом лекарь стал ощупывать руки и ноги больного. Они были неподвижны. Царица никогда не видела своего господина таким беспомощным. Ей захотелось кричать, рыдать, рвать на себе волосы, как это делают плакальщицы, провожая в последний путь знатного господина, но она не позволила себе этого в присутствии Эйе, врача и бедного, беспомощного фараона, который не мог двигаться, ничего не видел, но что-то слышал и понимал, если сказал ей — любимая...

— Спасите моего великого, моего прекрасного господина! — умоляла Анхесенпаамон, когда Эйе отошел от ложа больного.

Она ломала руки, обливалась слезами, но делала это молча, чтобы Тутанхамон не услышал ее. Потом она обратила внимание на то, как он шарит правой рукой, и она поняла, что он ищет ее и не может сказать. Тогда она снова склонилась над его ложем, поцеловала его в бледный лоб и взяла в свои руки еще живую трепещущую правую руку. Она гладила руку и говорила:

— Это пройдет, мой любимый, не тревожься, не печалься. Эйе знает великие, волшебные средства, он вылечит тебя.

Лицо фараона оставалось неподвижным, но рука его чуть-чуть шевельнулась в знак признательности.

«Значит, он все слышит и понимает, — подумала Анхесенпаамон, — еще не все потеряно». Сейчас она вызовет своего старого врача и потребует от него чудодейственное питье. Разве у него не найдется такого для божественного фараона?

Когда люди покинули покои фараона, Эйе сказал царице, что больному даны все лучшие лекарства мира и он вскоре подымется.

— Тогда иди, — сказала тихо Анхесенпаамон, — оставь нас, пусть мой великий господин уснет.

И тотчас же после ухода верховного жреца царица вызвала своего старого лекаря и попросила его лечить по-своему. Она прочла свое любимое заклинание, которое уже много раз помогало Тутанхамону в его частых и непонятных недомоганиях. Но сейчас уже одного заклинания было недостаточно.

Старый лекарь велел принести живую черепаху и свежего меду. Он тут же стал священнодействовать, для того чтобы приготовленное им снадобье было самым свежим и целебным. Он разрезал черепаху своим тонким острым ножом, извлек из нее немного желчи и, смешав желчь с медом, стал смазывать веки фараона. Затем была до-

ставлена маленькая юркая мышка. Лекарь приказал слуге крепко держать испуганную мышку, вытащил из кармана палочку с делениями и, отрезав одну тридцать вторую часть мышинного хвоста, велел сварить эту крошку мяса, смешал ее с медом и заставил больного проглотить это лекарство.

Затем было доставлено в покои больного пять священных кубков с целебным питьем. На каждом были отмечены травы, которыми воспользовался лекарь. Одно питье состояло из тридцати семи трав, другое из двадцати трав, третье из семнадцати трав. Царица внимательно подсчитывала количество трав, предназначенных для исцеления великого господина. Сто десять трав — священное число. Она облегченно вздохнула. Это священное число сулило золотой век ее великому фараону. Он выздоровеет и проживет сто десять лет.

Лекарь сел у изголовья и стал поить фараона из священных кубков. Ему удалось дать лишь по капельке, но и то вселяло надежду. Ведь кубки были доставлены из священного храма богини Хатор, великой супруги бога Гора.

— Все будет хорошо, — говорил лекарь, видя слезы на глазах божественной госпожи.

Больной лежал неподвижно, но правая рука, которую то и дело поглаживала царица, едва заметным движением давала знать, что фараон все слышит и все знает. Анхесенпаамон вглядывалась в бледное лицо божественного господина и старалась понять, лучше ли ему. Веки его были прикрыты, и нельзя было узнать, как действовали лекарства. Крупные капли пота струились по лицу. Она вытирала их тонким белым полотном и, склонившись, прислушивалась к биению сердца. Она верила в исцеление, верила в священные жертвы, которые сейчас воздавались в храме Амона-Ра, в храме богини Мут, в храме Хатор и бога Тота. Царица не скупилась и приказала обильными жертвоприношениями вымолить спасение. Но вот ровное, спокойное дыхание больного подсказало ей, что желанный сон избавил его от страданий. Усевшись в любимое кресло своего господина, рядом с золотым ложем, укрыв его тонким белым полотном, она и сама задремала от усталости и волнений. Ей снился царский дом отца в Ахетатоне, веселые сестры и суровый, чем-то озабоченный Эхнатон. Отец говорил ей о том, что надо беречь Тутанхамона и не надо забывать великого и всемогущего Атона, дарующего жизнь всему живому и прекрасному на земле.

«Надо будет отправиться в Ахетатон и принести жертвы в заброшенных храмах Атона, — подумала царица и во сне спросила себя: — К чему бы этот разговор? Что он означает? И что предсказывает?»

Безмолвно, не дыша, делали свое дело носители опахала. Они плавно взмахивали опахалами, создавая приятный ветерок. День был душный, и зной проник даже за каменные стены дворца. И вдруг

кто-то коснулся ее руки. Кто осмелился ее разбудить? Ведь во всем огромном царстве не было человека, который смог бы нарушить покой божественной госпожи. И все же кто-то коснулся ее руки. Она вскочила и увидела перед собой хмурого и безмолвного Эйе, визиря, носителя опахала по правую руку царя, главного из друзей царя. Видно, она долго спала, если не услышала, как пришел сюда верховный жрец и как поил великого господина своим лекарством. Эйе показал на неподвижное, окаменевшее тело Тутанхамона и сказал:

— Наш великий господин взошел в свой горизонт. Там он начнет долгую и счастливую жизнь и там обретет свое бессмертие.

Великая госпожа бросилась к золотому ложу фараона и, опустившись на колени, зарыдала, как самая обыкновенная египетская женщина. Теперь, когда он уже ничего не слышал, она громко звала его, просила проснуться и повторяла священные строки из плача Исиды по Осирису:

Небо смешалось с землей. Тень легла на землю.

Сердце мое горит от злой разлуки.

Сердце мое горит, потому что стеною отгородился ты от меня...

... Приходи! Не оставайся там один! Не будь так далек от меня¹.

Голосу царицы вторили плакальщицы, которые заполнили царские покои. Носители опахала окаменели и стояли словно черные статуи. Эйе монотонно читал священные строки из «Книги мертвых», стоя по правую руку царя.

— Сто десять целебных трав, почему они не помогли? Я верила в твой золотой век, мой великий господин. Где же он? Ты так мало прожил на прекрасной земле великих фараонов! О я несчастная!..

Не считаясь с церемониями дворца, не обращая внимания на знатных сановников, жрецов, царедворцев и воинов, которые, пав ниц, рвали на себе волосы, одежды и причитали, Анхесенпаамон рыдала и молила любимого вернуться, словно это было возможно.

— Никто никогда еще не возвращался на землю из полей Иалу. Но ты должен вернуться, я так хочу этого. О мой любимый!

Обессиленную, потрясенную горем царицу с трудом оторвали от золотого ложа. Она не стояла на ногах, и во дворец, окруженный деревьями священной мандрагоры, ее доставили на носилках.

Горе царицы было безмерным. Кто мог ее утешить? Она выгнала из своих покоев старую Тиу, которая пришла узнать, какие будут назначены церемонии по случаю великой скорби. Царица вызвала слуг и велела принести в свой дворец позолоченное кресло божественного господина. Она хотела, чтобы кресло фараона напоминало ей о счастливых днях. Сидя на своем ложе, царица не сводила глаз с прекрасного изображения юного фараона. Так она просидела всю ночь.

---

¹ «Плач Исиды по Осирису». Перевод А. Ахматовой.

В роскошных покоях царицы всю ночь горели светильники. Робкие оранжевые огоньки хорошо освещали лишь кресло с чудесным изображением царя и царицы. Все вокруг тонуло во мраке, и не были видны служанки и рабыни, которые расположились у входа и на коленях, покачиваясь, безмолвно выражали свою скорбь, то простирая руки, то хватаясь за голову с выражением отчаяния на лице. Изредка доносились стоны и всхлипывания. Царица молчала.

В ту же ночь его величество, возлюбленный сын Амона-Ра, был отправлен на западный берег Хапи, в город мертвых.

По обе стороны реки стояли люди с горящими факелами в руках. Глядя на медленно плывущую священную барку, на которой покоилось тело земного божества, они воплями, криками и причитаниями выражали свою скорбь.

А на священной барке стояли жрицы с венками из цветов и пели:

... О повелитель богов и вечности царь,
У которого ищут пристанища все без изъятья!
Дай мне хлеба, ячменного пива,
Дай смолы благовонной и свежей воды с алтаря твоего...
... В стране Заката беспробудный сон
Да тяжкий мрак... Она — обитель
Покоящихся в каменных гробницах.
Ее жильцы не пробудятся,
Не свидятся с друзьями,
Отца и мать вовеки не обнимут.
От жен с детьми сердца их отрешились...¹

На западном берегу священной реки, рядом с гробницами и усыпальницами великих фараонов, были дома бальзамировщиков, плакальщиц, строителей, воздвигающих жилища вечности, искусных скульпторов, создающих золотые маски и саркофаги с изображением божества, взошедшего в свой горизонт.

Когда настало утро и слуги столпились у дверей покоев царицы, старая Тии с рыданиями объявила, что она была кормилицей Нефертити, и ей прискорбно, что божественная госпожа не пускает ее на порог. Но царица никого не пускала к себе. Напрасно служанки и рабыни ждали за дверью. Царица предавалась печали и никого не звала к себе. Однако Черный Лотос осмелилась приоткрыть дверь царских покоев. Тогда госпожа сделала знак, чтобы невольница вошла. Она молча взидала на плачущую рабыню, которая рвала на себе одежды, царапала лицо и руки и в знак величайшей скорби лежала у ног царицы с распущенными волосами, обливая слезами след маленькой сандали.

---

¹ «Плач по усопшим». Перевод В. Потаповой.

— О моя божественная госпожа, возлюбленная его величества, о повелительница обеих земель, о прекраснейшая из женщин Египта! Как ужасно, как прискорбно, что твой возлюбленный взошел в свой горизонт! Прикажи мне вырвать мое сердце из груди! Прикажи выколоть глаза! Прикажи умереть рядом с тобой!

Анхесенпаамон смотрела на Черный Лотос равнодушно, словно не сознавая, о чем говорит невольница. Но вот в глазах госпожи что-то изменилось. Словно она проснулась от кошмарного сна и сознание вернулось к ней.

— Поднимись и слушай меня, — сказала великая госпожа. — У меня к тебе есть дело. Приведи ко мне Анху. Он должен сделать большую работу. Я сама скажу ему, что сделать для гробницы моего великого господина...

Но стоило госпоже произнести слово «гробница», как она тут же залилась слезами и снова, как это было вчера, вопрошала богиню Мут:

— Зачем? Зачем? Зачем? Зачем ушел мой прекрасный, мой божественный господин? Как это случилось? Он был так молод! Он был прекрасен! Он так мало жил!

— Твой великий, божественный господин, твой прекрасный, благородный фараон Тутанхамон ушел в царство Осириса, — отвечала в слезах невольница. — Оттуда нет возврата. Но жрецы говорят, что там наступает новая жизнь, более радостная и беспечная. Ведь ты позаботишься, великая госпожа, чтобы его величество не знал нужды в царстве Осириса?

— Все богатства Египта будут сложены в гробницу возлюбленного сына Амона-Ра.

— Но что ждет тебя, прекраснейшая из всех дочерей Египта? У ног твоих великое царство, но кто защитит тебя?

— О я несчастная! О я покинутая! Что ждет меня? Кто ответит мне на этот вопрос? Боюсь, что я во власти коварного Эйе. Всю ночь я думала о нем. Всю ночь мне казалось, что питье, которое он своими руками поднес моему божественному господину, было отравлено. Почему меня покинул мой любимый? Не повинен ли в этом старый жрец Эйе?

— Великая госпожа! Сейчас я позову Анху. Сын верховного жреца Мемфиса должен многое знать. Может быть, он скажет тебе что-либо?

— Поторопись, Черный Лотос! Я должна узнать обо всем, что может открыть мне глаза на происшедшее.

Черный Лотос не осмелилась войти в покои великой госпожи, когда Анху пал ниц перед ее золотым ложем.

— Поднимись, Анху, — сказала царица, — расскажи мне все, что ты знаешь о ядах и отравлениях. Я знаю, тебе предстояло стать жрецом храма в Мемфисе, а жрец знает тайны, нам неизвестные.

Лицо царицы стало суровым и строгим. В глазах не было слез, но скорбь светилась в них, и казалось, что нежная душа этой молодой женщины-правительницы не в состоянии перенести великого горя.

— Жрецы знают многие тайны. Им известны яды, которые могут лишить человека жизни. Но разве мог это сделать верховный жрец Эйе? Он столько лет помогал юному фараону править страной и был предан ему.

Почтительно склонившись перед царицей, Анху старался дать ей понять, что жрец владеет многими тайнами, но что ему, Анху, не хочется назвать Эйе убийцей фараона.

— Однако ответь мне, Анху: есть яды, от которых слепнут, становятся неподвижными и тихо умирают?

— Есть, — ответил Анху. — Название их ничего не скажет тебе, великая госпожа.

Анхесенпаамон долго сидела молча, опустив глаза, словно размышляя о сказанном. Затем она подняла голову, и художник увидел мужественную и суровую женщину. Сейчас она была очень похожа на своего отца, фараона Эхнатона.

— Подбери, Анху, искусных помощников и принимайся за дело. Быть может, в царстве Осириса мой великий господин пожелает совершить путешествие и ему понадобятся сундуки для хранения одежды и драгоценностей. Сделай для него самые прекрасные на свете сундуки. Возьми для них много черного дерева, слоновой кости, перламутра и драгоценных камней. Ничего не жалея. Ему нравилось это кресло, и сундуки ему тоже должны понравиться там, за пределами нашей жизни. Ты угодил ему, Анху, и пусть твое умение пойдет на пользу моему великому господину.

— Все будет так, как ты велишь, великая госпожа. Никогда еще мне не хотелось так угодить кому-либо, как сейчас. Лучшие, искуснейшие художники сделают вещи, достойные благороднейшего из фараонов. Поистине я не знаю свитка, в котором было бы рассказано о человеке более благородном. Он был так молод, он никому не причинил зла...

— Он был умен и благороден, мой великий господин! — прошептала царица, едва сдерживая слезы. — Иди, Анху! Торопись. Ничего не жалея для прекрасных украшений. В чем еще могу я выразить свою любовь?

Слова царицы потрясли молодого художника. Он ушел с горячим желанием сделать работу еще лучше, еще красивее того, что было сделано им прежде. Но еще больше запали в душу скорбные слова царицы о ядах и тайнах жрецов.

«Она подозревает Эйе, — подумал Анху. — Великая госпожа не понимает, как случилось, что умер молодой фараон. Да и как понять эту преждевременную смерть? Как понять постоянное недо-

могание юного фараона? Не позаботился ли Эйе о том, чтобы в пищу фараона клали яды, которые медленно разрушают здоровье человека?»

Верховный жрец Мемфиса, поучая сына, готовя его к высокому званию жреца, рассказывал, что у него есть драгоценные записи о целебных и вредных свойствах растений. Анху помнил, что эти редкостные свитки, хранящиеся в тайниках мемфисского храма, были переписаны лучшими писцами Мемфиса и отосланы в Фивы.

Когда же это было?

Может быть, четыре года назад?

Они были сделаны для Эйе. Но нет, не для злодейства понадобились эти записи. Они понадобились для блага.

Разве можно исцелять недуги, ничего не зная о ядах? Подумай об этом, Анху. Узнай, давно ли юный фараон стал чувствовать слабость и недомогание. Если это началось еще в Ахетатоне, в ту пору, когда ты вернулся в Мемфис, если тогда началось недомогание его величества, то кто знает, может быть, Эйе стал виновником великой скорби.

Чего стоит тогда власть и могущество великих? Анху, ты не должен так думать.

Помни, что эти тайны остаются в тиши храмов. О них никогда не узнают непосвященные. Молчи, Анху! Забудь об этом!

И все же Анху не мог не думать об этом. Что бы он ни делал, о чем бы ни говорил, его мысль неизменно возвращалась к трагической судьбе божественного Тутанхамона.

Анху знал, что есть множество ядов, которыми легко извести человека, и сделать это можно незаметно для его близких. «Но зачем нужно было это делать Эйе? И без того верховный жрец подчинял своей воле юного правителя. Все делалось так, как хотел этого Эйе. Только сейчас, совсем недавно, Тутанхамон стал более настойчивым и решительным. Может быть, это заставило верховного жреца избавиться от фараона? Но другой, новый правитель может и вовсе отказаться от услуг Эйе. Как он этого не понимает? Черный Лотос говорила, что великая госпожа ненавидит верховного жреца. Может быть, царица и права? Лицо Эйе и в самом деле неприятно. Оно даже порочно. Но ведь нельзя же желать несбыточного: чтобы каждый занимающий высокое место блистал красотой, благородством. Такое бывает редко. Может быть, потому так велика скорбь людей Верхнего и Нижнего Египта? Поистине люди поднимаются, чтобы рвать на себе волосы и омываться слезами».

Так размышлял художник Анху, сын верховного жреца Мемфиса, ученик знаменитого Тутмеса из Ахетатона, муж рабыни из страны Куш. Принимаясь за великую работу для обители вечности, он долго наставлял своих молодых помощников, долго втолковывал им, как он желает сделать те вещи, которые ему заказала великая царская

вдова. Анху от души хотел украсить обитель вечности Тутанхамона достойно величия, любви и скорби юной царицы.

Великая царская жена не покидала своих покоев. Она сидела неподвижно, скрестив руки на груди, и в глазах ее можно было прочесть скорбь и отчаяние. О чем бы она ни подумала, куда бы ни глянула — повсюду перед ней оживал Тутанхамон. Все мысли, все чувства, все окружающее царицу было тесно связано с ним, с его величеством, взошедшим в свой горизонт.

Искусно расписанные стены переносили ее в тенистый сад, к прудам, где среди зарослей папирусов вили гнезда веселые птицы. Она вспоминала свои прогулки с любимым, и ей слышались птичьи голоса на рассвете и слова Тутанхамона о том, что крик ласточек и криканье диких уток — это радостное приветствие великому богу Амону, пославшему на землю свои живительные лучи. Ей вспомнилось, как они протягивали руки к солнечным лучам и пели гимны всемогущему божеству. И вдруг ей послышалось, как пели эти гимны в Ахетатоне, когда был еще жив Эхнатон.

О Атон, живущий, начавший жизнь. . .

Теперь уже не услышишь гимнов Атону. Эйе настоял на своем, и главным божеством Фив снова стал Амон-Ра. Но о чем она думает в этот страшный час? Ей надо думать о вечном жилище для своего любимого господина. Юный фараон, веря в свой золотой век, протяженностью в сто десять лет, не воздвиг себе гробницы. Он ничего не успел. И теперь все заботы — на ней. Десятки его предшественников, фараоны разных времен, строили себе обитель вечности задолго до своей смерти. Успеют ли теперь сделать достойное жилище в Городе вечности? Вот идут к ней жрецы, зодчие, хранители сокровищ, советники. О чем они будут говорить? Ей не хочется их видеть.

— Пусть оставят меня, — шепчет едва слышно царица.

И старая Тии, которая все время на виду и всегда готова к услугам великой госпожи, дает знак, чтобы люди покинули покои царицы.

— Позови Май! — потребовала царица.

И вот у ног ее хранитель сокровищницы Май, он же писец, сын

исцелителя Ауи, рожденный госпожой Урт. Май внимательно выслушивает все пожелания великой госпожи. Он сам записывает в свой папирус все, что ему нужно запомнить. Великая госпожа говорит о том, что она желала бы соорудить пирамиду еще выше и прекрасней пирамиды Хуфу, но она знает, что это невозможно. Еще в детстве она слышала о том, как долго строятся такие пирамиды. Она хочет, чтобы обитель вечности была построена в срок, чтобы она вместила все сокровища для долгой и прекрасной жизни в полях Иалу. А самое большое ее желание — чтобы воры не смогли найти священное жилище Тутанхамона, чтобы они не разграбили его.

— Что ты скажешь мне, управитель строительными работами Май, любимый писец его величества Тутанхамона, хранитель сокровищницы?

— Я скажу, что хотел бы воздвигнуть пирамиду, еще более прекрасную и более богатую, чем пирамида Хуфу. Но мне известно, что гробница Хуфу, спрятанная в пирамиде, ограблена и обесчещена. А ведь только на строительство дороги, по которой таскали камни для пирамиды, понадобилось десять лет. Есть священные записи, они говорят, что пирамиду Хуфу строили двадцать лет сто тысяч рабов. Каждые три месяца пригоняли новых рабов. Нам не построить такой пирамиды. У нас всего два месяца.

— Два месяца? — воскликнула в отчаянии царица.

— Но ты не печалься, великая госпожа. Гробница возлюбленного Амоном-Ра будет обителью великолепия. Я позабочусь об этом. Воры не проникнут в нее. Твой божественный супруг будет вечно пребывать в царстве Осириса среди роскоши, среди золотых колесниц и верных слуг.

— Ты сказал — два месяца? — спросила царица. — Успеют ли сделать все для возлюбленного Птахом, для возлюбленного Сокаром?

В голосе царицы слышалась тревога, и Май заверил великую госпожу, что все будет сделано, что сокровищница фараона открыта для щедрых и прекрасных работ.

Хранитель сокровищницы Май ушел, а великая госпожа приказала никого более не пускать. Она хотела побыть возле любимого кресла Тутанхамона, чтобы снова увидеть фараона таким, каким он был совсем недавно.

«Всего два месяца! На все, на все! На строительство обители вечности, на бальзамирование, на подготовку к великой церемонии и еще...»

Анхесенпаамон гнала от себя страшные мысли, но они возникли внезапно во время разговора с Май, и уже нельзя было избавиться от них. Это были мысли о будущем. Впервые царица подумала о том, что за эти два месяца она должна позаботиться о своей судьбе.

Но как? Тот, кто станет ее мужем, — тот и будет великим правителем Египта. Но кто он? И как можно сейчас думать об этом? Но

если не думать, то можно погибнуть. Да, да, можно погибнуть совсем юной.

Царица взяла в руки серебряное зеркало и увидела свое печальное и заплаканное лицо.

Как страшно и одиноко ей, великой царской вдове. Сколько горя и страданий выпало на ее долю! И как страшно жить с мыслью о том, что Эйе виновник великой скорби!

— Помоги мне, богиня Хатор, супруга солнечного Гора, покровительница женщин! Подари мне частицу своей мудрости!

Старая Тии громче всех рыдала по умершем фараоне. Она рвала на себе волосы и одежду, кричала, что солнце погасло и ночь спустилась над священными Фивами. Но как только она перешагнула порог своего дома, тотчас же высохли слезы, и кормилица Нефертити стала нещадно бранить свою великую госпожу. Она жаловалась Эйе, требовала от него, чтобы он отомстил своенравной госпоже.

— Она не пускает меня на порог своих покоев! — кричала Тии. — Она не доверяет мне, кормилице ее матери! Это видят слуги и невольницы! Пристойно ли мне терпеть это?

— Как же она может довериться тебе, когда ты ее ненавидишь? — рассмеялся вдруг Эйе. — Я думаю, что человеческое сердце умеет понять истину. Оно тянется к тому, кто искренне привязан, и отталкивает того, кто лицемерен.

— А почему тебе доверял юный фараон? Почему он считал тебя своим другом? Почему, скажи мне! Разве ты любил его?

— Он был неопытен. К тому же в первые годы его царствования я любил его, как сына. А последнее время он уже почувствовал, в чем истина. Прошло бы немного времени, и старику Эйе пришлось бы покинуть свои священные храмы в Карнаке и Луксоре. Юный фараон вовремя ушел в царство Осириса для вечного блаженства. Однако я должен пойти к царице со словами утешения. Что она полагает о своем верховном жреце?

— Ты не пойдешь к ней со словами утешения, иначе я изведу ее тайным колдовством.

— Ты не изведешь ее тайным колдовством. Ты не тронешь ее, ты ничем не выразишь своего недовольства. Она молода и несчастна. Она не знает, как себя вести. Она вызвала к себе хранителя сокровищницы Май и поручила ему сооружение обители вечности. Она и не подумала о том, что я уже обо всем позаботился. Бедная вдова!..

— А ты скажи ей! — воскликнула рассерженная Тии. — Пусть знает, что ты позаботился о вечном блаженстве своего господина.

— Наоборот, я не скажу ей этого. Пусть думает, что все делается именно так, как ей хочется. Так лучше!

Представ перед великой госпожой, Эйе был очень приветлив. Он спросил, как здоровье молодой вдовы и нет ли надобности в целебных травах, приносящих покой и хороший сон. Затем он сообщил царице, что отправляется на западный берег Хапи в заупокойный храм, чтобы принести щедрые жертвы умершему фараону. Он не говорил царице, что священнодействие произойдет при ней, и она поняла, что верховный жрец считает ее нездоровой.

Анхесенпаамон молча слушала Эйе. Она ни разу не посмотрела на него, ни разу ни о чем не спросила. Она не сводила глаз с изображения юного фараона на кресле и молчала.

Если бы она могла испепелить Эйе своим взглядом, она бы сделала это. Но она не могла даже словами выразить свой гнев. Как она была несчастна!.. Она знала, что никогда не сумеет сообщить всем подданным великого господина, возлюбленного Ра, о том страшном злодействе, какое свершилось в стенах дворца. После разговора с Анху царица уже не сомневалась в том, что Тутанхамона извели ядами. Она вспомнила все те случаи недомогания, которых было много и которые все чаще повторялись после того, как сам Эйе приносил фараону свое целебное питье. Ведь этого не было в первые два года после их женитьбы, когда Эйе не лечил фараона своими травами. Первые два года были счастливыми. Фараон был здоровым и веселым юношей. Он любил мчаться на своей колеснице по дорогам, ведущим в другие номы. Он часто устраивал охоту в своем заповеднике и бесстрашно убивал свирепых львов. Он любил молодое вино и радовался, когда при нем открывали запечатанные сосуды. Она вспомнила смеющегося Тутанхамона на пиршестве, когда он сам вскрыл сосуд с надписью винодела: «Год второй из дома Тутанхамона с Западного рукава».

«Всего второй год царствования, — говорил тогда фараон, — а ведь настанет день, когда мы откроем сосуд с надписью: «Год тридцать первый из дома Тутанхамона с Западного рукава». — «А может быть, мы устроим пиршество и в год пятьдесят первый царствования Тутанхамона», — смеялся хранитель сокровищницы Май. Тогда все было впереди, и жизнь казалась сплошным праздником. Почему-то совсем не приходили в голову дурные мысли. Все были веселы, все были добры. Старая Тии казалась приветливой и ласковой. Она любила

говорить о том, как ей дороги дочери Эхнатона. А потом Тии стала злой и жадной. Все, все переменялось. И кто бы мог подумать, что все хорошее сразу исчезнет, уйдет, и, может быть, безвозвратно!

Анхесенпаамон думала об этом, глядя на изображение умершего и не слушая Эйе, который говорил ей о чем-то очень важном.

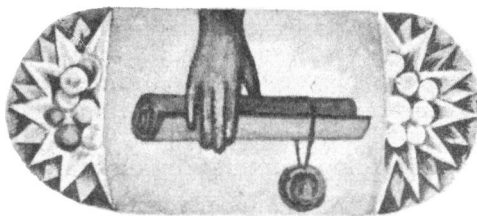
— Заказана золотая маска. Скоро сделают золотую колесницу. Готовы скульптуры богинь-охранительниц. Готовы драгоценные сосуды...

Эйе говорил, а царица молчала. Потом старый жрец ушел, и вслед за этим распахнулись двери, и главный писец Тутанхамона сообщил, что прибыли гонцы из страны хеттов и с ними целый караван даров. Думая о драгоценных дарах фараону для обители вечности, Анхесенпаамон спросила, что доставили от царя хеттов. И ей ответили, что хетты пригнали множество быков, привезли тюки мягкой белой шерсти для ткацкой дворца и доставили живых леопардов, которых пожелал иметь в своем заповеднике покойный фараон.

— Живых леопардов для царской охоты?

Великая госпожа всплеснула руками и горестно застонала.

— Не хочу видеть гонцов! Оставьте меня. О я несчастная!

Шли дни, и тысячи искусных рук трудились для обители вечности. Строители воздвигали в тайном месте усыпальницу. Управитель строительными работами, хранитель сокровищницы Майи, дни и ночи проводил на Западном берегу Хапи. Ведь он обещал воздвигнуть обитель великолепия, а времени оставалось так мало, что едва ли можно было сделать самую скромную гробницу. Верховный жрец Эйе чуть ли не каждый день приезжал посмотреть, успешно ли ведутся работы, как идет бальзамирование фараона, все ли готово для прощальной процессии. Эйе очень заботился и хотел, чтобы об этом знали не только вельможи, жрецы и воины священных Фив, но и живущие вечно в царстве Осириса фараоны. Старый жрец требовал, чтобы повсюду были сделаны надписи, свидетельствующие о его великой заботе.

Анхесенпаамон совсем не заботилась о том, чтобы люди и боги знали и видели, как богато и пышно она проводит в царство Осириса

своего возлюбленного господина. Но все ее мысли были заняты только одним: ей хотелось, чтобы в обители вечности Тутанхамона были самые дорогие, самые прекрасные вещи, какие могут создать искусные руки фиванских мастеров.

В царские покои великой госпожи то и дело приходили ювелиры, скульпторы, литейщики, художники, сверлильщики драгоценных камней, стеклодувы и мастера по обработке камня. Каждый день Анхесенпаамон рассматривала что-то, и каждая вещь рождала воспоминания о счастливых днях.

Она едва сдержала слезы, когда Анху принес ей драгоценный ларец для хранения бус, воротников и амулетов. На крышке ларца было дивное изображение юного фараона. Он стоял рядом с ней в беседке, увитой виноградными лозами и гирляндами цветов. Тутанхамон принимал у нее из рук букет лотосов и цветы папируса. Над головами счастливой четы была надпись:

«Прекрасный бог, владыка обеих земель, Небхепрура, Тутанхамон, князь южного Гелиополя, подобный Ра». «Великая жена фараона, владычица обеих земель, Анхесенпаамон, да живет она».

А как хороши боковые стенки ларца! Чудесное изображение напомнило Анхесенпаамон, как они ловили птиц и рыб. Но это было так давно, они были тогда такими юными и счастливыми!

«Ах, благородный Анху... Как он умен и искусен!»

— Ты угодил мне, Анху, — сказала, глотая слезы, царица. — Ты напомнил мне о счастливых днях моей юности. Они ушли безвозвратно... Пусть и в царстве Осириса мой великий господин вспоминает эти дни...

В один из печальных дней оплакивания великого господина, возлюбленного Амоном, Птахом, Аписом и другими богами всех номов Египта, Анхесенпаамон призналась своей невольнице из страны Куш, что тревога о будущем терзает ей сердце, лишает ее сна и покоя.

— Позволь мне сказать слово, великая госпожа. — Черный Лотос лежала распростершись у ног царицы и, обливая слезами золоченую сандалию, горестно вздыхала, стараясь своим сочувствием облегчить страдания великой царской вдовы.

— Гонцы хеттского царя Суппилулиума еще не уехали. Они могут оказать тебе великую пользу.

— Какую, Черный Лотос?

— Они могут передать правителю великой страны твое послание. А ты попросишь Суппилулиуму прислать тебе в мужья неженатого сына.

— А что будет, если об этом узнает Эйе?

— Он не узнает. Я передам твое послание в верные руки. Я дам награду. Все будет сделано тайно от верховного жреца. Разве невольница из страны Куш не может сделать доброе дело для своей великой госпожи?

— Дай мне папирус и краски, Черный Лотос. Я сама напишу свое коротенькое послание. Я не могу его доверить ни одному писцу. Ты права! Я должна воспользоваться пребыванием в Фивах хеттских гонцов, хоть и не хочу их видеть. Мое горе сделало меня свободной от церемоний. Вот с чем не согласилась бы старая Ти. Но мне все равно, мне безразлично, что думает обо мне старая Ти.

Анхесенпаамон взяла в руки хорошо отточенную палочку, окунула ее в чашечку с краской и написала:

«Мой муж умер, а я слышала, что у тебя есть взрослые сыновья. Пришли мне одного из них: я выйду за него замуж, и он станет владыкой Египта».

Указав день, месяц и год царствования Тутанхамона, великая госпожа свернула папирус в трубочку и велела невольнице запечатать, завернуть в тонкое полотно и передать незаметно надежному человеку. Она доверяла невольнице, но не прочла ей своего послания. Однако Черный Лотос знала, что в нем просьба прислать неженатого сына.

Черный Лотос не призналась великой госпоже, что это поручение выполнил Анху. Она не сказала и о том, что мысль о браке с сыном хеттского царя также пришла в голову Анху, потому что Анху после разговора с великой царской вдовой много думал о ее судьбе. Он много думал о поведении верховного жреца Эйе и пришел к выводу, что великий фараон погиб не своей смертью.

— А если так, — сказал Анху своей благородной подруге, — вдове его величества, возлюбленного Ра, надо подумать о своей судьбе, о судьбе своей богатой страны.

Бывший жрец храма Птаха отлично понимал, что сейчас, как никогда прежде, возросло значение верховного жреца. И если прежде Эйе считали всемогущим, то сейчас он единственный, кто обладает реальной властью, равной могуществу самого божественного фараона.

Анху поручил письмо одному из гонцов, который получил в награду от художника свое изображение, сделанное на маленьком ларчике. Анху сделал портрет молодого хеттского воина на коробочке, выточенной из куска старого кедра. Гонец был счастлив, увидев свое изображение, словно отраженное в хорошем серебряном зеркале. К тому же он был польщен — ведь ему предстояло предстать пред грозным правителем страны хеттов с тайным поручением великой царской вдовы, владычицы обеих земель. Не часто бывают такие удачи. Он дал клятву, что с честью выполнит поручение.

Когда Черный Лотос сообщила об отъезде хеттских гонцов, царица спросила:

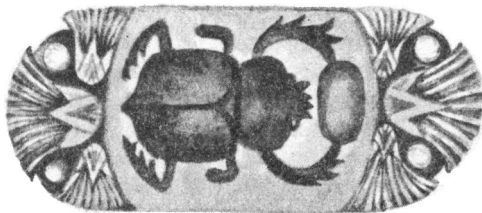
— Долго ли ждать ответа?

— Не долго, великая госпожа, но и не быстро: две недели туда, две недели обратно. Если царь хеттов Суппилиума поторопится, то спустя месяц ты узнаешь желаемое.

— Это очень, очень долго! — простонала Анхесенпаамон.

И все же месяц прошел очень быстро. Ведь каждый день был заполнен нескончаемыми заботами. Великая госпожа готовила дары своему прекрасному господину, а даров было множество. Все они волновали царицу, но ничто не произвело на нее такого сильного впечатления, как золотая маска фараона, запечатлевшая навеки спокойное и прекрасное лицо. Оно напоминало облик Осириса, но это был Тутанхамон. На золотом лбу были изображены коршун Нехебт и змея Буто — эмблема двух царств, которыми правил фараон. К подбородку была прикреплена искусственная борода из золота и стекла цвета лазурита. Шею охватывало тройное ожерелье из дискообразных бусин из желтого и красного золота и синего фаянса. Маска была так хороша, так живо передавала юное и благородное лицо фараона, что Анхесенпаамон долго не могла с ней расстаться. Она смотрела на нее и повторяла про себя слова богини неба Нут:

«Я создала твою красоту, о Осирис, царь Небхепрура: твоя душа живет, твои мускулы прочны, ты вдыхаешь воздух и выходишь подобно богу, как выходит Атум. О Осирис, Тутанхамон, ты выходишь и входишь вместе с Ра».

В этот день, когда Анхесенпаамон совсем забыла думать о себе, о своем будущем, когда она думала только о вечной жизни Тутанхамона, ей сообщили о прибытии гонца от царя хеттов.

Она принимала гонца тайно, чтобы не узнала старая Тии, чтобы не дошло до верховного жреца Эйе и чтобы не увидели царедворцы, ко всему равнодушные и умеющие лишь угождать всесильному.

Черный Лотос и Анху помогли великой царской вдове в этом трудном деле, и вот Анхесенпаамон прочла наконец долгожданное послание. Но что за ответ? Разве этого она ждала?

После бесконечных уверений в вечной дружбе и верности хеттский царь спрашивал: «Где сейчас сын покойного владыки? Что с ним случилось?»

Хеттский царь не писал о том, что он посылает ей в мужья своего неженатого сына. Он не торопился. А бедная Анхесенпаамон подсчитала оставшиеся до прощальной процессии дни, и сердце ее замерло в ужасе и отчаянии. Что же с ней будет, если хеттский царь не при-

шлет к ней своего сына? Что ждет ее? Кому достанется великое и прекрасное царство? Не может быть, чтобы была загублена ее молодая жизнь. Она снова пошлет письмо хеттскому царю. Она все ему объяснит, и он поймет, что надо торопиться и скорее прислать ей в мужья хеттского принца.

Едва сдерживая слезы и волнение, дрожащей рукой царица пишет новое послание:

«Для чего я стану тебя обманывать? У меня нет сына, а мой муж умер. Пришли мне одного из твоих сыновей, и я сделаю его царем».

Черный Лотос и Анху стояли за дверью. Они должны были дать знак, если во дворце появится Эйе. Они знали, что Эйе находится на Западном берегу Хапи и что в эти дни его молитвы Анубису и Осирису должны обеспечить бессмертие фараону. Гонец прибыл тайно, и царица была уверена, что никто из приближенных Эйе не знает о нем. Однако, как только гонец покинул покои царицы, Черный Лотос, припав к ногам своей повелительницы, просила написать второе письмо хеттскому царю. Повторить все, что было сказано в письме, врученном гонцу.

— Зачем это? — спросила царица. — Я все сделала, и гонец заверил меня, что до конца месяца я получу желанный ответ от хеттского царя. Я сказала, что ответ не терпит отлагательства и что дорог каждый час.

— Все так, великая госпожа, повелительница обеих земель. Все будет по-твоему. Однако мы всегда должны помнить, что Эйе может услышать и увидеть то, что никому не доступно.

— Что же нам делать? Как ужасно все это... А что будет, если Эйе убьет этого гонца и мое письмо не дойдет до царя хеттов?

— Великая госпожа, мой Анху поскачет вслед за этим гонцом, и, если гонца убьют, Анху доставит письмо хеттскому царю. Мы должны позаботиться об этом, иначе уйдет драгоценное время.

— Зови скорее Анху, я на все согласна. Время не терпит. Ты права, Черный Лотос. Дай мне новый свиток папируса.

— Пусть Амон-Ра, Птах и богиня Хатор, пусть все боги покровительствуют тебе, — говорила царица, вручая Анху свое письмо.

Она была так взволнована и озабочена, что позабыла дать своему художнику какие-либо драгоценности, которые могли бы ему помочь в далеком и трудном пути. Об этом позаботилась невольница, бывшая принцесса из страны Куш. Она подняла каменную плиту в крошечной комнате своего бедного дома и вытащила из тайника драгоценный дар царицы — свое золотое ожерелье. Там же лежали ее золотые браслеты, подаренные ей Анху в тот счастливый час, когда они впервые оказались на шумном базаре священных Фив.

— Все это может тебе пригодиться, Анху, — сказала Черный Лотос. — Твой путь далек и труден. Кто знает, что ждет тебя. Может быть, эти сокровища пригодятся тебе.

— Это все, что у тебя есть, Черный Лотос. Зачем же ты отдаешь последнее? Я получил доброго коня из царской конюшни. Ты дала мне с собой еду и воду. Зачем же я буду отбирать у тебя последнее?

— Мне это не нужно, Анху. А тебе это поможет. Ведь нам не пристойно просить у бедной, убитой горем великой госпожи что-либо в дорогу. Тем более не пристойно, когда мы сами предложили ей помочь. Настанет день, когда великая госпожа обретет покой и радость, и тогда она вспомнит о нас и вознаградит, не правда ли, Анху? Возьми и ступай! В добрый час!

Они простились у ворот, где начиналась дорога в страну хеттов. Черный Лотос была очень печальна. Когда пыльная туча скрыла всадника, умчавшегося с письмом египетской царицы, она почувствовала, что лицо ее мокро от слез.

Скоро ли вернется домой благородный Анху? И что она скажет, если Эйе вдруг спросит о нем?

— Помоги нам, бог Луны и мудрости Тот, — шептала невольница. — Ведь Анху единственное мое сокровище. У меня никого нет на свете. Сохрани ему жизнь... или... возьми мою!

Для великой госпожи настали самые трудные дни. Уже сорок раз всходило солнце, освещая навеки покинутый трон Тутанхамона. Уже завершалось сооружение обители вечности. Комнаты дворца были полны вещей, приготовленных фараону для долгого путешествия в царство Осириса. Анхесенпаамон верила, что ее великий господин будет вечно жить в полях Иалу, и ей хотелось снабдить его всем необходимым со свойственной ей щедростью. Она готова была отдать в руки искусных мастеров всю сокровищницу фараона, если бы рядом не было Эйе. Она вспоминала каждую мелочь, каждую вещь, какая когда-либо нравилась фараону. Она находила его трогательные подарки, чтобы они напоминали ему о ней, о любящей Анхесенпаамон.

Великая госпожа то и дело вызывала к себе управителя работ обители вечности и справлялась, скоро ли будет готова гробница. Но еще больше ее тревожило, хорошо ли хранят тайну люди, воздвигающие гробницу. Она так боялась, чтобы воры не проникли в гробницу и чтобы не оставили великого господина в бедности!

Как-то раз Май, сообщая великой госпоже о строительных работах, показал ей небольшой деревянный ящичек, тщательно завернутый в полотно. В нем лежала фигурка фараона, точно такая, какой она должна быть в своем священном саркофаге. Маленькая скульптура фараона была спелената, как мумия, и лежала на погребальном ложе с львиными головами и лапами. Голова фараона была увенчана царским уреем. Слева от фараона на ложе сидела птица Ба (душа) и прикрывала мумию левым крылом. Напротив, с правой стороны, сидел сокол Ка — двойник. Он защищал мумию правым крылом. На ложе было вырезано посвящение:

«Сделано слугой, благодетельствованным его величеством, тем, кто ищет хорошее и находит прекрасное, и делает это старательно для своего повелителя, который творит чудесные дела в обители великолепия, управителем строительных работ по сооружению обители вечности, царским писцом, хранителем сокровищницы Май».

«Сделано слугой, благодетельствованным своим повелителем, который добывает превосходные вещи в обители вечности, управителем строительных работ на Западе, возлюбленным своим владыкой, совершающим все по слову его, не допускающим ничего ему неугодного, тем, чье лицо блаженно, когда он это делает с любящим сердцем, как вещь, угодную для его повелителя. Царский писец, возлюбленный своим повелителем, хранитель сокровищницы Май».

— Я верю, ты любишь божественного Тутанхамона, — прошептала царица, и капли слез упали на маленькую скульптуру. Но сквозь слезы она все же увидела надпись на самой фигурке. Она гласила:

«Слова, сказанные фараоном Небхепрура правогласным: «Снизойди, мать Нут, склонись надо мной и преврати меня в одну из бессмертных звезд, которые все в тебе!» Почитаемый Имсети, Хапи, Анубисом в месте баламирования Анубису, Дуамутефу, Кебехснебефу, Гору и Осирису».

— Благородный Май, его величество любил тебя, — сказала Анхесенпаамон и бережно поставила на подставку священный ящичек.

Оставалось двадцать дней до священной процессии. Уже наполнены вином последнего урожая многочисленные сосуды, запечатанные виноделами царских погребов. Уже уложены любимые игрушки фараона, которыми он играл еще младенцем. Уже спрятана в маленький саркофаг каштановая прядь волос великой жены фараона Аменхотепа III, повелительницы обеих земель, царицы Ти. Эту прядь хранил в своей сокровищнице юный фараон Тутанхамон, и эта реликвия будет с ним. Среди множества драгоценных украшений, утвари, мебели, колесниц, одежды, оружия, всевозможных игральных досок и костей были вещи, которые никогда еще не видел Тутанхамон. Их впервые сделали после его смерти. Это был набор маленьких железных инструментов, каких никто никогда еще не держал в руках. У юного фараона был только один предмет из этого редкого и драгоценного металла — перстень с камнем. А тут целый ящик с резцами, молоточками, долотами.

«Если бы он знал, что на Синайском полуострове его рабы добыли этот редкий металл! — думала царица. — Но, может быть, он узнает? Ведь он будет жить вечно? ..»

Черный Лотос по-прежнему прислуживала своей великой госпоже. Но теперь она никогда не улыбалась, и движения ее были совсем не такими быстрыми и грациозными, как прежде, словно к ее рукам и ногам подвесили камни. Черный Лотос никогда не плакала при

своей повелительнице, она молча выполняла все ее приказания. Но как тягостно было это молчание!

Однажды великая госпожа спросила:

— Скажи мне, Черный Лотос, сколько коней взял с собою Анху?

— Одного коня.

— А если конь подойдет в этом тяжком пути? Почему он взял одного коня?

— Ведь он уезжал тайно, будто по твоему поручению, в Мемфис, великая госпожа. Он не хозяин царской конюшни.

— О боги! Где же истина? Я владею целым царством и для своего блага не могу распорядиться десятком добрых коней! Зачем ты не сказала мне, Черный Лотос? Ведь я тогда обо всем на свете позабыла

— Но я дала ему наше сокровище, твое царское ожерелье, великая госпожа. Если лошадь падет в пути, Анху добудет себе новых коней взамен драгоценного ожерелья.

— Я не подумала об этом, Черный Лотос. А ведь от этого зависит благополучие моей великой страны. Представь себе, что будет, если гонец не доставит моего послания, а твой Анху опоздает! Мне страшно подумать об этом. Я не говорила тебе, никто не знает об одной тайне, которую мне поведал мой великий господин всего лишь за два дня до смерти...

Анхесенпаамон вдруг схватила за голову в горестном отчаянии и умолкла.

Черный Лотос склонилась к ногам госпожи и в низком поклоне ждала. Она не смела спросить, но ей очень хотелось узнать дворцовую тайну. И не только из любопытства. Черный Лотос знала, что ее великая госпожа так одинока и так беспомощна, как может быть одинока и беспомощна самая обыкновенная сирота. Может быть, ей нужно помочь?..

— Я верю тебе, Черный Лотос, — сказала Анхесенпаамон, — я скажу тебе то, что сидит во мне и неизвестно даже Эйе. Мое послание должно спасти не только меня, несчастную, одинокую вдову... оно должно спасти наше великое царство. Моему божественному господину стало известно, что степные племена хапиру, ставшие союзниками хеттов, устраивают нападения на города Сирии и Палестины. Они захватили много городов, завладели землями и рабами, и теперь хетты могут завладеть всем Египтом... Я ищу дружбы с царем хеттов, иначе все мы погибнем.

— Мы не погибнем, великая госпожа! — воскликнула Черный Лотос. — Твое послание дойдет до царя хеттов.

Великая госпожа сказала:

— Возьми эти кольца, серьги и браслеты, я хочу вознаградить тебя за твое бескорыстие, Черный Лотос!

— Мне ничего не нужно, великая госпожа. Если Анху не вернется, зачем мне все это? Тогда мне и жизнь не нужна...

— Он вернется, он привезет мне молодого хеттского принца. Так будет, Черный Лотос. И ты будешь у меня вместо старой Ти. Ты будешь главной распорядительницей всех церемоний в моем дворце. А хеттский принц поможет нам освободиться от страха нападения. И еще он поможет нам, Черный Лотос, освободиться от верховного жреца Эйе. Зачем нам видеть перед собой злобного старого Эйе? Зачем, Черный Лотос? Я не могу его видеть. Поверь мне. Ты веришь, что все сбудется, Черный Лотос?

— Верю, великая госпожа!

Черный Лотос старалась верить в благоприятный исход путешествия Анху. Но то, что сказала великая царская вдова, было ужасно. Тревога охватила бедную пленницу из страны Куш. Она вспомнила нашествие воинов Тутанхамона, которые были посланы захватить южные области страны Куш и так безжалостно увели в плен и знатных и бедных людей ее страны. Она вспомнила, как их гнали по знойным пескам, связанных одной веревкой, и подумала, что не перенесет такого несчастья вторично. Ее тревожила судьба Анху, и она укоряла себя за то, что сама уговаривала его отправиться в это трудное путешествие. Но теперь уже было поздно думать об этом. Теперь надо было ждать. Долго ли еще продлится эта пытка, это ожидание? Увидит ли она когда-нибудь Анху?

Весь долгий и утомительный путь Анху не переставал ждать несчастья. Он знал, что беда может настигнуть его каждую минуту. Ее можно было ждать от лазутчиков, посланных жрецом Эйе. Беда могла прийти от беглых рабов и воинов, которые снуют по дорогам в поисках наживы. И хоть одежда его была скромной, он знал, что ночью могут настичь его и отобрать сокровища, спрятанные за поясом коротенькой юбки.

Каждый день, когда солнце клонилось к закату, Анху искал надежное укрытие для ночлега, чтобы не потерять своего коня. Иной раз ему удавалось спрятаться в пещере, иной раз он располагался под скалой, а бывало и так, что его приглашали на ночлег. На земле Ханаанской Анху посчастливилось. В предместье города Тира он остановился у хижины бедного стеклодува, чтобы попить воды. Старый стеклодув сидел у кирпичной печи и следил за тем, как плавил-

лось стекло. У ног его, на песке, стояли крошечные голубовато-зеленые сосуды для благовоний. Они были так красивы, что художник не мог не залюбоваться ими. Анху воскликнул:

— Твои сосуды очень хороши! Они достойны стать подарком для египетской царицы.

— Купцы охотно покупают мои сосуды и украшения из стекла, — ответил стеклодув, — но попадут ли они в обитель земных богов, вот этого я не знаю.

Старик был равнодушен к земным богам, но зато оказал гостеприимство безвестному страннику, предложив ему еду и ночлег под сенью олив.

— Твое гостеприимство мне особенно дорого, — признался Анху, прощаясь с хозяином. — Твоя печь напомнила мне детство и дом моего отца, верховного жреца Мемфиса. Я помню, у такой же кирпичной печки в нашем дворе трудился старый мастер из Сидона. Я любил смотреть, как плавилось стекло. А какие удивительные вещи умел делать из стекла мастер из Сидона!

— Скажи мне его имя, может быть, я его знаю?

— Я не знал его по имени. Его звали просто стеклодувом. Но это было давно. Я был еще мальчишкой, когда его отправили в Фивы. Больше мы его не видели. Однако удивительно, что он из ваших мест.

— Нисколько, — возразил тирский стеклодув. — От деда и отца я слышал, что секрет нашего дела родился в нашей реке Бел. Когда-то, очень давно, купцы Ханаана везли издалека груз соды. Когда они высадились на песчаном берегу реки Бел и разложили костер, обложив его камнями соды, они увидели сверкающие слитки прозрачного камня. Это было стекло, получившееся от сплава песка и соды. С тех пор люди умеют делать стекло. Но лучше всех его делают люди Ханаана, живущие вблизи реки Бел.

— Позволь мне побывать у тебя позднее, когда я буду возвращаться домой с доброй вестью, — попросил Анху.

Вскочив на коня, он понесся к северным высотам ливанских хребтов, за которыми была столица хеттских правителей Хаттуса.

Однако в следующую ночь Анху постигла неудача. Остановившись передохнуть за скалой, он лишился своего коня. Его увели ночью кочевники. Анху был счастлив, что у него остались драгоценности, которые можно было обменять на коней. Ожерелье царицы было тяжелым, за него дали пять добрых коней и припасы для пропитания животных в пути. Теперь Анху был осторожней. Он старался останавливаться на ночлег в каком-либо селенье, чтобы не стать жертвой грабителей. Анху очень торопился, он не позволял себе и лишнего часа передышки, но в двадцатый день пути он был лишь у реки Оронт, в Сирии. И здесь, вдали от Фив, он остерегался встретить посланников Эйе, которые могли его выдать или просто убить.

В пути Анху нередко встречал купцов, воинов, кочевников. Он

старался не задерживаться в их обществе и никогда нигде ни о чем не рассказывал. Каждый раз Анху придумывал новую историю, новую причину, побудившую его отправиться в эти края. Он был очень осторожен после той неудачной ночи, когда он так крепко спал, что не услышал, как кочевники увели его единственного коня. Если бы на нем была хорошая одежда, его могли бы убить спящего, чтобы ограбить. Но полотняная юбка не привлекла внимания грабителей. Это и спасло Анху.

«Скоро и Хаттуса», — думал Анху, очутившись в долине реки Оронт. Как он попадет во дворец хеттского царя? Что он ему скажет? Если царь получил послание египетской царицы, то он уже отправил в Фивы своего сына. Об этом, возможно, знают стражи, стоящие у ворот Хаттусы? Если сын хеттского царя еще не покинул дворец, то надо будет его увидеть и поторопить. Может быть, сказать ему о том, как важно прибыть в Фивы вовремя, да еще в сопровождении многочисленных воинов, которые будут охранять хеттского принца? А что будет, если гонец погиб и не доставил послание великой госпожи? Успеет ли хеттский принц? Ведь после того, как священная процессия доставит фараона Тутанхамона в обитель вечности, должно что-то произойти. Возможно, что Эйе предложит Анхесенпаамон выбрать мужа из вельмож фиванской знати? А может быть, великая госпожа сама объявит себя правительницей обеих земель и старый Эйе будет ей помогать своими мудрыми советами? Можно было бы так думать, если бы в голову не лезли дурные мысли о злодействе. Если бы не думалось о том, что Эйе желал смерти юного фараона.

Был жаркий полдень, когда Анху остановился у реки, чтобы освежиться и напоить коней. Берег реки был пустынным, не надо было опасаться грабителей. Анху искупался и пошел к зеленым кустарникам, где отдыхали его кони. Уже собрав коней, он обратил внимание на белеющий в кустах кусок полотна. Он поднял его и увидел следы крови на белом полотне. Что бы это могло быть? Проверив, есть ли за поясом острый нож, Анху раздвинул зеленые ветви и пошел дальше. Перед ним были следы страшного побоища. Среди зеленых кустов валялись тела убитых. Синие мухи жужжали над ними. Коршуны еще не подросли, злодейство произошло не далее как вчера, может быть уже в сумерках.

Анху подошел поближе и стал всматриваться в лица. Он обратил внимание на благородные черты лица молодого воина. Он снял с него головной убор, остроконечную шапку, аккуратно подшитую белым полотном, и, сорвав полотно, вытащил кусок папируса с царской печатью. Письмо было коротким. Правитель великой страны хеттов послал своего младшего сына в Египет, чтобы он женился на юной вдове фараона Тутанхамона.

— Бедный принц! — прошептал Анху, склонившись над убитым. Он вытащил из груди принца отравленную стрелу и увидел, что стре-

ла — из колчана египетского воина. Анху понял, что Эйе сделал свое дело. Никто другой не мог позаботиться о ранней смерти молодого хеттского принца, предназначенного в мужья юной вдове фараона. Анху снова прочел последние строки письма...

«...Владычица обеих земель, великая госпожа, я посылаю тебе младшего неженатого сына, пусть он станет владыкой Египта... И не будет больше войн. И настанет вечный и нерушимый мир между страной хеттов и Египтом...»

Кто сделал это злодейство? Кому понадобилось убить юного принца? Кому? Кому?

Анху копал землю своим широким острым ножом и сам себе задавал вопрос, на который никто бы не смог ему ответить. Он копал землю, чтобы спрятать от хищных птиц тело юного принца. Он копал и озирался по сторонам. Он знал, что, если его увидят здесь какие-либо люди, кем бы они ни были, все равно его могут заподозрить в злодействе. И все же он копал землю и прятал от хищных птиц тела погибших. Теперь уже некуда было торопиться. Анху понимал, что уже ничем не поможет великой госпоже. Если ей не удастся убедить Эйе в том, что она сможет стать правительницей Египта, то она будет отдана замуж за того, кого пожелает избрать для нее Эйе. Но верховный жрец никогда не был добрым и благородным. Его никто никогда не любил, его боялись. Пробыв год при дворе Тутанхамона, Анху понял, что Эйе заслужил все дурное, что говорили о нем во всех номах обеих земель. Нет, не случайно великая госпожа невзлюбила верховного жреца. Не напрасно она подозревала злодейство. Бедная сирота, беспомощная перед старым хитрым жрецом, как она будет защищаться?

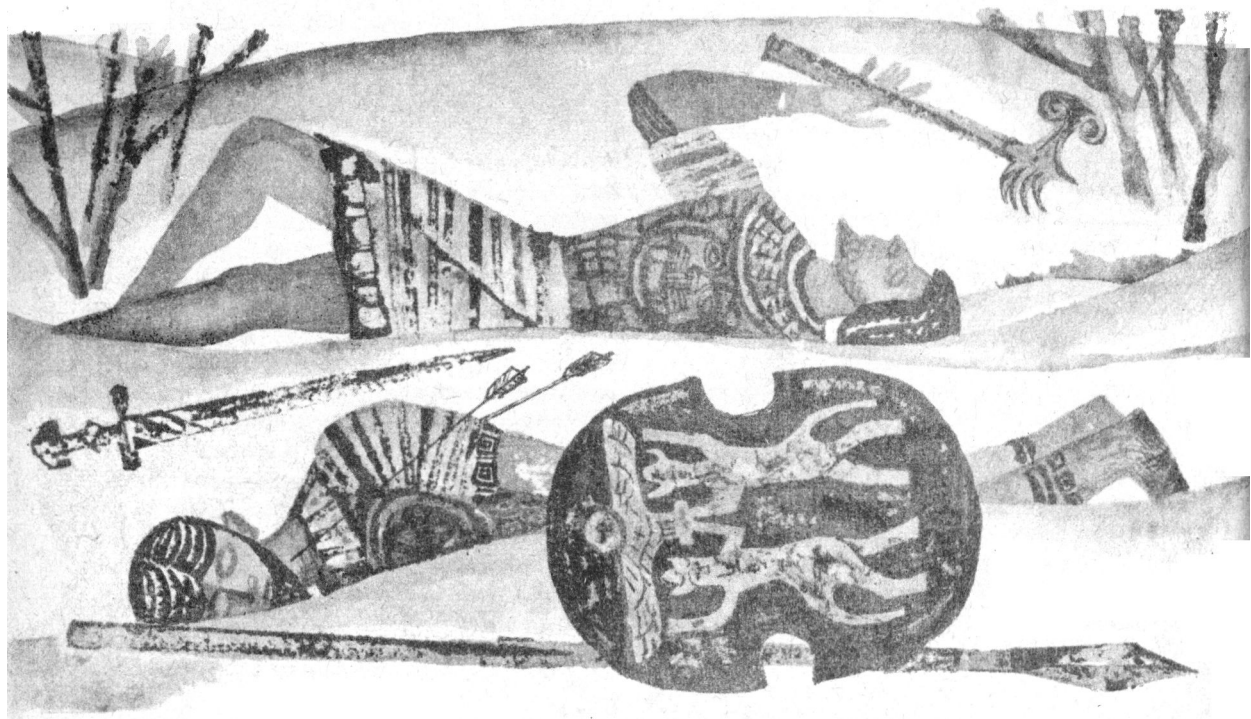
Потрясенный ужасным злодейством, Анху не переставал думать о тех, кто скрылся в неведомом направлении, кто будет вознагражден за убийство. Он думал о том, какие сложные обстоятельства возникнут, как только правитель страны хеттов узнает о случившемся. «Ведь он может пойти войной на Египет! Подумал ли об этом Эйе? Но, может быть, не Эйе повинен в этом? Но кто тогда? Просто грабители? А почему бы и нет? Ведь все унесено. Не мог ведь принц отправиться без даров, без каравана с драгоценной поклажей. Значит, караван уведен. Уведен вместе с людьми, которые его сопровождали. Убили лишь тех, кто был впереди. Пятнадцать телохранителей, которые охраняли принца. Но первым был убит принц. Он был убит и ограблен. С него сняли роскошные одежды. Угнали коней. Увели караван. Нет, это не Эйе! Старый жрец здесь не виновен. Просто не судьба бедной вдове сделать так, как ей хочется. Нашлись грабители, из кочевников. Они встретили богатый караван и напали. Возможно, что их было значительно больше, чем сопровождающих караван. Да, это возможно! Берегись, Анху, как бы и тебя не пронзили стрелой на обратном пути».

Анху поклонился праху погибших, воткнул колчан и лук в холмик над могилой принца и, вскочив на коня, понесся в обратный путь, подальше от страшного места. Ему казалось, что души умерших взывают о мести. И он боялся, что месть будет страшной и падет на головы невинных египтян, которые станут рабами хеттов.

«Только не это! Только не это! — повторял Анху, думая о войне, о рабстве, о злодеяниях врагов, которые давно уже объединились с кочевниками и чувствуют себя неуязвимыми. — Насколько же лучше было бы породниться с хеттами, но не воевать! А убийство принца может привести к войне».

Теперь уж он торопился домой, чтобы скорее узнать, что там произошло. Как проводили юного фараона в обитель вечности, как вынесла все это Анхесенпаамон, а еще больше ему хотелось узнать о том, кто станет править Египтом. Его тревожила судьба Черного Лотоса. Он боялся, как бы старая Тии не погнала гордую кушскую красавицу на черные работы.

Анху очень торопился. Но ему надо было соблюдать осторожность, чтобы не стать жертвой тех же злобных и коварных людей, которые убили хеттского принца. На этот раз Анху был еще более нелюдим. Ему очень хотелось доставить во дворец печальное письмо,

которое говорит о том, как беспомощен и одинок человек среди коварных сил, среди многочисленных богов, которым он служит всю жизнь. Мысль о том, что молодой хеттский принц мог составить счастье юной вдовы, не покидала Анху. Днем и ночью ему мерещились убийцы. Как-то раз ему приснилась пышная процессия в храм Амона, и впереди на колеснице был Тутанхамон. Анху проснулся и подумал, что бы это означало. Может быть, бог Амон-Ра сделал так, что не исполнятся дурные замыслы Эйе, а добрые намерения великой госпожи под покровительством ушедшего в поля царства Осириса фараона сбудутся?

Долгим и мучительным был обратный путь, и чем ближе становились Фивы, тем тревожней было на сердце у Анху. Давно уже прошел тот день, когда должны были проводить фараона в его последнее жилище. Уже что-то случилось во дворце. Что случилось?

Но вот и ворота, у которых Анху прощался с Черным Лотосом. Он вошел. Усталый, голодный, запыленный, он соскочил с коня и спросил привратника, какие новости в священных Фивах.

Большие новости! Подобного еще не было. . . Верховный жрец Эйе стал правителем обеих земель. . .

Анху показалось, что земля покачнулась и каменные колонны

падают на него. Он прислонился к стене, постоял немного, а потом пошел в свой бедный дом, где должна была ждать его Черный Лотос. Теперь он уже боялся, что не найдет ее. Если возможно подобное, то можно ждать любого злодейства. А почему бы старой Тии не угнать пленницу на черные работы, чтобы загубить ее?

— Ты здесь, Черный Лотос? Какое счастье!

Анху вошел в свою мастерскую и увидел согнутую фигурку в желтом, поблекшем покрывале. Черный Лотос сидела на циновке и перебирала его инструменты. Она, видимо, не переставала думать о нем, она ждала его каждую минуту, терзаясь страхом за его жизнь да и за свою жизнь. Как изменилось ее лицо, как печальны глаза.

— Горе великое, Анху. Несчастье преследует великую госпожу. Она во власти жестокого Эйе. Я так ждала тебя. . .

Черный Лотос оцупывала руки и плечи Анху, не веря, что он перед ней.

— Ты жив, Анху! Ты здесь! Ты спасешь меня! У меня больше нет великой госпожи. Мне больше нет доверия. Я не могу прийти к ней, она сама уподобилась рабыне. . .

Слезы струились из глаз Черного Лотоса. Она не могла говорить.

— Я все знаю! Я знаю даже больше дозволенного. Как только ночь спустится на землю, мы должны бежать, Черный Лотос. Я узнал страшную вещь. Эйе убил хеттского принца. Если бы он не сделал этого, то не стал бы ему правителем обеих земель. Он все знал. Он все предвидел. И он послал своих воинов, чтобы не дать юному принцу прибыть в Фивы. Теперь мы бессильны. Теперь никто уже не может помочь юной вдове. Эйе сильнее всех!

— Куда же мы пойдем? Нас нигде не ждут. Повсюду можно столкнуться с людьми Эйе. Как он хитер и коварен! Если бы ты видел, Анху, его великую скорбь во время священной процессии! Кто бы мог подумать, что на следующий день он женится на великой госпоже, не спросив ее согласия. Кто бы мог подумать! . .

Черный Лотос рыдала, рвала на себе волосы, падала на колени перед черной статуей богини Хатор. Сердце ее разрывалось от жалости к бедной вдове, ставшей женой старого тучного Эйе.

— Чтобы стать правителем великого Египта, надо было жениться на юной вдове, — сказал Анху. — Возможно, что Эйе всю жизнь ждал этого случая и сделал так, чтобы юная Анхесенпаамон стала свободной. Горе великой госпожи громадно, но еще не все бедствия исчерпаны. Теперь можно ждать самого худшего. Боюсь, что скоро наступит день мести и день скорби. Как бы хетты не завладели Фивами.

И тогда Черный Лотос рассказала об опасениях великой госпожи. О том, как божественный фараон перед самой смертью боялся нашествия и как мудрая дочь Эхнатона решила предотвратить зло-

действие и потому отправила гонца с письмом к царю хеттов.

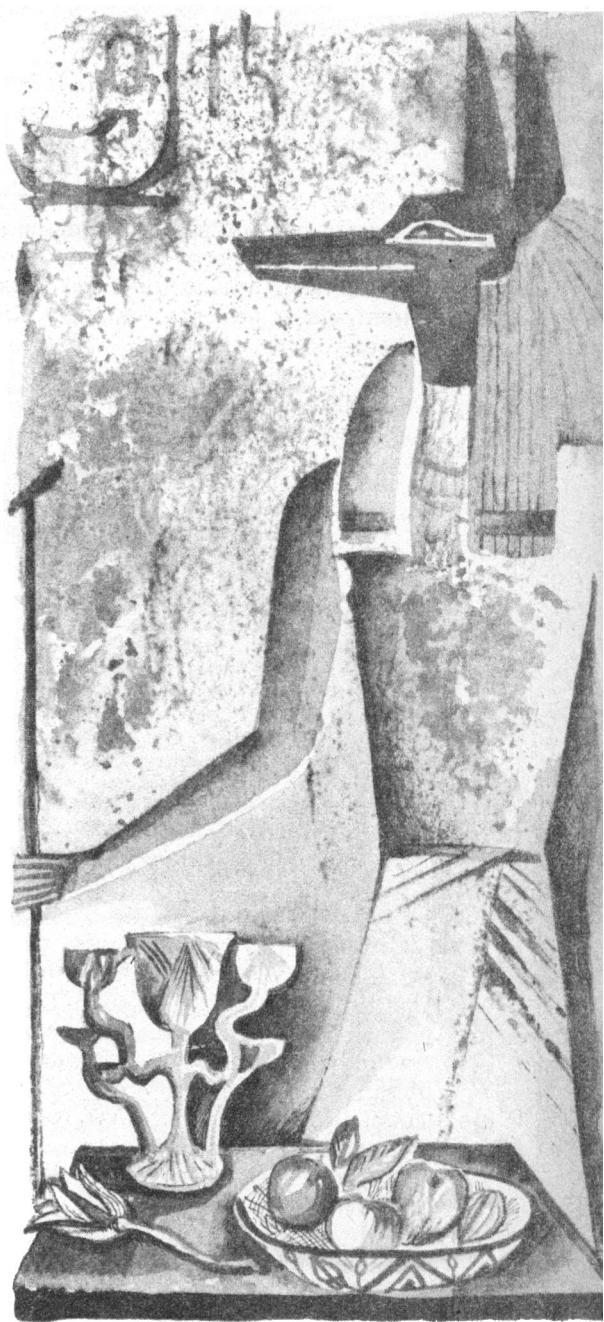
— Великая госпожа достойна своего великого отца Эхнатона, — сказал Анху. — Боги наградили ее мудростью и благородством, но они забыли дать ей немного счастья. Судьба ее жестока. Мы бессильны, Черный Лотос. Пойдем в Карнакский храм. Отдадим жертву всемогущему и весильному Амону-Ра и покинем Фивы. Мы пойдем в заброшенный Ахетатон. Мне говорили, что там еще живут люди. Там мы найдем себе занятие. Сними желтое покрывало, Черный Лотос. Завернись в кусок белого полотна. Я не хочу, чтобы тебя узнали на улице. Как бы не случилось беды.

* * *

В сумерках двое безмолвных вошли под гулкие своды Карнакского храма. Мужчина держал в руках светильник. Они оставили свои жертвоприношения у ног священных статуй, а потом подошли к стеле, где была сделана посвятельная надпись юного Тутанхамона, столь щедро сделавшего свои пожертвования храму. Священная надпись оставалась прежней:

«Я нашел храм в развалинах: стены святилища были разрушены, дворы его заросли травой. Я вновь воздвиг святилище...»

Вся надпись сохранилась нетронутой. Но в ней было зачеркнуто имя Тутанхамона и стояло имя фараона Эйе.

Гробница Тутанхамона

Послесловие

«Поразительное зрелище, которое предстало перед нами в свете нашего фонаря, было единственным за всю историю археологических раскопок...» Так писал знаменитый английский археолог Говард Картер о своем первом впечатлении, когда была вскрыта гробница Тутанхамона, египетского фараона восемнадцатой династии (1342 год до н. э.).

«Луч нашего фонаря, — писал Говард Картер, — первый луч света, прорезавший трехтысячелетний мрак, перебегал с одного предмета на другой. Из темноты выступили позолоченные лежа с фигурами зверей. Две черные фигуры фараона в полный рост в золотых передниках, в золотых сандалиях, с булавами и посохами в руках... Сундуки с тончайшей росписью и инкрустациями, алебастровые сосуды с прекрасными сквозными узорами... Из черного ковчега выглядывала огромная золоченая змея. Резные кресла, инкрустированный золотом трон, трости и посохи. На самом пороге комнаты стоял великолепный кубок в форме цветка лотоса из полупрозрачного алебастра. Слева виднелось нагромождение перевернутых колесниц, сверкающих золотом и инкрустациями, а затем за ними еще одна портретная статуя фараона...»

Можно представить себе радость и волнение ученых, когда их взору представились эти удивительные сокровища далекой древности.

Чем же примечательны эти открытия? Разве до находки гробницы Тутанхамона мы мало знали о Древнем Египте? Мы знали много, но до этого удивительного открытия, происшедшего в 1922 году, не было случая, чтобы археологам удалось открыть неразграбленную гробницу.

Еще в те далекие времена — тысячи лет тому назад — грабители умудрялись проникать в замурованные гробницы фараонов, чтобы добыть оттуда сокровища, сложенные рядом с саркофагом.

Древние египтяне верили в загробную жизнь, и фараоны, владевшие несметными богатствами, стремились воздвигнуть гробницы, в которых они смогли бы обеспечить себе благополучие за пределами земного существования.

Сорок пять столетий назад была воздвигнута гигантская пирамида Хеопса, высота которой достигает пятидесятиэтажного дома. Она занимает площадь более пятидесяти четырех тысяч квадратных метров. Это грандиозное сооружение строили сотни тысяч рабов. На протяжении двадцати лет нескончаемая вереница голых, истощенных, сожженных солнцем людей с воплями и проклятиями тащила накатках тачки, груженные камнем. Со свистом опускались бичи надсмотрщиков, и нередко на пыльной дороге оставались безжизненные тела. Тысячи рабов погибли у подножия гигантской пирамиды, но на их место пригоняли новых, и работа продолжалась. Здесь, в таинственных покоях, должна была сохраниться навеки мумия фараона. А так как египтяне верили, что после смерти человек обретает новую жизнь, то рядом с саркофагом в усыпальнице складывались громадные богатства.

Но фараоны не находили покоя в этих усыпальницах. Люди, жившие в постоянной нужде, рискуя жизнью, проникали в тайник и грабили его. Вот почему гробницы фараонов, сохранившиеся до наших дней, оказались опустошенными.

Сохранились древние папирусы, повествующие о судебных делах над граби-

---

телями священных могил. В одном из таких папирусов записано признание грабителей:

«Мы проникли во все помещения и увидели, что царица покоится... Мы открыли их гробы, мы сняли покровы, в которых они покоились, мы нашли божественную мумию этого царя... На шее его было великое множество амулетов и украшений из золота. Голова его была покрыта золотой маской. Священная мумия была вся украшена золотом. Покровы ее были вышиты серебром и золотом изнутри и снаружи и украшены всевозможными драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, все его амулеты и украшения, висевшие у него на шее, а также и покровы, в которых он покоился.

Мы нашли и жену фараона. И мы сорвали с нее также все. Мы сожгли их покровы... мы унесли их утварь, которую нашли при них. Там были сосуды из золота, серебра и бронзы. Все золото, найденное на мумиях этих двух богов, их амулеты, украшения и покровы мы поделили...»

Лорд Карнарвон и археолог Говард Картер на протяжении многих лет безуспешно вели поиски неразграбленной гробницы в Долине царей, гигантском кладбище египетских фараонов. Здесь были похоронены некогда великие и могущественные правители Египта. И вот экспедиции археолога Говарда Картера выпала величайшая удача: он нашел почти не потревоженную гробницу Тутанхамона. И хотя фараон Тутанхамон, умерший в возрасте восемнадцати лет, не был ничем примечателен, его гробница сделала его знаменитым во всем мире.

В маленький египетский городок Луксор, вблизи которого находится Долина царей, в 1922 году устремились ученые многих стран мира. Они ждали, что находки раскроют перед исторической наукой новые тайны жизни древних египтян. Так и случилось. Вещи, найденные в гробнице Тутанхамона, многое рассказали: о религии, обрядах, о быте, о ремеслах, об искусстве художников и скульпторов. Они рассказали об удивительном таланте этого народа.

В тот волнующий день, когда был раскрыт саркофаг и археологам удалось увидеть мумию фараона и даже прекрасно сохранившееся лицо, Говард Картер рассказывал:

«От легкого прикосновения щеточки отпали последние обрывки истлевшей ткани и обнажилось ясное и безмятежное лицо молодого человека. Оно было утонченным и культурным, с красивыми чертами, что особенно ясно чувствуется, когда смотришь на губы. Я думаю, что здесь можно отметить... изумительное сходство Тутанхамона с его тестем Эхнатомом, что замечалось уже на изображениях».

Золотая маска в четвертом саркофаге Тутанхамона, в котором была заключена мумия, с точностью повторяла живое лицо правителя Египта, останки которого дошли до нас через тридцать пять столетий.

Вещи, найденные в гробнице, помогли ученым узнать многие стороны жизни древних египтян. Не только вещи, но и письмена — посвятельные надписи, сделанные рядом с изображением сцен из жизни фараона.

В Каирском музее хранится стела. Когда-то она стояла в одном из храмов Кар-

---

нака. На ней надпись, высеченная по велению Тутанхамона. Она повествует о строительных работах по восстановлению храма:

«Я нашел храм в развалинах: стены святилища были разрушены, дворы его заросли травой. Я вновь воздвиг святилище, я восстановил храмы и пожертвовал им всевозможнейшие превосходные вещи. Я отлил изваяния богов из золота и электрона, украсив их лазурином и всевозможными драгоценными камнями».

Известно, что эта надпись была впоследствии присвоена фараоном Хоремхебом, точно так же как были присвоены посвятительные надписи о делах Тутанхамона, сделанные в других местах.

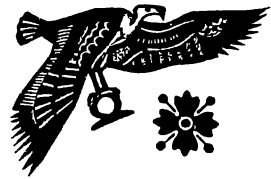
Среди многочисленных находок в гробнице Тутанхамона особое место занимает золотой трон, который ученые считают одним из лучших произведений искусства того времени. Ножки трона в форме кошачьих лап оканчиваются львиными головами — простыми и в то же время очень реалистичными. Ручками служат великолепные изваянные крылатые змеи, увенчанные коронами. Между брусьями, поддерживающими спинку, изгибаются шесть кобр из позолоченного и инкрустированного дерева. Но красой всего трона является его спинка.

«На спинке кресла изображен один из залов дворца. Это комната, украшенная по бокам колоннами, увенчанными цветочными гирляндами, фризом из уреев и карнизом с традиционным рисунком. Сквозь отверстие в крыше солнце посылает свои дающие жизнь благословляющие лучи. Сам фараон в непринужденной позе сидит на покрытом подушками троне, небрежно закинув руку за спинку. Перед ним стоит его жена. У нее тонкая девичья фигура. По-видимому, она помогает фараону заканчивать туалет: в одной руке у нее маленькая ваза с благовониями или умащениями, а другой она нежно умащает плечо мужа или стряхивает каплю благовонной эссенции на его ожерелье.

Краски спинки трона необычайно яркие и эффектны. Лица и обнаженные части тела фараона и его жены сделаны из красной стеклянной пасты, головные уборы — из сверкающего, похожего на бирюзу, фаянса, а их одежда — из серебра, которому время придало изысканный редкий оттенок. Короны и ожерелья и все орнаментальные детали панели инкрустированы разноцветным стеклом и фаянсом, сердоликом, а также совершенно неизвестным сочетанием прозрачных кварцевых пластинок с подкладкой из цветной пасты, очень напоминающих итальянскую стеклянную мозаику. И все это на фоне листового золота, которым обит весь трон».

Такое подробное описание трона дает Говард Картер. Он считает, что эта вещь является вершиной художественного мастерства времени, которое ученые назвали временем Амарны (по названию деревушки, где были сделаны находки).

Удивительно хороши портреты юного фараона и его жены Анхесенпаамон. Они вызывают необыкновенную симпатию красотой и обаянием лиц, и нам хочется возможно больше узнать о них. Мы очень мало знаем о жизни Тутанхамона, но о царице мы кое-что знаем. Одни ученые считают, что она является дочерью знаменитой Нефертити, другие считают, что она была дочерью азиатской царевны, но одно несомненно — она была дочерью фараона, реформатора египетской ре-

---

лигии Эхнатона, о котором сохранилось много любопытных памятников и документов.

Какова же судьба юной царицы, которая в возрасте семнадцати лет стала вдовой? Известно, что царица обратилась к хеттскому царю с посланием, в котором писала:

«Мой муж умер, а я слышала, что у тебя есть взрослые сыновья. Пришли мне одного из них: я выйду за него замуж, и он станет владыкой Египта». Если бы хеттский царевич прибыл в столицу Египта вовремя, в течение тех двух месяцев, пока бальзамировали Тутанхамона и пока готовились к его погребению, если бы этот царевич имел с собой хеттских воинов, возможно, что Анхесенпаамон удалось бы осуществить свой план. Но, очевидно, хеттский царь боялся ловушки, он не доверял этому посланию египетской царицы. Хеттский царь не торопился, он долго обсуждал с советниками предложение Анхесенпаамон. Потом он послал гонца, чтобы узнать, как обстоят дела в Египте. А царица, видя, что время уходит, и тревожась о своем будущем, о будущем своей великой страны, в отчаянии пишет второе письмо: «...пришли мне одного из своих сыновей, и я сделаю его царем!»

Когда хеттский царь послал наконец в Египет одного из своих сыновей, тот был убит. Фараоном Египта стал верховный жрец — шестидесятилетний Эйе. Видимо, он женился на юной вдове. Не сохранилось никаких документов, которые рассказали бы о дальнейшей судьбе Анхесенпаамон.

Многие вещи, найденные в гробнице Тутанхамона, говорят о том, с какой любовью и заботливостью проводили в последний путь фараона. Они говорят о высоком вкусе юного фараона и прелестной царицы. Но один предмет, найденный на саркофаге, особенно взволновал археологов. Это был маленький венок из живых васильков. Цветы высохли, но сохранили свой цвет и форму. Этот венок обрамлял эмблемы коршуна и урея на лбу второго царского гроба. Можно себе представить, как скорбящая Анхесенпаамон сама возложила этот венок на саркофаг любимого мужа.

Кстати, известно, что василек цветет во время жатвы, в марте или апреле. Это дало повод ученым с уверенностью сказать, что Тутанхамон был погребен между серединой марта и концом апреля.

Многочисленные фрески на стенах дворцов и храмов Древнего Египта запечатлели воинственные сцены, когда фараон, мчавшийся на своей колеснице, разил верной стрелой своих врагов. Есть сцены, показывающие колесницу и фараона, разящего львов, или как фараон на колеснице несется по телам убитых врагов. Но подлинные колесницы, золотые колесницы фараона, были найдены в гробнице Тутанхамона. Сверху донизу покрытые золотом, украшенные рельефными изображениями, они инкрустированы по краям тщательно выполненным орнаментом из полудрагоценных камней и разноцветного стекла в золотой оправе. Отделанные золотом парадные колесницы с их пышными украшениями и сбруей, вероятно, производили величественное впечатление во время торжественных шествий. В надписи на одной из стел Эхнатона сказано:

«Его величество взшел на великую колесницу из электрона подобно Атону, когда он восходит на горизонте и наполняет страну любовью своей».

Юный фараон на колеснице, охотящийся за дичью в пустыне, изображен на крышке расписного ларца. Тут видны газели, дикие козы, страусы, дикие ослы, которых преследуют охотничьи собаки фараона. Позади колесницы изображены носители опахала, придворные и телохранители. Тут же нарисованы растения пустыни. Другая половина крышки этого же ларца покрыта превосходной композицией, где видно, как Тутанхамон охотится на львов и львиц. Художник с большим мастерством передал предсмертные судороги зверей.

На стенке другого ларца мы видим Тутанхамона на боевой колеснице. Он поражает своих врагов — нубийцев. За ним следуют его лучники, воины на колесницах и носители опахала. Над фараоном парят охраняющие его коршуны. Они олицетворяют богиню Нехебт — покровительницу Верхнего Египта. На этом же ларце есть изображение, рассказывающее о том, как фараон поражает азиатов — северных врагов. Стоя на колеснице, он целится из лука в своих врагов, а его псы хватают раненых и убитых.

Многие вещи из гробницы Тутанхамона рассказывают о боевых доблестях фараона, показывают бытовые сцены, изображают поверженных рабов. Так, например, один из парадных посохов завершается ручкой, на которой изображены азиат и негр, символизирующие северных и южных противников Египта. Голова, руки и ноги у азиата сделаны из слоновой кости, у негра — из черного дерева.

На парадном панцире фараона есть подвеска, на которой изображен Тутанхамон. Бог и богиня приводят его к верховному богу Фив Амону. Верховный бог Амон протягивает фараону знак «анх», что означает «жизнь».

На панели золотого ковчега изображен царь, сидящий на складном табурете. В левой руке он держал цветок лотоса и плоды мандрагоры — «адамово яблоко». У ног его сидит царица.

Среди многочисленных ювелирных изделий, найденных в гробнице, — нагрудные украшения, подвески, серьги из золота, отделанные драгоценными камнями прекрасной работы древних мастеров. Но среди золотых предметов — перстень из железа, по всей вероятности самого драгоценного металла того времени. А в одном из ларчиков — набор железных инструментов, игрушечных, возможно сделанных для юного фараона, когда он был совсем маленьким. Браслеты с предплечий царя из золота и серебра, инкрустированные разноцветным стеклом и полудрагоценными камнями, очень разнообразны по форме. Бесчисленное множество амулетов.воротники — ожерелья из перегородчатой эмали, сделанные из золотых кованых пластинок. Диадема царя в форме повязки, обнаруженная на его голове. Она сделана из золота, инкрустирована прозрачным карнеолом. Удивительно хороши изделия из фаянса и алебаstra — всевозможные сосуды для благовоний. Прекраснейшее украшение для стола в виде барки, плывущей по пруду. Сосуд для притираний, вырезанный из полупрозрачного алебаstra. Ножками служат головы пленников, высеченные из черного и красного твердого камня. Язык лежащего на крышке льва сделан из окрашенной в красный цвет слоновой кости. Охотничья сцена и орнамент

из гирлянд по обеим сторонам сосуда выгравированы на камне и инкрустированы различными цветными составами.

Царская чаша для омовений из алебастра сделана в форме распутившегося лотоса. На чаше начертаны имена и титулы фараона, а по верхнему ее краю надпись:

«Да живешь ты, Гор, могучий Бык, прекрасный рождениями, две богини, прекрасные повелениями своими, умиротворяющие обе страны. Гор золотой, увенчанный диадемами, угодный богам, царь Верхнего и Нижнего Египта, повелитель обеих земель Непхепрура, которому дана жизнь. Да живет твоё Ка, и да пребудет оно миллионы лет, о возлюбленный Фивами, чей лик обращен в сторону северного ветра, чьи глаза — источник благоденствия».

Согласно обычаям захоронения, в гробницу покойника клались погребальные статуэтки — ушебти. Они изображают и фараона, и его слуг, и его сановников. Они делались из дерева ушебти, от которого и получили свое название. Их обязанность заключалась в том, чтобы в подземном царстве заменять умершего во всех случаях, когда ему придется выполнять какую-нибудь тяжелую работу. Как сказано в шестой главе «Книги мертвых», они нужны, «когда человек обязан возделывать поля, орошать пастбища или переносить песок с востока на запад». Когда умершего призывают к какому-нибудь делу, вместо него являются эти фигурки и говорят: «Здесь я».

В гробнице Тутанхамона на подошвах шести искусно выточенных из дерева фигурок написаны посвящения; они говорят о том, что фигурки были подарены Тутанхамону высшими сановниками. Эти посвящения гласят:

«Сделано благодетельствованным своим повелителем верным слугой, царским писцом Миннехтом, для повелителя своего Осириса, владыки обеих земель...» «Сделано благодетельствованным своим повелителем Непхепрура слугой, хранителем сокровищницы Маи».

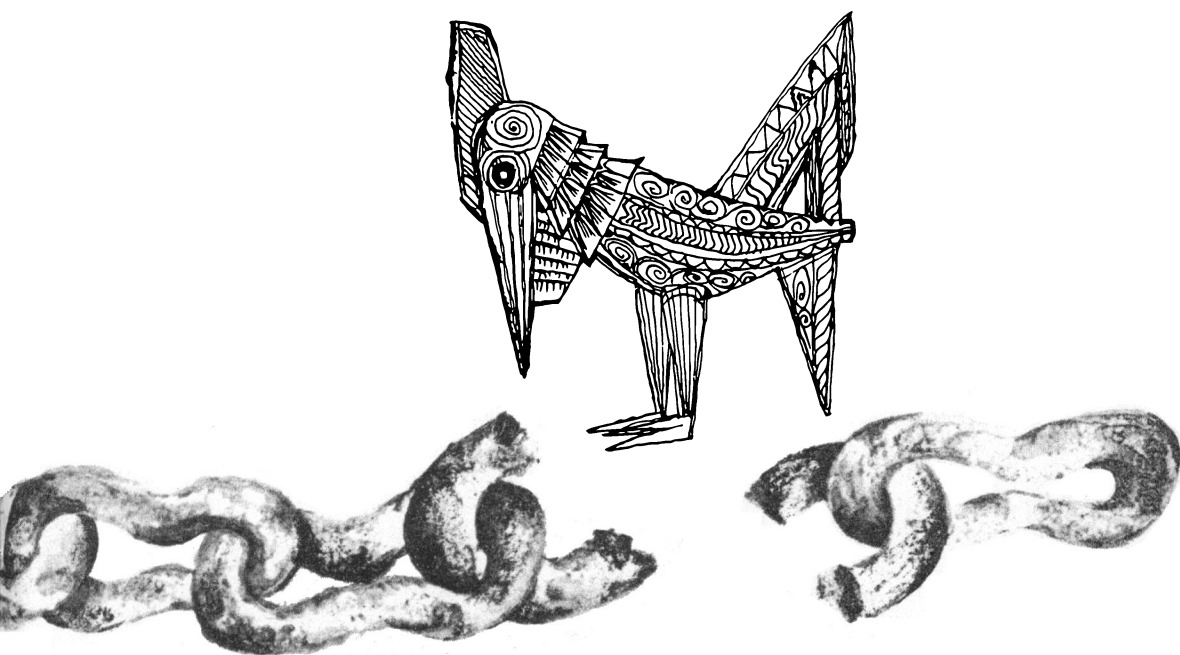
На самой фигурке надпись:

«Снизойди, мать Нут, склонись надо мной и преврати меня в одну из бессмертных звезд, которые все в тебе!»

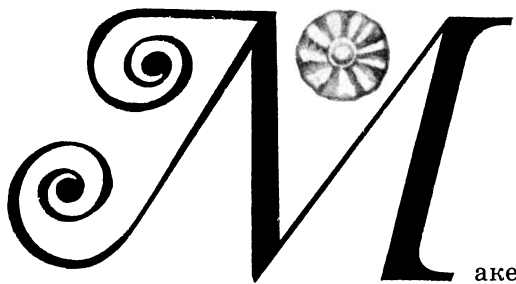
Маи, который преподнес в дар фараону статуэтку ушебти, как полагают ученые, отвечал за сооружение царской гробницы.

Каждый предмет, каждая надпись, украшения, одежда, вооружение, утварь — все рассказывало о жизни правителя Египта тридцать пять веков назад. Но все эти находки рассказали не только о жизни и смерти фараона Тутанхамона. Они рассказали также о жрецах, которые священнодействовали в храмах и следили за выполнением сложных ритуалов. Они рассказали о вельможах, которые желали, чтобы великий фараон помнил их и в своей бесконечной жизни за гробом. Они рассказали о бесчисленных войнах и сражениях. О покоренных странах, о тысячах рабов — черных и белых, которые создавали дворцы и храмы. Они рассказали также о великом и бессмертном искусстве простых людей Египта. О ювелирах, резчиках по кости и дереву, о камнерезах и художниках, которые увековечили память о себе, создав удивительные произведения искусства, которые вызывают восхищение у людей через тысячелетия.

ПРАЗДНИЧНЫЙ КОСТЕР МАКЕРЫ

акера — на языке людей хауса «кузнец». Свое имя «Макера» мальчик получил в тот день, когда еще трудно было сказать, будет ли он кузнецом, ткачом или охотником. И будет ли вообще жить на свете. Ведь немногие дети людей хауса доживали до таких лет, когда уже можно было сказать, что духи предков покровительствуют им и даруют жизнь. Малютки нередко умирали, еще не начав ходить и говорить слово «мама».

Однако отец малыша, кузнец Бахаго, помолвившись перед глиняным алтарем, где стояла деревянная голова его деда, и воздав жертву духам предков, уверовал, что его сын вырастет и будет хорошим кузнецом.

Бахаго считали удачливым. Из шестерых его детей только трое умерли совсем крошечными, а трое сыновей уже подросли и стали помогать отцу. Сейчас, когда в хижине кричал четвертый сын, Бахаго усердно колдовал над деревянным сосудом, наполненным землей, пальмовым маслом, костями молоденькой лани и перьями пестрых попугаев. Затем он позвал жену и велел дать малютке немного фуры — жидкой просяной каши, которую взрослые запивают молоком коровы, а дети — молоком матери.

Крошечный Макера не знал, что фура — самое любимое и лакомое блюдо у людей хауса. Он не хотел есть фуру. Он отбивался и барахтался в руках матери, отворачивал свою курчавую головку и кричал. А мать усердно набирала в свой рот просяную кашу, прожевывала ее и кормила своего младенца, как это делают некоторые птицы, живущие в саванне.

Когда тьма спустилась на землю, Бахаго зажег костер в честь своего маленького Макары. Он зажег его посреди селения, где трава была вытоптана ногами веселых танцоров. Вначале у костра собрались одни мужчины, и Бахаго стал

им рассказывать о том, как дед, искуснейший во всей округе кузнец, учил его плавить металл и превращать бронзу в очень нужные и полезные вещи. Он рассказывал это весело, не переставая шутить и улыбаться, так что в полутьме только и видно было, как ослепительно сверкали зубы и белки больших глаз.

— Старик хотел, чтобы я стал знаменитым мастером при дворе великого обба — царя Эдо!¹ — рассказывал Бахаго. — Знаете ли вы, что обба имеет дворец, который больше всего нашего селения? А во дворце у него множество алтарей. Говорят, что там стоят бронзовые статуи великих предков божественного правителя. Кто-то должен их сделать?

— Ты хочешь их делать? О безумец, чего ты захотел! Ты хочешь покинуть саванну? — закричал старейшина племени Маваки. — Ты хочешь бежать из родного селения, где духи предков добры к тебе? Ступай! Ступай! Ступай! Ты делаешь здесь наконечники стрел для охоты на слонов, а там ты будешь делать цепи. . .

— Зачем цепи? Для чего?

— Для своих братьев! Разве ты не знаешь, что есть земля, которую называют Невольничий берег? Туда угоняют людей хауса, йоруба, фульбе, заковывают их в цепи и увозят в дальние страны, как скот.

— Ты пугаешь меня, будто я собираюсь покинуть свой дом. Я никогда не покину саванну, — ответил Бахаго, — не покину свое селение! За кого ты меня принимаешь, Маваки? Разве я не вижу, как добры ко мне духи предков? Вот ты, Маваки, призвал меня в день молодой луны и дал мне прекраснейший слоновый бивень. А твой внук только вчера притащил мне тушу молоденькой ориби². И все это — за мои бронзовые наконечники стрел. Вам очень нужны наконечники стрел, — иначе как вы будете убивать слонов и буйволов? А я умею делать их даже с закрытыми глазами. Скажи, зачем я покину наше селение? Недаром наши предки называли его Слоновьей Тропой. Мое сердце сладко замирает, когда я просыпаюсь ночью от гулкого топота слоновьего стада. Духи предков добры к нам. Это они велели слонам бежать на водопой по тропе, проложенной мимо наших хижин. Как я могу покинуть наше селение? Я удачлив, Маваки! С тех пор как я помню себя, мы всегда имеем вдоволь мяса, пальмового вина и кое-что для обмена в прекрасном городе Кано.

— Я не помню случая, чтобы ты побывал в городе Кано, — ответил Маваки и строго посмотрел на Бахаго — не обманывает ли кузнец старейшину племени.

— Это было давно, Маваки. Отец брал меня с собой в Кано.

---

¹ Эдо — так пятьсот лет назад назывался Бенин.

² Ориби — разновидность антилопы.

Я был еще глупым мальчишкой. Но я хорошо запомнил богатый базар и улицу ткачей. Там отец обменивал бронзовые браслеты и серьги на ткани. С тех пор я никогда не бывал в Кано. Но настанет день, когда я отправлюсь туда, и со мной пойдут четверо моих сыновей. Женщины хауса ценят мои украшения, и в Кано найдется их немало. Они дадут мне взамен самые лучшие синие ткани.

— Я обращусь к духам предков и выпрошу тебе удачу, — сказал старый Маваки. — Но ты привезешь мне тканей для моих жен и внуков.

— Я не отказываюсь, привезу! Я привезу много тканей для тебя и для себя. Мой дед научил меня делать вещи такой удивительной красоты, что мне нет покоя от женщин хауса: все желают иметь мои браслеты, мои кольца и украшения для волос. Окажи мне честь, мудрый Маваки, выпей моего пальмового вина и расскажи нам о предках. Ведь старше тебя нет человека в нашем селении.

Старейшина племени Маваки очень любил пальмовое вино — томбо. Он никогда не отказывался от угощения: это было невежливо. Он с удовольствием выпил объемистый кувшин вина, и тогда все мужчины селения, сидящие у праздничного костра, увидели, что глаза старейшины еще полны огня и мудрости. В ярком зареве костра они сверкали так же молодо, как и много лет назад. А хриплый голос Маваки — не так, как прежде, но все же очень хорошо — напомнил им песнь счастливой охоты.

Тотчас же старшие сыновья Бахаго притащили свои барабаны, к ним присоединились дудки молодых охотников, и началось веселье с песнями и плясками. Тут и женщины не стерпели. Они оставили плачущих детей в темных хижинах и бросились к веселому костру Бахаго. Всем хватило пальмового вина — его долго запасала мать крошечного Макеры, четвертого сына кузнеца, виновника торжества.

Тростниковые хижины, приютившиеся в небольшой роще гвинейских пальм, были затеряны среди бескрайней саванны на севере Нигерии. Высокая трава скрывала здесь не только человека, но и громадных слонов. Время засухи окрашивало саванну в бурый цвет слоновьей шкуры, делало ее унылой и однообразной. В эти месяцы пальмовая роща маленького селения охотников выглядела зеленым оазисом.

Люди хауса, жившие в этом небольшом селении, очень ценили свои пальмы и берегли их. Здесь были пальмы, посаженные прадедами; они прожили уже целое столетие. Другие деревья были молоды, как дети. Но уже в четырехлетнем возрасте они приносили пользу. Молодые листья пальм использовались для еды. Старые — превращались в корзины. Из них делали кровлю для хижин. Такие крыши помогали укрыться во время дождей. Когда созревали плоды, женщины и дети принимались за приготовление масла. Мужчины же

больше всего заботились о том, чтобы собрать много сока пальмы. Из него делалось отличное вино томбо.

Томбо нужно было в каждой семье. То праздновали рождение сына. То отмечали удачную охоту на слонов. То вдруг удавалось убить леопарда, который ночью пробрался к хижине.

Жена кузнеца Бахаго целых полгода с величайшим терпением готовила томбо. В глубоких темных ямах стояли глиняные сосуды с пальмовым соком. Когда сок начинал бродить, Бахаго обращался к духам предков. Он приносил к алтарю что-либо съедобное и просил милости, чтобы вино получилось крепкое и понравилось гостям.

На рассвете, после веселого празднества, Бахаго велел жене поставить у алтаря калebas¹ вина в благодарность за то, что все удалось как нельзя лучше, за то, что гостям понравилось томбо, за то, что старый мудрый Маваки обещал покровительство младшему сыну.

— Однако не забудь выполнить свое обещание — привезти мне из Кано хороших тканей, — напомнил Маваки кузнецу, когда внуки уводили его из хижины совсем пьяного.

— Привезу, привезу... — повторял Бахаго, провожая почтенного гостя.

— Я уже лет пятнадцать не бывал в Кано, — лепетал Маваки, вырываясь из крепких рук своих внуков. — Если обо мне не позаботятся люди моего племени, то мне нечем будет прикрыть свое тело от солнца. К тому же я состарился, Бахаго, мне пора уже прикрывать тело от ночного холода.

Кузнец помнил свое обещание. Он очень хотел возможно скорее отправиться в прекрасный город Кано, единственный город на свете, который он видел. Правда, время стерло яркие картины, оставшиеся в его памяти с тех пор, когда он еще мальчишкой сопровождал отца в Кано. С годами все виденное словно покрылось налетом пыли, потускнело, но не потеряло для Бахаго своей привлекательности. Бахаго стремился в Кано и потому еще усердней стал готовиться в путь. Ему надо было сделать много-много бронзовых украшений, чтобы выменять их на базаре. А делать украшения труднее, чем бронзовые наконечники стрел. Каждая браслетка, каждая сережка требовали усердия и выдумки. Но у Бахаго были и другие заботы. Кузнец нередко занимался делом, которое прежде казалось ему развлечением, а последнее время он понял, что это дело может дать ему больше мяса и вина, чем все самые трудные работы кузнеца и литейщика. И он стал заниматься этим делом, подстрекаемый щедрыми дарами.

Дело в том, что к Бахаго нередко обращались с просьбой вырезать деревянные головы предков для алтарей. Как-то он сделал такие головы для своих близких родственников. Потом его попросил об этом

---

¹ К а л е б а с — сосуд из сухой выдолбленной тыквы.

Маваки. А потом слава о нем разошлась по саванне, и к нему приходили даже из дальних маленьких селений, хотя повсюду были свои резчики по дереву, а он, Бахаго, был единственным кузнецом в Слоновой Тропе. Все же ему пришлось заниматься и резьбой. Бахаго давно заметил, что людям присущи всевозможные причуды. Появится такая причуда у одного, потом она переходит к другим, и многие становятся ее пленниками.

Так было и с ним. Казалось, что нет нужды обращаться к нему с работой резчика по дереву. А вот обращаются, и он не смеет отказать. Пожалуй, во многом виновата и Мать Макеры — так теперь называли жену кузнеца Бахаго. Вместо того чтобы пойти в поле и заняться посадками земляного ореха, она не поленилась отправиться в одно дальнее охотничье селение с Макерой за спиной и с деревянными фигурками в корзине. Она чуть не уморила малыша, а для чего? Чтобы заставить Бахаго вырезать еще несколько деревянных голов для алтарей и получить за них мяса и плодов. Неудивительно, что путешествие в Кано все откладывалось. Бахаго сердился, да и Мать Макеры становилась нетерпеливой, часто вспоминала о предстоящем путешествии, однако не помогала мужу готовиться к нему, а только мешала.

— Зачем тебе плавить металл, когда ты можешь получить много мяса, забавляясь резьбой по дереву? — спрашивала она.

— Ты говоришь неразумные слова, Мать Макеры, — рассердился Бахаго. — Мой дед и прадед были кузнецами. Мой отец велел мне заниматься этим делом. Наше занятие священно. Зачем ты говоришь такие слова?

— О, я говорю хорошие слова! — закричала Мать Макеры. — Я вижу, что в саванне умирает много людей, а живые хотят иметь деревянные головы предков. Им нужны алтари, чтобы задобрить души умерших. Почему бы тебе не делать деревянные головы, если они приносят тебе выгоду? Разве легко прокормить четверых сыновей? А еще нужно найти время, чтобы сделать украшения для базара в Кано. Не будет украшений, тогда и ходить незачем. Головы из дерева легче делать, чем плавить бронзу. Я давно это заметила. Сколько дней ты потратил на поиски камня, в котором есть медь? Вспомни, Бахаго. Может быть, ты забыл, а я запомнила — двенадцать дней.

— Я сделаю украшения, Мать Макеры. Но мы ведь не можем пойти в Кано сейчас, когда наш малыш еще так беспомощен. Мне кажется, что мы не должны рисковать жизнью маленького Макеры. Если он не в состоянии даже съесть фуру с молоком матери, то как он перенесет долгий путь по знойной тропе, привязанный к твоей спине? Чего только не делает крепкое томбо! Как я мог пообещать старейшине племени, что пойду в Кано с четырьмя сыновьями? Макера может умереть, и тогда мы лишимся своего четвертого сына, может быть, самого лучшего помощника.

— О, я не перенесу этого! — воскликнула Мать Макеры. — Посмотри, глаза у малютки смышленные. Как он крепко сжимает свои крошечные кулачки! Разве это не доказательство тому, что он будет крепко сжимать молот в своих руках и будет ковать прекраснейшие вещи для людей хауса? Должно быть, духи предков желают, чтобы из малютки Макеры вырос отличный кузнец. Ты прав, Бахаго! Нельзя тащить малыша на спине по знойной саванне. Нельзя тащить его в город Кано. Он еще слишком мал и может уйти к прадеду, не став кузнецом.

* * *

Время шло, а Бахаго все еще не имел тех украшений, которые ему были нужны для того, чтобы посетить Кано. Он уже отказался вырезать деревянные головы предков. Все свободное время, когда ему не нужно было плавить бронзу для наконечников стрел, он делал браслеты, серьги и маленькие бронзовые бусы, которые пополняли тяжелую низку, предназначенную для самого богатого человека в Кано. Ведь бусы были священны, они помогали отгонять злых духов, они приносили в дом богатство.

Бахаго трудился много. Он делал эти украшения очень тщательно, чтобы потом, в Кано, выбирать и обменивать их на хорошие вещи. Он мечтал о синих тканях для одежды себе и сыновьям. Он хотел выполнить маленькие просьбы жены. Кузнец все прикидывал, когда же лучше пойти в Кано.

Должно быть, Мать Макеры была права, когда пошла в дальнее селение охотников и привела в Слоновью Тропу людей, пожелавших иметь деревянные головы предков. Ведь в самом деле, резьба по дереву для него всего лишь забава, а сколько она дала мяса его сыновьям. Когда он перестал заниматься резьбой, стало труднее. Правда, сейчас уже помогают старшие сыновья. Мафи научился разыскивать камень, в котором спрятана медь. Он умел добывать эту медь и знает все заклинания, которые знал его дед. С тремя старшими совсем не было трудно пойти в Кано. А вот Макера еще мал, хоть и смышленей всех мальчишек в селении. Скорее бы он вырос!

Но прошел год, прошел второй, уже настал третий, а Бахаго все еще не собрался. Старый Маваки вознегодовал. Как-то он пришел к Бахаго, присел у его плавильной печи и сказал сурово, не скрывая своего недовольства:

— Я считал тебя честным и благородным человеком, Бахаго, а ты сказал мне неправду. Помнишь, как ты обещал пойти в город Кано и хотел принести мне синей ткани для одежды? Это было в год рождения твоего младшего сына. Я отлично помню, ты давал обещание у праздничного костра Макеры. Но я не вижу, чтобы ты собрался в Кано. Мне горько, Бахаго. Скоро твоему младшему сыну

исполнится три года, а ты не выполнил своего обещания, не пошел в Кано.

Старик не промолвил больше ни слова, но и сказанное было неприятно Бахаго. Он понимал, что оказался обманщиком в глазах старейшины племени, главного жреца селения. Хорошо, что разговор с Маваки произошел наедине и люди Слоновой Тропы не знали о нем, а то было бы стыдно перед охотниками селения.

От деда, от отца, от всех старых и мудрых людей племени кузнец Бахаго усвоил одну непреложную истину: нельзя обманывать, нельзя давать пустые обещания. Но томбо делает человека безвольным. И вот он, Бахаго, надавал пустых обещаний. Как же быть теперь? Ведь может случиться так, что старый Маваки уйдет к духам предков и не дождется обещанных даров. Это будет очень плохо. Надо бы поторопиться в Кано. Надо лучше работать, чтобы приготовить побольше ценных вещей для обмена. Но если случится беда и старый Маваки не дождется его, тогда он, Бахаго, принесет все свои дары на его алтарь. Он сделает из черного вязкого дерева большую красивую голову Маваки. Он сделает ее хорошо, со шрамом на лбу, который старик получил во время охоты на слонов. Маваки будет стоять на алтаре как живой. Его долго будут помнить внуки и правнуки, которым суждено жить среди диких трав саванны.

Размешивая мокрую глину для формы и время от времени поглядывая на свою маленькую плавильную печь, Бахаго размышлял о будущем.

В КАНО

Маленькое селение, затерявшееся в саванне на западе Африки, жило своей жизнью. Каждый как мог добывал себе пропитание. Каждый трудился для своей семьи. А когда случалось, что счастливая охота дарила людям много мяса, тогда пировали у праздничного костра и поили вином старейшину племени Маваки.

На языке людей хауса Маваки — певец. Но старейшина племени давно уже не пел. И на охоту старик ходил редко. Только иногда ставил ловушки. Не стало сил у Маваки.

Все говорили о том, что его призывают к себе духи предков.

И настал день, когда Маваки уже не смог покинуть свою хижину. Он лежал безмолвно, не прикасаясь ни к еде, ни к прохладному вину, которое ему подавали внуки. Бахаго призадумался. Надо было

идти в Кано, чтобы вернуться, пока старик еще жив. Иначе душа его, переселившись в тело животного или птицы, будет недовольна дурным поступком кузнеца и станет мстить. Бахаго больше всего боялся этого. И он сказал жене, что пора собираться в Кано. Макере уже семь лет. Больше откладывать нельзя.

— Теперь, когда у тебя за спиной уже не будет младенца, — говорил кузнец жене, — ты можешь потащить на голове корзину с вяленным мясом, с толченым просом для фуры...

— О, я с радостью понесу все, что угодно! Если бы ты знал, Бахаго, как мне хочется завернуться в кусок новой пестрой ткани с узором небесной синевы! Я так долго ждала этого дня! Я ума не приложу, как это женщины Кано делают такой красивый узор?

Бахаго рассмеялся и с важным видом человека, все знающего и многое видевшего, ответил:

— Когда я был в Кано, я видел ткачих и красильщиков. Меня так удивило их занятие, что я на всю жизнь его запомнил. Можешь себе представить, узор небесной синевы делают малые дети. Я сам видел во дворе одного красильщика, как малютки не старше нашего Макеры, сидя на циновке, завязывали в белую ткань камешки, пришивали кусочки дерева, косточки от плодов. Потом, когда красильщик окунул в громадную красильную яму эту ткань, места, завязанные детскими руками, остались белого цвета. Я видел, как красильщик вытащил ткань, посушил ее на солнце, снял пришитые к ней кусочки дерева, развязал камешки, и этот кусок с белыми пятнами красильщик окунул в другую яму, где был совсем слабый раствор синей краски. И каково же было мое удивление, когда я увидел на веревке кусок ткани с узором небесной синевы!

— Как это просто и разумно! Должно быть, этим занимались девочки? Если бы у меня были дочки, я бы пожелала заняться таким делом. Они бы нашивали камешки и деревяшки, и грубую ткань, которую мы берем у нашего ткача, можно было бы сделать очень красивой. Я этого не знала. Ведь мне ни разу не пришлось побывать в городе Кано. Давно я жду этого дня. Принесем жертву на алтарь твоего деда. Пусть нам будет удача.

— Мы оставим ему на алтаре голову молоденькой ориби, — предложил Бахаго. — Дух деда будет доволен, он поможет нам совершить путешествие в Кано.

Семья Бахаго двинулась в путь на рассвете. Их провожали люди всего селения. Каждый просил что-нибудь принести ему из Кано, и каждому Бахаго обещал, потому что отказывать невежливо. Просьб было так много, что Бахаго велел сыновьям запомнить, кто что попросил.

— Макера, — сказал кузнец, — ты должен нанизать на память все наши обещания. Помни, мы должны их выполнить.

Кузнец был очень доволен, что отправляется в Кано с четырьмя сыновьями, как и было обещано старейшине племени. Уходя из селения, Бахаго очень хотелось заглянуть в будущее, узнать, будет ли жив Маваки, когда он, нагрузив свою жену и детей дарами Кано, вернется домой. Если старик дождетя их возвращения, то он, Бахаго, отдаст ему часть тканей. Так велят духи предков.

Они шли по тропинке, ведущей к дороге на Кано. Шли гуськом. Впереди Бахаго, за ним жена с большой корзиной провизии на голове, за ней — старший сын с корзиной, наполненной бронзовыми изделиями, за ним — второй, третий и четвертый. У каждого поклажа на голове, и каждый одет в свою единственную праздничную, ярко расшитую рубашу.

Оглянувшись, мать полюбовалась своими сыновьями. Они показались ей такими красивыми и нарядными! Она вспомнила, скольких трудов стоила ей эта одежда. Вышивать было ее любимым занятием, но она редко имела свободное время, чтобы посидеть беспечно в тени пальм и, болтая с соседками, вышивать пестрый узор на полотне. Все заботы по хозяйству лежали на ней. Целые дни она толкла в ступе просо, собирала молодые листья пальмы, раскладывала костер. Если выпадал дождь, что бывало редко в их саванне, она, пользуясь милостью небес, сажала сладкий перец. Много было забот с приготовлением пальмового масла, со сбором сока для томбо. А еще надо было плести циновки, на которых спали дети, корзины для хранения продовольствия. Трудно приходилось хозяйке, которая не имела дочерей. Зато путешествие в Кано сулило ей множество удовольствий. Идя по узенькой тропинке в высокой траве, она старалась представить себе шумный базар Кано, где можно купить и еду, и одежду, и украшения. Она уже мечтала о том, как завернется в пестрый кусок ткани, чтобы все женщины видели, как она богата.

Они провели в пути пятнадцать дней и четырнадцать ночей. Ночи были очень холодные, и семья устраивалась в какой-либо яме, куда стлали мягкую траву и укладывались, прижавшись друг к другу. На рассвете шли дальше.

Днем палило солнце. Но большие корзины на головах спасали от зноя.

Шли по саванне, по следам слонов и буйволов, страшась неожиданной встречи с диким зверем. Как-то улеглись на ночлег в яме, где кишели змеи. Когда удалось избежать несчастья, благословляли духов предков.

На пятнадцатый день семья Бахаго приблизилась к стенам Кано. Никогда еще Бахаго не видел своих детей такими радостными и счастливыми. Перед ними высился настоящий город, какого они и представить себе не могли. Они были в восторге, когда с ними поравнялся караван верблюдов, груженных солью, кожами и шкурами диких животных.

Его вели туареги, люди пустыни. О них говорили, что они очень богаты, потому что добывают соль и владеют несметными стадами.

— Посмотри, малыш, — говорил Бахаго младшему сыну, — посмотри, как забавно завывает этот старец, сидящий на верблюде с трубой в руках.

— Для чего это он трубит и кричит?..

— Он о деле кричит. Насколько я понимаю, он оповещает людей Кано, что прибыл богатый караван. Он извещает о караване, пришедшем с берегов Средиземного моря. Подумать только — караван шел сюда одиннадцать месяцев! Вот так штука! Не то что мы: поднялись — и на пятнадцатый день здесь. Чудеса!

— Смотри, отец, какие у них красивые мешки! А какая одежда! Совсем не такая, как у нас. А я думал, что красивей нашей нет ничего на свете, — восхищался Макара.

— А кто они, эти женщины с калексами на головах? — спрашивала Мать Макары. — Посмотри, какие они высокие, стройные. Не пойму, кто они — не белые и не черные, будто бронзовые. Красивые женщины!

— Да ведь это женщины фульбе. Говорят, что это самые красивые женщины на свете. Должно быть, так. Посмотри, какие важные. Глазом не поведут. Так гордо выступают, словно жены самого божественного обба, царя Эдо. Но мне кажется, что это обыкновенные торговки. Посмотри, в корзинах у них масло и сыр, а в сосудах молоко. Чего только не увидишь в таком большом городе...

Старшие сыновья то и дело убегали, чтобы полюбоваться чудесами города Кано. Раньше, когда они слышали разговоры о городе, им рисовались большие хижины и более широкие тропы, чем те, которые были протоптаны охотниками вокруг их селения. Но все это было совсем не так. Они увидели большие дома с массивными воротами, плоскими крышами и бронзовыми шпильями, сверкающими на солнце.

— Вот бы нам такой дом! — говорил старший сын Бахаго. — Здесь не промокнешь в самый большой дождь. Да и солнце не заберется за эти стены. А ночью, должно быть, тепло. Разве холод пролезет внутрь такого дома?

— Отец, останемся в Кано, — предложил Макара.

— Духи наших дедов и прадедов ждут нас в саванне, — ответил Бахаго. — Наша хижина лучше всякого дома. Я думаю, лучшего нам не надо, Мать Макары? Что ты скажешь?

— Только одного хочу — побольше увидеть всего удивительного. Только сейчас я поняла, что можно жизнь прожить в саванне, не узнав множества вещей. Как я рада, Бахаго, что ты взял нас в Кано! Прежде я думала, что все люди на земле похожи на людей хауса. Я думала, что дома — это большие хижины, а самое большое лаком-

ство — кусок мяса антилопы. Теперь у меня открылись глаза. Я узнала столько удивительного, а ведь мы только вошли в ворота города Кано. Добрые духи сопутствуют нам, Бахаго. Будем же благодарны им и не пожалеем щедрой жертвы, когда вернемся в саванну.

Бахаго был тронут скромностью своей жены. Мать Макеры, как он называл ее с тех пор, как появился на свет младший сын, всегда была скромной и непритязательной, но прежде кузнец не замечал этого. Он был всегда занят, и ему некогда было размышлять над такими вещами. Сейчас Бахаго захотелось сделать что-нибудь приятное жене, и он предложил:

— Мать Макеры, скажи, что тебе хочется увидеть и что хочется купить? Ведь не часто представляется такой случай. Я даже не знаю, почему мы столько лет не могли собраться сюда. Просто удивительно!

— Я и сама не знаю, о чем просить. Как можно желать того, чего не знаешь? Мне хотелось бы увидеть белых людей. Я только один раз встретила человека со светлым лицом и светлыми волосами. Он показался мне красивым.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Макера. — Что же тебе понравилось? Я, правда, никогда не видел в саванне бледнолицых, но мне кажется, что тот человек, которого мы повстречали у ворот Кано, очень болен; его долго мочили в болоте, а потом держали в яме, где закопаны кувшины с томбо, иначе не сделаешь такого бледного лица.

Старшие братья долго смеялись над словами Макеры, но Мать Макеры не смеялась.

— О них дурно говорил старейшина племени Маваки, — сказала она, — а мне кажется, что лицо у белого совсем не злое и даже благородное. Посмотри, вот еще один всадник с маленькой светлой бородой. Разве можно сказать о нем что-либо дурное, Бахаго? Не надо дурно думать о людях!

— Мне кажется, что лица могут быть хорошие, а дела дурные, — ответил с достоинством Бахаго. — Если он не обижает людей, не лжет, не обманывает, считай его благородным. Но нам не узнать об этом на пыльной дороге Кано. Пусть живут по-своему, а мы — по-своему. Нам от них ничего не надо. Боги создали многие земли и разбросали людей большими, щедрыми горстями. Где-то живет горсть белых, а у нас добрая горсть черных. Но о чем мы толкуем! Ведь нам надо потропиться в Бирнин-Касван, на большой базар.

— Бирнин-Касван! Бирнин-Касван! — закричали четверо веселых, смеющихся мальчишек.

Их все радовало и удивляло. Они были так веселы и счастливы, как никогда. Они даже не просили есть, не жаловались на чудовищный зной, не стремились в тень передохнуть. Впрочем, Макера, у которого сильно сосало под ложечкой, напомнил матери, что не ел со вчерашнего дня. Тогда они присели на горячей земле, где стена,

опоясывавшая двор, отбрасывала тень и немного закрывала от жгучих лучей. Мать Макеры дала каждому остатки вяленой рыбы и просяных лепешек.

Они сидели в стороне от дороги, ведущей на базар, и могли видеть лишь немногих, кто шел по этой узенькой, кривой улочке, загроможденной земляными стенами. В это время показалась женщина с большой корзиной белой пряжи на голове. Она была такая же черная, худая и высокая, как Мать Макеры. Бахаго понял, что это женщина хауса, и спросил, не скажет ли она, где можно добыть немного воды. Женщина, услышав родную речь и поняв, что перед ней люди саванны, тотчас же остановилась и, приветливо улыбаясь, позвала в свой дом.

— Мы живем вот здесь, через дорогу, — сказала она. — Мой муж красильщик, у нас целый бассейн воды во дворе. Идите к нам.

Они пошли вслед за женщиной и очутились в большом дворе, где на веревках были развешаны крашеные ткани и мотки пряжи. Громадные ямы, наполненные раствором краски индиго, покрывали плетеные крышки, напоминающие гигантские корзины. Мужчина, прикрытый лишь фартуком, в тростниковой шляпе, мешал что-то в яме большой синей палкой. Его скуластое лицо расплылось в приветливой улыбке, когда он увидел гостей.

— Люди хауса везде друзья. Садитесь, пейте, отдыхайте. А если хотите, я угощу вас томбо. Мне привез его брат. Он живет в саванне, может быть, по соседству с тобой?

— Поистине мы братья! — воскликнул Бахаго. — Возможно, что твой брат живет совсем близко от нас.

Красильщик был добрым человеком. Он предложил семье Бахаго ночевать у него во дворе, а пока объяснил им, как быстрее пройти на базар, посоветовал не мешкать.

Они шли гуськом, с корзинами на головах, проталкиваясь в шумной пестрой толпе Бирнин-Касвана. Такого количества людей никто из них не мог себе представить.

— Мне кажется, что здесь собрались люди из многих стран, — сказал с восторгом Бахаго, разглядывая лица, явно не похожие на лица людей хауса. Он различал людей фульбе, йоруба, эдо, но были здесь и многие другие. — Откуда?

— Откуда эти бронзовые люди с белыми повязками на головах? — спрашивала Мать Макеры, глядя на погонщиков верблюдов из Аравийской пустыни. — Поистине мир велик и необъятен! — воскликнула жена кузнеца, не дождавшись ответа от Бахаго.

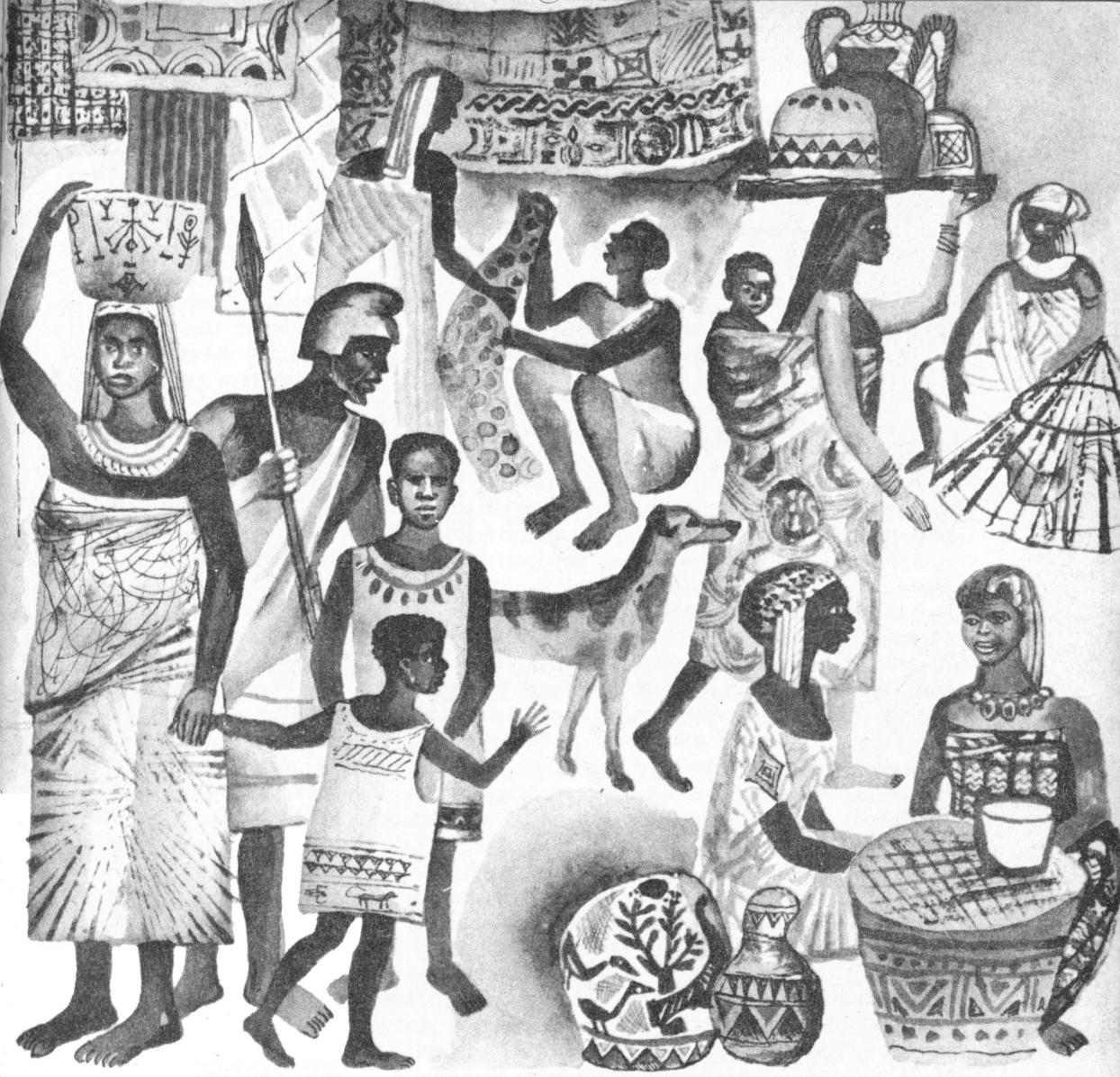
А Бахаго, который всю жизнь слыл в саванне необычайно осведомленным и всезнающим человеком, кузнец Бахаго просто растерялся на этом знаменитом Бирнин-Касване.

Кузнец из саванны шел впереди, а за ним следовала Мать

Макры. Она то и дело оглядывалась на сыновей. Ведь так легко затеряться в этой пестрой, многоголосой толпе!

А базар шумел и переливался всеми цветами радуги, то и дело соблазняя их своими приманками. Старший сын Бахаго, Мафи, в изумлении остановился возле горячих коней, выращенных кочев-

никами Аравийской пустыни. Кони были так красивы, что мальчишек невозможно было оттащить от них. Мать долго уговаривала сыновей поторопиться. Но ее не слышали — так громко переговаривались бедуины, ржали резвые жеребцы и оглушительно смеялись мальчишки из людей хауса. Бахаго понимал, что сыновьям здесь весело,

но все же он вытащил из толпы Макеру, швырнул его в объятия матери, а затем точно так же пинками извлек из толпы трех остальных. Мафи получил затрещину, и тогда все гуськом стали пробираться в торговые ряды ткачей.

Они долго толкались в возбужденной и крикливой толпе. Мать Макеры никак не могла выбрать нужный ей кусок ткани, уж слишком много было здесь такого, чего она в жизни не видывала, а Бахаго хотелось найти ткача из людей хауса, поговорить с ним о деле, поторговаться. И вот он нашел такого человека под навесом из холста.

Бахаго выложил на циновку свои украшения и по глазам ткача понял, что тот хочет их получить. Кузнец уже поверил, что ткач даст ему самых красивых тканей, и радостно сказал жене:

— Мать Макеры, выбирай для себя ткань небесной синевы, любую.

Мать Макеры приложила к лицу кусок ткани, и Бахаго вдруг увидел, что жена у него красивая и достойна лучшей одежды. Бахаго велел ткачу немедленно отрезать кусок этой ткани и предложил жене тут же, не откладывая, завернуться в нее, чтобы все люди Кано могли видеть, как она красива.

«Вряд ли есть женщина на свете, которая отказалась бы от столь соблазнительного предложения», — подумала Мать Макеры. И еще она подумала, что такое не случилось за всю ее жизнь. Она отошла в сторонку и быстро завернулась в синюю с голубыми узорами ткань. После этого ей страшно захотелось, чтобы люди Кано увидели ее бронзовые браслеты и большие круглые серьги, сделанные Бахаго давным-давно, но так и не обновленные. «Если нет хорошей одежды, то и украшения ни к чему».

Дети запрыгали вокруг матери, а Макера, позабыв, что он не дома, стал кружиться и петь что-то веселое, рассмешив ткача и его помощников.

Ткач из людей хауса был хитрым человеком. Он сразу понял, что кузнец из саванны простодушен и доверчив, ему явно не приходилось встречаться с купцами. Он не замедлил воспользоваться этим и довольно дешево оценил вещи, предложенные Бахаго. Но кузнец, при внешней своей доверчивости, был смышлен. Он уже видел на базаре украшения, которыми торговали местные чеканщики и ювелиры, и сообразил, что может получить значительно больше за свои изделия.

Вот почему они торговались до хрипоты и боли в горле. Ткач кричал, кричал и Бахаго. Ткач совал ему в нос свои ткани, а Бахаго, ничуть не смущаясь, совал в нос ткачу свои браслеты.

Если Макера, увлеченный этой перебранкой, стоял рядом с матерью, то его братья не стали терпеть скуку и отошли в соседний ряд, где заклинатель змей творил чудеса с ядовитой черной коброй.

Уму-чукву, «дети бога», — так на языке ибо назывались люди, пришедшие из местности Аро, расположенной к востоку от Нигера. Бахаго никогда не встречал людей аро и не знал, что их оракул Чукву требует в жертву людей, нанесших ему оскорбление. Кузнец из саванны не знал, что жрецы аро нередко устраивают на базаре Кано богослужения перед своими алтарями. Он не знал, что жрецы вовлекают в свое священнодействие чужих людей, чтобы потом отдать их в жертву Чукве. Бахаго никогда не слышал о том, что есть на свете «дети бога», которые причиняют людям зло.

Когда закончилась перебранка с ткачом и привезенные в Кано украшения были обменены на ткани, сандалии и кое-какую снедь, Бахаго вместе со своим семейством решил вернуться в дом красильщика, чтобы там отдохнуть и переночевать. Ему очень хотелось поговорить с красильщиком, узнать, как живут люди хауса в городе Кано, могут ли они прокормить себя, в дружбе ли они с народом фульбе и другими людьми, которых так много на улицах и на базарной площади. Бахаго хотелось все разузнать, чтобы потом обо всем рассказать охотникам своего селения.

Бахаго уже предвкушал радость возвращения в родное селение. Ему уже виделся праздничный костер, зажженный в день их возвращения из Кано. Он представлял себе, как станет рассказывать людям Слоновой Тропы о Бирнин-Касване. Он даже спросил Мать Макеры, много ли томбо осталось в яме после весеннего праздника. Мать Макеры так выразительно улыбнулась, что Бахаго даже почувствовал вкус томбо на губах. И еще он подумал, что, пожалуй, все женщины селения позавидуют его жене, когда увидят ее одежду с узором небесной синевы.

— Ты стала молодой и красивой, Мать Макеры, — заметил Бахаго.

— Я всегда была такой, — ответила спокойно Мать Макеры, — но грубая одежда не украшает женщину, а только уродует. Разве ты не убедился в этом, Бахаго? Благословен прекрасный город Кано!

Они долго толкались на шумном, пестром базаре, и, хотя порядком устали, все же ничто не ускользало от пытливых глаз. Особенной наблюдательностью отличался Макера. Мать даже сказала ему:

— Сынок, мне кажется, что у тебя глаза и спереди и сзади.

— Вот хорошо! — обрадовался Макера. — Я ничего не упущу.

А когда вернемся в саванну, я целый год буду рассказывать мальчишкам о городе Кано.

— Всё позабудешь, — возразил Мафи. — В голове у тебя ветер гуляет. К тому времени, когда мы вернемся домой, все у тебя вылетит из головы.

— А вы напомните мне, — сказал Макера.

— Напомним, — согласился старший брат. — Мы тут посмотрим на всякие чудеса, а дома всё вспомним. Вот за теми рядами гончаров и чеканщиков священнодействуют какие-то жрецы. Хочешь посмотреть?

— Зачем это? — вмешалась мать. — В саванне у нас свои жрецы. Я устала тащить корзинку. Пойдем! Макера давно просил поесть. Пора!

Бахаго тоже захотелось вернуться во двор красильщика, а трое старших заупрямились и стали просить отца оставить их здесь, хоть ненадолго. Они бойко рассказали отцу, как они будут добираться к красильщику, и Бахаго, довольный смышленостью сыновей, согласился их оставить. Солнце уже близилось к закату, люди покидали базар, и кузнец был уверен, что мальчишки очень скоро вернуться в гостеприимный дом красильщика. Он вместе с сыновьями подошел к жрецам неведомого ему племени, увидел, что вокруг них толпится народ, и не захотел оставаться здесь. Вместе с Макерой отец и мать покинули Бирнин-Касван. Они условились с Мафи, что все трое вскоре последуют за ними.

Кривая улочка, где жил знакомый красильщик, была неподалеку от базара. Очень скоро Бахаго с женой и Макерой постучались в калитку. Хозяин отодвинул железный засов и пропустил гостей во двор.

Бахаго внимательно посмотрел на засов, а потом спросил хозяина, почему люди хауса так странно ведут себя в городе Кано. У них в саванне никто никогда ничего не прячет и не запирает.

— Да и дверей нет в хижинах, — рассмеялся Бахаго.

— В саванне нет чужих людей, — ответил красильщик, — а здесь всякие люди встречаются. Разве ты не знаешь, что в Кано появились работорговцы? Не думай, что в Бирнин-Касване торгуют только вещами и скотом. Здесь торгуют людьми! И, что прискорбней всего, нередко торгуют людьми хауса. Есть на свете злые люди, которые считают возможным похитить или увести обманным путем людей хауса. А потом они сбывают их белым, прибывшим из дальних стран.

— И ты видел этих обманутых? — спросил с тревогой Бахаго. — Ты видел людей хауса с цепями на руках? Мне рассказывал об этом старейшина племени Маваки, но я ему не очень верил. К тому же он говорил, что такое бывает в Эдо. Но разве в Кано это тоже возможно?

— Увы, возможно! Когда я узнал об этом, — сказал красильщик, — мне не захотелось жить на свете. Я, моя жена, мои дети очень горевали. Но потом я сделал железный запор и пускаю в свой дом только хороших людей. И вот мы уже примирились с таким злом. Люди так странно устроены, что привыкают даже к самому дурному. Однако скажи, Бахаго, где твои старшие сыновья? Почему они не пришли с тобой? Или ты встретил людей из саванны?

— Я думаю, что моим детям не грозит опасность, я оставил их на базаре. Они захотели посмотреть, как приносят жертвы жрецы аро.

— И это ты считаешь безопасным? Разве ты не знаешь, что жрецы народа ибо из местности Аро — отъявленные злодеи, хоть и называют себя «детьми бога». Поторопись на базар, Бахаго. Я не стану отнимать у тебя драгоценное время. Пока твои дети не окажутся в моем доме, я не буду спокоен.

Тут завопила Мать Макеры, да и сам Макера залился слезами от страха. А Бахаго бросился к калитке и в страшной тревоге побежал к базару. Теперь он укорял себя за легкомыслие и доверчивость. Он всегда думал, что жрецы — люди честные. Таким был старейшина племени Маваки. Он никогда никого не обманывал. Всем известно, что жрецы — посредники между богом и человеком, как же они могут быть злодеями?

Бахаго бежал, не замечая людей. Словно черная пелена заслонила ему глаза. Он спотыкался, кого-то сбил с ног и наконец оказался у ворот базара. Он хорошо запомнил ряды гончаров и чеканщиков, где стояли жрецы со своими алтарями и где остались его сыновья. Вот здесь, возле старенького мастера в широкополой соломенной шляпе, молодая женщина продавала тыквенные сосуды, но сейчас не было женщины, не было и жрецов с деревянными алтарями, не было и мальчиков. Куда они девались? Бахаго бежал по опустевшим рядам, где утром шла оживленная торговля горшками, высокими сосудами для вина, масла и зерна. Однако кое-кто еще был на своих местах. Бахаго бросился к старенькому чеканщику, который, сидя на циновке, равномерно ударял маленьким молотком по бронзовой наковальне. Старик никого не замечал, занятый своим делом, и Бахаго несколько раз окликнул его, прежде чем тот поднял голову.

— Куда ушли жрецы и люди, что их окружали? — спросил Бахаго. — Не видел ли ты трех мальчиков в пестрых вышитых рубашках?

— Мальчиков не видел. Но здесь были уму-чукву, вокруг них собралась толпа. Потом я услышал крики, кого-то угнали.

— Куда угнали? Зачем угнали?

— Должно быть, ты не здешний и не знаешь, что к жрецам оракула Чуквы лучше не подходить. Если ему кто-либо не угодит, несчастный может стать рабом оракула, и тогда, говорят, раб может быть принесен в жертву.

— Пожалей меня, добрый человек! — взмолился Бахаго. — Научи, куда бежать, где искать моих сыновей? Злодеи могут угнать их. Скажи, как мне их найти?

— Беги по базару! Ищи на улицах Кано! Заглядывай за земляные стены домов! Но знай, что они хитры. Они могут тут же продать в рабство свою жертву, а те, кто торгуют людьми, умеют их прятать. Но, может быть, твои сыновья вернулись домой, пока ты здесь искал их?

— Я побегу! Какое несчастье! Злые люди увели моих сыновей! Не знаю, что и делать! Пойду в караван-сарай, пойду на окраину города. Тревога захватила меня и колотит мое сердце. Что делать? Что делать?

Бахаго схватился за голову и побежал к дому красильщика. Потом остановился, подумал и побежал обратно по базару, по рядам башмачников, гончаров, ткачей, туда, где продают коней и ослов. Он звал сыновей, называл их по имени, но никто не откликнулся. Тогда он вышел на площадь, где торговали съестным. Он бегал вокруг торговых сыром, маслом и молоком. Заглядывал за громадные корзины с горами красного перца. Он потерял надежду и решил, что духи предков рассердились на него. Ах, если бы здесь был алтарь, он, Бахаго, принес бы жертву. Он бы не пожалел целую антилопу. И тогда, может быть, спас бы своих сыновей. Зачем он покинул саванну?

— Проклятый Бирнин-Касван! Зачем я привел сюда семью?

Бахаго бежал к дому красильщика и повторял одни и те же слова: «Проклятый Бирнин-Касван!»

Но вот и дом красильщика. У ворот стоял хозяин, а рядом горько плакала Мать Макеры. Макера кричал не своим голосом и поминутно о чем-то спрашивал мать.

Увидев Бахаго, мать и сын бросились к нему с воплями. Они поняли, что случилась беда. Мать Макеры упала на землю, стала бить-оя, рвать на себе волосы.

— Спаси сыновей! — кричала бедная женщина. — Спаси или убей меня. . .

Не обращая внимания на крики и стенания жены, Бахаго направился к красильщику и закричал:

— Помоги мне, добрый человек! Я сделал что-то непоправимое. Я всю жизнь верил в честность людей. Я не знал, что жрецы могут творить зло. . . и вот несчастье! Я не нашел на базаре своих сыновей. Помоги мне их найти. Пойдем со мной. Ведь ты из людей хауса, мы братья. Пойдем догоним злодеев. . .

Красильщик долго не отвечал. Он думал о том, что сыновья бедного кузнеца могли стать жертвой оракула Чуквы. Не станет же он говорить Бахаго, что их могут сжечь на алтаре. Эти «дети бога» мо-

гут продать мальчиков, и чужеземный корабль увезет их в дальние страны. Нет, нет. Он не скажет об этом бедному человеку.

— Город большой, — сказал красильщик. — Ума не приложу, куда идти. Ну-ка бежим скорее к западным воротам города. Там большой караван-сарай, туда пришли караваны кочевников из Аравийской пустыни. Может быть, мы захватим их?

Они бежали к западным воротам Кано. Когда красильщик услышал плач и причитания бегущей за ними жены Бахаго, он обернулся и строго приказал женщине с сыном вернуться во двор и задвинуть железный засов. Они бежали, непрерывно останавливаясь и оглядываясь по сторонам — не встретятся ли жрецы аро. Бахаго уверял, что он узнает их по бритым головам с кисточкой на макушке. Да и красильщик встречал этих «детей бога» и знал, как они выглядят.

— Будь они прокляты! — повторял он, от души жалея бедного кузнеца из саванны. — Зачем ты вздумал оставить сыновей на базаре? Если бы я знал о твоей беспечности! Зачем я не предупредил тебя?

В караван-сарай толпились люди. Во дворе стояли только что прибывшие караваны. Люди спорили, таскали тюки, толкали друг друга. Но жрецов аро здесь не было. Их не оказалось и в другом караван-сарай у восточных ворот Кано.

— А если ходить по улицам и заглядывать во дворы? — спросил Бахаго.

— Нет, так ничего не выйдет. Кто нас пустит в свой двор? Лучше пойдем по дороге, ведущей в Эдо. Может быть, там мы встретим этих злодеев. Если даже не найдем твоих сыновей, может быть, кое-что узнаем у проезжих людей.

Они пошли по дороге на Эдо. Отчаяние сломило Бахаго. Он едва плелся, и красильщик торопил его. Впереди старый погонщик вел трех заморенных верблюдов. Красильщик подошел к нему, протянул просняую лепешку, что была у него за поясом:

— Скажи, добрый человек, не проходил ли здесь караван, не видел ли ты жрецов племени ибо из местности Аро? Знаешь, есть у них оракул Чуква?

Погонщик показал на дорогу и сказал, что совсем недавно здесь прошел небольшой караван верблюдов. Всего пять или шесть. Впереди ехали какие-то люди, завернутые в белые покрывала, а за ними шел большой верблюд, к нему была привязана корзина.

— Эта корзина была похожа на клетку, — говорил погонщик. — Я отлично помню, в ней сидели мальчишки.

— В пестрых вышитых рубашках? — закричал Бахаго.

— Нет, голые. А за этим верблюдом шло еще несколько, и на них сидели такие же люди в белых покрывалах. Может быть, это и есть жрецы аро? Я не знаю.

— О горе нам! — воскликнул красильщик. — Я вспомнил, не далее как вчера в Бирнин-Касване появились люди, которые говорили, что хотели бы купить мальчиков для охраны великого обба. Мне рассказал об этом ткач, который через день забирает у меня крашеную пряжу. Эти люди спрашивали у него, не знает ли он, кто продаст мальчишек. Они говорили, что охранники обба живут в довольстве и сытости, что одежда у них пестрая, красивая. Должно быть, твоих сыновей отправили в Эдо.

— Зачем ты говоришь такие страшные слова? Я считал тебя другом, ведь ты человек хауса!

— Я должен сказать тебе, Бахаго, все, что знаю. Где же ты будешь искать сыновей, если я не скажу тебе правду? Ты должен пойти вот по этой дороге, ведущей в Эдо. Ты должен ходить вокруг дворца божественного обба и спрашивать каждого, кто пожелает с тобой разговаривать, и тогда, может быть, ты что-нибудь узнаешь.

— Ведь это очень далеко! Почему ты думаешь, что в клетке были мои сыновья? Где я возьму верблюда? Как я догоню этих злодеев? У меня не на что купить верблюда. Пешком я пройду целую вечность. Скажите, добрые люди, что мне делать? ..

Бахаго то простирали руки к безвестному погонщику верблюдов, то обращался к красильщику. Он был в полной растерянности. Он не хотел поверить в такое несчастье.

— Не теряй времени. Вернемся домой, заберешь жену с сыном, и пойдете по этой дороге, — сказал красильщик. Он взял Бахаго за пле-

чо. — Не печалься, настанет день, и ты войдешь в ворота Эдо. Ты узнаешь все, что следует узнать. Не думай, что ты сумеешь войти во дворец божественного обба, что ты сможешь пасть к ногам великого правителя Эдо. Только раз в году его можно увидеть на великом празднестве, когда делаются самые большие приношения духам предков. Редко бывает, чтобы простой человек смог увидеть божественного обба. Но кто-нибудь из охраны дворца, быть может, пожалеет тебя и скажет тебе, где твои сыновья. Поверь мне, ты найдешь своих сыновей. При дворе найдется знатный господин, которому ты сделаешь полезные вещи, и он тебе поможет.

Бахаго шел, не видя под собой земли, не слыша слов красильщика. Он стонал, покачивался из стороны в сторону, останавливался, ломал руки и все повторял:

— Жрецы аро увели моих сыновей! Жрецы аро увели троих старших сыновей! Бахаго, не умирай от горя, не упави на дороге, не утони в слезах. Бахаго, иди в Эдо, спасай своих сыновей!.. Скажи мне, добрый человек, почему они взяли моих сыновей? Ведь они никому не причинили зла!

— В Кано давно уже говорят о том, что жрецы аро похищают детей и продают их. Если твоих детей продадут во дворец, то считай себя счастливым. Ты сможешь увидеть их когда-нибудь.

Бахаго старался поверить в добрые предсказания красильщика, но страх перед неизвестным приводил его в смятение. Кузнец вдруг бросился на дорогу, стал загребать руками землю и выть, как пес, которого избили и выгнали из дома. Он стонал, причитал и проклинал свою беспечность. Красильщик поднял его с земли.

— За что такое наказание? — вопрошал Бахаго. — Я был счастлив и весел. Я имел мясо и томбо. Я делал бронзовые наконечники стрел и вырезал деревянные головы для алтарей. У меня есть жена и было четверо прекрасных сыновей. Что я наделал? У меня остался один Макера. Один-единственный сын. . .

— Ты был беспечным, Бахаго, и духи предков наказали тебя. Ты не должен был оставлять детей на базаре, у алтаря жрецов аро. Ты не должен больше стонать и причитать. Надо спешить в Эдо. Мне жаль, что я не имею верблюда. Я бы дал его тебе.

Пока они возвращались в дом красильщика, добрый человек старался уверить Бахаго, что все будет хорошо, что он найдет своих детей и вернется в свое селение. Но Бахаго не слушал. Он понял, что потерял не только сыновей, но и веру в людей. Если жрецы могут быть такими обманщиками, если они могут похитить детей, а потом продать их, то как можно верить людям? Нет, нет, теперь он не может быть доверчивым.

Бахаго долго молчал. А потом рассказал красильщику о своих сомнениях.

— Ты неправ, — возразил красильщик. — На земле есть много

добрых людей. Их больше, чем дурных. Если бы хорошие люди взяли за руки и пошли против дурных, то всем нам стало бы легко жить. Поверь мне, так будет когда-нибудь.

Красильщик говорил убежденно, и Бахаго поверил ему. Когда они вошли во двор, увешанный крашеными тканями и мотками пряжи, Бахаго уже решил, что надо, не медля ни минуты, отправляться в Эдо. Он хотел верить, что там найдет своих сыновей и вызволит их из беды.

Добрая женщина, которую они сегодня утром встретили с корзиной белой пряжи на голове, утешала Мать Макеры, а ее дети увели Макеру в дом и показывали ему свои игрушки. Люди хауса в этом доме стали настоящими братьями, но ничто не радовало Бахаго. Он так долго готовился показать детям этот богатый город, а теперь они должны покинуть его в скорбном молчании. Они провели в Кано всего лишь день. Сегодня утром они были веселы и счастливы. И вот радость улетела подобно редкой птице.

Они простились с хозяевами дома.

— Мы вернемся в саванну? — Макера спросил так серьезно. Он изменился за этот день. Будто повзрослел.

— Вернемся, сынок, — отвечала мать.

Она шла по пыльной дороге, в обрывках новой одежды небесной синевы. На ней уже не было бронзовых бус с причудливой чеканкой, которыми она еще утром так гордилась. Она разорвала нитку и рассыпала бусы.

ПРОЩАЙ, СЛОНОВЬЯ ТРОПА!

Они шли долго. Путь был трудным. Когда покидали Кано, унося на голове корзины с провизией, подаренной им добрым красильщиком, небо было ясным, ничто не предвещало сухого, горячего ветра пустыни. Но только два дня семья Бахаго двигалась под ясным, безоблачным небом. На третий день еще на рассвете Бахаго не увидел солнца. Он терпеливо ждал. Он шел и смотрел в небо, но темное покрывало пыли все больше заслоняло его. А потом пыль стала клубиться и столбами поднималась вверх, сжигая на своем пути зеленые рощи и посевы. Нечем было дышать. Некуда было спрятаться.

— Беда! Харматтан! ¹ — сказал Бахаго. — Мы сделали что-то не-

---

¹ Харматтан — пыльная буря.

дозволенное, Мать Макеры. Духи предков недовольны нами. Посмотри, даже небо гневается!

Стараясь вспомнить все свои проступки за последний год, которые могли так рассердить добрых духов, Бахаго размышлял о том, что, может быть, они недовольны уходом семьи в Кано. Может быть, они подумали, что Бахаго навсегда бросил саванну и алтарь, где вся семья так старательно приносила жертвы? А может быть, умер старый Маваки и дух его жаждет синих тканей? Когда теперь он, Бахаго, попадет в свою саванну? Когда он увидит свою хижину? Когда положит на алтарь голову молоденькой антилопы?

Они шли долго, а харматтан будто преследовал их. Мать Макеры накинула на лицо своего единственного сына обрывок синей ткани, боясь, чтобы пыль не попала ему в глаза.

— Сынок, — сказала она ему, — я не знаю, когда мы найдем твоих братьев. Не заболей, сынок. Заверни голову. Побереги глаза. Пусть они будут зоркими, и пусть ясной будет твоя голова.

Они шли больше месяца. Они прошли несколько городов. Когда они очутились в городе Ифе, главном городе народности йоруба, Бахаго захотел возложить жертву на алтарь богов народа йоруба. От старого Маваки, старейшины племени, Бахаго слышал, что вожди йоруба считают себя потомками бога. Он знал, что йоруба считают Ифе центром мира, потому что боги воздвигли его на земле, когда еще не было городов. Конечно, в другое время они бы осмотрели этот удивительный город, но сейчас Бахаго было всё безразлично. Единственное, что обрадовало его, когда они прибыли в Ифе, — это то, что Эдо было уже ближе. Человек хауса сказал ему, что остается несколько дней пути.

Теперь они шли еще быстрее. Они не позволяли себе и лишней минуты отдыха. Бахаго не пропускал ни одного проходящего каравана.

Как-то случилось, что они, присев у дороги на горячей земле, ели вяленые бананы. В это время мимо них промчались всадники. Мать Макеры схватила мужа за руку и закричала:

— Посмотри, Бахаго, знакомый человек! Белый человек из Кано. Ты помнишь мужчину со светлой бородой?

— В самом деле! — удивился кузнец. — Я его узнал. Но посмотри, за ним плетутся люди в цепях. Посмотри, молодые черные люди в цепях. А шествие замыкает рослый верблюд. Посмотри, на нем белый человек с плетью. Помнишь, Мать Макеры, ты говорила, что тебе понравилось лицо белого человека, оно показалось тебе благородным, а я сказал: «Лицо может быть благородно, а дела могут быть дурные».

— Дела их дурные! — прошептала Мать Макеры, смахивая слезы.

Настал день, когда семья Бахаго вошла в бронзовые ворота Эдо, великой столицы богатого царства. Как ни тревожно было на душе у Бахаго, город Эдо поразил его. Он был еще красивой и многолюдней Кано. Они увидели широкие улицы, обсаженные рядами пальм, дворцы с башнями и превосходных бронзовых птиц на шпильях.

— Посмотри, какие громадные бронзовые птицы охраняют дворец! — воскликнул Макера. — Посмотри, отец, таких птиц мы никогда не видели.

— Молчи! — сказал отец. — Это духи, покровители царского рода. Да еще вот эта громадная медная змея охраняет дворец. Посмотри какая! Вот где умелые кузнецы и литейщики. Мне такого никогда не сделать!

— А может быть, сделаешь, — сказала Мать Макеры. Она верила в искусные руки своего мужа. Ей казалось, что нет таких вещей, каких не смог бы сделать Бахаго из той горячей бронзы, которая плавилась в его маленькой печурке с вечным огнем.

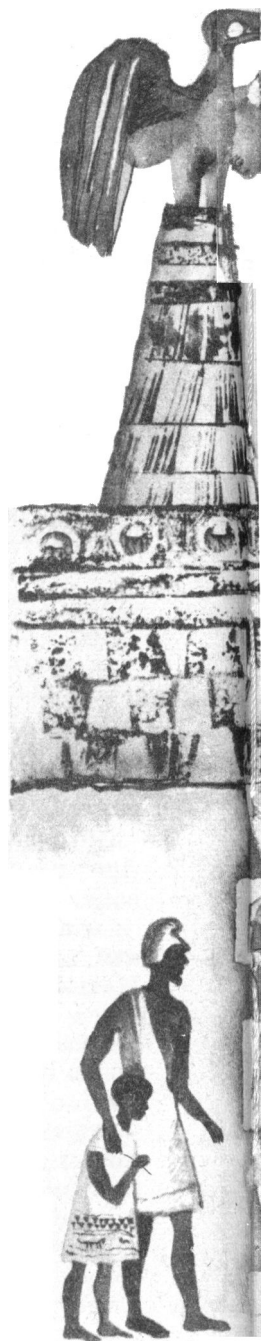
— Вот какие копья у воинов. Посмотри, Макера, как разукрашены у них щиты. Неужели твои братья будут так же стоять здесь у ворот, с такими злыми лицами, безмолвные как статуи?

Они долго ходили вокруг дворцовых стен, украшенных медными барельефами, на которых можно было увидеть семью божественного обба, царских сановников, военачальников. Бахаго в изумлении рассматривал эти удивительные изображения.

— Подумать только! — воскликнул Бахаго. — Я и не знал, что можно сделать такое.

Каждый раз, когда Бахаго приближался к страже, охраняющей дворец, воины молча протягивали вперед копья, давая понять, что они готовы проткнуть тяжелым бронзовым копьём каждого, кто отважится подойти к воротам дворца. Однако надо было узнать, где помещается дом для охранников, где искать сыновей и здесь ли они.

Они шли по улицам, усаженным зелеными пальмами, и не знали, кто живет в этих домах, так красиво сделанных из плетеного тростника, из резного дерева. Бахаго с завистью заглядывал во дворы, окруженные резными колонками, где стояли каменные или глиняные алтари с большими головами предков. Он никогда прежде не видел таких больших голов. Духи предков в Слоновой Тропе были намного скромней, и для них Бахаго вырезал совсем небольшие головы.

Перед домами нередко зеленели лужайки, на которых паслись овцы и козы. Возле одной из них Макера остановился и с завистью смотрел на мальчугана, который играл с белой козочкой. Все очень устали, но они не позволяли себе отдохнуть, пока им не встретится хоть один человек из людей хауса, который хоть что-нибудь им объяснит.

— Пойдем на базар, Бахаго,— предложила Мать Макеры.— Там мы скорее найдем человека из людей хауса. Не зная языка ибо, мы долго будем бродить без толку, не сумеем поговорить, ничего не узнаем.

Они двигались по шумному, оживленному базару, вокруг было много удивительного, но никто из них ни разу не выдал своего восхищения.

Все трое были озабочены одной и той же мыслью: как бы найти хоть одного человека из людей хауса. И они нашли этого человека. Это был ткач, и на языке людей хауса его называли просто Масаки. Так и окликнула его жена, которая помогала ему раскладывать свертки красивых пестрых тканей.

— Потерпись, Масаки! — повторила женщина.

Бахаго показалось, что он попал в родной дом. Он подбежал к незнакомцу и, хватая его за руки, с радостью воскликнул:

— Будь здоров, мой друг Масаки! Как я рад тебя видеть! . .

— А я не помню тебя, — ответил Масаки. — Кто ты такой? Что-то я не припомню тебя. . .

— Да и мудрено было бы припомнить меня. Ты вовсе не знаешь меня, я из саванны. И Мать Макеры, и мой сын Макера — все мы из саванны. Нас привело сюда великое горе. Сделай доброе дело, посоветуй, где нам искать наших сыновей.

И Бахаго начал торопливо рассказывать Масаки о своем страшном путешествии в Кано, о том дне, который начался так счастливо на Бирнин-Касване, а закончился так печально на дороге, ведущей в Эдо.

Масаки молча выслушал кузнеца. Он повел глазом и увидел слезы на глазах своей жены.

А Мать Макеры рыдала навзрыд, словно сейчас только узнала о тяжелой судьбе своих сыновей.

— Я всегда знал, что у великого божественного обба есть много-много воинов и много охранников, — сказал Масаки, — но я никогда не задумывался над тем, откуда он их берет. Разумеется, их привозят молодыми, а потом долгой муштрой делают такими, каких вы видите у ворот. Они зорко охраняют вход во дворец, они безмолвны и суровы. С ними никто никогда не заговаривает. Их просто боятся. Я бы не желал, чтобы моих детей постигла такая участь. Уж лучше ковать наконечники стрел, ткать или охотиться на слонов. Но что поделаешь, когда есть божественный обба — бог на земле. Тебе будет трудно, на-

берись терпения. Ты не сразу узнаешь то, что хочешь узнать. Тебе надо жить в Эдо. Возможно, настанет час, когда ты встретишь кого-либо из своих сыновей у ворот дворца. Как зовут твоего старшего сына?

— Мафи¹. Моя жена была уверена, что он и в самом деле будет превосходящим. Так мы и называли его.

— Я скажу всем знакомым людям, чтобы они помнили имя Мафи и чтобы они спрашивали о нем, когда столкнутся с людьми из дворца. А ты делай то же самое.

— Я никого не знаю здесь! Ты один у меня в Эдо, добрый друг Масаки. Когда я узнаю людей, я буду всех просить об этом. Но хватает ли у меня терпения, вот этого я не знаю.

Ткач Масаки объяснил Бахаго, где находится улица литейщиков, где улица ткачей, сказал, что рядом живут резчики по слоновой кости, знахари и собиратели целебных трав. Каждый селился на той улице, где ему положено по его занятиям.

Они долго шли по улице литейщиков. Она была далеко от просторных, красивых дворцов. Это были такие же глинобитные хижины, в каких жили люди Слоновьей Тропы. Но они были более просторны, и люди Эдо умели их красиво украшать. Казалось, что один двор лучше другого.

— Все чужие вокруг, — сказал Бахаго жене. — Тревожно у меня на сердце. С каждым часом надежда все дальше уходит от меня. Что делать, Мать Макеры? Плохо мне, да и тебе плохо. Впору вернуться домой. Может быть, пойдем обратно и будем ждать, когда наши сыновья сами придут домой? Будем терпеливы.

Мать Макеры молча слушала печальные речи мужа, а потом, собравшись с силами, словно сбросив с себя тяжкий груз, указала на кривую улочку:

— Нет, Бахаго! У нас есть Макера, мы должны что-то делать. Сейчас ты войдешь вот в этот двор с резной калиткой. Ты видишь, из-за стены вьется синий дым? Я слышу стук молота о наковальню. Там кузнец. Ты войдешь, Бахаго, и спросишь совета. Узнаешь, не нужен ли помощник. Ты начнешь работать, а потом будешь искать покровителей. Мы отсюда не уйдем. Нам надо вернуться в Слоновью Тропу с сыновьями.

— Ты права, Мать Макеры, но ты забыла, что это не Слоновья Тропа. Там я один-единственный кузнец. Я знаю, что меня ждут там. Моим охотникам нужны бронзовые наконечники стрел. А здесь великое множество таких мастеров. Целая улица! Я здесь никому не нужен. Беда, Мать Макеры!

— Ты пойдешь и узнаешь, нельзя ли стать помощником кузнеца вот в этом дворе. Ты сделаешь это, Бахаго. Для нас. Для наших сы-

---

¹ М а ф и — на языке людей хауса «превосходящий».

новой. Мы со вчерашнего дня ничего не ели. Недостойно тебе морить нас голодом.

Бахаго не стал спорить. Он пошел в тот двор, из-за стены которого вился синий дым. Он увидел за работой такого же кузнеца, как и сам он. Но по всему было видно, что тот из племени эдо. Бахаго кое-что понимал на их языке. И он обратился к незнакомцу со словами приветствия. Тот улыбнулся, закивал головой, оставил свой горн и подошел к Бахаго. Он долго повторял:

— Хауса, хауса, саванна — очень хорошо.

Бахаго как мог рассказал ему о своем несчастье, о том, что должен найти работу и должен научиться делать бронзовые скульптуры для божественного обба.

— Если я буду бывать у ворот дворца, — пояснил Бахаго, — я, может быть, узнаю о судьбе моих сыновей.

Как ни плохо он говорил, человек народа эдо понял Бахаго. Он сказал, что хочет помочь своему другу из саванны. Кузнец Эдо показал на плавильную печь, на хижину, на одинокую пальму и сказал, что все это для Бахаго.

Бахаго тотчас же кинулся за калитку, позвал жену и Макеру, привел их во двор, а потом взял в свои руки большую мозолистую руку ремесленника и крепко пожал ее. Хозяин повел Мать Макеры в свою хижину, что-то сказал жене, и та с приветливой улыбкой стала угощать гостей. Она усадила их под навес, подала им бананы, а затем побежала к яме, где, так же как и у Бахаго в саванне, стояло прохладное томбо. Она поставила перед гостями глиняную чашку и знаком предложила отведать вина. Затем она послала свою девочку к горящему очагу, и та принесла миску такой же дымящейся просняной каши, какую делала у себя дома Мать Макеры.

Макера при виде еды не стерпел и потянулся к ней. Он взял в руки большую деревянную ложку, обгрызенную зубами своих сверстников, и стал есть. Дети уселись рядом и внимательно рассматривали Макеру.

А в это время хозяин дома повел Бахаго под навес, где лежала груда мокрой глины и валялись обломки глиняных форм тех самых бронзовых птиц, которые так понравились Бахаго, когда он впервые увидел их на башнях дворцов. Бахаго поднял обломок птичьей головы и с улыбкой подал хозяину. Ему хотелось узнать, как делают эту форму. Бахаго был искусным кузнецом, но ему прежде никогда не приходилось делать бронзовые скульптуры.

А кузнец Эдо взял в руки мокрую глину и стал лепить самого обыкновенного петуха с длинным пышным хвостом, с могучими лапами и высоким гребнем. Он делал это быстро и с такой легкостью, как сам Бахаго делал свою работу. Когда скульптура птицы была готова, но еще недоделана во всех деталях, хозяин сказал, что закончить форму можно будет лишь тогда, когда она высохнет. Все

детали надо будет делать воском, иначе не будет той тонкой отделки, которой гордятся мастера Эдо.

Бахаго ничего подобного никогда не видел. Он спросил своего нового друга, нет ли у него скульптуры, которую он должен отделять воском. Мастер долго копался в углу под навесом и принес небольшую птицу с длинным клювом и короткими ножками. Вначале он показал ее Бахаго, а потом взял глиняный сосуд с растопленным воском и залил им скульптуру толстым слоем. Через некоторое время, когда воск застыл, можно было приниматься за работу. Они уселись рядом, кузнец Эдо взял бронзовую палочку и стал наносить тонкие линии по воску. Бахаго увидел, как гладкая, словно общипанная птица вдруг обрела перья, хвост, хохолок и глаза. Она словно ожила. Бахаго заулыбался. А мастер взял в руки ком мокрой глины и снова покрыл фигуру птицы.

— Теперь пусть постоит на солнце несколько дней, — сказал он, осторожно укладывая на крыше хижины форму птицы. — Когда высохнет, я подогрею ее, воск вытечет, и тогда я залью в оставленное отверстие горячую бронзу. Она заполнит все пространство между двумя слоями глины. Когда бронза остынет, я разобью форму, и тогда ты увидишь настоящую птицу. Такая птица безмолвна, но зато она может долго жить на башне царского дворца.

— Мне это очень понравилось, — признался Бахаго. — У нас в саванне никто не знает подобного секрета. А тебе не жаль поделиться со мной этой тайной?

— У нас в Эдо есть целая улица кузнецов и литейщиков. Они делают подобным образом все бронзовые скульптуры, — ответил с улыбкой кузнец Эдо. — Мне не жаль. Учись, если хочешь. Поживи у меня, будешь со мной работать, потом сам станешь делать такие вещи. Тебе не приходилось вырезать деревянные головы из черного дерева?

— Приходилось. Я сделал много таких голов для алтарей. В Словной Тропе каждый желает иметь свой алтарь для жертвоприношений духам предков, а головы не всякий умеет вырезать.

— Тогда тебе нетрудно будет научиться делать головы из глины. Важно, что в руках твоих есть такое умение. Оставайся!

Впервые с тех пор, как случилось несчастье, Бахаго вдруг обрел уверенность и надежду, которых ему так не доставало все это время. Он был очень благодарен незнакомцу и снова вспомнил слова красильщика из Кано о добрых людях, которые должны объединяться, чтобы победить зло.

— Я не буду тебе в тягость, добрый человек, — сказал Бахаго. — Сейчас ты увидишь, какие хорошие ткани я дам тебе. Мать Макеры всю дорогу из Кано несла их на голове. Желание добыть их заставило нас пойти в Кано, а там случилось несчастье. Беда привела нас в Эдо.

Бахаго схватил корзину, в которой были сложены свертки пестрых тканей, и стал выбрасывать их на циновку.

— Бери, добрый человек! Ты щедро делишься со мной своим богатством, а я поделюсь с тобой своим достоянием. Оно не велико, но это все, что я имею.

* * *

Утро следующего дня Бахаго провел на улицах Эдо. Когда он встречал людей хауса, он спрашивал их, не знают ли они что-либо о жрецах аро, об оракуле Уму-Чукву. Но люди ничего не знали об этом.

Однажды Бахаго разговорился на базаре с одним горожанином-горшечником.

— Скажи мне, брат, — попросил его Бахаго, — как ты думаешь, мои сыновья могут быть растерзаны, убиты, сожжены в угоду оракулу Чуквы?

— И не думай об этом! Жрецы аро известны тем, что они вовсе не приносят жертв своему оракулу. Прикрываясь его именем, они уводят пленников, а потом продают их. Но как ты сможешь узнать, кому проданы твои сыновья, вот этого я тебе не скажу. Если бы найти этих жрецов! А вдруг твои сыновья сумеют бежать?

— Ах, если бы сумели! — застонал Бахаго. — Тогда я должен вернуться в саванну. Боюсь, они найдут пустую хижину и подумают, что мы погибли. Снова тревога колотит мое сердце. Что мне делать? Скажи, добрый человек!

— В саванне твои сыновья не погибнут. Им помогут люди твоего селения. Но искать их нужно здесь. Ищи их повсюду: на базаре, у ворот дворца. Принимайся за работу и заручись покровительством знатного господина.

— Об этом говорил мне Масаки. Теперь я понял: меня погубила моя доверчивость, — признался Бахаго. — В саванне никто никого не обманывает, а в городе повсюду только и жди обмана. И зачем это я пошел в Кано?

— Но, может быть, они схитрят, убегут. Ты говоришь, что сыновья твои смышленные, толковые.

— В саванне они были смышленными, а в неволе? Не скажу! Не знаю! Мои сыновья выросли в саванне. У нас никто друг друга не обманывает, ни один не тaitся от другого. Они не умеют хитрить. Я не должен на это рассчитывать. Я воспользуюсь предложением хозяина, который принял меня, как брата. Я поучусь у него и стану кузнецом при дворе великого обба.

— Вот и хорошо, — согласился горшечник. — Только помни: таких злодеев, как жрецы аро, не так уж много. Ты разуверился в людях, это плохо. Мне ты можешь довериться. Мы с тобой братья! Мы люди хауса! Приходи ко мне, если будет нужда в чем-либо. Приходи поговорить о деле.

На том они и распростились. И хоть у Бахаго было тяжело на сердце, он понимал, что сделал очень важное и нужное дело. Он принял решение. Он останется в Эдо.

БАХАГО ЛЕПИТ СТАТУИ

— Отец, ты видел мать обба, ты был во дворце?

— О чем ты спрашиваешь, сын? Разве кузнеца пустят в священную обитель обба? Вот уже семь лет, как мы живем в Эдо, а ты не знаешь, что обитель обба священна, и задаешь такие вопросы.

— А где ты видел мать обба? Она у тебя получилась такой молодой и красивой. — Макера восхищенно цокнул языком. — Как это может быть, когда обба такой старый и даже не стоит на ногах. Я сам видел, своими глазами, его держали, когда он садился в носилки. Его подняли на руки, как младенца...

— Тащи глину и помалкивай! Тащи попроворней, что ты мешкаешь? Солнце уже забралось под навес. Скоро зной прогонит нас в хижину. Поставь корзину поближе, так мне неудобно брать глину. Ну и бестолковый же ты, Макера! Не быть тебе литейщиком.

— А где спрятан толк?

Макера рассматривал глиняную форму женской головы, приготовленную для бронзовой скульптуры. Глина была покрыта толстым слоем воска. Это была голова царицы. Красивая женщина с большими глазами, с приятными чертами лица, в высокой плетеной шапочке, с тяжелой ниткой драгоценных бус.

— Мать обба очень красивая! — повторил Макера с видом знатока и, шлепнув себя по худой ляжке, согнал громадную злую муху.

Он не торопясь складывал глиняное месиво в большую, как лохань, корзину, сплетенную из старых крепких листьев гвинейской пальмы. Когда отец снова выругал его, Макера попытался поднять корзину, но не смог сдвинуть ее с места.

— Ну-ка пошевеливайся, сын! — прикрикнул Бахаго. — О чем ты думал, когда набивал эту корзину глиной? Теперь тебе ее не поднять.

Макера не растерялся. Он схватил обрывок веревки, свитой из тонких крепких лиан, привязал его к корзине и потащил тяжелый груз поближе к отцу. Не оглядываясь, Бахаго взял большой мокрый ком и бросил на безголовое туловище обба.

— Меси глину, поторапливайся! Вот-вот солнце заберется под навес. . .

Мальчик послушно месил, подливал воду и разминал глину тонкими, как палки, ногами. Он скользил по ней, падал, поднимался и снова мял глину, помогая себе деревяшкой. Его худенькое тело, мокрое от пота и потому похожее на темную бронзу, напоминало одну из скульптур, которые украшали алтари и жертвенники во дворе обба. Мальчик задыхался от усталости, рот его был раскрыт, и белые зубы стиснутые от напряжения, ослепительно сверкали. Руки у него были узкие и тонкие, с длинными пальцами. Они казались очень слабыми и хрупкими, однако Макера хорошо справлялся со своим делом и поспевал за отцом, который работал быстро и уверенно. Они должны были закончить отделку туловища священной статуи до того, как горячие лучи солнца прогонят их в хижину. А когда они свалятся на циновку, усталые и голодные, скульптура будет сохнуть на солнце. Во вторую половину дня солнце уйдет из-под навеса, и тогда отец станет лепить голову обба — самое трудное в работе литейщика. Ведь все зависит от формы. Если форма будет хорошей, то и скульптура получится такой, какой она должна быть.

Подтаскивая к отцу новую корзину месива, Макера снова спросил:

— Почему так обидели мать обба и сделали ей только голову? И почему сам великий обба такой высокий, толстый да еще с топом в руках?

— Ты уже подрос, сынок, а мало знаешь, — ответил уже более ласково отец. Он уже успел сделать туловище обба, и теперь, окунув руки в лохань с водой и наслаждаясь прохладой, он мог без раздражения отвечать сыну. — Пора бы уж знать, что голова — вместилище судьбы, средоточие силы и мысли. А если мать обба священна, то и голова ее священна. Я никогда ее не видел. Я и представления не имею о том, как она выглядит. Я думаю, что она стара и уродлива. Но изображение ее должно быть прекрасно, иначе. . .

— А что иначе? Что иначе? — допытывался Макера.

Отец не сразу ответил, и Макаре надоело ждать. Он был нетерпелив.

— Иначе полетят наши головы, сынок!

— Голова священна. . . А руки, разве они не священны, не разумны?

Мальчуган не успел досказать свою мысль, как вдруг очутился в грязной лохани. Отец швырнул его одним движением сильной руки.

— Руки делают все, что им приказывает голова. Мои руки получили приказание бросить тебя в лохань, чтобы ты перестал тратить время на пустые разговоры. Руки — средоточие силы. Они тоже священны. Помни, сын! Настанет день, когда ты сам станешь лепить

священные головы обба, его предков, его родственников, его сановников. Ты будешь плавить бронзу, чтобы делать эти головы на веки вечные для дальних-дальних потомков правителей Эдо. Спасибо нашему другу, который принял нас, когда мы пришли в Эдо бездомные и несчастные. И хоть братья твои еще не вернулись домой, я все же верю, что духи предков покровительствуют нам, иначе твой отец, Бахаго, не стал бы знаменитым кузнецом при дворе правителя Эдо.

Бахаго вдруг умолк и задумался. В сущности, трудно было говорить о покровительстве предков. Его дед, душа которого давно уже поселилась в теле голубой цапли, явно отвернулся от него. Иначе почему же столько лет он не может найти своих сыновей? Он сейчас сказал Макере, что он, Бахаго, стал знаменитым при дворе обба. А какой прок от этого? Вот уже семь лет, как он делает из бронзы священные изображения людей, птиц и животных. Он уже угодил многим важным сановникам. Ему сказали, что лучшие его вещи стоят во дворце и украшают алтари божественного обба. Однако никто не помог ему в его несчастье. Все его надежды давно уже потеряны. Если бы он знал, что никогда не увидит, что никогда не найдет своих сыновей, он бы не остался в Эдо. Он вернулся бы в свое родное селение, в саванну.

Макера, который, так же как и отец, оставил работу и пошел в хижину, чтобы немножко отдохнуть, размышлял о том же. И он сказал отцу:

— Ты знаменит, отец, но братья мои все еще не вернулись. Как ты думаешь, где сейчас мои братья?

Бахаго лежал на циновке, закинув руки за голову и глядя на солнечный луч, устремившийся к маленькой грязной пятке сына, все думал о том, что никогда не покидало его и что преследовало его во сне и наяву.

— Может быть, бежали твои братья. Может быть, вернулись в нашу хижину и живут в саванне. Сейчас нам этого не узнать. Если бы ты был постарше, сынок, я бы послал тебя туда, и ты бы все узнал. А мне нельзя покинуть Эдо. Теперь я уже здесь прикован невидимыми цепями. Когда даешь слово большому господину, нельзя его обманывать. А я каждый раз даю такое слово, обещаю сделать новую статую, еще одну голову. Время идет, не останавливаясь, в Эдо люди так же умирают, как и в Кано, как и в саванне. Всем нужны головы предков, всем нужны алтари.

Рядом с Бахаго, на той же грязной тростниковой циновке, пригнулся Макера. Он с удовольствием отдыхал после утомительной работы и после того, как набил живот бананами. Должно быть, он съел чрезмерно много бананов. Живот на его тощем теле так смешно раздулся, что стал похожим на барабан из шкуры молоденькой антилопы. Макера лежал и думал обо всем, что сказал ему отец. Все эти годы он видел печаль в глазах отца и слезы матери. Теперь уже мать

никогда не была веселой, как прежде, в саванне. Бывало, придет соседка, скажет что-нибудь смешное, и мать начинает весело смеяться. А теперь она даже не улыбается. Как ей помочь? Как найти братьев? Отец стремился в Эдо, надеясь, что здесь встретятся жрецы аро или работорговцы, у которых можно было бы откупить сыновей. Конечно, они бы вернулись в саванну, если бы не это несчастье. Макера с грустью вспоминал родную саванну. Но с каждым годом в его памяти оставалось все меньше и меньше тех дней, когда он был еще крошечным Макерой и все его любили и ласкали. Зато в памяти хорошо сохранилось путешествие в Эдо. Он запомнил дремучие леса, гигантские баобабы, пестрых птиц и страшную ночь, когда отец чуть не погиб, преследуемый леопардом. Он запомнил бурю с небывалым ливнем, когда гром сотрясал землю и небеса, а молнии слепили глаза. Запомнил отца, ставшего на колени с мольбой к небу, чтобы буря не унесла их. Отец говорил тогда, что не удивился бы, если бы этот сильный воющий ветер, вырывавший с корнями могучие деревья, подхватил все их семейство и унес куда-то далеко, за пределы Нигера. Трудным был их путь, нелегкой была жизнь в Эдо. Разве он не видит, как всегда озабочен отец? Как он тревожится, когда работа бывает уже готова и нужно ее отнести какому-нибудь важному господину? Правда, за работу отец получает все необходимое. Как и в прежние времена, мать толчет в ступе просо и варит фуру. Нередко удается зарезать козу или овцу. Они всегда сыты. Но нет радости в их жизни. И хотя Макера научился разговаривать на языке эдо, у него нет сверстников, с которыми можно было бы позабавиться. Он постоянно занят работой, постоянно помогает отцу.

Размышления Бахаго и Макеры были прерваны приходом матери. Мать Макеры принесла миску горячей похлебки, поставила ее на циновку, села рядом с мужчинами, но не взяла в руки ложки, не стала есть.

— О чем ты печалишься? — спросил Бахаго. — Что-нибудь случилось?

— Беда большая! У горшечника увели детей!

— Кто увел? Когда?

— Я шла за просом, вдруг услышала вопли за оградой их дома. Я заглянула в щелку, вижу — люди из дворца обба связывают одной веревкой всех детей горшечника. Пятерых взяли. А когда несчастный горшечник схватил своего трехлетнего малыша, его отшвырнули в сторону, а мальчугана взяли. «Ему всего три годика, оставьте его мне! — кричал он. — Как я буду жить без них? И зачем мне тогда лепить эти горшки?» А люди из дворца погнали детей. И тогда горшечник стал швырять им вслед горшки. Дети кричали, мать рвала на себе волосы и просила убить ее. А горшечник как безумный колотил горшки. Я видела, как воины обба погнали детей ко дворцу.

Мать Макеры схватилась за голову и стала раскачиваться из

стороны в сторону. А потом, уже не сдерживая рыданий, ткнулась лицом в земляной пол.

Бахаго бросил ложку.

— Скажи, что было дальше? И почему я ничего не знаю об этом?

— Я видела, как мать побежала за детьми, но не догнала их, упала на дороге. Когда горшечник подбежал к ней, он увидел, что она мертва. Сердце у нее разорвалось. У меня железное сердце. Почему оно не разорвалось, когда увели моих сыновей?

— Я сделаю для горшечника деревянную голову его жены. Голова этой женщины будет такой же прекрасной, как вот эта бронзовая голова матери обба. Он поставит ее на алтарь и каждый день будет ей класть приношения.

— Где же он их возьмет? Он стал безумным. Он никогда больше не сделает ни одного горшка.

— А разве ты его не накормишь, Мать Макеры? Заберем его в свою хижину. У него такое же несчастье, как и у нас. Но мы наделись, что вернем сыновей. И мы трудились. А на что надеяться ему? Беда большая!

ТЕНЬ СЫНА НА СТЕНЕ ХИЖИНЫ

Прошло еще три года. Семья Бахаго по-прежнему трудилась, создавая скульптуры для многочисленных алтарей божественного обба. Макера уже стал самостоятельным кузнецом. А главное — он лепил глиняные формы для литья лучше и быстрее, чем отец. Бахаго только удивлялся, откуда это взялось. Иной раз ему казалось, что сын его владеет какой-то тайной. Иной раз Бахаго присматривался к работе сына и восхищался. Особенно Макере удавались лица. Они были очень выразительны.

Как-то отец сказал сыну:

— Знаешь, сынок, мать все еще тревожится за тебя. Вот уже три года как в нашей хижине живет горшечник, потерявший своих детей, а она все вспоминает тот страшный день, когда их уводили. И только сегодня сказала мне, что не перенесет горя, если Макеру уведут.

— Я же не маленький! Я никого не боюсь. И матери скажу, чтобы не боялась и не думала об этом. Ты сам говорил мне много раз, что нас не могут тронуть, раз мы работаем для божественного обба и его сановников. Нам только надо приносить жертвы духам предков и просить их, чтобы они сохранили жизнь обба, чтобы он не умер.

Я узнал, отец: когда умирает обба, всякий может пострадать. Мне рассказывали, что, когда умер предыдущий обба, его дух пожелал забрать с собой самых лучших слуг, самых лучших ткачей, кузнецов, горшечников, портных, чеканщиков. Не знаю, так ли, но тот человек сказал мне, что вслед за обба ушли сотни людей.

— А ты спросил, как это произошло?

— Он сам рассказал, — ответил Макера. — Эти люди стояли у тела умершего. Они оплакивали его, а в это время один из важных сановников называл их по именам и говорил: «Великий обба призывает тебя». И каждого из них приглашали к великому обба. Человек выходил из толпы, и воины уводили его в соседний двор. Больше их никто никогда не видел.

Бахаго молча слушал сына и мысленно молился за здоровье обба. Сегодня обба жив, значит, Макера будет дома, его никуда не уведут.

В один из дней в хижину Бахаго пришел слуга из дворца и спросил, сможет ли Бахаго сделать скульптуру — маску женской головы из слоновьего бивня. Она была нужна к ближайшему празднику, который обба особенно любил и почитал. Это был праздник весенних посадок, когда великий обба собственными руками сажал первый клубень ямса и освящал его своими молитвами.

Бахаго долго размышлял, выгодно ли ему браться за это дело. Он не знал, принесет ли оно ему пользу или вред. К тому же он не был уверен, что у него хорошо получится такая работа. Когда он был помоложе, он очень хорошо вытачивал из дерева головы мужчин и женщин. Он любил вырезать деревянные игрушки. Но вот уже десять лет он этим не занимается. У него даже нет инструмента. А что, если он испортит слоновий бивень? Никогда не знаешь, что ждет тебя. Всегда может прийти беда. Бахаго не знал, что ответить. А в это время Макера, который рассматривал кусок слоновой кости, сказал:

— Я могу сделать эту маску. Но пока я буду над ней трудиться, я ничем не смогу помогать отцу. Бронзовые птицы, которые мы должны сделать для нового дворца обба, будут сделаны позднее.

— Башни еще не скоро будут построены, — ответил слуга, — с птицами можно подождать. Возьми, Макера, слоновую кость и принимайся за дело.

Макера стал спрашивать, какой величины должна быть маска и как пользуется ею великий обба.

Царский слуга рассказал Макере, что маска небольшая, величиной с ладонь, что обба носит ее на поясе и сделать ее нужно очень хорошо. Правитель Эдо любит только очень красивые и очень дорогие вещи, а скверные вещи вызывают у него только гнев.

Макера сказал, что он бы сделал маску лучше, если бы видел, какие красивые и дорогие вещи носит великий обба. Ведь ему ни разу не довелось его увидеть. Только давно-давно, когда он был еще маленьким, ему пришлось как-то видеть процессию, которая подошла

ко дворцу. Он был тогда еще несмышленным мальчишкой и думал, что обба очень стар; он видел, как поддерживали божественного правителя под руки, и решил, что обба не может стоять на ногах. А ведь это было не так.

Слуга весело рассмеялся.

— Десять лет назад ты считал его старым? Да ведь он был совсем-совсем молодым тогда!

— И пусть живет подольше! — воскликнул Бахаго. — Пусть будет молодым. Однако расскажи нам, какие украшения любит обба.

Царский слуга уселся на циновку, попросил прохладного томбо и сказал, что самое прекрасное украшение, которым очень гордится обба и которым может гордиться весь царский род, — это драгоценные бусы. У божественного обба есть ожерелья из кораллов, шлифованных раковин, из драгоценных камней.

— Их очень много; они очень красивы, — рассказывал слуга, хвастаясь тем, что он все это видел. — Во всей стране не найдется такого количества бус! Тяжелые нитки висят у повелителя на шее, груди и животе. Каждое утро он начинает словами: «О бусы, когда я надеваю вас, даруйте мне мудрость и не допускайте ко мне злых духов и разные бедствия!»

— Я буду очень стараться и сделаю подвески, достойные божественного правителя Эдо, — сказал Макера. — Только не торопи меня. Дай мне хорошо поработать. И заплати как следует. Ведь мне надо еще сделать резцы для работы по кости. Это должны быть очень хорошие, крепкие резцы. Меня нельзя подгонять.

— Я вижу перед собой юношу, — заметил царский слуга, — а слышу слова старца. Ты все сказал. А я все понял. Поверь мне, если работа будет хорошей, ты получишь заслуженную награду. Хранитель сокровищ, который ведает всеми украшениями обба, человек щедрый. Он хорошо платит за работу, которая ему нравится. Твой отец давно уже стал уважаемым человеком. А теперь я скажу хранителю сокровищ, что подрос сын Бахаго и что ему следует запомнить еще одно имя — Макера.

Когда царский слуга ушел, Мать Макеры бросилась к сыну со слезами радости и сказала, что добрые духи вознаградили ее за все страдания и мучения. Вот теперь она видит награду. Только у нее есть одна просьба к сыну.

— Не откажи, сынок, послушай меня, сделай себе бусы и носи их постоянно. Пусть они даруют тебе мудрость и предохраняют от злых духов.

— Из чего же я сделаю себе такие бусы? У меня нет кораллов, нет сердоликов и даже морских раковин нет.

Но тут вмешался Бахаго и сказал, что добудет на базаре морские раковины и сам отшлифует их. Ему очень понравилась мысль жены оградить Макеру от опасности. Бахаго не покидала тревога о том, что

будет, если умрет божественный обба. Ведь дух его может потребовать великие жертвы. А что, если он назовет имена своих кузнецов, литейщиков, косторезов? Вдруг назовет Макеру? Не лучше ли бросить работу в Эдо и потихоньку бежать в саванну? Ни Кано, ни Эдо не принесли его семье счастья. Он так и не узнал о судьбе своих сыновей. Сейчас он сделает бронзовых птиц для башен нового дворца, а Макера — подвеску для обба, а потом надо уходить. Бесь долгий путь от Эдо до Слоновой Тропы они будут надеяться, что сыновья ждут их в родном селении. Прошло столько лет, они подросли и давно уже поняли, что самое драгоценное в жизни — свобода. А дома уже все переменялось. Должно быть, старейшиной племени стал сын Маваки, его старший сын, отличный охотник. Он примет семью Бахаго, поможет поставить хижину в хорошем месте, даст мяса и пальмового вина. Пожалуй, если бы они вернулись в саванну, все селение приняло бы их, как самых дорогих гостей. Но пока он ничего не скажет жене. Только тихонько будет поторапливать Макеру. Хотя сын и выпросил себе много времени для работы, он, Бахаго, добьется своего и сделает так, чтобы драгоценная подвеска была готова значительно раньше.

* * *

Много дней Макера трудился над горном. Он делал очень крепкие бронзовые резцы для тонкой резьбы по кости. Ему очень хотелось всех удивить. Уже не надо было месить мокрую глину и сушить на солнце слепки. Теперь он мог сидеть в прохладной хижине, на чистой циновке и не торопясь делать эту тонкую и очень кропотливую работу. Он решил сделать женскую голову в прекрасном головном уборе царицы, с нитками красивых бус на шее.

Макере очень хотелось сделать красивое лицо, но как достичь совершенства? Он знал, что отец нередко, когда принимался за работу, ходил к воротам дворца, чтобы увидеть знатного господина и потом вылепить подобие его лица. А как быть ему, Макере? Ведь делать резьбу по слоновой кости значительно труднее, чем лепить из глины. А еще страшно от мысли, что эту подвеску будет носить сам великий обба. Макера все думал об этом и тревожился. Ему помог случай.

Макера сидел за работой, а мать в другом конце хижины плела циновку. Макера рассеянно посмотрел в ее сторону и вдруг увидел, что лицо матери очень красиво. Высокий лоб, пухлые красивые губы, маленькие уши и большие печальные глаза. Макера весело рассмеялся и уверенно взялся за резец. Он сделает лицо матери. Только глаза не будут такими печальными, какие он видит сейчас. Они будут веселыми, какими были в саванне, когда он, Макера, был еще маленьким. А как он сделает головной убор? Плетеная шапочка, которую обычно носят царицы, должна иметь какие-то изысканные украшения. О, его

выдумка поразит даже обба, не только хранителя сокровищ. Головной убор этой женщины будет украшен головами белых людей — португальцев. Последнее время они часто появляются на улицах Эдо. Говорят, они прибывают с единственной целью — закупить черных рабов. А если он сделает головы португальцев на шапочке царицы, то все поймут, что это будет означать желание людей Эдо завладеть головами португальцев. Это очень понравится божественному обба.

Целыми днями трудился Макера над подвеской. Пока еще не видно было выражения лица, мать не обращала внимания на работу сына. Но однажды утром, когда Макеры не было в хижине, она взяла в руки подвеску и застыла в изумлении. Ей показалось, что она увидела свое отражение в водоеме, который был у них во дворе. Это было ее лицо. И хоть Макера сказал себе, что сделает лицо матери с веселыми глазами, он сделал их такими, какими они были на самом деле. Большие печальные глаза словно заглядывали в душу, говорили о скорби, о перенесенных страданиях. Казалось, что они выражают удивление. Так или иначе, но Мать Макеры узнала себя и долго рассматривала драгоценную подвеску из пожелтевшей слоновой кости. В этот день она с особенной любовью готовила еду для сына. Она принесла ему прохладного вина и сказала:

— Выпей, сынок, бодрее будешь! Твоя работа требует большого терпения!

Макера трудился от зари до заката. И все же прошло много дней, прежде чем на шее маленькой скульптуры появились очень красивые бусы, а на голове — плетеная шапочка. Оставалось лишь сделать украшения — головы португальцев.

Как-то Бахаго сказал жене:

— Когда подвеска будет готова, мы уйдем в саванну. Покинем Эдо. Может быть, сыновья вернулись домой?

— Я с радостью это сделаю. Я постарела, мои ноги уже не такие быстрые и не такие сильные, как прежде, но я полечу как на крыльях. Мы живем здесь в постоянном страхе перед великим обба. Зачем нам это? Мы не нашли наших сыновей. Вернемся в саванну. Может быть, они там.

Сыну пока не говорили о задуманном. Сын трудился. Драгоценная подвеска становилась все лучше и лучше. Мать любовалась ею каждую свободную минуту.

— Поверь, сынок, — сказала как-то мать, — когда божественный обба увидит твою работу, он вознаградит тебя и сделает тебе добро. Знаешь, что он тебе скажет?

Макера усердно вырезал крошечные головы португальцев. Он был так увлечен своим занятием, что не откликнулся на ее слова. Верней, он не прислушался к ним. Но мать спросила:

— Ты даже не хочешь знать, что скажет тебе божественный обба?

— Но ведь он ничего не скажет. Он не увидит меня. Разве отец

мало сделал ему прекрасных статуй? Однако отец ни разу не увидел правителя Эдо. Десять лет отец трудится для дворца.

— Не всякому, сынок, дано видеть богов! Но я верю, ты предстанешь перед ним, и тогда он скажет: «В награду за твое усердие, Макара, я даю тебе коралловые бусы, а еще даю тебе слово: весь твой род, до пятого колена, — все будут под покровительством дворца. В роду Бахаго не будет рабов...» Ты выслушай все это, сынок, и попроси найти твоих братьев.

Мать умолкла, посмотрела на сына своими большими скорбными глазами и припала к его худым черным ногам.

— Он никогда этого не скажет, — ответил хмуро Макара. — Боги не говорят с простыми людьми. А ты перестань думать о рабах. Мои руки приносят пользу божественному обба, зачем же он станет меня продавать? Не плачь, Мать Макары! Ты уже пролила потоки слез, а у тебя стоит нетолченное просо. Лучше сделай мне просяную лепешку.

— Верно, сынок, — улыбнулась Мать Макары.

* * *

Макара трудился с таким усердием, какого отец никогда прежде за ним не замечал. Костяная подвеска потребовала большого терпения. Казалось, его и не хватит у Макары. Она отняла больше времени, чем лепка самой сложной статуи. И все же настал день, когда в хижине Бахаго снова появился царский слуга. Попивая прохладное томбо, он рассматривал превосходную работу Макары. Головы португальцев так обрадовали и насмешили его, что он завизжал от восторга, хлопнул юношу по плечу и сказал, что такой мастер очень понравится обба.

— Великий обба будет щедрым, — повторял царский слуга, подливая себе вина из кувшина и подмигивая Бахаго, который глаз не сводил с почтенного гостя и с нетерпением ждал, когда же тот будет с ним расплачиваться.

Но вот уже выпито все томбо, уже спрятана в тростниковую корзину драгоценная подвеска, царский слуга уже собрался уходить, а вознаграждения все нет и нет. Словно его и не полагалось. Тут уже Бахаго не вытерпел и спросил:

— Разве божественный обба ничего не прислал за эту работу?

Он напомнил царскому слуге о том, сколько труда вложил Макара в эту безделушку и как ждал счастливого дня, когда можно будет порадовать божественного господина.

Царский слуга выслушал все эти слова спокойно и невозмутимо. Но не торопился с ответом. Бахаго даже рассердился и принялся месить грудку мокрой красной глины во дворе.

Уходя, царский слуга сказал Макере, что награду он получит во дворце божественного обба. Ее выдаст сам хранитель бус и украшений.

— А разве пустят моего сына во дворец божественного обба? — спросила в волнении Мать Макеры. — Лучше бы ты, добрый человек, сам расплатился с юношей. Постарайся!

— Я бы посчитал за счастье попасть под своды дворца великого обба, — ответил царский слуга. — Разве много таких счастливых на земле? Твой Бахаго еще не видел божественного обба, а работает для него сколько лет. О чем ты говоришь, несмышленная женщина?

Мать Макеры смутилась и тут же стала благодарить царского слугу за честь, оказанную ее сыну. Она не стала рассказывать ему, как тревожно у нее на сердце и как не хочется ей отпускать своего единственного сына во дворец. Она кланялась до тех пор, пока царский слуга не скрылся за низкой глиняной оградой, отделявшей двор Бахаго от кривой, грязной улочки кузнецов и литейщиков Эдо.

Бахаго в ярости месил красную глину, когда Мать Макеры сказала ему обо всем.

— К добру ли это? — спрашивала женщина озабоченно. — Если Макере угрожает что-либо дурное, оставим здесь все сделанное тобой. Уйдем в саванну, да поскорее. . .

— Ты говоришь неразумное! — рассердился Бахаго. — Сын пойдет и получит все, что ему полагается за подвеску, а потом мы скажем ему о своем намерении вернуться в саванну. Он обрадуется. Поверь мне! А пока пусть он идет во дворец. Он так долго трудился над этой подвеской! Он так хотел угодить божественному обба. Не иначе как его хотят наградить. Для чего бы его позвали во дворец? Подумай только, Мать Макеры, твоего сына вызывает сам великий обба. Чем же ты недовольна?

Мать Макеры с изумлением смотрела на Бахаго. Она впервые слышала от него такие слова. Эти слова вселяли надежду на лучшее будущее. Вот уже десять лет она жила в постоянной тревоге. Она научилась смеяться. Сколько горьких слез она пролила, прячась в темной хижине, чтобы муж и сын не видели ее! И вот настала такая счастливая минута. То, что она приняла как несчастье, как дурное предзнаменование, обернулось дорогой к счастью. И как она не подумала о том, какая им выпала редкая удача! На всей их улице нет кузнеца, который побывал бы во дворце и видел божественного правителя Эдо. Ведь он равен самому богу. Он все может и во всем велик. Ах, какая же она глупая женщина! Надо скорее дать Макере праздничную одежду. Не надо мешкать. Должно быть, царский слуга уже вручил великому обба драгоценную подвеску.

— Знаешь ли ты, что должен делать, когда перешагнешь священный порог? — спрашивала с тревогой мать. — Знаешь ли, что должен пасть ниц и долго лежать у ног своего божества?

— Знаю, все знаю! Сколько раз я слышал об этом на базаре. Царские слуги всем рассказывают об этом. И хоть мало кто видел великого обба, каждый знает, что бы он сделал, если бы ему довелось перешагнуть порог дворца.

Когда Макера предстал перед отцом в праздничной одежде, когда отец увидел его чистые руки и вымытые ноги, сердце Бахаго радостно забилося. Сейчас он верил только в удачу. Обба жив, обба здоров, обба доволен — чего же еще желать?

— Иди, сынок, — сказал Бахаго. — И пусть счастье посетит нашу хижину. Вернись с драгоценными бусами. Великий обба самый богатый человек на земле.

Макера стоял у глиняной стены хижины и внимательно слушал Бахаго. Ему так не терпелось поскорее попасть во дворец, он едва сдерживался, чтобы не побежать. Однако он был вежлив и терпелив к старшим. Так его учили с младенческих лет. Макера стоял у хижины, и тень его падала на светлую стену, увеличивая его курчавую голову и худые длинные руки. И мать, следившая за каждым движением сына, вдруг увидела эту удивительную тень, словно на стене был живой Макера. Сама не зная почему, то ли от непонятной тревоги, то ли от любви, большой, бескрайней, как саванна, ей захотелось запечатлеть эту тень на стене своего жилища, и она воскликнула:

— Стой, Макера, не двигайся! А ты, Бахаго, взгляни на тень твоего сына. Вот она какая на стене нашей хижины. Замажь ее красной глиной, да получше, чтобы Макера был с нами до тех пор, пока великий обба не отошлет его обратно домой. Скорее, Бахаго, принимайся за дело!

Макера стоял неподвижно, а отец торопливо набрасывал на светлую стену своей хижины комья мокрой красной глины. Он быстро размазывал эту глину, а Мать Макеры с волнением следила за ним. Она видела, что ему трудно сделать задуманное, потому что собственная тень Бахаго ложилась рядом. И все же Бахаго выполнил просьбу жены. Он попросил Макеру отойти от стены и умелой рукой подправил изображение сына. Мать Макеры увидела то, что хотела увидеть. И тогда она сказала:

— Беги, Макера! Пусть счастье идет с тобой рядом! Возвращайся поскорее!

И когда сын ушел во дворец, полный радостных надежд, Мать Макеры стала любоваться его тенью на стене своей хижины.

— Бахаго, — сказала Мать Макеры, — как ты думаешь, я не рассержу добрых духов, если поставлю перед этой тенью миску горячей фуры и печеные бананы?

— Если ты их не обделишь, не оставишь без приношений, — ответил Бахаго. — Я всегда считал, что надо угождать добрым духам. Когда мы забываем о них, они перестают делать добро. И тогда приходит беда.

Бахаго умолк — он увидел слезы на глазах жены. Он понял, что она думает о пропавших сыновьях. Эти мысли не покидают и его. Он думает об этом постоянно, когда месит глину, когда лепит головы великих предков обба, когда просыпается темной ночью в душной хижине. Должно быть, сыновья точно так же думают о своей матери, о своем отце. Когда же он увидит их?

ГДЕ ЖЕ СЫНОВЬЯ БАХАГО?

Прошло десять лет с того памятного дня, когда трое старших сыновей Бахаго были уведены жрецами уму-чукву. В памяти Бахаго на всю жизнь остался этот жаркий день на базаре в Кано. Веселые шутки, смех детей и вопли матери, бившейся на земле от горя и отчаяния.

И сыновья Бахаго не забыли тот день. Хоть жизнь их переменялась.

Когда жрецы уму-чукву похитили их и спрятали в одном из домов на окраине Кано, братья звали на помощь, били кулаками в стену, кричали и просили отпустить их к родителям. А когда они, обессилев, стали горько плакать, растирая кулаками распухшие от слез глаза, появился старый жрец аро с миской горячей похлебки. Мальчишки не ели весь день. Они проглотили похлебку и тут же свалились в тяжелом дурмане. Очнулись они уже поздней ночью. Крепкая, сплетенная из прутьев клетка покачивалась на спине верблюда, словно лодка на волнах. Старший из братьев, Мафи, хотел было подняться, но стукнулся головой о клетку и упал на своих братьев. Над ними было черное звездное небо. Вокруг тишина, только погонщик с хлыстом плелся рядом и приговаривал что-то на непонятном языке. Братья ничего не помнили и долго не могли понять, что с ними произошло. Они спрашивали друг друга, пытались вспомнить, что было на базаре в Кано. Первым пришел в себя Мафи. И когда он понял, что их куда-то увозят, стал кричать, ломать клетку, проклинать жрецов:

— Проклятые жрецы! О мы несчастные, всеми покинутые! Нас увозят! Нас обманули! О, мы никогда не увидим отца Бахаго! О, мы никогда не увидим Мать Макеры! Прощай, Слоновья Тропа! Прощай, саванна! Прощай, саванна! Великая беда пришла! Зачем она пришла?

Так причитал Мафи, покачиваясь и обливаясь слезами. Братья, обнявшись, рыдали.

— Нам дали сонной травы! — закричал Мафи, поняв причину своего беспамятства.

И тогда братья увидели верблюда, идущего позади, и на нем жреца аро. Он дал знак погонщику, и плеть со свистом обожгла руки, вцепившиеся в крепкие прутья клетки. Мафи съежился, сжался в клубок и опустился рядом с плачущими братьями. Так прошла ночь. А наутро жрец аро подошел к ним и сказал, что, если они будут выть, кричать и ломать клетку, он оставит их без еды да еще велит отхлестать плеткой. А если будут вести себя хорошо, то он накормит их и даже позволит выйти из клетки поразмяться.

— Отпусти нас домой, покажи нам дорогу в саванну! — взмолился Мафи. — Отец и мать ищут нас. Макара плачет. Мы никогда еще, ни разу в жизни, не расставались, отпусти нас!

— Ты глуп, как теленок ориби, — рассмеялся жрец аро. — Зачем же я сопровождаю вас? Не затем ли, чтобы доставить во дворец Эдо? Ведь я получу награду за свою хитрость.

И снова Мафи завыл и забился о стенки клетки, а братья вторили ему дружным плачем.

— Не войте, несчастные щенки! Я не стану продавать вас на корабль. Вы попадете во дворец божественного обба. Вам выпало великое счастье, а вы воете, как голодные псы.

— Во дворец великого обба? — Сердце Мафи сжалось от страха.

Кто он, великий обба? И что с ними сделают? Что будет с отцом и матерью? Что станет делать без них Макара?

Мафи ничего не знал о великом обба, ничего не знал о городе Эдо. Он знал и любил саванну, и ему больше всего в жизни хотелось вернуться в свою хижину и скорее обнять маленького Макару. Мафи очень любил Макару и не мог себе представить жизнь вдали от младшего брата.

— Эй, скажи нам, кто такой великий обба? И что это такое Эдо? — спросил Мафи жреца. — Сколько времени надо пробыть там? Когда можно будет вернуться в саванну?

В ответ Мафи услышал громкий смех. Жрец просто надрывался от смеха. Мафи не получил ответа. Его братья непрестанно задавали ему вопросы. Но что он мог им ответить? Они то и дело вспоминали Слоновью Тропу, вспоминали пиршество перед уходом в Кано, когда мать дала им большую миску фуры, надоила свежего козьего молока, и у каждого в руках была ложка, сплетенная из тонкой сухой травы.

Мафи старался восстановить в памяти все, что произошло в Кано. Они беспечно стояли возле алтаря жрецов уму-чукву и прислушивались к непонятному лепету старика в белом покрывале. И зачем только они подошли к этим жрецам? Что им нужно было у чужих алтарей? Если бы они вместе с Макарой вернулись в дом красильщика, не случилось бы с ними этого несчастья,

Много-много дней тряслись они в этой клетке. Братья плакали и жаловались, когда затекали ноги. Иногда удавалось уговорить старика, и он развязывал веревку, раскрывал клетку и выпускал их, чтобы побегать немного. Но при этом он не расставался с плеткой.

Настал день, когда верблюды остановились у ворот большого, красивого города. Погонщик открыл клетку и велел братьям выйти. Они были у ворот Эдо, столицы богатого царства. Жрец аро привез их, чтобы продать во дворец божественного обба. Охраняемые плетью, братья пошли по зеленым, с красивыми домами улицам Эдо. Здесь было столько всего удивительного, что Мафи не переставал восхищаться.

— Никогда не поймешь, что такое Эдо, пока сам не увидишь, — говорил он, тараща глаза и стараясь рассмотреть людей, дома, растения.

У ворот дворца братьев стал осматривать старший охранник. Он велел открыть рот и показать, целы ли зубы. Проверил руки и ноги, нет ли переломов, спросил, не болят ли глаза. И когда убедился в том, что мальчишки здоровы, он уплатил жрецу аро положенное и велел одному из воинов, стоявших у ворот, отвести новичков во двор охранников. Там их должны были обучить трудному и почетному делу — стоять на страже во дворце.

Им бы горевать сейчас и плакать о потерянной свободе, но они еще не поняли своего несчастья. Потрясенные богатством дворца, они даже перестали думать о своих близких, о Слоновой Тропе. Они шли за охранником из одного двора в другой и молча рассматривали все невиданное и небывалое.

— Смотрите, — толкнул Мафи братьев, — вот таких великанов можно вырезать из черного дерева. Клянусь, этого не умеют в саванне. Посмотрите, эти громадные статуи поддерживают головами крышу. А какая резьба на этой крыше из дерева! Там, должно быть, очень прохладно. Вокруг столько красивых деревьев растет! И птицы поют, как на рассвете в лесу. Вот где живет божественный обба! Как много ему нужно дворов, домов, галерей и садов! А сколько воинов здесь! Сколько рабов и слуг!.. Для чего эти пестрые птички перья? А как красиво здесь одеты женщины!

Только поздно ночью, оставшись втроем на жесткой циновке, братья погоревали о близких, вспомнили саванну и старейшину племени Маваки.

— Если бы он знал, что нас похитили, — прошептал на ухо младшему брату Мафи, — он бы поставил на свой алтарь хорошие приношения и выпросил бы нам свободу. Но как он узнает?

Они уснули, не успев даже поговорить о том, что их тревожило. Во сне они снова были дома, в родной саванне. И Мафи, как бывало

прежде, торопился к праздничному костру с барабаном на голове. Но вдруг барабан стал невероятно тяжелым, и юноша вместе с ним угодил в костер. Тело его обожгла резкая боль. Он вскочил с криком от удара кожаной плети. Точно так же вскочили его братья. Перед ними был старый воин, который должен был научить их премудрости стоять на страже.

— Если вы сами не будете подниматься на рассвете, — сказал старый воин, — то вас подымет моя плеть. Будьте послушны и преданны божественному обба, тогда вы получите хорошую службу и щедрое вознаграждение. Если же проявите непокорность, то вас предадут белым, и корабль увезет вас туда, откуда никто никогда не возвращался.

Дрожа от страха и глотая слезы, мальчики пошли вслед за воином, который был известен среди молодых охранников как человек суровый, строгий и взыскательный. Его боялись и покорялись ему беспрекословно. Так сделали и сыновья Бахаго.

Очень скоро Мафи научился подниматься вместе с солнцем, без плети старого воина. Он будил братьев и сам старался растолковать все то, что им внушал строгий наставник. Постепенно все трое усвоили, что, стоя на страже в покоях божественного обба, нельзя даже чихнуть, нельзя повести глазом, нельзя вымолвить и слова. Нужно стоять безмолвно и недвижимо, как стоят бронзовые статуи в громадных, с богатым убранством комнатах дворца. Их учили кланяться важным сановникам, различая их по одежде и по количеству бус, которые украшали шею каждого знатного господина. Их учили падать на землю и долго лежать, уткнувшись носом, не шелохнувшись, если доведется встретить божественного обба.

— Запомните, щенки: великий обба — бог на земле, — говорил им старый воин.

Первое время было очень трудно. Казалось, что никогда не поймешь весь сложный порядок жизни в этом дворце, в этом богатом и страшном святилище, где обитал бог страны Эдо. Каждый вечер, перед сном, братья со слезами и болью в сердце вспоминали родной дом. Они укладывались на одной циновке, обнявшись, и засыпали с чувством страшной, невозвратимой потери. Их никуда не выпускали, и они понятия не имели, как можно бежать из этой западни.

Но время шло, и Мафи стал привыкать к мысли, что впереди у них беспечная жизнь в достатке и даже веселье. Они нередко видели, как развлекались молодые воины, которые уже прошли трудный путь обучения и теперь выполняли свое почетное дело. Им казалось, что жизнь у этих воинов куда более беспечная, чем у молодых охотников саванны. К тому же им часто говорили о том, что саванну нужно забыть, что родной дом ничего не стоит, если он остался среди диких трав, где-то далеко от великого города Эдо. Постепенно меркли воспоминания о родной хижине, о любимом брате

Мафере, об отце и матери. К тому времени, когда их поставили у входа в священные покои божественного обба, трое сыновей Бахаго уже не печалились, не искали спасения. Они примирились с неизбежным. А Мафи даже был склонен считать себя счастливым. В самом деле, что было бы с ними, если бы их продали белым и увезли на корабле закованными в кандалы?

Если бы старый суровый воин позволил молодым охранникам выходить за ограду дворца, то — кто знает? — может быть, трое сыновей Бахаго повстречали бы у ворот дворца уже поседевшего и всегда печального кузнеца из саванны, своего отца. И тогда они узнали бы, как семья Бахаго очутилась в Эдо и как все трудятся, ищут и ждут их, не теряя надежды много лет.

Но во дворце был строгий порядок. Старый воин никогда не выпускал за ограду никого из молодых охранников. Сыновья Бахаго привыкли к этому. С годами они все реже жаловались на свою судьбу.

За десять лет, проведенных в стенах дворца божественного обба, братья стали неузнаваемы. Их не узнал бы даже отец, потому что они стали взрослыми и очень изменились. Их не узнала бы даже мать, потому что на них было богатое и красивое убранство. У них были нарядные щиты, высокие головные уборы и блестящие запястья на руках и ногах, каких никто никогда не видел в саванне. И хоть Бахаго отлично знал, как выглядят воины великого правителя Эдо, он вряд ли мог себе представить своих сыновей в таком же богатом убранстве.

Мафи и его братья хорошо несли службу. Они научились угождать тем, кто был силен, кто носил несколько ниток бус и пользовался доверием правителя. Сравнивая себя с рабами, которых нередко пригоняли во дворец для тяжелых работ, Мафи и его братья считали себя удачливыми. Им даже льстило то, что они, сыновья безвестного кузнеца из саванны, стояли у трона самого великого человека на земле.

Нередко отряд молодых воинов, охраняющих трон в дни великих торжеств, становился свидетелем удивительного зрелища. Сотни молодых, прекрасных юношей и девушек Эдо танцевали перед божественным обба. Искусные барабанщики с величайшим усердием отбивали ритм, все более усиливающийся. И наступал момент, когда бой барабанов и танец напоминали ураган. В такие минуты трудно было устоять спокойно, казалось, что какая-то колдовская сила сорвет тебя с места и бросит к танцующим. Таких танцоров никто не видел в саванне. Да и вообще никто в саванне не смог бы себе представить всего богатства дворца, всей пышности одежд и красоты многочисленных жен обба. Мафи давно уже решил, что обба — самый счастливый человек на всей земле. Ведь ему все подвластно и каждое его желание — закон. Мафи видел, как много искусных людей трудятся, чтобы

угодить великому правителю Эдо. Подвластные обба вожди племен приносили к ногам повелителя слитки золота, серебра и бронзовые украшения. Ткачи доставляли ему такие красивые ткани, каких не делали даже в Кане. Каждый день во дворец приносили горы плодов — необычайных, невиданных, каких не было даже у старейшины племени Маваки, самого мудрого человека в Слоновой Тропе.

В дни больших торжеств обба принимал еще более удивительные дары. Ему привозили из джунглей пантер, леопардов, львов и обезьян, громадные шкуры удавов и крокодилов, головные уборы из перьев пестрых попугаев. Но эти перья украшали головы неизвестных юношей с печальными глазами, которых угнали из родных селений и сделали воинами обба.

Сыновья Бахаго ничему не удивлялись. За годы, проведенные во дворце, они ко многому привыкли. С одним они не могли примириться: они возмущались, когда видели купцов, которые покупали черных рабов. Рабов обменивали на породистых коней, доставленных из Аравийской пустыни. Их очень ценили в Эдо. За доброго коня великий обба, не задумываясь, отдавал пятнадцать молодых, здоровых рабов. Во дворце ходили слухи, что этих людей гонят на рудники и там они трудятся, прикованные цепями к скалам.

Думая об этом, сыновья Бахаго чувствовали себя счастливыми, хоть и нелегко было стоять неподвижно знойными долгими днями.

* * *

Когда Макара очутился за воротами святилища, когда стража, стоявшая у порога дворца, впустила его и старый сановник, ведающий сокровищами, повел его во внутренние помещения, вряд ли он мог подумать, что здесь, совсем рядом с ним, находятся его братья. В семье Бахаго давно уже отчаялись что-либо узнать о братьях. Макаре почему-то всегда представлялось, что их угнали в далекие края такие же белые люди, как тот, со светлой бородкой. Макара следовал за сановником из одного помещения в другое и все старался рассмотреть удивительные украшения на стенах, на бронзовых столбах. Его восхищению не было предела. За годы, проведенные в Эдо, они с отцом изготовили много хороших вещей, но сейчас Макара увидел, что были у правителя Эдо куда более искусные мастера. Чего только они не делали из бронзы!

Макара шел и думал о том, какое счастье ему привалило и как хорошо, что он взялся сделать эту подвеску из слоновой кости. Если бы он не взялся за это, то работа была бы поручена тем искусным резчикам, которые живут на соседней улице, а ему, Макаре, никогда бы не увидеть этого святилища.

«Пусть не будет никакой награды, — думал Макара, — пусть не

дадут драгоценных бус, пусть я только вернусь на свою улицу и расскажу кузнецам и литейщикам обо всем, что увидел здесь, — большей награды мне не надо».

А старый сановник все вел его бесконечными дворами, мимо дворцовых построек, мимо резных деревянных террас, мимо каких-то удивительных растений и благоухающих цветов. Он привел его наконец в большой, просторный двор, где работали такие же кузнецы, как Бахаго.

— Вот и твое жилище, Макера! Отныне ты будешь при дворе великого обба. Здесь твое место! Искуснейшие мастера Эдо трудятся здесь. Они счастливы. Ведь они служат земному богу. Здесь ты будешь жить! Здесь тебя будут кормить...

— Как — жить здесь? Ведь я пришел получить награду за мой труд. Разве великий обба недоволен моей работой? Ему не понравилась голова красивой женщины? А головы португальцев вместо украшений? Я так старался...

Ком застрял в горле Макеры. Он не мог больше сказать ни слова. Нет, он не заплакал. Он с младенчества знал, что мужчина не должен плакать. Но с ним что-то случилось. Какая-то тревога забралась в сердце, печаль запеленала его и крепкими руками схватила за горло. Такого с ним еще никогда не было. Что же произошло? Макера силился вспомнить, как все это получилось. Он вспомнил, как человек из дворца захотел сделать драгоценную подвеску из слоновой кости, а он, Макера, предложил ему свои услуги. И что же было в этом дурного? Нелегко ему было сделать эту подвеску, но он справился с нею. Отец и мать радовались. Ни одна вещь не казалась им такой хорошей. Вся семья ждала большой награды. И как было не ждать? Ведь за хорошую работу всегда следует награда. И вот теперь вместо награды — эти страшные слова. Может быть, он, Макера, не понял старого важного сановника? Он спросил:

— Ты скоропустишь меня домой? Я согласен без вознаграждения. Отпусти меня. Пусть работа останется тебе. Отдай ее обба. С меня хватит и того, что я побывал во дворце. Отпусти...

— Ты говоришь неразумные слова, юноша. Я объяснил тебе, какая великая честь оказана твоему отцу, твоей матери и тебе. Ты будешь жить здесь. Пройдет время, ты привыкнешь и даже не захочешь возвращаться домой. Тебе понравится. Ты видишь, как много людей трудятся в этом дворе? И в других дворах живут люди с такими же умелыми руками. Они создают много хороших вещей для великого правителя Эдо. Не упрямясь и не вздумай бежать, тебе это не удастся. Принимайся за дело. У тебя умелые руки, но голова у тебя пустая. Зачем твердишь — домой! Где твой разум? Оставайся, принимайся за дело.

Старый сановник повернулся и пошел прочь, а Макера, схватившись за голову, вдруг закачался и завопил, словно в него попала

отравленная стрела. Его окружили люди, которые трудились у горнов, месили глину, чеканили. Они окружили юношу и стали расспрашивать, что с ним случилось. А один из тех, кто вырезал из перламутровых раковин большие красивые бусы, повесил на шею Макеры нитку бус и зашептал:

— О бусы, даруйте ему мудрость, изгоните из него злых духов, не подпускайте к нему тревог и бедствий!..

Макера вдруг пришел в себя. Столько чужих людей. Столько любопытных глаз. Стыдно. И все же он сказал:

— Я один остался у своего отца Бахаго, у своей матери. Они без меня погибнут. Меня позвали во дворец, чтобы расплатиться за драгоценную подвеску из слоновой кости. Я старался. Я хотел угодить божественному обба. Царский слуга был доволен, велел прийти сюда за наградой... Он обманул меня...

— Бедный юноша! — сказал чеканщик, оставив работу. — Откуда ты мог знать, что каждый, кто удостоится чести войти сюда, уже не может вернуться обратно. Такое случилось и с нами. И вот мы живем здесь, а наши близкие ничего о нас не знают. Они могут подумать, что мы увезены к белым. Они могут подумать, что нас уже нет в живых. А мы здесь. И ты будешь с нами, юноша. Не печалься. Так захотели духи предков. А может быть, нас призвали сюда предки божественного обба? Старый сановник всегда нам говорит, что нам покровительствуют добрые духи.

* * *

Весь этот день Макера размышлял над тем, как бежать отсюда. Если бы ему удалось это совершить, он бы вместе с родителями вернулся в саванну. Он бы никогда больше не захотел жить в Эдо и не стал бы трудиться на это жестокое божество. Пусть люди говорят, что в этом счастье, но он, Макера, не видит в этом счастья. Он сейчас так же несчастен, как в тот день, когда исчезли его братья. За что же столько бед?

В этот день трое старших сыновей Бахаго, охраняя трон божественного обба, стояли молча, как бронзовые изваяния. Братья Макеры давно забыли думать о своем младшем любимом брате. Теперь они уже редко вспоминали Бахаго, свою мать, старейшину племени Маваки. Они стали взрослыми, важными и очень уверенными в себе. Они с пренебрежением смотрели на людей в цепях, которых приводили в дар божественному обба. Они больше думали о тех развлечениях, которые можно себе позволить в часы, когда не надо нести службу. Теперь они уже знали, что должны считать себя счастливыми, потому что они не участвовали в походах, где их могли убить.

Они были счастливы от мысли, что великий обба жив и здоров. Они знали, что если он умрет, то дух его может пожелать увести их вслед за собой.

* * *

Бахаго несколько дней провел у ворот дворца в ожидании Макеры. И каждый раз, когда он возвращался домой, он видел плачущую жену и приношения у домашнего алтаря. Бахаго не мог объяснить Матери Макеры, почему так долго не возвращается сын. Он знал, что сын должен выйти из ворот дворца, — ведь его позвали, чтобы расплатиться за хорошую работу. А когда прошло несколько дней и Бахаго увидел, что его ожидания бесполезны, он стал думать о том, как бы повстречать того царского слугу, который прежде ходил к нему, а теперь словно забыл к ним дорогу.

Бахаго не знал о том, что у царского слуги были сейчас совсем другие заботы. Теперь он ходил к другим ремесленникам и приглядывался, выбирая более искусного, чтобы так же хитро увести во дворец. Царский слуга, давно знавший Бахаго, увидев работу Макеры, сразу понял, что такого нельзя упускать. Такого надо было доставить во дворец. И он сделал свое дело. Теперь он старался заполучить другого, не менее искусного.

Каждое утро Мать Макеры ставила миску с едой перед тенью сына, замазанной красной глиной. Когда она смотрела на рослого и, как ей казалось, очень красивого юношу, изображенного на стене, ей представлялось, что он рядом с ней. Когда не было Бахаго, она с ним разговаривала. А иной раз даже ждала ответа. Но тень молчала.

— Может быть, его продали? — спросила как-то она у мужа.

— Продали? У него золотые руки. У него золотая голова. Его заставили делать работу для дворца. Потом он вернется. Подожди еще, Мать Макеры! Надо быть терпеливой. Просто наш Макера превзошел меня, превзошел многих искусных мастеров. Он лепил глиняные формы, а оказалось, что в нем сидит дар резчика по кости. У него много терпения, Мать Макеры. Больше, чем у нас с тобой.

— Духи предков наградили его бесценным даром, Бахаго, но лучше бы этот дар не вышел наружу. Пусть бы сын был с нами.

* * *

Они долго ждали, они ждали целых полгода. За это время Бахаго стал седым, а Мать Макеры стала плохо видеть от слез. Старый горшечник в минуты просветления спрашивал:

— Почему не видно Макеры? Я его люблю!

Бахаго молча в иступлении месил красную глину, а Мать Макеры не сводила глаз с тени сына на стене хижины.

Макера трудился. Вначале ему было тяжело и очень печально, а потом он стал привыкать. Макеру окружали добрые люди, люди с хорошими руками и с такой же несчастливой судьбой. Они старались друг другу помочь, придумывали себе развлечения в те недолгие часы отдыха, которые наступали в сумерках.

Как-то старый сановник — начальник двора, человек, которому обба доверил самых лучших мастеров своего царства, — пришел и позвал искусного кузнеца, приказав ему взять инструмент, чтобы сделать работу в тронном зале дворца. Этот мастер из народа йоруба, по имени Олове, с большой готовностью последовал за старым сановником. Ведь он уже много лет не выходил за пределы двора ремесленников. Он был готов покинуть его ценою жизни.

Олове остановился на зеленой лужайке, окруженной изгородью, где паслись белые козы и блеяли овцы. Он так давно не видел животных! Во дворе, где он жил, не было ни травинки. Олове нагнулся, сорвал несколько зеленых травинок и прижал их к губам. Ему показалось, будто он вдохнул аромат зеленой долины, покинутой им много лет назад.

Что и говорить, он очень скоро убедился в том, что не здесь следовало искать счастья. Но пока он жил на улице литейщиков, пока рядом с ним были жена и дети, он еще надеялся на удачу. А вот когда его заманили в эту ловушку, он понял, что все потерял. Ведь жизнь его мало чем отличалась от жизни рабов.

Олове должен был сделать новые подлокотники на тронном кресле великого обба. Ему поручили сделать золотые подлокотники и снять серебряные. Его привели в тот час, когда правитель Эдо отдыхал в прохладных комнатах дворца и когда у кресла стояли только охранники. Это были молодые, красивые воины. Олове по лицам узнал, что они из людей хауса, и ему очень захотелось поговорить с ними, но ему мешал старый сановник. Однако старику наскучило стоять тут на солнце. В этот час знойные лучи забирались даже под резную крышу террасы и стоять здесь было жарко и утомительно. Старик ушел в тень, а Олове тут же тихонько обратился к одному из охранников. Он сказал:

— Я вижу, вы из людей хауса. Давно ли вы здесь?

— Я делал отметины на палке, — ответил старший. — Каждый год отмечал надрезом. Одиннадцать отметин — одиннадцать лет.

— Откуда вы?

— Из великой саванны, есть там одно селение, где люди более счастливы, чем люди Эдо. Это Слоновья Тропа. Был у нас отец, Бахаго. С тех пор как нас похитили жрецы уму-чукву, мы не видели ни отца, ни матери, ни младшего брата Макеры.

— А сколько же вас?

— Трое. Я старший, Мафи.

Старый сановник прервал разговор Олове с сыновьями Бахаго. Впрочем, разговор вел только Мафи, младшие молчали. Они привыкли всегда молчать, когда стояли на посту. Мафи ответил, потому что сам не прочь был узнать, откуда Олове.

Когда Олове в сумерках вернулся в тот двор, где работали ремесленники, он собрал вокруг себя кузнецов, литейщиков, резчиков и стал им рассказывать во всех подробностях о том, что повидал за день. И к слову рассказал о трех сыновьях кузнеца Бахаго, которых одиннадцать лет назад пригнали из саванны.

— Повтори! Все повтори! — воскликнул Макара, заглядывая в глаза Олове и не веря своим ушам. — Знаешь ли ты, что это мои братья? Ты понимаешь, Олове? Случилось чудо, нашлись мои братья! Возможно ли это? Люди, скажите, может такое случиться?

— Но ведь это случилось! — воскликнул Олове.

Он был счастлив, что принес такую радость бедному юноше. Все старые мастера жалели Макару. И не только жалели — они уважали его за удивительное мастерство.

— Это все возможно! — повторили вслед за Олове другие люди. — Теперь надо искать случая, чтобы свидеться. Мы тебе поможем, Макара. Теперь ты не должен печалиться. Добрые духи пришли к тебе, а злые отступили.

* * *

Через несколько дней, когда старый сановник пришел проверить работу своих мастеров, они обратились к нему со странной просьбой. Они попросили сделать для Макары одно доброе дело: позволить ему посмотреть тронное кресло великого обба. Посмотреть в тот час, когда обба спит и когда, кроме охранников, никого нет под крышей резной террасы.

— Сделай, добрый человек, такую услугу Макаре. Это будет ему наградой за его труд. Посмотри, как он хорошо сделал свою работу.

И Олове показал сановнику небольшую изящную солонку, вырезанную из слоновой кости. На солонке были изображены веселые, смеющиеся люди хауса. Они сидели, взявшись за руки, мужчины и женщины, сидели в кружок, поддерживая головами мисочку для соли. Солонка была так хороша, изображенные на ней люди хауса были такими веселыми, что старый сановник не смог отказать в просьбе и пообещал мастерам выполнить ее.

Однако Макаре долго пришлось ждать обещанного. Он так томился, что Олове, ставший теперь его другом, пожалел юношу. Однако он строго сказал ему:

— Имей терпение, Макара. Без него не проживешь во дворце великого обба.

Макера томился, ждал и не мог дожждаться желанного дня. Они тянулись бесконечно. К огорчению Маке­ры и его друзей, старый са­новник больше никого не звал делать работу в том святилище, где побывал Олове.

БРОНЗОВЫЙ ВСАДНИК БАХАГО

— Хотел бы я знать, сколько времени могут продержаться во дворце Ма­керу? — спрашивал Бахаго своего соседа, который научил его делать бронзовые скульптуры и был добрым другом кузнеца из саванны.

— Это зависит от старого сановника, который является начальником всех ремесленников дворца. Должно быть, Ма­кера понадобился ему для большой работы. Ходи к воротам дворца, может быть, встретишь царского слугу. Кто еще скажет тебе, кроме него?

Но Бахаго и без того часто ходил к воротам дворца. Он уже хорошо знал лица царедворцев, которых ему пришлось повстречать. Он видел, как открывались ворота по приказу главного охранника. Бахаго на всю жизнь запомнил бронзовую скульптуру священной змеи с раскрытой пастью, словно готовой проглотить целого леопарда. Но царского слуги не было.

Как-то раз, вернувшись домой, он обрадовал Мать Ма­ке­ры новостью: уже видны башни, для которых он сделал бронзовых птиц.

— Должны же прийти за птицами.

— Давно должны, а все не идут. Никогда еще царский слуга не исчезал на такой долгий срок. Может быть, он умер? Может быть, духи предков призвали его к себе?

Это предположение жены очень взволновало Бахаго. Что же он будет делать, если случилась такая беда? И к кому тогда обратиться? Ведь охранники не разговаривают.

— Я знаю, что делать, — сказала Мать Ма­ке­ры. — Мы возьмем всех этих птиц, принесем их к воротам дворца и потребуем, чтобы их забрал начальник двора ремесленников. Если они ему нужны, он их заберет. А мы увидим его и спросим про Ма­ке­ру.

— Ты хорошо придумала это, только смотри, как бы охранник не проткнул тебя копьем.

— Никогда не думала, что подвеска, сохранившая мое лицо, принесет нам несчастье. Что же нам делать, Бахаго?

Они еще не придумали, что им делать, как вдруг пришел царский слуга, которого Бахаго уже не надеялся увидеть.

Бахаго так обрадовался, что даже не стал его укорять. А цар-

ский слуга, должно быть, не чувствовал за собой никакой провинности. Он был весел и приказал людям из дворца забрать всех бронзовых птиц, сделанных Бахаго.

— Я с тобой расплачусь, — сказал царский слуга. — А если хочешь, расскажу тебе про Макеру. Он понравился начальнику двора ремесленников.

— Расскажи хоть что-нибудь! Мы боялись, что уже нечего рассказывать о нашем сыне. Да и тебя, боялись, не увидим.

— Я видел Макеру. Он доволен! Он работает. Хорошую работу делает. Теперь ему уже не дают лепить глиняные головы для литейщиков, он делает резьбу по кости.

Мать Макеры впиалась глазами в его лицо, словно старалась прочесть на нем что-то недосказанное. А Бахаго, опустив голову, думал о том, как же узнать истину. Наконец Бахаго решился и спросил царского слугу, нельзя ли ему повидать сына. И почему сына заперли за стенами дворца и не выпускают? А Мать Макеры вдруг, не сдержавшись, зарыдала, не стесняясь чужого человека.

— Замолчи! — прикрикнул на нее Бахаго. — Дай олово сказать!

— Зачем же лить слезы? — спросил царский слуга. — Твой сын удостоен великой чести, а ты, глупая женщина, не понимаешь этого. Пройдет немного времени, Макере станут доверять и позволят навестить вас.

Царский слуга был немногословен. Он забрал все, что было сделано кузнецом для дворца обба, оставил ему в уплату несколько кусков ткани, пару кож, какие-то ремни, немного проса и сказал, что Бахаго должен и впредь старательно работать, если он хочет пользоваться расположением божественного правителя.

— Помни, Бахаго, — сказал царский слуга, — гнев обба страшен.

Кузнец не решился ответить царскому слуге по достоинству. Но когда хижина опустела, гнев Бахаго вышел из него горячим потоком. Проклиная правителя Эдо и всех его царедворцев, кузнец призывал погибель на их головы.

— Он угрожает мне гневом обба, а я больше ничего не боюсь! Все самое дурное уже обрушилось на нас. Я бы хотел сжечь дворец обба с его воинами и слугами. Только мне жалко Макеру.

И все же Бахаго набрался терпения, он ждал сына. А Мать Макеры каждый день на рассвете ставила пищу у стены хижины, где сохранилось изображение уходящего Макеры. Бедная женщина нередко целовала глиняную пятку сына. Когда не бывало Бахаго, она гладила сына по курчавой голове и говорила ему ласковые слова. А потом, словно очнувшись и почувствовав шершавую поверхность стены, убегала в хижину и принималась за какое-либо дело, чтобы отвлечь себя от печальных мыслей. Теперь она уже реже думала о трех старших сыновьях, потому что время разлуки с ними было слишком велико и отдалило ее от них.

Как-то Мать Макеры сказала Бахаго:

— Если бы ты сделал что-нибудь удивительное, тебя бы, может быть, пустили во дворец и ты бы увидел Макеру. У тебя золотые руки, Бахаго, ты все можешь. Подумай о Макере, ведь ты его любишь.

Бахаго всю ночь думал над словами жены. Конечно, он на все готов, чтобы спасти сына. Но что он может сделать? Все, что он умел, он уже сделал. Чем он может удивить царского слугу, жрецов, хранителя сокровищ? И тем более совсем невозможно удивить самого божественного обба. Однако что-то надо было придумать. И Бахаго придумал. Он решил сделать бронзового всадника со священным топором в руках. Он хотел изобразить божественного обба сидящим на прекраснейшем коне. В руках обба — топор, упавший с неба.

Для этого Бахаго стал ходить к воротам дворца, чтобы как следует рассмотреть хорошего коня. Он ходил несколько дней подряд и увидел такого коня. Его привели люди в белых одеждах, жители Аравийской пустыни, пожелавшие взамен за горячего скакуна получить рабов и рабынь. Бахаго подошел к ним, спросил разрешения потрогать коня и не сдержался: спросил людей в белых одеждах, много ли они получают за этого красавца. И один из людей пустыни сказал:

— Если божественному обба очень захочется иметь этого скакуна, он не пожалеет пятнадцати невольников.

— Ты хочешь купить рабов? — спросил, не скрывая своего ужаса, Бахаго. — Людей ремесла? Пастухов? Или умеющих возделывать землю для посадок ямса?

— Пожалуй, лучше всего пастухов.

Это успокоило Бахаго. Это означало, что сегодня Макере не угрожает опасность. Сегодня его никуда не отдадут.

* * *

Кузнец принялся за работу. Он никогда еще так старательно не делал глиняных форм. Ему помогала Мать Макеры. Она месила глину. И хоть ноги ее были не такими сильными и крепкими, как у Макеры, она делала работу хорошо, и Бахаго был доволен. Он сделал красивого коня, но совсем не похожего на того прекрасного скакуна, за которого купец пожелал получить пятнадцать рабов.

Бахаго никогда прежде не делал такой скульптуры, ему было трудно. К тому же у него не было бронзы, чтобы сделать большую скульптуру. И хоть конь был невелик, а всадник совсем маленький, все вышло как нельзя лучше.

Всадник был похож на многочисленные фигуры обба и его предков, каких немало сделал Бахаго за годы, прожитые в Эдо. Высокий головной убор всадника был с причудливыми украшениями, на шею — тяжелые бусы, а в руках — священный топор, который отгонял гром и молнию.

Прошло много-много дней, прежде чем была закончена эта глиняная фигура всадника. А еще больше дней прошло, прежде чем это глиняное изображение было залито горячей бронзой.

Бахаго трудился втайне от царского слуги, оставляя работу лишь для того, чтобы приготовить форму для новых скульптур. Когда царский слуга приходил к нему, Бахаго показывал ему недоделанные фигурки петухов, ястребов, попугаев, а всадника не показывал. Мать Макеры всегда вовремя накрывала бронзового всадника циновками. Скульптура была небольшая, а работы было много.

— Когда же мы увидим Макеру? — спрашивал Бахаго царского слугу. — Ты давно обещал. Мы одни на всем белом свете. Разве ты забыл, что три старших наших сына угодили в лапы жрецов уму-чукву? Я говорил тебе об этом. Я просил твоей милости. Где же твое сердце?

— Я помогу тебе увидеть Макеру. Я обещаю тебе, что сегодня же скажу ему о том, как вы ждете его. Пусть надеется на встречу. А увидите вы во время большого торжества, когда на площади перед дворцом божественный обба будет призывать добрых духов и будет приносить жертвы перед бронзовыми и деревянными изображениями своих предков. Я позабочусь, чтобы Макера был на этом торжестве, а ты с Матерью Макеры сможешь повидать его.

На этот раз царский слуга не обманул. Он выполнил обещанное. Он увидел Макеру и рассказал ему обо всем. Радости Макеры не было предела. Теперь он знал, что живы его братья и что живы его родители. И если добрые духи придут ему на помощь, то все они встретятся, а встретившись, никогда уже не расстанутся. Они все уйдут в саванну. Им больше не нужен прекрасный город Эдо. Им не нужны дворцы божественного обба. Они дадут друг другу клятву никогда не посещать города Кано, где бродят злобные жрецы уму-чукву. Они вернутся в саванну. И, если жив старый Маваки, вождь племени мудрый Маваки, они будут его почитать и приносить ему дары.

Когда Макера ночью у костра рассказал Олове и другим кузнецам и резчикам обо всем, самый старший из резчиков по дереву подошел к Макере, сел с ним рядом и сказал:

— Послушай, юноша, осталось двадцать пять дней до того дня, когда на площади дворца будет великое торжество. Я и мои помощники сделали для этого торжества деревянные скульптуры предков божественного обба. Деревянные идолы нам помогут.

— Как они смогут помочь? — горячо спросил Макера.

— Послушай, юноша, я задумал нечто удивительное! Тебе надо повидать своих братьев и договориться с ними. Понимаешь? Накануне того дня, когда будет торжество, они должны быть свободны. В этот день им не следует быть в охране. В этот день я должен увидеть их. Я выведу их за ворота дворца.

— Их же не выпустят! — воскликнул Макера. — Разве ты забыл слова Олове?

— Не торопись, послушай старого человека. Двадцать пять дней я буду трудиться для этого. В трех больших деревянных фигурах я выдолблю отверстия. Я сделаю так, что в каждой статуе сможет поместиться один из твоих братьев. Я сделаю большие отверстия в головном уборе каждой статуи, чтобы твои братья не задохнулись, пока мы будем их перетаскивать за ворота дворца и устанавливать на площади у священных алтарей. Алтари эти ставят ночью, и божественные изображения мы также всегда устанавливаем ночью. Жрецам, занятым приготовлениями к священнодействию, будет не до нас. Ты понял, юноша, что я задумал?

— Не знаю, как и благодарить тебя! — закричал Макера и бросился обнимать старого резчика.

Теперь только бы увидеть братьев. Но как это сделать? И тут на помощь пришел Олове. Он то и дело напоминал старому сановнику о давнем его обещании.

И вот в один из жарких дней, когда божественный обба отправился на покой, во дворе ремесленников появился старый сановник. Он позвал Макеру и велел ему следовать за ним в святилище обба. Старый сановник привел Макеру к трону божественного обба, за которым стояли трое охранников.

Это его братья? Но как они изменились! Макера никогда бы их не узнал, если бы Олове не рассказал, как они одеты. На братьях были богатые доспехи. Макера молча рассматривал трон и все ждал, когда старый сановник отойдет в сторону. И он дождался. И тогда Макера тихо спросил:

— Здесь есть Мафи? Здесь его братья?

— Кто ты? Откуда ты знаешь Мафи и его братьев?

— Я Макера, сын Бахаго! Братья, вы не узнаете меня?

Трое охранников, которые уже много лет привыкли стоять безмолвно и неподвижно, подобно бронзовым статуям, вдруг забыли об этом. Они оставили свои места за тронном и бросились обнимать Макеру. Они тискали его, целовали и смеялись. Они были так рады, что даже позабыли о том, где они находятся. К счастью, зной прогнал старого сановника, и никто не мог помешать. А Макера тотчас же рассказал им о задуманном. Рассказал о том, что в канун дня торжества, вернее, в ночь они должны находиться вблизи ворот ремесленников, чтобы старый резчик смог спрятать их в своих статуях и вынести за ворота дворца.

Макера рассказал о том, как найти улицу литейщиков, и велел укрыться в хижине Бахаго. Он знал, что в эту ночь Бахаго уже займет место на площади, как это сделают многие простолюдины, которые хотят увидеть великое торжество. Он рассказал о том, как царский слуга пообещал ему помочь повидать родителей. И тогда все четверо поняли, что близок счастливый час свободы и что недолго уже осталось томиться в этом святилище.

* * *

Бахаго неустанно трудился над изображением божественного всадника. Ему надо было закончить бронзовую статую ко дню торжества. Он хотел увидеть на площади перед дворцом самого хранителя сокровищ и предложить ему взять эту статую во дворец, взять безвозмездно, с одним только условием: чтобы Макера вернулся домой.

И вот день торжества. Накануне, ночью, Бахаго и Мать Макеры в последний раз чистили и полировали превосходного бронзового всадника. Они делали это при свете факела, и, несмотря на то что скульптура была всего лишь в один локоть, всадник казался им таким величавым—настоящим божеством. Мать Макеры не переставала восхищаться красотой коня. Божественного обба она боялась. И если она решилась очень тщательно, до блеска, отполировать коня, то к всаднику она не прикоснулась. Это сделал сам Бахаго, произнося при этом какие-то одному ему известные заклинания.

Однако они не решились взять с собой эту скульптуру. Перед самым уходом Бахаго поставил ее посреди хижины и решил позвать слугу обба, чтобы тот забрал этот дар и вручил его самому правителю Эдо, передав ему просьбу кузнеца вернуть Макеру домой.

Они отправились на площадь в темноте и заняли места поблизости от алтарей.

* * *

А в это время резчик по дереву в последний раз проверял, насколько хорошо и незаметно приоткрываются задние створки в божественных изображениях предков обба, которые должны были на этот раз помочь сыновьям кузнеца Бахаго получить свободу. Старый резчик никогда не видел Бахаго и сыновей его тоже не видел. Он знал только Макеру и знал, какие несчастья постигли эту семью. Но ему очень захотелось помочь безвестному кузнецу из людей хауса. Ведь он тоже был из людей хауса, хотя никогда не бывал в саванне.

Деревянные статуи были сделаны очень искусно. Хорошо, что с самого начала они были задуманы такими большими, намного больше человеческого роста. Иначе не осуществилось бы желание Макеры.

Но вот люди, живущие за воротами ремесленников, подняли статуи и понесли их. У ворот они остановились. И тут к ним подошли трое из охраны божественного обба. Макера узнал своих братьев. Со слезами радости смотрел он, как старый резчик помогал им забраться в деревянные статуи.

— Не бойся, Макера, — сказал старый резчик, — твои братья не задохнутся, я обо всем позаботился. Я думаю, что им трудно будет

стоять неподвижно, но ведь они привыкли, да и недолго им придется ждать в деревянных темницах.

— Да, нам не привыкать, — согласился Мафи.

В полутьме сверкнули его ровные белые зубы. Но Макера не услышал раскатистого смеха своего старшего брата. Мафи уже разучился смеяться весело и заразительно, как он делал это в саванне, помогая отцу плавить бронзу для наконечников стрел.

— Когда настанет утро и ты уже будешь свободным, — сказал старый резчик, обращаясь к Мафи, — пойди к базару и вблизи южных ворот найди маленький домик с крышей из резного дерева. Такой крыши нет больше нигде. Под этой крышей жила моя семья. Всем, кто еще жив, передай мое благословение, скажи, что я здесь, а душа моя с ними. Руки мои трудятся для обба, а мысли мои — под крышей моего дома. Передашь?

— Передам, добрый человек. Почему же тебя никто не смог посадить в такую статую? Почему не помогли тебе бежать отсюда?

— Таких больших статуй прежде не делали. Да и воспользоваться ими можно лишь в день такого торжества. А торжество бывает раз в году, и нужно, чтобы духи предков во всем покровительствовали тебе. Если через год наступит такой же день и если обба велит сделать такие же большие статуи из дерева, то кто знает, может быть, еще кому-нибудь посчастливится вырваться отсюда.

Люди потащили статуи, а Макера, позабыв осторожность, побежал за ними. Он выскочил бы за ворота, если бы старый резчик не отшвырнул его.

— Наберись терпения, Макера, — прошептал старик, показывая ему крепко сжатый кулак. — Своей торопливостью ты всех нас погубишь. Дождись утра, глупая голова. Ведь хранитель сокровищ обещал выпустить тебя за ворота на торжество. Так терпи же...

Всю ночь на площади у дворца суетились люди. У алтарей стояли жрецы в передниках, с бронзовыми браслетами на предплечьях, с ожерельями на шее, с глубокими рубцами на лбу и на груди.

В громадных клетках метались леопарды и львы, оглашая площадь страшным рычанием. Крепкие клетки, сколоченные искусными мастерами, были надежны. Звери, доставленные охотниками из дремучих тропических лесов, бесновались. Неподалеку от рычащих зверей лежал в гигантской корзине живой питон, священная змея, которой должны были отдать на съедение пантеру и рысь. Питон был самым большим из всех, какие встретились отважным охотникам за змеями в течение целого года. Однако он был намного меньше того бронзового питона, который свесил свою раскрытую пасть над главными воротами дворца великого правителя Эдо.

Вокруг алтарей горели костры, собирались жители из дальних и близких селений, жаждущие увидеть великого обба в священном облачении, расшитом красными кораллами.

Пока еще тихо и безмолвно стояли барабанщики. Но все знали, что, когда начнется торжество, гром и рокот барабанов заглушат вопли ликующей толпы, восторженно встречающей божественного обба. Рядом стояли деревянные и кожаные барабаны, а возле них — черные полуголые люди с телами, смазанными жиром, умеющие извлекать из барабанов то громкие и тревожные, то приглушенные, мягкие, рокошующие звуки. Барабанщикам предстояло много потрудиться, пока будет длиться церемония жертвоприношений. Никто не знал, чего пожелает великий правитель Эдо. Может быть, он принесет в жертву диких животных, а может быть, обречет на священную гибель людей. Во всей стране не было более великого и более грозного человека. Обба был равен земному богу. Но если будут принесены в жертву грозному богу люди, то барабаны должны заглушить предсмертные крики несчастных.

Деревянные статуи, поставленные рядом с алтарями, хранили тайну трех беглецов. Братья Макеры могли выйти на волю только тогда, когда у алтарей не будет жрецов. Люди, принесшие статуи, ждали, когда же можно будет приподнять створки деревянных божеств. Чтобы отвлечь внимание жрецов, старый резчик подбежал к корзине со священным питоном и закричал:

— Люди, священная змея покинула свой дом! Беда случилась, люди!

Жрецы бросились на этот крик. А в это время открылись деревянные створки на священных статуях, и сыновья Бахаго скрылись в ночной темноте. На пустынных улочках они бежали изо всех сил, а когда до них доносились голоса людей, которые спешили к месту торжества, Мафи и его братья прятались в темных проемах глиняных оград или прижимались к стволу тенистого дерева. Люди шли с факелами, весело переговариваясь. Одни тащили на головах корзинки с провизией, другие были увешаны связками бананов. Все знали, что священнодействие может затянуться на несколько дней. Надо было позаботиться о еде и питье для детей, да и себя не забыть.

— Посмотрите, — сказал Мафи братьям, когда увидел четверых мальчишек с калексами на головах. — Они в том возрасте, в каком мы были, когда покинули саванну и пошли в Кано. Посмотрите, как они веселы. Отец освещает им путь высоко поднятым факелом. А мать то и дело повторяет: «Не уходите в темноту, вас могут увести злые люди...»

У Мафи защемило сердце. Он вспомнил саванну и путешествие в Кано, когда мать точно так же просила их не уходить в темноту.

— Как давно это было! — прошептал Мафи. — Как долго мы бродили в темной чаще жизни, более страшной, чем чаща тропического леса. Нас лишили родителей, нас превратили в рабов. Теперь я понял это.

— Мы даже ни разу не видели этого торжества на площади перед

дворцом, — ответил брат. — Мы мало отличались от тех бронзовых статуй, которые стояли вокруг трона. Нам нельзя было выйти за ворота. И так могла пройти вся жизнь. А для чего? Чтобы угодить обба? Как ты думаешь, Мафи, он в самом деле богаче всех людей на земле?

— Может быть, он и богаче, а мы будем счастливей в своей саванне.

Сыновья Бахаго были спасены. Старый резчик выполнил свой замысел. Но что сделает с ним главный жрец? Вот он уже приближается к дому священной змеи. Сейчас жрец увидит питона и тогда... За жрецом следуют его помощники. В руках у них факелы. Они могут выжечь глаза. Они могут зажарить на костре. Они могут бросить его, старого резчика, в клетку с питоном. Ах, почему он, глупый человек, не догадался открыть клетку и выпустить питона! Надо было открыть клетку, выпустить змею, а потом уже крикнуть. Но желание скорее отпустить юношей затмило ему разум. Он поспешил, и теперь его ждет страшная расправа. Вот уже близок свет факелов. Видны злые и гневные глаза главного жреца. А питон, словно назло, сотрясает клетку своим сильным и мощным телом...

— Зачем ты обманул меня, ничтожный человек? — закричал главный жрец, представший перед резчиком в своем торжественном облачении. В свете факелов была хорошо видна юбка из шкуры леопарда и бусы на длинной морщинистой шее жреца. — Безумный человек! Ты отвлек меня от священнодействия для того, чтобы посмеяться надо мной?..

Вцепившись в плечи старого резчика своими большими цепкими руками, главный жрец тряс старика, словно желая вытрясти из него все внутренности. Но старый резчик молча переносил все оскорбления. Он молчал даже тогда, когда жрец обрушился на него с кулаками. Когда резчик повалился на землю с окровавленным лицом, жрец дал знак своим помощникам вернуться к священным статуям.

Они торопились, надо было подготовиться к жертвоприношениям духам предков. Целое стадо жертвенных животных было доставлено из окрестных селений. Обычай предков требовал и человеческих жертв, но это уже зависело от прихоти великого обба. Если земное божество пожелает угодить добрым духам, то сделает знак. Жрецы всегда готовы выполнить волю земного бога.

* * *

Уже светало, а за воротами двора ремесленников никто не спал. «Удастся ли побег Маферы? Сумеют ли убежать и скрыться до рассвета сыновья кузнеца Бахаго?» — об этом думали все обитатели двора, подчиненные старому сановнику.

Больше всех тревожился сам Макера. Уже вернулись резчики по

дереву, которые вытаскивали деревянные скульптуры на площадь, а старого резчика все не было. Никто не знал, куда он девался. Макара подумал, что его, может быть, обрекли на гибель и отдадут на съедение тому гигантскому питону, о котором все сейчас говорили, хотя никто его не видел. Макаре казалось, что все охранники, вся стража, все сановники знают о побеге его братьев. Он даже позабыл о том, что, кроме нескольких друзей, никто больше не знает о том, что в охране дворца есть его братья. Макара призывал добрых духов, моля их о милости. Он ходил по двору, искал старого резчика и не находил его.

«А может быть, он убит за то, что спрятал в чреве статуй сыновей Бахаго? Кто скажет, куда исчез старый резчик?»

Макара горевал, не находил покоя.

Наконец пришло утро. Ворота со скрипом растворились и пропустили на площадь всех людей дворца, которые должны были участвовать в великом торжестве. Вместе с другими вышел на площадь и Макара. Он тут же кинулся к толпе ремесленников, расталкивая всех. Он искал своих родителей. Они стояли печальные, состарившиеся.

И вдруг к ним протянулись худые горячие руки. Они обвили плечи матери, а затем Макара припал к голове Бахаго и ощутил теплые слезы, катившиеся по морщинистым щекам кузнеца.

— Отец, бежим! Мать, торопись! Скорее!

Они выбирались из безмолвной толпы. Взоры людей были устремлены к воротам дворца, где уже показались алые носилки и опахала, сделанные из перьев пестрых птиц. Все с нетерпением ждали, когда из-под шелкового балдахина покажется голова божественного обба. За носилками следовали вельможи в сверкающих одеждах, с драгоценными бусами на шее, многочисленные воины в богатом вооружении. Никто не обратил внимания на семью Бахаго, которая наконец выбралась из толпы и кинулась в ближайший переулок, чтобы незаметно добраться домой.

А в это время трое сыновей Бахаго уже сидели в хижине своего отца. Они уже отведали просяные лепешки, которые с любовью приготовила Мать Макары. Они уже много раз с любопытством рассматривали бронзового всадника и, перебивая друг друга, рассуждали о том, как все переменялось за эти годы. Они были поражены тем, что все эти годы их родители жили рядом с ними и ничего не знали о своих сыновьях.

— Мы считали себя знатными, — говорил Мафи, — а мы были пленниками обба. Как же случилось, что эта жизнь казалась нам сладкой?

Снаружи послышались голоса, и вслед за тем на пороге появился старый седой человек. Мафи кинулся к нему, а отец, решив, что это люди из охраны дворца и что они хотят причинить им зло, бросился бежать, увлекая за собой Макару и худую печальную женщину.

— Это наша мать, это наш отец! — воскликнул Мафи.

И тогда лишь Макера запрыгал, закружился и стал хохотать как безумный.

— Бахаго, это твои сыновья! Мать Макеры, покорми своих детей! — кричал Макера, толкая братьев в объятия матери.

Все кричали, смеялись. Мафи щупал мозолистые руки отца и хлопал его по плечу, словно хотел проверить, крепко ли стоит на ногах кузнец из Слоновьей Тропы.

— Эти руки сделали всадника? — спрашивал Мафи отца. — Может быть, эти руки сделали тех бронзовых птиц, которые мне пришлось посадить на маленькие башни дворца?

— Эти руки!

Бахаго протягивал руки к сыновьям и повторял:

— Руки Макеры связали нас!

А когда сыновья стали расспрашивать о том, как это случилось, что руки Макеры объединили семью Бахаго, кузнец вдруг вспомнил:

— Мать Макеры, ты боялась, что твое изображение на священной подвеске принесло нам несчастье и лишило нас последнего сына. Ты думала, что мы уже никогда не увидим Макеру. Теперь ты видишь, что подвеска, сделанная Макерой, принесла нам счастье. Как хорошо, что Макера взялся за это дело! Если бы ты, Макера, не пошел во дворец обба, нам бы никогда не пришлось увидеть твоих братьев.

И снова они целовались, обнимались и, перебивая друг друга, рассказывали о том, о чем давно хотели поведать друг другу.

— Однако нам надо торопиться, — сказал Макера. — Наша беспечность погубит нас. Как только придет смена караула и вас хватятся, будет объявлена тревога. Я многое узнал за воротами ремесленников. Там были добрые люди. Отец, когда мы вернемся в саванну, я прежде всего сделаю изображение Олове, а потом сделаю изображение старого резчика. Это он трудился столько дней, чтобы помочь нам.

— А я смотрю на Макеру и глазам своим не верю, — признался Мафи. — Когда мы расстались, он был совсем малышом, а теперь такой разумный и умелый. Молодец Макера!

И снова, уже в который раз, Мафи рассказывал о том, как его и братьев спрятали в больших статуях, как тащили их по площади и как страшно было стоять в тесной темнице, не имея возможности повернуться.

— Бедный старый резчик так и не вернулся, — сказал опечаленный Макера. — Может быть, его кто-нибудь выдал?

Всем четверым сыновьям Бахаго было грустно, оттого что за них пострадал хороший человек, принесший им такое добро.

— Но, прежде чем покинуть Эдо, я должен выполнить просьбу старого резчика: зайти в его дом вблизи южных ворот, у базара, — сказал Мафи. — Старый резчик дал нам свободу, пусть хоть его семья узнает о том, что ночью, в канун торжества, он был жив.

— Тогда возьми этого всадника, — предложил Бахаго, — заверни его в тряпку и потащи в дом старого резчика. Скажи его родным, что за этого всадника они могут просить царского слугу вернуть им отца. Хранитель сокровищ знает цену этой вещи. Ведь я сделал этого всадника, чтобы вызволить Макеру.

Мафи тотчас же завернул в тряпку драгоценную скульптуру и побежал к базару. На нем была вышитая рубаха, которую мать приготовила на случай, если сыновья вернутся домой. Теперь никто не смог бы подумать, что еще вчера Мафи был охранником у трона великого обба. Очень скоро Мафи нашел резную деревянную крышу маленького дома. Он вошел в калитку и столкнулся со старым резчиком, который вместе с женой и детьми готовился покинуть свой дом. Иначе для чего были свалены в кучу мешки и корзины, калebasы и деревянные скульптуры предков?

— Ты здесь, хороший человек? А мы тревожились о тебе.

— Я рад тебя видеть, Мафи. Я был избит и уполз окровавленный. Жрецы думали, что я мертв. Но мне удалось в сумерках уползти и покинуть площадь перед дворцом.

— А мы бежим в саванну, — сказал Мафи. — Я принес этого всадника, чтобы выручить тебя из плена. Отец думал, что твои родные обменяют всадника, отдадут его во дворец, а тебя заберут домой. Я рад отдать тебе этого всадника. Получи за него что-либо хорошее для своей семьи. Прощай!

— Мы встретимся еще на большом базаре в Кано! — крикнул вслед Мафи старый мастер. — Там мы обменяем всадника.

Пока Мафи бегал к домику старого резчика, семья Бахаго собралась в дорогу. Мать Макеры сложила в корзинку еду, простилась с очагом, простилась со своей хижинкой, на стене которой осталась тень Макеры, а потом позвала старого гончара, который с удивлением таращил глаза на молодых веселых парней, и они пошли.

У ворот великого и грозного города Эдо их ждал Мафи. В этот час, когда с площади у дворца доносились вопли людей, рычание животных и тревожный бой барабанов, у ворот не было стражи, и можно было уйти, не боясь воинов обба. В этот час все улицы города были пустынные.

Как только семья Бахаго очутилась за воротами, все пустились бежать по пыльной дороге, время от времени оглядываясь, страшась погони. Но погони не было. Они покинули Эдо в счастливый час великого торжества, которое должно было продлиться несколько дней.

Они шли без усталости целый день, до заката. Только Мать Макеры задыхалась от быстрой ходьбы да Бахаго все время оглядывался, нет ли погони. Братья были веселы, словно перед ними уже расстилалась саванна. Они были свободны и не хотели больше думать об опасности. Они верили в счастливое возвращение. Все они хотели поскорее увидеть свою саванну.

— Теперь нам есть о чем рассказать у праздничного костра в саванне, — заметил Мафи и с лукавой усмешкой хлопнул по плечу Макеру. — Помнишь, Макара, как тебе хотелось побольше всего запомнить в Кано, чтобы рассказать своим сверстникам в Слоновой Тропе? Кто бы мог подумать, что твое желание исполнится через столько лет.

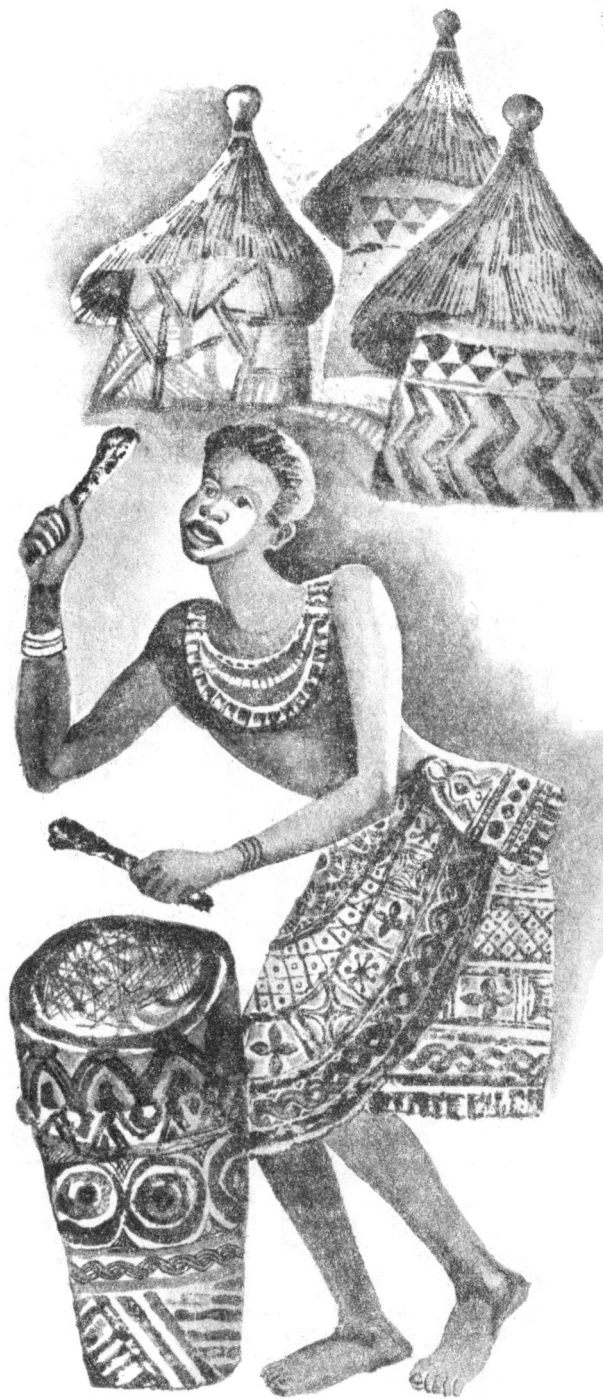
— В самом деле, сынок, кто бы мог подумать, — вмешался в разговор Бахаго. — Пути жизни так же извилисты и загадочны, как тропы в саванне, когда бурые, жесткие травы скрывают в своих зарослях самого крупного слона.

В сумерках, когда город Эдо был уже далеко позади, Бахаго позволил всем передохнуть, поесть и поговорить о будущем.

— Тебе не жаль города Эдо? — спросила Мать Макеры. — Теперь ты уже никогда не будешь делать головы божественных предков обба. У тебя никогда не будет такой большой литейной.

— Мне ничего не жаль, Мать Макеры. У нас четверо прекрасных сыновей, разве это не богатство? Мы снова будем делать бронзовые наконечники стрел. Мы снова будем получать в награду мясо антилопы, а томбо сделаем сами.

Как много лет прошло с тех пор, как они тащились по этой дороге! Но, как и прежде, впереди всех шел кузнец Бахаго, за ним шла Мать Макеры, а за ней четверо сыновей. Только на этот раз уже не было шустрых и непокорных мальчишек. Шли взрослые люди, узнавшие жизнь. Они научились ценить свободу.

В грозном Бенине

Послесловие

Перед нами воин на коне, в царском головном уборе, с небесным топором, отгоняющим гром и молнии, со священными бусами на шее. Важно восседает на коне царь Бенина, правитель одного из древнейших государств Южной Нигерии.

Это одна из бронзовых скульптур, которая была сделана неизвестным мастером Бенина, возможно, пятьсот лет назад. В ту пору Бенин назывался царством Эдо, и правил им божественный обба — всемогущий царь, особа священная, наделенная магической силой.

Искусные ремесленники и строители Эдо воздвигли величественные дворцы, украшенные деревянной резьбой и прекрасными бронзовыми скульптурами.

Когда европейцы впервые пришли в Бенин, они увидели большой город, окруженный земляным валом и глубоким рвом, который, по всей вероятности, заполнялся водой, когда городу угрожала опасность. Через весь город, от одних городских ворот к другим, тянулись прямые, широкие улицы, обсаженные пальмами. Дома из красной глины были окружены дворами, где искусственные водоемы создавали прохладу и наполнялись в дни обильных дождей. Кровли домов, нередко украшенные деревянной резьбой, делались из старых листьев гвинейской пальмы. Открытые веранды служили жилищем; здесь воздвигались алтари в честь духов предков. В честь духов предков приносились жертвы, ставились деревянные головы, олицетворявшие умершего, ставшего после смерти божеством.

Чем богаче был человек, тем обширнее было строение, а самым большим и богатым сооружением в древнем Бенине был дворец правителя.

Царю принадлежали все земли, многочисленные рабы и военнопленные. На дворце божественного обба трудились искуснейшие ремесленники.

Предки царского рода в Бенине обожествлялись, и культ покойных царей, превратившихся в воображении подданных в богов, был государственной религией Бенина. Отлитая из бронзы голова представляла обожествленного покойника. Может быть, поэтому дворцы правителей Бенина были заполнены несметным количеством бронзовых скульптур. Но здесь были не только человеческие головы и монументальные скульптуры воинов. Здесь было множество превосходно исполненных скульптур зверей и птиц.

По мнению советского ученого профессора Ольдерогге, эти фигуры должны читаться «смелый, как пантера; могучий, как бык; сильный, как слон». Обожествлялась змея, в которую, по представлениям бенинцев, вселялся дух умершего. Над главными воротами дворца сверкала на солнце большая медная змея с головой, свисающей вниз. По верованиям бенинцев, присутствие змеи якобы обеспечивало урожай, а следовательно, и общее благополучие людей.

Самые свирепые и хищные животные Африки символизировали царскую власть. Бронзовые скульптуры леопардов и львов необычайно выразительны и своеобразны. Вот перед нами охотник с собакой, несущий на плечах убитую антилопу. Скульптура сделана очень условно, но настолько выразительно, что возникает образ живого человека с определенным характером, сильного и мужественного.

Голландец Ниендал, посетивший в те времена Бенин, писал:

«Они почитают бога и дьявола одновременно в человеческих образах и даже в образах животных... Они принимают за бога все, что в природе есть необычного, и приносят этому жертвы. Каждый сам себе жрец и служит своим богам... Каждый владелец фетишей или жрец имеет своего особого идола. У бини, как и у йоруба, фетишами оберегали от молний».

Может быть, эти скульптуры, которые служили когда-то для священнодействия на алтарях, и представляют нам сейчас искусство далекого Бенина?

Когда же родилось это искусство? Откуда пришли сюда, на побережье Нигера, люди этой культуры? Давно ли они обосновались на этой земле?

Ученые-исследователи уже знают, что Нигерия была заселена в эпоху раннего палеолита, может быть 250 тысяч лет назад.

В Центральной Нигерии, там, где сливаются реки Нигер и Бенуэ, уже в наши дни работали археологи. Они раскрыли следы жизни людей железного века Африки, культуры наиболее древней из всех известных пока науке культур, которые существовали на землях южнее Сахары.

Ученые предполагают, что расцвет этой культуры, названной «Нок», относится к V веку до нашей эры. Культура железного века пришла на смену культуре каменного века. В музее города Лагоса хранится очень древняя плавильная печь — фурма, а в ней лежит каменное топорище, которым, вероятно, пользовались еще тогда, когда впервые изобрели эту печь и начали плавить металл.

Древние плавильщики Нок существовали задолго до того, как узнали это искусство первые мастера плавильного дела в Западной Африке. Спустя многие столетия узнал тайну превращения металла в бронзовые скульптуры народ йоруба в государстве Ифе, когда зародилось на земле Нигерии прекрасное искусство скульпторов и литейщиков. Однако существует легенда о том, что царь государства Ифе, где жил народ йоруба, примерно в 1350—1400 годах прислал царю Бенина Огуоле мастера бронзового литья, который научил людей Бенина своему искусству. Может быть, эта легенда и не совсем правдоподобна, но несомненно то, что прекрасное искусство бронзовой скульптуры Бенина родилось в Западной Африке задолго до прихода белых людей.

В 1485 году, когда в Бенине появились первые португальцы, они увидели большой город, достигший расцвета и величия. Сохранилось описание этого города, сделанное голландским врачом Ольфертом Даппером в книге «Описание африканских стран», изданной в 1668 году.

«... Дворец царя так же велик, как город Гарлем, и обнесен вокруг особой стеной, кроме той, что окружает город. Дворец состоит из множества великолепных домов и прекрасных длинных четырехугольных галерей, почти такой же величины, как Амстердамская биржа. Галереи эти покоятся на высоких столбах, снизу доверху покрытых медью с изображением военных подвигов и битв».

Бронзовые рельефы Бенина рассказывали о великих битвах, о богослужениях, о празднествах и трудах бенинцев.

Царю Бенина подчинялись тысячи небольших селений, где жили охотники, земледельцы, ремесленники и воины, подвластные великому обба. И художники,

---

которым предстояло украсить богатый дворец правителя, изображали на рельефах сцены своей жизни, которая, подобно летописи, сохранила этот рассказ до наших дней.

Вот военачальник со свитой. Он высок, на нем головной убор знатного господина и много бус на шее, признак его величия. В руках у него щит и священный жезл. А свита его состоит из маленьких фигур, полуодетых, у них нет священных бус, дарующих людям благополучие и предохраняющих от злых духов. Вот леопарды с оскаленной пастью, готовые напасть. Это символ царской власти, неограниченной и обожествленной.

Как же случилось, что погибло это великое царство и надолго были забыты прекрасные произведения искусства мастеров Бенина?

Это случилось в те годы, когда на водах Атлантики появились невольничьи суда, увозившие свободных людей йоруба, хауса, канури в страны Европы, где начала процветать работорговля. Вначале появились португальские и испанские каравеллы, затем — быстроходные шхуны, а позднее большие паровые суда стали увозить черных рабов в Америку.

Известный негритянский ученый и общественный деятель Уильям Б. Дюбуа считает, что работорговля стоила Африке 100 миллионов человек.

В 1472 году португальцы высадились в устье реки Бенин, вслед за ними последовали купцы — работорговцы из Голландии, Англии и Франции. В те годы появилось название одного из центров работорговли — «Невольничий берег».

Вот что мы узнаем из дневника одного из путешественников XVII века Антера Дуке:

«Мы получили взнос на борту корабля капитана Поттера...» — это пошлина, которую взымали города старого Калабара с торговых кораблей.

«Корабль капитана Эспиналя отбыл, имея на борту 328 рабов...»

«Корабль Поттера отплыл с 350 рабами...»

«В три часа пополудни капитан Феруэзер отбыл с 377 рабами...»

«Мы увидели, как судно Комбесбоша ушло с 280 рабами...»

Невольничьи корабли уходили к устью Нигера, а оттуда брали курс к берегам Америки.

В 1829 году англичанин, по имени Уолш, который плыл из Бразилии на британском фрегате «Северная звезда» в южной части Атлантического океана, стал свидетелем чудовищного злодейства. Он писал о том, что фрегат задержал невольничье судно, и, когда он, Уолш, поднялся на борт этого судна, он увидел все ужасы, каким подвергаются люди Африки, попавшие в рабство. «Груз корабля состоял из 505 мужчин и женщин. За 17 дней плавания матросы выбросили за борт 55 трупов. Люди сидели между палубами, в зарешеченном трюме. Он был так низок и мал, что несчастным приходилось сидеть тесными рядами между ног друг у друга. Ни днем, ни ночью они не могли прилечь или даже изменить позу. На коже их виднелись клейма — разные, поскольку рабы принадлежали нескольким хозяевам. Эти клейма, как с полным равнодушием рассказал помощник капитана, выжигают раскаленным железом на груди или на руке раба... Многие из рабов занимали не более одного

квадратного фута площади и не могли подняться с пола, несчастных мучила страшная жажда».

Это зрелище потрясло Уолша, но его спутники, «которые давно плавали у Африканского побережья и видели много невольничьих кораблей», неся патрульную службу по ликвидации работорговли, уверяли, что порядки на этом судне не так уж плохи». Здесь высота помещения, где находились рабы, достигала трех футов трех дюймов, тогда как на других судах она была значительно меньше. Обычно с шеи и ног раба до конца плавания не снимали колодок; на судне, которое посетил Уолш, рабы не были закованы.

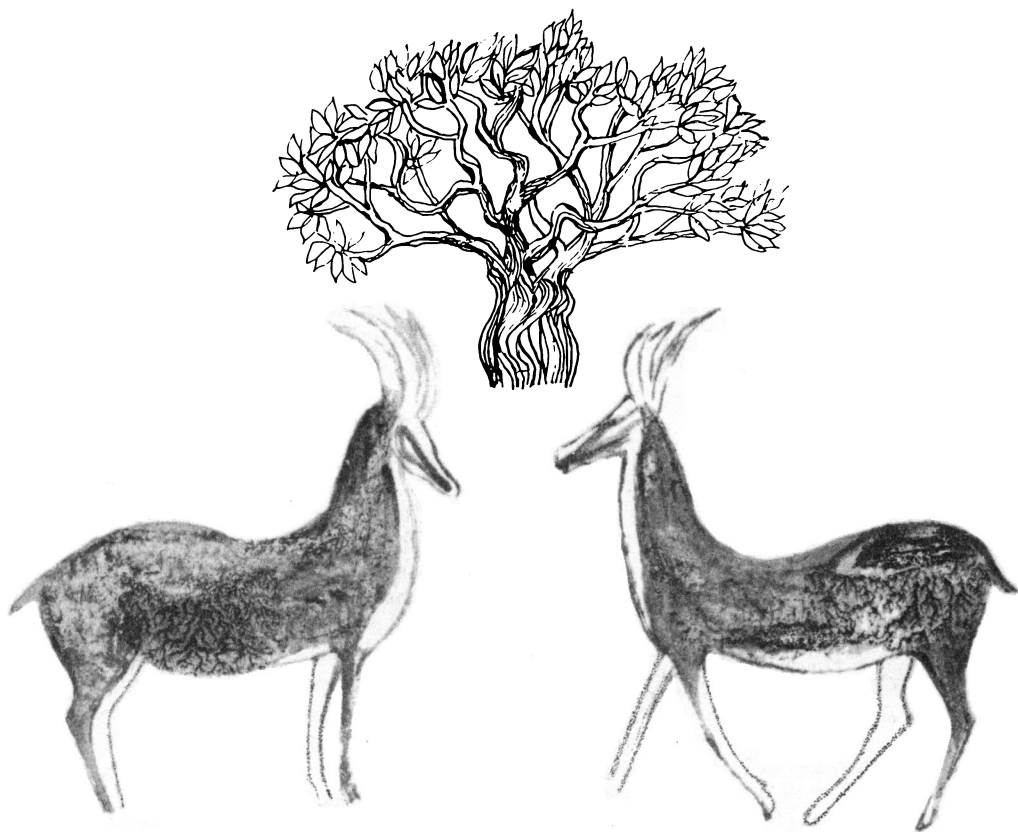
В 1700 году Уильям Босман, голландский агент в Эльмине, сообщил на родину, что Бенин больше не заслуживает названия города. Он писал:

«Прежде эта деревня была очень густо застроена, ныне же дома выглядят как сараи бедняков и находятся на большом расстоянии друг от друга».

Можно представить себе покинутые селенья. Брошенные поля. Бедность и запустение, воцарившиеся там, где некогда процветали ремесла, где жили смелые и отважные охотники, где возделывали поля земледельцы. Многие тысячи умелых людей были угнаны в рабство. Обнищавшая страна оказалась во власти ненасытных жрецов. И даже правитель страны, прежде всемогущий обба, не мог подчинить себе жрецов. В 1897 году город Бенин был уничтожен артиллерией ее величества Виктории, королевы Великобритании. Исчезла, была стерта с лица земли некогда богатая столица Бенинского царства, а вместе с ней надолго была забыта культура народа эдо.

Случайные находки археологов, а позднее и специальные научные исследования позволили воскресить трагическую картину гибели Бенинского царства. И перед нами оживают страницы жизни, быта и нравов трудолюбивого народа, создавшего свою самобытную культуру. Эта культура не канула в вечность. И сейчас, когда Нигерия обрела свою независимость, она снова расцветает и дает людям свои несметные сокровища.

ВОЛШЕБНАЯ АНТИЛОПА

ын Леопарда победил!» Весть об этом передавалась из уст в уста, и вскоре вся степь узнала об этом. О победе юноши, которому впервые доверили отряд лучников, говорили повсюду. У костров, где женщины готовили пищу, на пастбище среди пастухов, и даже дети, бегающие взапуски с крошечными ягнятами, и те рассказывали друг другу о великом событии.

— Он угнал огромное стадо! — повторяла Дочь Антилопы, старая, безобразная женщина, которую нередко называли Сломанный Нос.

Еще в детстве она попала под копыта разъяренного быка, и, когда дождь обмыл ее окровавленное лицо, оказалось, что нос сломан и повреждена кость правой щеки. Дочь Антилопы была безобразной, но властной и уверенной в себе женщиной. Ведь старейшина племени Старый Леопард приходился ей родным братом, а сын Старого Леопарда — племянником.

Старая женщина взобралась на самый высокий холм и, прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, вглядывалась в даль. Она хотела первой увидеть небывалое.

— О женщины! Я вижу темную лавину. Клянусь, она превратится сейчас в стадо быков, коров и буйволов! Они несутся сюда подобно урагану. Такого я еще никогда не видела! Пусть гром снесет мне голову, если я не вижу впереди всех своего племянника. Сын Леопарда самый отважный из лучников!

Женщины и дети бежали к холму, торопясь посмотреть на удивительное зрелище. Голые, лишь прикрытые небольшими фартучками из мягкой телячьей шкуры, с бусами из диких ягод и коровьих зубов, белеющих на черных телах, с курчавыми головами, молодые женщины были очень привлекательны. Но прекрасней всех была внучка колдуньи. Она была тоненькая и строй-

ная, а глаза у нее были большие и влажные, как у газели. Вместе с нею прибежали подруги — целая стайка крикливых, веселых девушек. За ними приковыляли старики и старухи, побросав в пещерах маленьких детей, которые копошились в мягкой траве, кричали и заливались слезами.

— Он достоин почестей и похвал! — кричала Дочь Антилопы. — Сегодня я отдам ему головной убор из белых перьев священной птицы. О женщины! Он будет очень красив в этом удивительном наряде! Вы не видели, как разукрашено его тело? А я видела. Такого нет даже у старейшины племени. Всмотритесь в кривые линии, сделанные искусной рукой. Вы увидите волшебную антилопу, головы птиц и быков. О женщины, вы еще не знаете, как это украшает и придает мужество охотнику!

Дочь Антилопы ткнула рукой в грудь Маленькую Газель, так что та едва не упала. Девушка вздрогнула и робко подтвердила:

— Ни у кого нет подобного! Никто не знает, как это делается. Я всех спрашивала. Даже моя бабка, старая колдунья, не умеет этого делать.

— Не знают? — усмехнулась старуха. — Откуда вам знать? В нашей степи никто этого не знает. А вот мой племянник нашел человека, который все знает и все умеет!

— А ты видела, что у него изображено на груди? — спросила женщина с младенцем на спине. — Ты можешь сказать нам, на что это похоже? Все говорят об этом, а никто ничего не видел. Ведь твой племянник не позволяет подойти близко. Почему он не дает нам потрогать это изображение?

— Чего захотели! Потрогать изображение, наделенное колдовской силой! Ты хочешь, чтобы он лишился своей великой силы? А кто пригнал для нас это стадо? Кто, женщины?

Вопли безобразной старухи пугали женщин, но в то же время внушали величайшее уважение к Сыну Леопарда, который обрел колдовскую силу.

— Я давно вижу, что кривые надрезы на ваших лицах и животах не помогают вам получить большую добычу! — кричала Дочь Антилопы. — Клянусь силами небесными — громом и молнией, ливнем и водопадами, — никто не сможет превзойти отважного!

Вперед пробилась старая колдунья по имени Горькая Трава. Она знала целебные травы и заклинания, умела делать надрезы на теле, приносящие удачу.

Растолкав девушек, колдунья закричала:

— Не клянись, Дочь Антилопы! Не ври, Дочь Антилопы! Наши юноши и девушки умеют стрелять из лука и бросать копье. Разве моя Маленькая Газель не притащила вчера барашка? А у нее на груди те самые кривые надрезы, в которые ты не веришь. Я хорошо делаю надрезы, они помогают. Я и тебе их делала. Как бы люди чужого

племени узнали тебя, Дочь Антилопы, если бы не глубокие рубцы, говорящие о нашем древнем племени! Мы родились вместе с землей и травами, давным-давно. И тогда уже были рубцы на лицах наших предков. Ты старая хвастунья! Я рада, что бык сломал тебе нос! Я ему велела...

— О женщины! Я проткну ее копьем!

Дочь Антилопы кинулась к колдунье и стала таскать ее за длинные седые космы. А женщины хохотали, хватались за бока, раскачивались из стороны в сторону и подзадоривали безобразную старуху. Тут к ним подскочила Маленькая Газель. И хоть с виду она была хрупкой, руки у нее были сильные. Она оттащила свою бабу, которая не переставала вопить и проклинать Дочь Антилопы. И тогда безобразная старуха, взобравшись на вершину холма, стала снова рассказывать о том, как силен и отважен ее племянник и что нет ему равного в степи.

— Если бы ему сшили одежду из шкур самых редких животных, — говорила она, — если бы собрали перья самых пестрых птиц, ничто не смогло бы сравниться с красотой его наряда. И этот редкостный наряд обладает такой великой силой, что небольшой отряд лучников смог угнать целое стадо...

Стадо приближалось к загону, и, видя, как велика удача молодых лучников, люди внимательно прислушивались к словам властной женщины, умеющей подчинять себе. Каждой матери хотелось бы наделить своего сына магической силой и бесстрашием. А если таинственные знаки, сделанные на теле охотника, помогают лучше, чем кривые надрезы, сделанные колдуньей, то зачем тогда делать их? Надо научиться делать такие же удивительные знаки. Но как?

Он и в самом деле был красив, Сын Леопарда. Его гибкое, стройное тело, украшенное причудливым рисунком, вызывало восхищение женщин и зависть мужчин. Все было загадочным. И хоть прошло два новолуния с тех пор, как люди увидели эти знаки на теле юноши, а в степи только и говорили о них. В каждой семье вспоминали тот день, когда Сын Леопарда вдруг скрылся, а потом вернулся в свою хижину и отец с трудом его узнал.

— Кто это сделал? — спросил он, ткнув палкой в грудь сына.

Старик сидел на корточках и отделял наконечники стрел. Рисунки на теле юноши настолько поразили его, что он вскочил, захлопал в ладоши, запрыгал вокруг сына и стал бормотать заклинания.

— Не верю... Это мой сын? Или все это мне кажется? Такого я еще не видел! Я, который все знает и все видит...

Старик пристально вглядывался в рисунок на теле сына и цокал языком от восторга. Что и говорить, Старому Леопарду очень хотелось видеть в своем сыне существо необычное, способное возвыситься над другими, но не над ним. Пусть была бы удача сыну, но он бы никогда не позволил, чтобы сын превзошел его в чем-либо. А ведь

старик нередко думал о том, что ему недолго уже быть старейшиной племени и что кто-то должен его заменить. Но кто может его заменить? Только самый удачливый в охоте. А может ли быть хорошая охота без колдовства, без заклинаний и наговоров?

Люди степи умели делать только очень простые знаки — кривые надрезы на груди, на бедрах, на лице. А вот такого старик еще ни разу не видел. Когда он впервые посмотрел на пестрый рисунок, он показался ему непонятным. Но когда сын объяснил ему, что можно при желании увидеть на груди антилопу, а на бедрах — маленьких муфлонов, он сразу же все это разглядел. А как только он разглядел волшебную антилопу на груди и маленьких муфлонов на бедрах, так тотчас же ему пришла в голову отличная мысль — немедленно бежать к тому колдуну, который это сделал. И он потребовал:

— Веди меня к нему! Куда ты ходил? Почему ты не сказал мне?

— Не спрашивай, отец. Не скажу. Он не велел. Если скажу — вся сила уйдет.

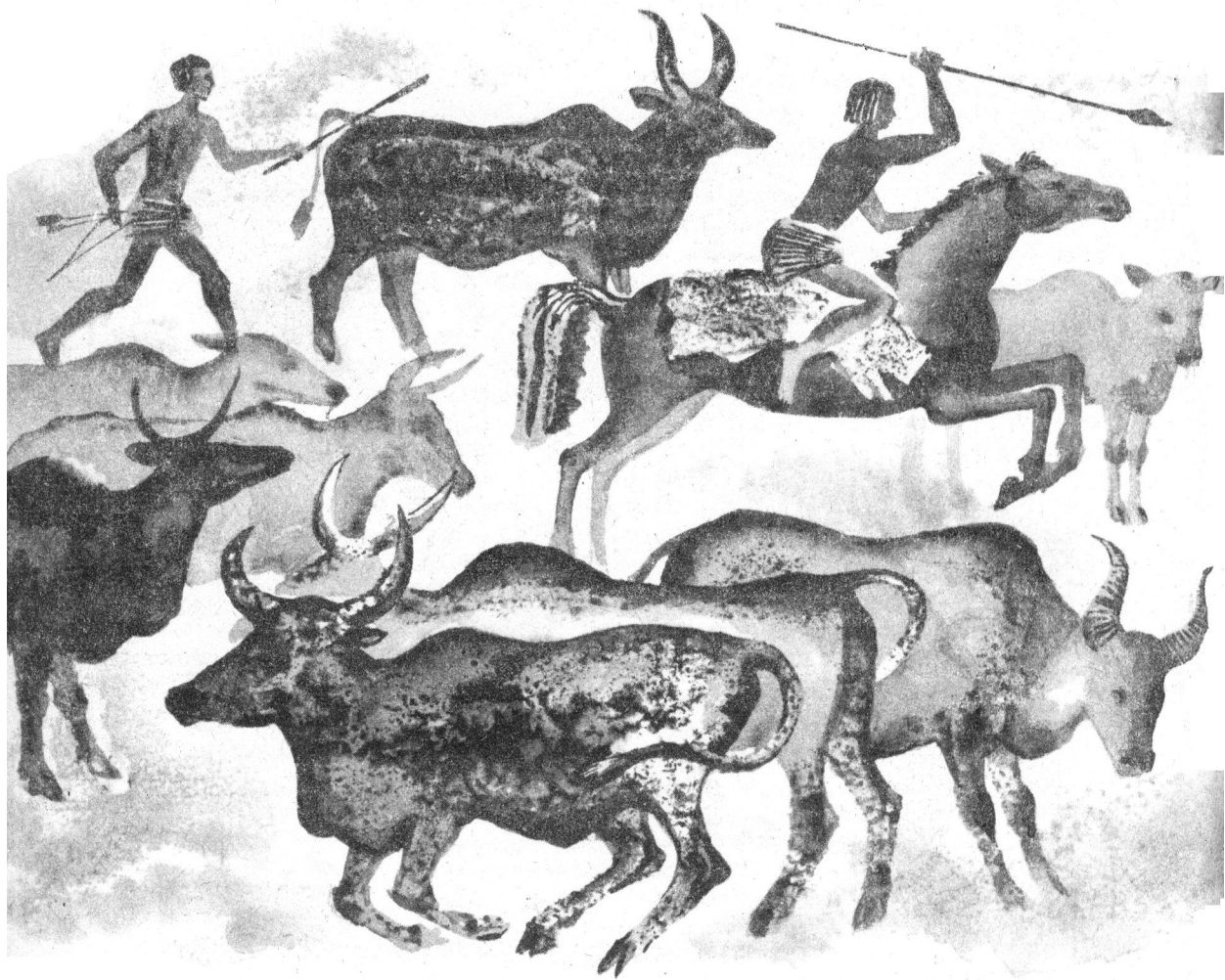
— Скажи сейчас же! Отец все должен знать. Кто посылал тебя на охоту? Кто спрашивал об удаче гадюку, идущую по песку? Твой отец. Говори! Говори!

— Не скажу.

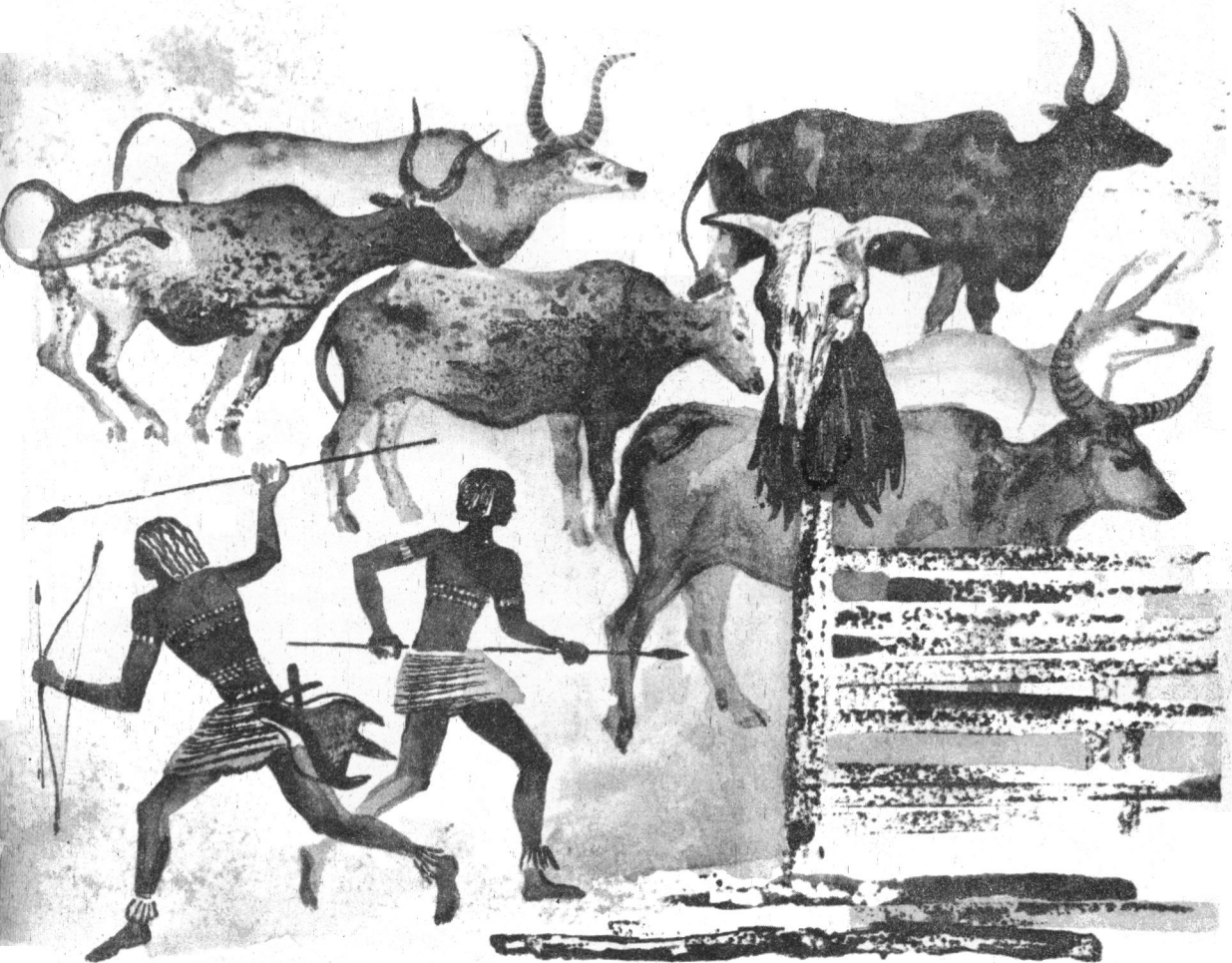
— Когда ты ушел в последний раз, я хотел узнать твою удачу. И я увидел длинный-длинный след гадюки. Я подстерег ее и задал ей много вопросов, а ответы были самые хорошие. Я принес тебе удачу. А ты не говоришь. У тебя тайна перед отцом, старейшиной племени. Постыдись!

Отец долго кричал, но случилось необычайное: сын, чувствуя себя неуязвимым и более сильным, чем отец, не выдавал своей тайны. А старик, поняв, что сын его обрел какую-то неведомую силу и, может быть, способность возвыситься над ним, рассердился. Глаза его налились кровью. Он схватил свою дубину, стал наступать и замахнулся на юношу. Сын Леопарда бежал. Ему было стыдно и горько. Но желание сохранить для себя волшебную силу было сильнее привычной покорности перед властью старейшины и отца. Он понял, что пошел против обычаев племени. Но волшебная антилопа на его груди словно подгоняла его. Он бежал за дальние холмы, подальше от людей, чтобы никого не видеть и ни о чем не рассказывать. Он хотел возможно скорее испытать счастье хотя бы с небольшим отрядом лучников. Он задумал охоту, от которой зависело его будущее. Надо только хорошо подготовиться к засаде у дальнего водопоя. Там собирается большое стадо диких животных. Хорошо бы угнать их в степь, в загон. Это очень трудно. Это редко удавалось людям степи. Но, может быть, ему поможет волшебная антилопа?

Так размышлял Сын Леопарда, когда поссорился с отцом и готовился к большой охоте. И вот все получилось — удача пришла.

С ним было всего лишь несколько лучников, а добыча огромная. Теперь все поймут, какой он обладает силой. Его даже могут сделать вождем племени. Отец давно уже не имел такой удачи. И, может быть, сегодня ночью, при ярком пламени костров, когда Дочь Антилопы отдаст ему заслуженную награду — головной убор из белых перьев священной птицы, — люди его племени начнут кричать, хлопать в ладоши и приплясывать, требуя, чтобы он заменил отца. А почему бы и нет? Разве удача не покинула его отца? Старик уже забыл то время, когда умел пригонять в степь такое многочисленное стадо.

Теперь Сын Леопарда метался с копьем в руках среди ревуших, разъяренных коров и быков. Одно неосторожное движение, и он может оказаться под копытами или быть поднятым на рога.

Юноша неся по степи с копьем в руках, с луком и колчаном за плечами, обливаясь потом, запыленный и задыхающийся. Под ним была дикая лошадь, недавно только обвезженная. Прежде он бы никогда не решился загонять на ней стадо. А теперь, когда он почувствовал свою силу, ему все нипочем. Лошадь была горячая и страшная. Она неслась подобно ветру пустыни, ноздри ее раздувались, и казалось, что из них исходит жар. Но она покорилась юноше.

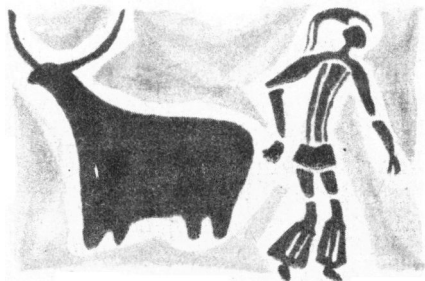
И теперь он будто слился с ней. Иной раз ему чудилось, что он сам — обладатель четырех лошадиных ног.

Сын Леопарда был доволен. Он видел, что лошадь отвечает ему на его постоянные заботы своей покорностью. Может быть, потому, что он каждый день обдавал ее прохладной водой? Он сам видел, как она вздрагивала и благодарно смотрела на него. А перед походом с лучниками он смазал пчелиным медом превосходную просяную лепешку, которую тайно сунула ему Маленькая Газель, и отдал ее лошади. Ему очень хотелось самому съесть эту лепешку. Он хорошо знал, что Маленькая Газель много дней бродила по степи и собирала горстями зерна дикого проса. Потом она толкла его в каменной ступе, потом сделала тесто и пекла на горячих углях возле своей пещеры. Разве есть на свете еда более вкусная, чем такая лепешка да еще смазанная медом? Девушка, желая показать ему свое расположение, сделала эту еду. Это было хорошо, потому что он больше никого не посвятил в свою тайну.

Никто, кроме Маленькой Газели, не знал о задуманном. Даже молодые лучники. И вот, съев эту лепешку, лошадь помогла ему в походе. Без нее ему бы никогда не иметь такой удачи. Но, может быть, она помогала потому, что так велела его волшебная антилопа? Сейчас, когда он помогал лучникам загонять стадо, только сейчас он понял, как велика удача. Его отец, Старый Леопард, старейшина племени, самый искусный охотник в степи, и тот давно уже не видел подобного. Старика давно покинули добрые духи. С тех пор, как он стал плохо слышать, с тех пор, как у него стали уходить силы. Почему такое случилось с отважным Старым Леопардом? Почему? Может быть, он не имеет больше тайн? Может быть, он не знает больше секретов? Бедный старик, он просил отвести его к тому колдуну, который сделал магические рисунки. Но разве он, Сын Леопарда, может изменить своему слову? Рваное Ухо не простит. Он может проклясть, тогда жди большой беды. Все племя Старого Леопарда может погибнуть. Тайну надо беречь, не выдавать ее никому. Старик говорил это давно, когда в руках его было еще много силы, а в глазах светилась мудрость. А сейчас он позабыл о том, чему так усердно учил сына. А может быть, не забыл, а просто нуждается в силе? Как же ему добыть ее?

Сын Леопарда носился по степи, и крепкая плоть из шкуры буйвола свистела над головами разъяренных быков. Он видел, что уже близок к цели. Вот сейчас они подойдут к загону, и тогда можно будет броситься на землю и отдохнуть. А что скажет отец, разгневанный, озадаченный непонятным? Что он скажет, когда увидит это стадо?

Стадо еще не пригнали в загон, женщины еще не перестали спорить о том, была ли когда-нибудь большая добыча, а весть о великой удаче Сына Леопарда облетела степь. Все радовались, зная, что пришли дни сытости и веселья. Ведь всякая удача всегда сопровождалась многодневным празднеством.

— А Старый Леопард знает? — спросила не без ехидства Горькая Трава, обращаясь к женщинам, но явно ожидая ответа от Дочери Антилопы. Ведь, кроме сестры, никто не мог знать, что думает об этом старейшина.

— Старому Леопарду все известно, — ответила с достоинством Дочь Антилопы.

Она произнесла это достаточно громко, чтобы услышали все собравшиеся на холме, но она сказала это не только для тех, кто был рядом с ней, — она хотела, чтобы люди всего племени знали, как их благополучие зависит от ее брата и от племянника.

Дочь Антилопы не знала о том, что старейшина поссорился с сыном и что сын впервые отправился на большую охоту, не сказав об этом отцу и рассчитывая лишь на помощь волшебной антилопы, изображенной у него на груди.

Сестра старейшины племени была не кроткого нрава. Об этом знали все женщины племени, которых она нередко обижала, но и часто опекала. Если ее властный голос не помогал ей убедить непокорных, то она не задумываясь лезла в драку. Однако это не мешало ей вскоре как ни в чем не бывало прийти на помощь к обиженной. В сущности, она давно уже подчинила себе всех женщин племени. И Старый Леопард не раз говорил о том, что сестра чрезмерно властна.

Старик дремал в своей хижине, когда услышал крики женщин и детей. Вначале он подумал, что случилась беда, что молния упала с неба. Он вскочил и, бормоча заклинания, выбежал из хижины. Но когда увидел людей на холме, услышал про удачную охоту, обрадовался и побежал посмотреть. Он увидел огромное стадо, такого давно не бывало в его загоне. Кто же пригнал? Кто ходил на такую большую охоту без его ведома?

— Это кто пригнал? — спросил он.

— Твой сын. Разве ты не посылал его? — воскликнула Дочь Антилопы.

— Я давно говорил с гадюкой, идущей по песку. Я помог заклинанием. . .

Старик говорил о гадюке, а сам думал о волшебной антилопе. Теперь он понял, какую силу она дала сыну. С ним пошло всего лишь два десятка молодых лучников. И они смогли пригнать такое стадо?

Если бы он, Старый Леопард, узнал тайну такого колдовства, он позабыл бы о своей старости. А теперь копье старейшины перейдет к сыну. Теперь все люди племени поверили в могущество Сына Леопарда.

Старик долго всматривался в движущуюся лавину и прислушивался к реву быков. Он уже плохо различал звуки, они доносились до него приглушенными. Но зрелище подсказывало ему звуки, и в мыслях его они удесят�ерялись в силе и превращались в гул. Эти звуки напоминали ему о счастливых днях молодости, когда он еще не был вождем племени, а был просто хорошим охотником. Как хитро он ставил ловушки у водопоя! Как метко посылал свою стрелу в хищника! Он всегда возвращался с добычей. Не может быть, чтобы все это ушло безвозвратно. Как хочется вернуть былую силу и ловкость. И мысли его снова вернулись к волшебной антилопе.

— Почему же твой сын не открыл тебе тайны? — услышал он словно издадека женский голос. — Наши сыновья тоже хотят быть сильными! Почему только твой сын это сделал?

Женщины кричали, перебивая друг друга, и все обращались к нему. Их крики словно разбудили старика. До чего же назойлива эта Дочь Антилопы, его младшая сестра, с горечью подумал старейшина и отмахнулся от нее.

— Он достоин стать старейшиной племени! Какое стадо он пригнал нам!.. — кричала Дочь Антилопы.

Старый Леопард, рассерженный и злой, сбежал с холма и, отплеываясь, проклинал свою родную сестру. Теперь он уже возненавидел и ее, и волшебную антилопу, и сына. Старик понял, что должно свершиться неизбежное. Ему придется отдать свое копье сыну. А это значит, что он признается в своем бессилии. Если бы он сам пригнал такое стадо, никто не отвернулся бы от него. Но силы его покинули. Он стал совсем беспомощным. Уж лучше бы вовсе не было этого стада!.. Теперь вся степь поняла, что можно обойтись без его советов, без его заклинаний, без его мудрости. Он готов отдать копье сыну, передать ему власть над племенем, но только бы вернуть себе силу, тогда он покажет всему племени, на что способен Старый Леопард... Он должен узнать тайну.

* * *

А в это время Маленькая Газель, сидя у своего костра, с гордостью думала о том, что удача на охоте не случайна. Молодые лучники этого не знают, но ведь она помогла им. Это она пошла по тропе, ведущей к дальнему водопою, и клала камни на каждом хол-

ме, у каждой скалы, даже у входа в ущелье. Они не знают, что этим Маленькая Газель задобривала злых духов. Может быть, они и не заметили ее следов, обрызганных белой землей, растертой с жидким жиром муфлона. Она позаботилась, чтобы духи ветра, воды и пещер были добры к путникам, чтобы им была удача.

Сейчас, вспоминая все это, Маленькая Газель радовалась, что помогла охотникам. Правда, было обидно, что не удалось ей самой участвовать в походе. Но когда она попросила об этом Сына Леопарда, когда привела к нему подруг, Сын Леопарда только спросил ее, не хочет ли она стать такой же безобразной, как его тетка, которая попала под копыта быка. Нет, она этого не хотела. Она всегда знала, что ее считают самой красивой среди девушек племени, и это заставляло ее тратить немало времени на поиски украшений. Ведь нелегко собрать ровные белые зубы коров, не так просто уговорить старика, который умеет делать отверстия в зубах, чтобы их нанизывать на тонкое, высушенное сухожилие и сделать нитку бус. Зато сегодня, когда будет большой праздник у костра, она наденет свои украшения, и тогда все увидят, что она в самом деле красива.

Ночь спустилась черная, звездная. И, словно отражение звезд в степи, запылали огни. Веселые костры собрали вокруг себя людей из хижин и пещер. Даже старые, кто едва плелся с палкой, и совсем крошечные, для кого ночь и день одинаковы, — все были на торжестве. Целые туши быков и антилоп, подвешенные над кострами, сушили обильное угощение. Аромат жареного мяса приятно щекотал ноздри. В курчавых волосах юношей торчали перья пестрых птиц. У девушек белели ожерелья на груди и браслеты из скорлупы страусовых яиц. Все кружились в стремительной пляске, шутили, смеялись, хватали куски дымящегося мяса. Все радовались изобилию и сытости.

Дочь Антилопы, увешанная бусами до самого живота, была особенно нарядной и торжественной. В руках она держала искусно сделанный головной убор из белых перьев священной птицы. По ее настоянию сегодня устроено это празднество. Она отлично знает, что старейшина не хотел этого. В прежнее время ей бы не удалось, а сейчас ее упрямство и настойчивость победили старика. Ей пришлось немало покричать — она доказывала правоту задуманного. И Старый Леопард сказал, что отдаст копьё сыну. И все это она посчитала нужным сделать после того, как увидела ревущее стадо диких быков, пригнанных в загон. Она хорошо знала, что людям всего племени теперь предстоит беспечная жизнь. Больше не придется голодать. А женщинам так надоело собирать дикие плоды, зерна проса и ставить ложечки на маленьких зверушек!

— Женщины! Сегодня Сын Леопарда обретет еще большую силу и мудрость, после того как я надену на его голову эти белые перья. Он станет еще красивей.

— Опять хвастает! — ворчала Горькая Трава.

А Старый Леопард сидел у костра строгий и молчаливый. Теперь уже осталось недолго ждать того мгновения, когда все почести и вся сила перейдут к его сыну. Должно быть, злой дух посетил сегодня старейшину племени. Почему-то на сердце у него так скверно, словно туда попала капля яда с отравленной стрелы. Старик все старался отбросить дурные мысли, прогнать зависть, которая глодала его, как леопард гложет кости. Кому он завидует? Собственному сыну? Должно быть, это стыдно. А ему не стыдно. Он никому об этом не скажет, но он завидует ему, и злость кипит в нем. Пусть скорее Сломанный Нос отдаст сыну головной убор из перьев священной птицы. Тогда он, всеми отвергнутый, крикнет на всю степь то, что ему не хочется...

«Будь старейшиной! Возьми мое копье! Я стар...»

Он, всеми отвергнутый, скажет это, и никто не узнает, как тяжело ему признаться в своей беспомощности. Он бы хотел гордиться удачами сына, но ему мешает злой дух. Как усердно он нашептывает ему дурные мысли! И это веселье у костра злит его...

— Много говорите, много смеетесь! — закричал вдруг старик и стал бросать в девушек обглоданные кости.

Но вот забили барабаны, сделанные из бычьих шкур, и все окружили молодого удачливого лучника. Он стоял у самого большого костра, а рядом с ним стояла Дочь Антилопы. Когда она знаком остановила бой барабанов и заставила людей замолчать, Сын Леопарда опустился на одно колено. И тогда старая безобразная женщина, сгибаясь под тяжестью бус, которые болтались на животе и мешали ей, очень бережно надела ему белый головной убор. Тут старейшине племени и надо было сказать, что он отдает свое копье, но он не успел. Это сделали за него другие. Все собравшиеся у костров словно забыли о доблестях Старого Леопарда, забыли о его мудрости, забыли о его умении приносить добычу. Они, словно сговорившись, закричали: «Будь старейшиной!» А потом завывали и стали кружиться вокруг его сына.

И тогда старик грузно, будто кто-то придавливал его к земле, поднялся, взял в руки свое копье и молча вручил его сыну. А потом, согнувшись, поплелся в свою хижину. Ему казалось, что он уже мертв, что злые духи уносят его из степи, отрывают от близких людей, от знакомых скал, от зеленой долины. Он подумал, что так умирают львы, и ему стало очень горько, словно капля яда с отравленной стрелы попала в самое сердце.

Долго еще веселились у костра. Долго еще молодые лучники — участники похода — хвастали своими доблестями. Но вот закончилось пиршество, и молодой старейшина племени, усталый, но счастливый, остался наедине со своими мыслями. Лежа у догорающего костра и глядя в черное звездное небо, он размышлял о случившемся. Большая победа окрылила его, но, если бы его спросили, откуда она пришла, он бы не смог ответить. Он не знал, помогла ли

ему волшебная антилопа, изображенная на груди, гадюка ли, идущая по песку? А может быть, те люди, что живут среди скал и пещер, далеко от их зеленой степи?

ОТКУДА ВОЛШЕБНАЯ АНТИЛОПА?

Юноша задремал, так и не найдя ответа на свой вопрос. Он дремал недолго и вдруг вскочил, испугался себя дрему, в удивлении огляделся вокруг и прислушался. До него донесся рев животных из загона. Он радостно рассмеялся и повалился на землю у погасшего костра. В какое-то мгновение во сне он вдруг почувствовал себя обыкновенным лучником и будто отец по-прежнему был старейшиной. словно ничего не случилось. Но он услышал рев животных, а рядом с ним на земле валялся головной убор из белых перьев.

Всю ночь он провел в загоне. Всю ночь он старался успокоить разбушевавшихся быков. Ему здорово досталось от них. Он устал. И как удивительно было, когда, проснувшись вместе с солнцем, он понял, что все это ему приснилось. Его вдруг обуряла радость. Появилось ощущение какой-то волшебной, необъяснимой силы. Он словно поднялся над людьми своего племени и возвышается над ними, как вон та высокая гора. И не потому, что его избрали старейшиной. Сейчас он не думал об этом. Его возвышает над всеми тайна, которой он владеет. Он гордится ею и в то же время мучается. Так трудно ее держать в себе! Разве он может рассказать о колдуне в шкуре муфлона, который расписал его тело причудливым узором? Все, о чем сказал колдун, — все сбылось. Когда колдун колот его острием крепкого камня, когда он втирал в него черный пепел, он говорил:

«Твое тело распухнет, юноша; ты будешь кричать, как лев, пронзенный стрелой. Вокруг тебя будут толпиться злые духи, но ты не бойся, я прогоню их. Они уйдут, а в тебе останется сила».

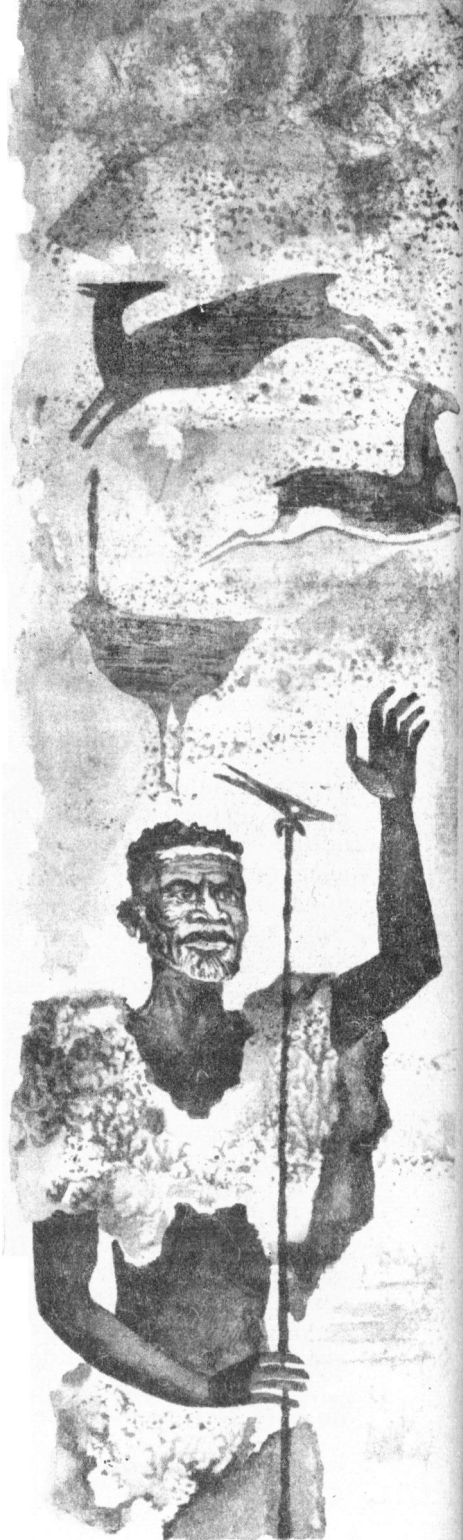
Когда колдун сделал для него изображение тех самых животных, которые сейчас беснуются в загоне, он сказал, что эти изображения принесут ему удачу. Все сбылось. Но если он, сын старейшины, хочет быть самым удачливым среди охотников своего племени, он должен хранить эту тайну. Его отец всегда владел тайнами, и в этом была его сила. А теперь, когда их не стало, он потерял свою силу.

Сын Леопарда стал вспоминать тот день, когда он совсем случайно забрел в пещеру неведомого ему колдуна. Это было на двенадца-

тый день пути. Он долго шел тогда по степи, перевалил через высокие горы, пробрался между скалами и вышел к водоемам. Он всматривался в следы зверей, искал большую добычу. И вдруг увидел людей другого племени. Они не умели делать себе хижин из трав и жили в пещерах. А может быть, они не делали хижин потому, что имели великое множество пещер? Он зашел в пещеру, которая была поодаль от других. И он увидел старого человека, который, сидя на корточках и бормоча заклинания, растирал в каменной ступе какое-то месиво красного цвета. У ног его лежала только что забитая газель. Старик вырезал куски горячего жира и толоч их в каменной ступе, смешивая с красной землей. Он долго растирал это месиво круглым камнем. А потом взял пучок перьев, окунул их в каменную ступу и стал водить по гладкой поверхности стены. И вдруг из-под рук его запрыгали настоящие муфлоны и газели. Они были красные, они родились в ступе! Такого еще никогда не видел Сын Леопарда. Он весь затрепетал от восхищения. Но подойти не решился.

Когда же из-под рук старого колдуна вдруг выскочил громадный слон, которого преследовал совсем юный маленький лучник, Сын Леопарда не стерпел, и вопль восторга огласил пещеру. Старик не видел его, юноша стоял в стороне, скрытый большим камнем. А когда он, пренебрегая опасностью, выскочил из-за укрытия, колдун замаяхал руками, закричал и стал угрожать юноше своей дубинкой.

— Кто водит твоей рукой? Как это у тебя получается? Разве муфлоны могут быть такими маленькими, чтобы прятаться в твоей каменной ступе? Я вижу, ты колдун и обладаешь великой силой!

На юношу смотрел старый человек с обвисшей губой и рваным ухом. Он будто пронзил его своим пристальным взглядом черных глаз. Потом старик нахмурился, подумал о чем-то и спросил:

— Может быть, ты из племени Леопарда? Иначе мне бы не понять тебя. Мое племя говорит на другом языке. А я помню язык племени Леопарда.

— Ты все знаешь! Ты все можешь! Такого колдуна нет в нашей степи! — воскликнул Сын Леопарда, не скрывая своего восхищения. — У нас никто не знает о тебе, почему же ты знаешь о нас? Ведь я сын Старого Леопарда.

— У меня в животе запрыгали газели. Я весь дрожу от удивления. — Старик захохотал и, схватившись за голову, зашептал: — В мою пещеру пришел посланец моего врага, Сын Леопарда! Я расстался с ним давно, когда этот юноша еще не родился. Я расстался с ним тогда, когда он хотел меня убить и когда я хотел его убить. У него остались шрамы на правом плече, а у меня рваное ухо. — Он снова посмотрел на юношу и спросил громко: — Сколько же дней ты шел сюда? Почему мои охотники никогда не попадали в ваше селение?

— Я знаю почему, — быстро ответил Сын Леопарда.

Глаза у него разгорелись. Он был в восторге от того, что узнал. Ведь отец никогда не хотел рассказать ему о том, кто сделал ему такие глубокие шрамы, от которых можно было умереть. Так вот кто это сделал! А почему?

— Я знаю, почему твои охотники не шли в нашу сторону. От наших хижин до ваших пещер большой путь — двенадцать дней. А водоемов в пути мало. Вокруг вас журчит и поет прекрасная прозрачная вода. Зачем же им

было идти в нашу страну? А я шел к воде. У воды всегда видны следы животных. Я искал такое место, где бывает на водопое много животных. Я шел по их следам. Я хочу добыть много мяса.

— И ты выследил, наглый юноша? Как ты осмелился войти в мою пещеру? Я никого не пускаю к себе. Но я рад твоему приходу. Я узнал, что жив Леопард! Теперь уже Старый Леопард.

Старый колдун вдруг умолк и, опустив голову, сидел неподвижно. Сыну Леопарда даже показалось, что он уснул. Но Рваное Ухо не спал, он вспоминал прошлое. Он снова увидел себя вот таким же молодым и горячим, каким стоял сейчас перед ним сын Старого Леопарда. Он бежал с копьем, догоняя буйвола, и вдруг увидел целое стадо. К счастью, оно промчалось мимо, вправо от него, к водоему. Запуская копье в свою жертву, он, Рваное Ухо, уже думал о том, как он завтра устроит облаву, как пойдет во главе большого отряда охотников, как получит богатую добычу — целое стадо буйволов. Он метко бросил свое копье. Радость пела у него в груди, когда ему удалось тут же, неподалеку от водопоя, освежевать животное. Но, когда он собрался уходить, оставив хищникам остатки мяса и костей, к нему подошел Леопард. Он был еще молодым и не знал, станет ли когда-либо старейшиной племени.

— Я выследил это стадо, — сказал он. — Забудь, что ты видел сегодня. Я приведу своих охотников, а ты не вздумай мешать, я не люблю, когда мне мешают.

Они были соперниками. Их племя не имело более удачливых и бесстрашных охотников. Леопард был слишком самонадеян. Рваному Уху не хотелось ему уступать и вместе идти на облаву к этому водопою. Хотелось превзойти соперника. И он швырнул копье, чтобы повредить правую руку Леопарда, а в это время Леопард успел своим копьем оторвать ему ухо. Леопард — сын старейшины, Рваному Уху было опасно возвращаться в селение. Обливаясь кровью, он пошел неведомо куда. После долгих скитаний он забрел в эти пещеры. Здесь у него началась новая жизнь. Здесь новым был не только язык, но и обычаи. Здесь был мудрый старец, который знал тайну красной и желтой земли. Он и научил юношу с рванным ухом вытаскивать газелей из каменной ступы.

Вспоминая годы, прожитые в этой пещере, Рваное Ухо несколько не сожалел о случившемся. Здесь он стал человеком, более великим, чем Старый Леопард. Здесь его уважали. Его боялись и угрожали ему богатыми приношениями. Он полюбил людей, принявших его в то тяжелое время, когда он остался один. Но сейчас он размышлял над тем, как сделать, чтобы Старый Леопард почувствовал силу колдовства своего соперника.

Увидев жалкие рубцы на лице и на плечах юноши, Рваное Ухо понял, как он может отомстить своему сопернику через много лет. Он наградит юношу тайной, которая даст ему силу и находчивость.

А если Сын Леопарда превзойдет отца, если он сделает нечто необычное, то копье старейшины перейдет к сыну, а Старый Леопард еще при жизни останется в стороне от всех дел племени. Вот когда он испытает горечь одиночества. Вот когда он почувствует, что никому не нужен и всеми отвергнут.

— Я мог бы убить тебя, чтобы сохранить тайну моей каменной ступы, но я этого не сделаю, — сказал колдун. — Я даже помогу тебе. Только дай слово, что ты не скажешь об этом никому, даже Старому Леопарду. Когда ты вернешься к своим, ты забудешь обо мне и будешь молчать. Иначе тебе будет плохо.

— Я буду молчать и сделаю все так, как ты велишь. Только помоги мне своим колдовством. Мне не дают покоя антилопы и газели, которые при мне прыгнули на стену пещеры. Расскажи, для чего ты это делаешь? Какая от них польза? Я готов отдать тебе часть добычи, Рваное Ухо, только Расскажи.

Юноша сторал от нетерпения. Никогда еще он не видел ничего подобного, никогда еще не было тайны, которую ему так хотелось бы постичь. Он смотрел, как старик водит уверенной рукой по стене пещеры, и ему казалось, что животные, которые родились сейчас у него на глазах, обладают какой-то непостижимой волшебной силой. Но какой?

— Когда охотник ищет добычу, — сказал старик, — он должен иметь зоркий глаз. А когда он посылает стрелу в голову быстрой газели, у него должна быть верная рука. Человек должен знать, что он умнее животного, он должен верить в свою победу. А как поверишь, если у тебя нет священных изображений этих животных?

— Этому помогают животные, рожденные в твоей ступе? Не можешь ли ты, Рваное Ухо, сделать кое-что для меня? Если твое колдовство поможет мне завладеть тем большим стадом, которое я выследил у дальнего водопоя, я отдам тебе половину добычи. Согласись, сделай это!

Старик не торопился с ответом, а потом сказал нечто такое, что поразило юношу. Он предложил вначале разукрасить тело юноши волшебным узором. Он сказал, что тогда Сын Леопарда превзойдет отца и не будет ему равных среди всех охотников племени. Он сказал, что никогда не дрогнет рука. И вот тогда Сын Леопарда остался в пещере, а старик трудился много дней. Юноша не знал, что он делает. Он только знал, что должен терпеть и молча переносить ужасную боль, которую старик причинял ему, надрезая кожу на его теле острым камнем. Старик оставлял кровавые следы на груди, на бедрах, на руках. А затем, произнося какие-то заклинания, посыпал надрезы черным пеплом и втирал его в тело. После этого юноша не знал покоя ни днем ни ночью. Боль была так велика, что нельзя было подняться. Иной раз казалось, что злые духи собрались вокруг и призывают его к себе.

— Если хочешь быть отважным, — говорил старик, — терпи! Разве тело твое не страдало, не плакало, когда тебе делали эти рубцы на лице? А теперь у тебя все тело будет разукрашено. Если присмотреться внимательно, то можно увидеть даже волшебную антилопу на твоей груди. Надо уметь видеть. На бедрах у тебя будет прыгать целое стадо маленьких муфлонов. Только знай: если не пригонишь целое стадо быков и буйволов, я прокляну тебя, не будет тебе удачи.

Сын Леопарда потерял счет дням и ночам, проведенным в пещере старого колдуна. Когда тело его раздулось и нельзя было прикоснуться к тем местам, которые были иссечены острым камнем, он было пожалел о своей доверчивости. Но после того как старик смазал ему раны теплым жиром муфлона, ему стало легче. А потом боль утихла. И настал день, когда можно было покинуть пещеру, пойти к дальним водоемам за добычей.

И тогда старик дал ему своих лучников, которые помогли ему вернуться в степь с большой добычей. Сын Леопарда выполнил свое обещание, и лучники чужого племени угнали для Рваного Уха значительную часть стада.

Сейчас, вспоминая происшедшее, Сын Леопарда еще больше захотел научиться вытаскивать из каменной ступы стада жирафов, быков и муфлонов.

Но как этому научиться?

Где найти цветную землю, которую можно смешать с горячим жиром животного? Ведь колдун не скажет. Если бы Горькая Трава согласилась сказать, откуда она берет белую землю... Она не скажет. Она верит в кривые линии, которыми сама разукрасила всех юношей племени. А теперь, когда она подралась с Дочерью Антилопы, разве у нее узнаешь про белую землю? Может быть, спросить об этом Маленькую Газель?

* * *

Люди степи с нетерпением ждали нового похода молодого вождя племени. Им очень нравилось жить в довольстве и беспечно поедать мясо, добытое молодыми лучниками. Но Сын Леопарда пока молчал и ничего не говорил о новом походе. Прежде чем пойти в такой поход, он решил снова повидать Рваное Ухо и попросить его сделать на стене своей пещеры изображения таких же быков, антилоп и газелей, какие топчутся сейчас в загоне. Молодой вождь задумал еще кое-что. Он задумал во что бы то ни стало добыть цветную землю, чтобы самому попытать счастья, самому сделать изображение волшебной антилопы на какой-нибудь скале. Но сделать это он мог только с участием Маленькой Газели.

Сын Леопарда пока не просил у Маленькой Газели белой земли, не просил помочь ему. Он предложил пойти с ним к старому колдуну. Как и прежде, в первом своем походе, он прибыл к Рваному Уху на двенадцатый день.

Когда они вошли в пещеру, старик размещивал в ступе белую землю. К удивлению Маленькой Газели, которая с трудом сдержала свой вопль восторга, колдун нарисовал женщину, украшенную магическими знаками и перьями белой птицы.

Маленькая Газель знала, что из белых перьев священной птицы делают головной убор для старейшины племени или для очень сильных и отважных охотников. Но она не знала, что ими могут быть женщины. Значит, здесь, среди этих скал, есть такие сильные и отважные женщины, которые носят головной убор из белых перьев священной птицы.

Сын Леопарда стоял молча, скрытый выступом скалы. Он знаком дал понять Маленькой Газели, что надо молчать и быть незаметной, чтобы кое-что подглядеть, пока старик не увидел их. Юноша впервые стал свидетелем того, как старик рисовал женщину. И он понял, что если иметь белую, красную и синюю землю, то всего можно достичь. Ему снова захотелось овладеть этой тайной, чтобы больше не ходить к Рваному Уху и чтобы удача всегда была рядом с ним и рядом с людьми его племени.

А Рваное Ухо трудился над изображением духа — покровительницы пещер, воды и ветра. Старик давно задумал сделать это изображение, которое должно было предохранять жилище людей его племени от небесных вод, ниспадающих водопадами. Совсем недавно такие водопады забрались в пещеры людей, живущих в низине, затопили пещеры, и тогда погибло много маленьких детей, которых матери не успели вынести темной ночью среди разбушевавшихся вод.

Все было бы хорошо, если бы Маленькая Газель не чихнула. Старик тотчас же вскочил, побежал к выходу и увидел за уступом знакомого ему юношу и Маленькую Газель.

— Зачем ты здесь? Разве тебе не помогла волшебная антилопа?

— Она и тебе помогла, — ответил с достоинством Сын Леопарда. — Я доволен. Только мне этого мало. Я хочу еще большей добычи. Я хочу много жирафов и страусов. Не сможешь ли ты мне? А когда я выслежу стадо, я отдам тебе половину.

Рваное Ухо не бранился, не угрожал. Он только спросил, доволен ли Старый Леопард добычей и много ли скота запрятали в загон. Когда Сын Леопарда рассказал ему о том, как обижен отец и как велика удача молодого вождя, колдун вдруг вскочил, захохотал, запрыгал и сказал, что сделает для Сына Леопарда много прекрасных изображений.

Маленькая Газель была очень догадлива. Когда они покинули пещеру, она сама спросила Сына Леопарда, не хочет ли он взять у нее белой и красной земли, которую бабка притаскивает откуда-то из-за дальних холмов.

— Если у тебя будет такая же, как у колдуна, каменная ступа с горячим жиром животного и красной землей, то, может быть, и ты сумеешь вытащить из этой ступы нужных тебе животных? — спросила Маленькая Газель.

— Мне нужна белая и красная земля, и я попробую это сделать.

ТАЙНА МАЛЕНЬКОЙ ГАЗЕЛИ

Маленькая Газель целыми днями бродила среди скал по крутым тропкам, спускалась в ущелья в поисках драгоценной земли. И она была вознаграждена. Она нашла не только белую землю, но и красную, желтую, синюю. Это было уже целое богатство. Ничего не сказав Сыну Леопарда, она перетаскивала эту землю в больших корзинах на голове. Она делала это поздней ночью, чтобы никто

не увидел и не спросил, для чего ей нужна такая земля. Она захотела, чтобы Сын Леопарда попытался сам сделать изображения тех животных, которых он хотел добыть в походе с лучниками.

Маленькая Газель рассказала Сыну Леопарда о своих находках и показала ему найденные ею сокровища. Юноша еще ни разу не брался за это дело, но тут загорелся, тотчас же отправился к загону, пригнал небольшого муфлона, зарезал его, вытащил горячий жир и стал готовить краску, как это делал Рваное Ухо. Они пришли с Маленькой Газелью к пещере, которая была ими выбрана для этой цели, и Сын Леопарда, впервые окунув в краску пучок перьев, стал водить ими по стене. В ступе у него была отличная красная земля, но, кроме пятен, он ничего не увидел. Что же это такое? Он так усердно старался изобразить голову быка. Юноша призадумался, как же быть. В его пещере стена была более шершавой, чем стена в пещере старого колдуна. Надо было что-нибудь придумать. И он придумал. Он взял острый осколок кремня, взял каменный молот и стал высекать на стене изображение головы быка таким, каким он мысленно его видел. Он работал быстро, в нетерпении, ему хотелось скорее узнать, получится ли задуманное. А Маленькая Газель стояла

позади, следила за движением его рук и шептала заклинания, которые постоянно твердила ее старая бабка, когда хотела помочь внучке в каком-либо деле:

— «Духи пещер, добрые духи, покровители охотников, помощники лучников, помогите Сыну Леопарда, пусть он выполнит задуманное...»

Потом, вспомнив о чем-то, Маленькая Газель отошла в сторону, вытащила из-за пояса сплетенного из трав передника горсть зерен священного растения, бросила на траву у входа в пещеру, высекла огонь и стала выкуривать злых духов из пещеры. Она укоряла себя за то, что совсем позабыла об этом. Ведь она взяла с собой эти зерна, так дурно пахнущие на огне, для того чтобы выкурить злых духов, но так увлеклась занятием Сына Леопарда, что забыла это сделать.

Юноша, хотя и был занят своим делом, заметил, чем занимается Маленькая Газель. Дурной запах сожженных зерен дошел до него и дал ему понять, как заботлива и внимательна к нему внучка старой колдуньи. Он давно заметил, что Маленькая Газель знает множество разных тайн, которые поведала ей старая бабка. Горькая Трава научила ее находить красную землю. От бабки она узнала, как выкуривать злых духов. Но если он сам умел колдовать с зернами священного растения, то, где добыть цветную землю, он не знал. находка Маленькой Газели обрадовала его не меньше, чем та добыча, которая сделала его вождем племени. Он подумал о том, что Рваное Ухо не имеет синей и зеленой земли. А он, Сын Леопарда, имеет. Теперь все зависит от его рук да еще от того, захотят ли добрые духи, чтобы он расписал стены волшебными перьями, смазанными красной и желтой землей.

Быстро работая резцом, Сын Леопарда размышлял над удивительным чудом, которое свершилось с ним при встрече с Рваным Ухом.

«Он открыл мне глаза на то, что было рядом со мной и было мне неизвестно. Я не знал, что стены пещер таят сокровища. Их можно взять, на них можно посмотреть, стоит только постараться. Вот сейчас я вытащу из глубины неизвестную голову быка. Я возьму пучок перьев, опущу в красное месиво, приготовленное в каменной ступе, проведу красной землей по следу, оставленному резцом, и на меня глянет настоящий бык, могучий и красивый. Он скажет мне о том, что в стене я найду целое стадо таких быков и накормлю людей племени Леопарда».

— Маленькая Газель, — воскликнул радостно Сын Леопарда, — ты думала, что антилопы и жирафы живут только в каменной ступе старого колдуна, а они оказались и здесь, в стене этой пещеры. Посмотри!

Он провел по следу, пробитому острым кремнем, пучком перьев, смазанных красной землей, и девушка ахнула. Она увидела голову быка с могучими рогами, с раздутыми ноздрями и глазами, устрем-

ленными куда-то вдаль. Маленькая Газель не стерпела и воскликнула:

— Ты не оставишь быка безногим! Ты сделаешь его с хвостом и копытами, чтобы добрые духи увидели, каких ты хочешь пригнать быков к нашим жилищам. Я еще поколдую, пожгу немного священных семян, а ты продолжай. В твоей каменной ступе сидит хороший бык. Поверь мне, старый колдун мог бы подумать, что это сделано его руками.

В этот день Сын Леопарда не успел закончить свою работу. Когда сумерки спустились на землю, он спрятал каменную ступу за скалой. Там же, в тростниковой корзине, он оставил драгоценную цветную землю. Больше всего он боялся детишек, которые всюду бродили и всё хватали. На душе у него было радостно, словно тайна согревала ему сердце. Но еще радостнее было от того, что есть с кем поговорить об этой тайне. Он понимал, что ему трудно было бы одному хранить в своей душе и в своей памяти все происшедшее. Правда, если бы уйти далеко в степь, можно было бы поговорить с добрыми духами, но ведь они не отвечают. А если поговорить с Маленькой Газелью, тогда услышишь ответ и получишь добрый совет.

Никогда еще мясо муфлона не казалось таким вкусным и ароматным. Насытившись, Сын Леопарда обратился к внучке старой колдуньи:

— Помоги мне, Маленькая Газель. Пойди к моему отцу, приведи его в эту пещеру, покажи ему быка на стене и скажи, что колдун поможет ему вернуть силу и ловкость молодости. Ты сделаешь это, когда бык будет иметь ноги и хвост. Приведешь его на рассвете. Добрые духи велят мне помочь отцу. Я верну ему силу и зоркость. Я не хочу видеть печаль на его лице. И зачем мне нужно его копье? Я был глуп, когда обрадовался несчастью отца. Дочь Антилопы виновата. Она знает колдовство, она умеет внушить свою волю каждому, кто стоит рядом с ней. Она первая закричала: «Будь главой племени!» Дочь Антилопы злая...

* * *

Когда Старый Леопард пришел на рассвете в пещеру, первые лучи солнца вырвали из темноты могучего красного быка, который, казалось, сойдет сейчас со стены и убежит в степь. Старик долго рассматривал изображение быка, а потом сказал:

— Колдун, сделавший это, должен вернуть мне силу молодости. Я готов терпеть боль, голод и даже злых духов не испугаюсь.

Тогда вошел в пещеру Сын Леопарда. Он сказал, что добрые духи наградили его великим умением и он отдает его отцу. Он уложил старика на мягкой траве, взял острый камень и стал делать надрезы на груди. Брызнула кровь, и юноша зашептал заклинания.

Старик ничего не видел. Голова его была закрыта листьями зеленой травы. Он терпел ужасную боль, но не жаловался, не кричал, а только скрежетал зубами. Это длилось долго и, казалось, никогда не кончится. Не так-то легко было сделать изображение антилопы на груди острием маленького кремня. Но к тому времени, когда сумерки сгустились, работа была закончена, и Сын Леопарда взял горсть пепла, чтобы втереть его в порезы, нанесенные на тело. Он делал все точно так же, как делали это искусные руки Рваного Уха. Он очень верил в удачу. Когда все было закончено и старик заметался, охваченный внутренним огнем, Сын Леопарда сказал:

— Отец! Все, что я узнал у колдуна Рваное Ухо, я отдал тебе. На груди твоей уже живет волшебная антилопа. Ее не сразу увидишь. Надо уметь смотреть. Она вернет тебе силу молодости. Ты не страшишься боли, не бойся огня. Он придет изнутри и охватит твое тело. Так было со мной. Потерпи, и ты станешь сильным. Я не хотел посылать тебя туда, к красным скалам. Это далеко для человека, имеющего много дней позади. Ты долго жил, отец. Может быть, столько же, сколько этот камень. Я боялся, чтобы ты не упал от усталости. Я верну тебе копье, отец. Ты снова будешь дарить нам свою мудрость...

— Я доволен! Я терплю огонь. Он сжигает меня. Ты слышишь, как стучат мои зубы? Они прыгают. Я не могу их остановить. Я слышу рев многочисленных быков. Я буду терпеть, иди.

— Мы не уйдем, — сказала Маленькая Газель. — Мы сделаем настойку из целебных трав. Мы будем поить тебя, Старый Леопард. Мы погасим пламя в твоей груди.

Девушка приготовила целебную настойку из ароматных трав и подала ее старику в скорлупе страусового яйца. Но он не смог поднять головы. Старого Леопарда бил сильнейший озноб. Он не мог говорить, так дрожала челюсть. Тогда сын приподнял голову отца и помог напоить его горячим настоем. Однако старику не становилось лучше. При свете факела было видно, как закатились глаза; дыхание стало тяжелым, хриплым, как у раненого муфлона. Сын Леопарда не знал, чем помочь отцу. Он побежал в селение, притащил ягненка, зарезал его и напоил старика кровью животного.

Они молча сидели у изголовья Старого Леопарда, и каждый повторял заклинания, которые должны были изгнать из пещеры злых духов и вернуть старику силу и бодрость. Они сидели так всю ночь. А на рассвете, когда солнечный луч коснулся вначале головы быка, а потом Старого Леопарда, они увидели, что старик мертв.

Страх и отчаяние охватили Сына Леопарда. Он не поверил несчастью. Он ощупывал руки и ноги, приподнимал голову старика, ужасался тому, что тело отца похолодело. Он озирался, ему казалось, что сейчас он увидит злых духов, которые загубили старика. Почему же они пришли сюда? За что они отобрали жизнь у старика? Он был

мудрым. Может быть, они хотели причинить боль сыну? Но Сын Леопарда никому не причинил зла. Он сделал добро, пригнав такое превосходное стадо в загон. Он дал старикам и детям много мяса. Он узнал тайну магического изображения животных. Теперь охотники племени Леопарда будут всегда с добычей. За что же он наказан? Почему? Старик любил сына, но еще больше он любил свое занятие — охоту. Он пошел на мучения для того, чтобы вернуть себе силы, а лишился последнего — жизни.

Сын Леопарда и Маленькая Газель, не скрывая своей скорби и слез, пришли в селение, чтобы рассказать о случившемся.

— Он дарил нам мудрость! Он дарил нам свое умение! — кричали люди племени, с воплями и завываниями провожая старейшину в последний путь.

Они похоронили его с почестями, как полагалось, положив рядом с умершим шкуру быка, голову леопарда и все то оружие, которым владел старик.

А когда окончилась печальная церемония, Сын Леопарда вернулся в пещеру. Он хотел вытащить из каменной ступы много быков, антилоп и буйволов. Ему надо было расписать громадную стену пещеры, чтобы показать добрым духам, какое стадо он желает иметь.

Молодой вождь племени не переставал думать о том, как лучше повторить свой поход к дальним водопоям, чтобы пригнать еще много быков и буйволов. Пока люди степи еще не знали об этой пещере, надо было закрывать проход большими камнями. Ведь случайно могут зайти и увидеть то, чего не следовало видеть.

Чтобы не тратить много времени, Сын Леопарда стал делать маленькие изображения животных. Он писал их все лучше и лучше. И, когда получалось, любовался ими. Его очень обрадовала маленькая группа жирафов, где мать облизывала своих детенышей. Они стояли на зеленой траве, над ними висел осколок синего неба, и были они похожи на оранжевые цветы. Они казались юноше точно такими, какими он видел их в зеленой степи, когда эти красивые животные мчались к водопою или тихо пощипывали траву.

Сын Леопарда трудился много дней. Маленькая Газель постоянно помогала ему, приносила драгоценную землю, нашептывала заклинания. Она каждый день устраивала костер у входа в пещеру и сжигала семена священного растения. Она научилась очень хорошо размешивать цветную землю с горячим жиром и каждый раз готовила месиво в ступе. Никогда еще она ничему так не радовалась. Ее поразило, что юноша, выросший рядом с ней в этой зеленой степи, обладает такой удивительной магической силой. Ее радовало, что она посвящена в эту тайну. И что Горькая Трава, ее бабушка, которая все знала и все умела, не знала этого. А к старой колдунье обращались все женщины племени: когда болели их дети, когда дохли телята на пастбище, когда старики вдруг лишались зрения и когда

молодые не могли постичь того, что им надо было постичь, чтобы перехитрить зверя. К бабке обращались даже в том случае, когда вдруг ночью лев задира́л быка или уносил на спине антилопу. Горькая Трава была мудрой, а вот того, что делается в этой пещере, она не знала. И Маленькая Газель, думая об этом, радовалась и веселилась как никогда прежде.

— Ты все можешь, Сын Леопарда, — сказала она, когда увидела прекрасные изображения тех животных, которых хотел добыть молодой лучник. — Однако я не вижу здесь страуса, а мне бы очень хотелось, чтобы у нас появились страусы и чтобы можно было сделать ожерелье из скорлупы страусовых яиц. Когда мы были там, у Рваного Уха, мимо пещеры бежала женщина, она гнала козу. Наверно, хотела подоить ее. Ты видел эту женщину? У нее был сосуд в руках.

— Не помню, не видел!

— Я хочу сказать не о женщине, и коза нам не нужна. Я увидела на ней ожерелье из скорлупы страусовых яиц. Такого ожерелья еще никогда не делали в нашей степи. Да и скорлупы нет. Давно не находили яиц. Вот если бы найти страуса да собрать много-много яиц!.. Вот тогда...

Сын Леопарда не дал договорить, он перебил Маленькую Газель и, усмехнувшись, ответил:

— Девушки всегда легкомысленны. И ты, внучка Горькой Травы, такая же легкомысленная, как и твои подруги. Вам нужно ожерелье, а никто из вас не подумал, что для похода к дальним скалам нужно много яиц, чтобы сохранить в скорлупе воду. У племени Рваного Уха охотники берут с собой в дальнюю дорогу очищенную от яйца скорлупу с маленьким отверстием. У последнего водоема, который встречается им на пути, они наполняют скорлупу свежей водой, затыкают отверстие пучком травы и уносят с собой до заметного места, где лежит большой камень или высятся холмы. Там они закапывают эти хранилища воды. И когда на обратном пути жажда начинает мучить людей, у них есть спасение. Мы могли бы закопать воду у трех дальних холмов, тогда бы не мучились жаждой на обратном пути.

— Пусть будет так, — сказала смущенно Маленькая Газель. — Добрые духи подсказали тебе разумное.

— Они еще стали показывать мне сны, — признался юноша. — Я каждую ночь вижу во сне эту стену. Я вижу даже тех животных, которых еще не успел изобразить, а только собираюсь это сделать. А вчера я видел во сне носорога и целое стадо буйволов. Но все они пронеслись мимо меня так быстро, что я с трудом их разглядел. А когда побежал за ними, чтобы как следует рассмотреть их, я вдруг проснулся и увидел себя в своей хижине.

— Ты знаешь, что сказала мне бабка? Она сказала, что есть места, где растет много прекрасных деревьев. У нас есть только три

дерева. Мы считаем их священными и у подножия их совершаем таинства. Но есть места, где много-много таких деревьев. И не только таких, а еще более толстых и ветвистых. Никто не знает их названия, а плоды едят. Откуда узнала об этом Горькая Трава? Какие мудрые люди сказали ей об этом? Только я верю в это. Я хочу, чтобы ты это увидел.

— И ты это увидишь, Маленькая Газель. Все мы пойдем искать зеленые рощи. Все девушки, владеющие луком, должны приготовить побольше стрел. Нам помогут эти изображения! — Он показал на пеструю, красиво расписанную стену пещеры, освещенную сейчас яркими лучами солнца. — И еще нам поможет волшебная антилопа. — Молодой вождь племени коснулся рукой странного украшения, сделанного на его груди руками Рваного Уха.

К ДАЛЬНИМ СКАЛАМ

Сын Леопарда уговорил своих сверстников пойти к дальним скалам, где зеленели рощи, текли быстрые реки. Никто точно не знал, где это находится и сколько дней понадобится для этого перехода. И все же молодые пошли, влекомые азартом юноши-вождя.

Люди всей степи провожали отважных. Они знали, что в смелом походе лучники добудут много мяса.

Дочь Антилопы долго твердила об этом. Как было не поверить?

И вот пошли юноши и девушки, вооруженные луками и копьями. Шли гурьбой, весело переговариваясь. Одни погоняли стадо муфлонов, другие вели быков, стараясь их обуздать крепкими ремнями и плетью.

Девушки тащили на головах поклажу. В корзинах, сплетенных из трав, хранилось лакомство — сушеная саранча. Совсем недавно темная туча саранчи опустилась на степь, и вскоре исчезла вся зелень трав. Зато люди собрали великое множество прожорливых козляков и долго лакомились ими. Лучники направились в сторону восхода. Далеко впереди рисовались в синем небе очертания гор. Туда еще никогда не ходили люди племени Леопарда.

Они шли много дней, останавливаясь лишь тогда, когда надо было поесть или напоить животных. Ни знойное солнце, ни горячий ветер, ни чрезмерная прохлада ночи не мешали им продвигаться быстро и уверенно. Костры раскладывали под вечер и подвешивали над огнем туши муфлонов.

Перед сном рассказывали друг другу страшные истории о таких

же походах далеких предков, которые когда-то жили у большой воды, а потом почему-то ушли в зеленую степь. А почему? Никто не знал.

Переход был трудным, но никто не жаловался. Все были веселы и довольны тем, что впереди их ждет неведомое.

В пути они не раз встречали пастухов, которые обращались к ним на непонятном языке. Иной раз они проходили ущельями и видели, как среди скал люди устроили жилища. Здесь были видны высокие, просторные пещеры. В сумерках пещеры светились оранжевым пламенем костров. Оттуда слышались крик, смех, плач детей, блеяние ягнят. Иной раз к людям из племени Леопарда подходили любопытные и знаками пытались объяснить, узнать, откуда незнакомцы.

* * *

Как-то на закате они подошли к ближним горам. Красные скалы были словно охвачены пламенем. Они побежали к этим скалам, чтобы ближе посмотреть их, пощупать. Никто из них никогда не видел ничего подобного. Но, когда они приблизились, солнце уже ушло, и скалы оказались такими же, какие были на их земле. И вдруг все закричали, замахали руками и кинулись к водопаду, который с шумом низвергался в пропасть и рассыпался жемчужными брызгами. Маленькой Газели показалось, что она видит удивительный сон. Внизу была целая роща высоких кипарисов, а несколько поодаль от них розовели небольшие озера, словно чаши, наполненные чистой, прозрачной водой.

— Посмотрите! — закричала молоденькая девушка. — Посмотрите, какие желтые цветы на высоких красивых кустах! Пойдем к ним!

Они не знали, куда им броситься раньше. Одни побежали к водопаду, другие спустились к зеленой роще, третьи побежали срывать цветы мимозы. А Маленькая Газель спустилась по скале к серебристому озеру и, когда увидела свое отражение в нем, опустилась на колени и стала шептать слова благодарности духам воды. Она никогда еще не видела такого круглого, красивого озера, не видела желтых цветов мимозы и целого леса зеленых деревьев. Но что это? Из-за кустов мимозы показалась чья-то оранжевая голова. Сын Леопарда прыгнул туда и спугнул жирафа.

— Мы еще не повстречали стада быков и буйволов, — сказал он, — но мне кажется, что мы достигли большего. Как вы думаете, люди степи? Я уходил за много дней от наших хижин и пещер. Были скалы и ущелья, но я никогда не видел такого удивительного водопада, таких озер. Посмотрите на эти деревья, как прохладно в их тени! А кто из вас может сказать, что был у жилища, где обитают духи воды? Никто!

Он умолк и стал прислушиваться к шуму водопада. Ему показало-

лось, что вода говорит о чем-то очень важном и нужном. И стало печально от мысли, что невозможно понять этот говор. Думал так не только Сын Леопарда. Об этом думали все, кто пришел сюда из далекой степи.

— Каждый, кто хочет увидеть свое отражение, может сделать это! — воскликнула Маленькая Газель. — Ступайте туда, к этой чаше, наполненной прозрачной водой. Дух воды здесь щедро швыряет прохладные струи. Посмотрите, какое это удивительное озеро. Как хотелось бы жить в таком месте! Если пригнать сюда самое большое стадо быков, ему хватит воды на всю жизнь!

— Но если здесь живет жирафа с детенышами, — сказал один молодой лучник, — то, может быть, и страусы гуляют где-нибудь поблизости? Надо поискать, может быть, мы найдем много страусовых яиц. Вот будет лакомство!

Когда ночь спустилась над зеленой рощей и звезды отразились в маленьком озере, люди степи разложили костры и стали готовить себе пищу. За скалами не было такого холода, какой свирепствовал в открытой степи темной ночью. И это отметили девушки. Здесь все казалось им прекрасным. Каждый из участников похода не столько думал о добыче, сколько об этой благословенной земле.

Сын Леопарда сказал Маленькой Газели:

— А что, если мы покинем нашу степь и все уйдем сюда, к этим красным скалам, к жилищу духов воды? Здесь хорошо, здесь красиво. Здесь можно устроить хорошую облаву. Должно быть, много разного зверья приходит сюда на водопой. А еще я подумал, что вблизи воды можно разрыхлять землю камнем и посадить зерна дикого проса. Тогда вырастет много зерен. Так делают люди племени Рваного Уха. Если бы мы покинули свою степь и пришли сюда, то я бы сказал всем старым и молодым женщинам, чтобы они разрыхлили землю вблизи жилища духов воды и посадили кое-что полезное. Не только просо. Есть еще и другие растения. Для того чтобы получить горсть проса, ты собирала маленькие колоски, отягощенные зерном.

— Старики не поверят, — ответила Маленькая Газель. — Старики не пойдут. Твой отец никогда бы не пошел. И другие не пойдут. Старики упрямы. Этому не бывать!

— А если все молодые, кто пошел с нами, кто пожелает сюда вернуться, скажут своим старикам? От них многое зависит.

Когда они поняли, что пришли к жилищу духа воды, они обрадовались, они увидели, что дух добрый, щедрый.

— Может быть, нам просто пригнать сюда свои стада? Нам только нужно посмотреть, хороши ли будут жилища среди этих скал. Узнать, много ли пещер, где могут жить матери с маленькими детьми. Обо всем нужно подумать. Но разве можно оставить здесь эту рощу и вернуться в степь, где горячий ветер сжигает травы и высушивает водоемы?

— Но мы еще мало всего увидели. Может быть, здесь бродят львы и пантеры? Может быть, ядовитые змеи не дадут нам пройти в пещеры? Ведь мы не знаем, кто живет на этой земле — добрые или злые духи?

Утром, едва солнце показалось из-за гор, все уже рассыпались среди красных скал и зеленых рощ. Притаившись, пробирались среди цветущих кустов мимозы и вдруг остановились в изумлении. Перед ними было такое дерево, какого никто из них никогда не видел. Казалось, что люди всего племени могли укрыться под его зеленым шатром. Молодые лучники, взявшись за руки, стали вокруг дерева, и оказалось, что обнять его смогли пятнадцать человек.

— Вот дерево, о котором говорила моя старая бабка! — закричала Маленькая Газель. — Посмотри, Сын Леопарда, видел ли ты когда-нибудь подобное дерево? Но как нам рассказать об этом?

— Нам легко рассказать: стоит только раскрыть нашу тайну, показать стены нашей пещеры и сделать изображение этого удивительного дерева рядом со стадом быков. Мне не хотелось бы раскрывать тайну, но без этого никто не поверит нам и никто не согласится совершить этот путь в двадцать дней и двадцать ночей, чтобы посмотреть на то, что мы увидели. Мы не пойдем на большую охоту. Мы не станем искать страусов и жирафов. На охоту мы пойдем потом. Сейчас мы вернемся в свою степь и расскажем об увиденном. На обратном пути нам нужно оставлять знаки. Мы возьмем с собой красных камней, чтобы задобрить духов гор и отметить свой путь. Если каждый день перехода будет отмечен хоть одним камнем, и то нам будет легче вернуться сюда.

Люди степи возвращались с большим грузом красных камней. Часть камней они должны были оставить на перевалах у входа в ущелье, а часть этих красных камней, каких никто никогда не видел в степи, нужно было принести в свои хижины, чтобы все увидели, что рядом с обыкновенными скалами бывают такие красные скалы. Девушки наломали ветвей мимозы, собрали у озера большие красные цветы. И хоть знали, что все это увянет в пути, они хотели принести эти доказательства увиденного чуда.

Они шли двадцать дней и двадцать ночей. Они по-прежнему кормились мясом муфлонов и останавливались у воды. Но теперь на каждой остановке были оставлены красные камни, которые должны были помочь им вернуться к жилищу духа воды.

Они вернулись в степь очень уставшие, без всякой добычи, не зная, как встретят их там и что скажет Дочь Антилопы, которой беспрекословно подчинялись все женщины. Но Сын Леопарда был уверен в справедливости задуманного. Ночью у костра он рассказал об увиденном. Когда речь зашла об удивительном дереве, под зеленым шатром которого могли бы спрятаться от солнца все люди племени, Дочь Антилопы вскочила, простерла руки к небесам и закричала:

— Такого не бывает! Это сон ленивого лучника! У вас нет добычи, и вместо мяса, вместо стада вы принесли нам эту выдумку. Уж не думаете ли вы, что мы поверим вам и бросим степь?

— Мы не уйдем отсюда! — закричали старики. — У нас здесь стада. Зачем нам сажать зерна проса? Разве мы не можем обменять мясо антилопы на горсть семян проса? Кто это придумал? Кто заставит нас поверить во все это?

— Сон мог присниться одному из нас! — воскликнула Маленькая Газель. — Но как мог присниться один сон всему отряду лучников? А если вы хотите увидеть дерево, которого никто из вас никогда не видел, Сын Леопарда поможет вам в этом. Пройдет два дня, и вы увидите это дерево.

— Они безумны! Они лишились разума! — закричал старый охотник. — Они говорят неразумные слова. Они берутся показать нам дерево, которое растет у дальних гор, за двадцать дней ходьбы. Как это можно сделать? И кто это сделает? Я прожил долгую жизнь, я многое видел и многое узнал от мудрых людей, но такого еще ни разу не слышали мои старые уши. Боюсь, что злые духи повредили разум наших молодых лучников. А без разума не может быть ни охоты, ни добычи. Не знаю, можно ли даже пасти стада, не имея разума.

Долго спорили. Вспоминали Старого Леопарда, при котором никогда бы не случилось подобного. Иные даже вступили в драку. Снова вцепились друг в друга Дочь Антилопы и старая колдунья, единственная из женщин, которая поверила Маленькой Газели. Ведь она давно-давно, когда была такой же тоненькой и красивой, как Маленькая Газель, когда еще не знала заклинаний и не умела разговаривать с духами гор, воды и ветра, тогда она слышала об этом дереве от мудрого человека, который пришел издалека. Всю жизнь Горькая Трава колдовала и просила добрых духов помочь людям найти это удивительное место на земле. И сейчас она поверила, что добрые духи слышали ее и захотели ей помочь.

Дочь Антилопы, которая еще совсем недавно так гордилась своим удачливым и смелым племянником, не поверила Сыну Леопарда. А кроме того, она не хотела покидать степи, где прожила жизнь и где похоронила своих предков. Она была уже старая и не очень сильная. Ее пугал дальний путь. Она боялась, что не удастся угнать многочисленное стадо быков, которое было сейчас в загоне и сулило им беспечную жизнь не меньше чем на три новолуния.

Молодой вождь, не теряя времени, тотчас же принялся за дело. У него была зеленая земля. Он стал высекать на шершавой стене пещеры изображение чудесного дерева, чтобы показать его всем людям племени и убедить их в том, в чем ему очень хотелось их убедить. Вот уже больше двадцати дней и двадцати ночей, пока они возвращались в степь, он непрестанно думал о великом переходе людей степи к жилищу духов воды. Теперь он заставит их поверить.

Он усердно трудился. Он сделал очень хорошую траву, смешав зеленую землю с горячим жиром муфлона. Он нарисовал золотистый ствол необъятной толщины и зеленый шатер ветвей, точно такой, какой ему запомнился. Маленькая Газель едва успевала растирать месиво в каменной ступе. Ей пришлось ходить к скалам, где была желтая земля, — иначе как покажешь золотистый ствол?

Но все было готово. И вот настал день, когда Сын Леопарда позвал людей, чтобы они увидели то самое дерево. Люди пошли. И впереди всех не дети, не молодые лучники, не пастухи с собаками, которые покинули пастбища и пришли к хижинам по такому удивительному случаю, — впереди всех, задыхаясь и спотыкаясь, бежали старики, за ними ковыляла безобразная женщина со сломанным носом, Дочь Антилопы, которая перестала верить своему любимому племяннику и обвиняла его во лжи и вымысле.

Солнце освещало стены пещеры. Сын Леопарда сделал рисунки у самого входа. И вот люди подошли ко входу... И вопли, такие же вопли, какими встречали богатую добычу, разнеслись по степи. Люди не верили своим глазам. Никто из них ничего подобного никогда не видел. Здесь было и многочисленное стадо быков, и семейство жирафов, и бегущие буйволы.

— Кто это сделал? — спросила Дочь Антилопы, вглядываясь в удивительное стадо, рассыпавшееся по шершавой стене пещеры. — Кто это сделал? — снова спросила она. — Скажи, Сын Леопарда! Что ты задумал?

— Я хорошее задумал. Я хочу показать вам, какими стадами мы будем владеть, когда отправимся туда, к дальним скалам, за двадцать дней ходьбы, где живут духи воды. Вы бы послушали, как они поют и говорят нам о том, что жить среди красных скал весело и привольно!

Дочь Антилопы в ярости смотрела на племянника, которого она всегда любила и опекала. Ей было обидно, что отважный и бесстрашный лучник, который мог легко пригнать многочисленное стадо быков, антилоп и муфлонов, что он вдруг задумал такое скверное дело. Старая безобразная женщина кричала, размахивала руками, угрожала и призывала женщин своего племени послушаться ее, не идти за молодым вождем племени. А Горькая Трава, почти слепая и слабая здоровьем, но сильная духом и своей мудростью, закричала:

— Женщины, не верьте ей! Не одна только Маленькая Газель, не только молодой вождь племени — весь отряд лучников, все видели это дерево, все видели обиталище духов воды и зеленую долину. Мы пойдем туда и найдем там свое счастье. Не верьте ей! Она хитра и злобна, Дочь Антилопы. И еще я вам скажу, женщины: она никогда не отличалась разумом.

И тут случилось что-то невообразимое. Дочь Антилопы набросилась на Горькую Траву и стала ее душить, а Маленькая Газель вце-

пилаась в руку безобразной женщины, которая в ярости готова была убить колдунью. И все увидели, что старый охотник, самый старый среди людей племени, схватился за живот и стал хохотать.

Спорили долго. Не скоро прекратилась драка. И только когда Сын Леопарда оттащил в сторону изнемогающую тетку, а Маленькая Газель увела свою бабуку, только после этого стало тихо и молодой вождь снова обратился к людям, уговаривая их покинуть степь.

Сын Леопарда понимал, что его замыслу мешает прежняя удача. Если бы сейчас не было в избытке мяса, если бы в загоне не ревели животные, пригнанные сюда издалека, и если бы люди его племени не рассчитывали на беспечную жизнь в степи, тогда бы они последовали за ним.

Маленькая Газель была очень грустна. Ей хотелось вернуться в зеленую рощу. Она все чаще вспоминала прохладные брызги водопада и желтые цветы мимозы, иссохшие ветки которой она хранила. Она долго думала над тем, как уговорить людей уйти к красным скалам. И вдруг ей пришла в голову одна мысль. Ведь совсем не трудно было избавиться от стада, которое топтало землю по ночам, желая покинуть загон. Разве трудно остаться на ночь у загона, сломать ограду и выпустить животных — пусть убегут в степь! А когда исчезнет это стадо, когда не станет мяса и нечего будет есть, тогда Дочь Антилопы сама попросится в кипарисовую рощу, а за ней последуют все женщины племени.

Маленькая Газель рассказала об этом Сыну Леопарда. Он даже удивился тому, как просто и легко осуществить замысел, который не давал ему покоя, с тех пор как они вернулись в свою степь. В самом деле, его прежняя удача помешала теперь людям степи оторваться от привычного места. Ведь, кроме небольшого отряда лучников, никто не знал, что их ждет. А переход предстоял долгий и утомительный. Нелегко было подняться со всеми детьми и больными стариками. А если бы все пожелали сейчас же, немедленно отправиться в зеленую рощу, то все равно им не удалось бы угнать стадо, которое досталось с таким трудом. Дикие быки разбежались бы да еще покалечили бы немало людей.

Молодого вождя племени не страшило будущее. Ему казалось, что добыча сама поджидает его. Ведь ему помогала волшебная антилопа. И он решил темной ночью выпустить стадо из загона и освободиться от препятствия, которое стало на его пути. Если бы Старый Леопард был жив, он бы не простил ему этого. Если бы узнала об этом Дочь Антилопы, она сорвала бы с его головы белые перья священной птицы, закричала бы на всю степь и призвала женщин забросать его камнями. Он знал, что Дочь Антилопы с детских лет любила его и покровительствовала ему, но он знал также, что Дочь Антилопы может быть страшной в своей ярости.

Сын Леопарда должен был выполнить задуманное. Об этом зна-

ла только Маленькая Газель. Надо было теперь придумать, как сделать, чтобы пастухи, охраняющие стадо, не выдали его.

Маленькая Газель, как только узнала, в чем трудность, тотчас же придумала, как это сделать. Она выпросила у бабки травы для сонного питья и приготовила напиток, разбавив его сладким соком диких ягод. Она принесла это питье пастухам, они выпили его, и вскоре их храп слился с ревом быков. Тогда Сын Леопарда сломал перегородку, воздвигнутую с таким трудом, и стадо устремилось в степь.

Услышав топот и рев, люди проснулись, выскочили из хижин и пещер, не понимая, что случилось. Дочь Антилопы решила, что молодые лучники пригнали еще одно стадо, и стала было восхвалять своего племянника. Но в это время прибежали женщины и рассказали, что сломана ограда и что стадо убежало. Тут Дочь Антилопы завопила, сожалея о том, что не зарезала вчера муфлона и сегодня уже нечего будет жарить на костре. Стадо неслось к дальним холмам, а Сын Леопарда с луком и стрелами в руках мчался вслед за ним, стараясь обогнать его и делая вид, будто хочет вернуть его обратно. Ему помогали молодые лучники, но все было напрасно. Настало утро, а люди всё спорили, не расходились.

— Женщины, случилось несчастье! — кричала Дочь Антилопы. — Добрые духи отвернулись от нас! Сын Леопарда не смог остановить стадо. Теперь мы долго не будем иметь мяса. Наши дети останутся без молока.

— Мы не пропадем, — ответила Горькая Трава. — Мы пойдем к обиталищу духа воды, там мы получим все!

Женщины, огорченные и растерянные, стали прислушиваться к ее словам, некоторые требовали немедленно двинуться в путь.

Тут вышел самый старый в племени охотник и сказал:

— Старейшина племени вырастил своего сына, он сделал его важным лучником и дал ему силу побороть льва и пантеру, но если бы он посчитал его замысел дурным, то он своими руками пустил бы в него стрелу.

— И ты считаешь это дело дурным?

— Сын Леопарда задумал дурное!

Молодые лучники стали бранить старика, стали требовать, чтобы он немедленно призвал всех почтенных людей племени следовать за молодыми. В это время вернулся Сын Леопарда. Запыленный, уставший, задыхающийся от бега, он ворвался в толпу и закричал:

— Люди степи, нам нечего терять, а впереди много хорошего. Мы будем идти только двадцать дней. Я своими глазами видел дерево, под которым может найти тень все наше племя. Добрые духи помогли мне. Они научили меня вытаскивать из каменной ступы все, что мне захочется, все, что я вижу. Там есть много озер. На стенах этих пещер я изображу всех животных, каких мы пожелаем иметь. Мы их подчиним себе! Там будет большая охота. Ведь каждому жи-

вотному — даже льву, даже слону — хочется пить. Я сам видел, как они шли на водопой. Пойдемте, люди степи!

Долго еще люди степи спорили, ссорились и кричали. Плакали дети, блеяли ягнята, пригнанные пастухами с пастбища, лаяли собаки. Но вот снова поднялась на высокий холм Дочь Антилопы. Снова заслонила своей черной рукой глаза от солнца. И, глядя на людей, стоявших у холма, сказала:

— Пойдемте, люди! Нам нечего терять! Теперь я поняла, что Сын Леопарда знает великую тайну. На груди у него волшебная антилопа, она уже раз принесла нам счастье. Пойдемте, она еще раз принесет нам счастье.

Услышав смех и шутки среди женщин, Дочь Антилопы закричала:

— Как вы смеете не верить мне? Вы глупы, ваша глупость загубит ваше потомство. Оставайтесь, а я пойду за молодыми лучниками.

И, гордо подняв свою уродливую старую голову со сломанным носом, Дочь Антилопы подошла к своему племяннику и сказала:

— Веди нас!

Собирались недолго. Нужно было только добежать до дальних пастбищ и сказать пастухам, которые охраняли небольшие стада коров, дающих пропитание детям, что задуман великий переход.

Больше всех суетились старухи. Нужно было позаботиться о целебных травах на случай мора в пути. Нужно было забрать с собой сушеные плоды и ягоды, остатки вяленого мяса и рыбы. Матери хватали своих малышей, игравших в тени легких хижин.

Сын Леопарда торжествовал. Вместе с ним радовалась и ликовала Маленькая Газель. Ее желание исполнится. Если бы она не придумала, как избавиться от стада, добытого благодаря волшебной антилопе, вряд ли люди степи согласились бы покинуть эту землю.

По знойной степи потекла шумная, черная, в облаках пыли, лавина. Племя Старого Леопарда покидало степь. Теперь, когда уже тронулись с места, не очень веря молодому вождю племени, многие сожалели о том, что не Старый Леопард ведет их. Иные горевали о покинутой степи.

Но вот остановились у первого водоема и увидели сложенные у воды красные камни. И надежда вернулась к ним. Ведь Сын Леопарда говорил, что путь их будет уложен красными камнями и что эти камни отгонят злых духов и покажут дорогу в кипарисовую рощу.

Они шли долго, значительно дольше, чем шел отряд молодых лучников во главе с Сыном Леопарда. Много было бед в пути. Болели старики. Трудно было таскать на спинах детей. Казалось, что злые духи сопровождают им и постепенно уводят с собой стариков и детей. Матери оставляли умерших детей на съедение хищным птицам и, проклиная замысел молодого вождя племени, продолжали свой путь.

Дочь Антилопы старалась утешить несчастных матерей, обещала

им покровительство на новом месте среди красных скал. Сейчас, когда уже были покинуты насиженные места, она считала своим долгом поддерживать своего племянника и помочь ему привести племя туда, где их ждет счастье. Старая безобразная женщина никому не призналась в том, что заставило ее поверить молодому вождю племени. Она, которая хотела сорвать с него головной убор из белых перьев священной птицы, теперь преклонялась перед ним. Дочь Антилопы увидела прекрасных животных на стенах пещеры. Она поверила, что эти изображения помогут охотникам стать еще более удачливыми и отважными. И еще она хранила одну тайну: на новом месте она задумала сделать посевы священных трав. Когда она ходила на поиски съедобных растений, в степи она заметила, что растений этих с каждым годом становилось все меньше и меньше, пески заносили их, а маленькие речки, которые питали зеленые участки, постепенно высыхали. Она видела, что прежде щедрая земля становилась злой. Когда мудрая старая женщина узнала о том, что есть обиталище духов воды, она поняла, что земля вокруг шумных, веселых водопадов будет щедрой и доброй, а это было очень нужно людям, которые росли в ее племени.

Они долго шли по знойной степи, изредка охотясь на животных. Иногда они останавливались у воды, запасались ею, ловили рыбу. Когда были сыты, тогда веселились. Когда бывало голодно, тогда бранили молодого вождя племени. Но настал день, когда люди племени Старого Леопарда бросились на землю и завопили от радости. Они увидели красные скалы, шумный брызжащий водопад и цветущую долину вокруг него. Здесь начиналась новая жизнь.

О чем рассказали фрески Тассили

Послесловие

Знаете ли вы, что величайшая на нашей планете пустыня Сахара не всегда была мертвой землей?

Было время, когда вместо знойных песков расстиралась здесь бескрайняя зеленая долина, текли реки, зеленели рощи пальм и кипарисов, а среди ныне мертвых и пустынных скал жили люди, которые занимались охотой, рыбной ловлей, скотоводством.

Следы этой очень далекой жизни сохранились в труднодоступном горном районе Центральной Сахары — Тассили — Аджер. Французская археологическая экспедиция Анри Лота открыла здесь наскальные росписи, сделанные древними обитателями Сахары много тысяч лет назад.

«То, что мы нашли в лабиринте скал Тассили, — пишет Анри Лот в своей книге, озаглавленной «В поисках фресок Тассили», — превосходит всякое воображение. Мы открыли сотни и сотни росписей с десятками тысяч изображений людей и животных. Одни рисунки располагались особняком, другие представляли собой сложнейшие ансамбли. Изображенные на них сцены жизни древних обитателей этих мест, будничные занятия, развлечения, религиозные обряды нетрудно истолковать. Они несомненно относятся к жизни различных народов, населявших массив в разное, но бесспорно давнопрошедшее время... Нас поразило разнообразие стилей и сюжетов, которые мы обнаружили при исследовании многочисленных наслоений и рисунков... Короче говоря, мы очутились как бы в величайшем музее доисторического искусства. Некоторые рисунки поражали своим мастерством...»

Пытаясь установить связь между прошлым и настоящим Сахары, французский ученый Анри Лот посвятил много лет путешествиям и исследованиям этой пустыни.

Он искал следы ушедших поколений Сахары и в такой же мере изучал быт, нравы и обычаи современных обитателей — туарегов, которые, возможно, являются далекими потомками тех охотников и пастухов, которые оставили на скалах изображения людей и животных.

Нередко ученые находили каменные орудия первобытных обитателей Сахары. Вблизи высохших рек то и дело встречались стоянки древних рыбаков, об этом говорили груды рыбных костей. А рядом — скелеты гиппопотамов и слонов. К югу от Хоггара, у подножия скал Ин-Геццама, были найдены человеческие скелеты, кости животных и тысячи осколков глиняной посуды. Найдены бесчисленные доказательства того, что ныне безлюдная и мертвая земля Сахары когда-то была населена многими поколениями людей.

Еще задолго до исследований Анри Лота многие ученые занимались изучением этой громадной пустыни, которая на протяжении тысячелетий оставалась загадкой для человека.

Древние географы предполагали, что засушливый период в Сахаре наступил за пятьсот лет до нашей эры.

В V веке до нашей эры знаменитый путешественник из Галикарнаса Геродот, отец всей истории, как его позднее называли ученые, первый рассказал о землях, расположенных к югу от залива Сирта, которые необитаемы и покрыты песчаными дюнами.

Об особенностях пустыни Сахары писали такие известные географы древности, как Страбон и Плиний Старший. Эти описания относятся к I веку до нашей эры и к I веку нашей эры. В ту пору в Сахаре еще встречались слоны, жирафы и хищные животные. Вокруг небольших рек, которые потом исчезли, жили люди. Там были зеленые оазисы.

Но чем больше опустошалась земля Сахары, лишенная воды, чем меньше становилось там животных и пески поглощали некогда зеленые рощи, тем больше люди сомневались в том, была ли прежде жизнь в Сахаре. И настало время, когда античные ученые высказали предположение, что Сахара — дно высохшего древнего моря. Появилась легенда о том, что как раз здесь, среди знойных песков, была когда-то цветущая страна Атлантида.

Обстоятельное изучение Сахары, прекрасно организованная экспедиция Анри Лота доказали, что Сахара никогда не была дном высохшего моря. Что здесь не было легендарной Атлантиды. И что засуха, ставшая гибельной для жизни растений и животных, а вследствие этого и человека, имела другие причины. Ученые узнали, что в период неолита, когда Сахара была зеленой и цветущей, ныне мертвые земли ее были центром кипучей жизни. Многочисленные племена жили здесь среди скал, в зеленых долинах, где текли быстрые реки. Стада животных были источником жизни и благополучия десятков поколений.

Изображения, найденные на скалах и в гротах Тассили, дают представление о жизни на этой земле в те далекие времена, о которых нам ничего не известно и о которых мы ничего не могли бы узнать, если бы древние художники не увековечили в прекрасных фресках сцены жизни, рассказавшие нам о прошлом.

Быки, буйволы, антилопы, лошади и муфлоны, страусы и жирафы живут на шершавых стенах пещер уже долгие тысячелетия.

Вот охотники с луком и стрелами настигли стадо резвящихся антилоп.

Вот мчится к водопою могучий слон. А вот погоняет стадо ловкий лучник, тело которого расписано причудливым узором, а голова покрыта париком из перьев белой птицы.

Вот смотрит на нас колдун в маске муфлона, а рядом с ним голая женщина, которая, возможно, была больна и пригласила всемогущего и мудрого колдуна произнести свои заклинания, чтобы выгнать из нее злых духов и дать ей покой и благополучие.

Здесь можно увидеть танцующих женщин, охотников на привале, резвящихся антилоп и играющих детей.

Изучая тысячи рисунков, сохранившихся на стенах пещер и на скалах, ученые

узнали, что Сахара была когда-то огромным пастбищем и что она была местом рождения многих культур.

Установили несколько периодов жизни древней Сахары. Период охотников, или период буйвола. Скотоводческий период. Период пастухов-всадников, имевших колесницы. Это время ученые относят к древней истории и связывают его с цивилизацией Древнего Египта. Последним считается период верблюда, который наступил в начале нашей эры.

Самые древние изображения — маленькие фигурки людей, нарисованные лиловатой охрой. Их туловища изображены схематически, у них большие круглые головы, одежда в виде набедренной повязки, а вооружены они палками, изредка луком или гарпуном. Ученые назвали это стилем «круглоголовых людей».

Позднее искусство древних художников совершенствовалось, и появились многоцветные рисунки. Люди показаны более рослыми, и художники изображали их более искусно. Животные более выразительны. Они предстают перед нами в прыжках, в беге, в трогательных семейных группах, когда мать ласкает детенышей.

Время скотоводческого периода передано древними художниками необычайно правдиво.

Анри Лот называет эти произведения «величайшей в мире натуралистической школой».

На этих фресках люди и животные изображены в самых естественных позах, с такой точностью и с таким вкусом, которые говорят об удивительной наблюдательности художников.

Фрески этого времени чаще всего сделаны красной охрой, а для того, чтобы воспроизвести масть животных или выделить отдельные детали, употребляли белую и желтую краски.

По всей вероятности, в те времена стада диких быков носились по бескрайним зеленым пастбищам и были добычей отважных охотников.

Их видели повсюду, и потому изображения быков встречаются очень часто и все они необыкновенно выразительны и красивы.

Но еще более поразительны изображения лучников, женщин и громадных животных, возможно обожествленных древним человеком. Сотни прекрасных фресок поражают своим тонким мастерством, необыкновенной наблюдательностью и вкусом. Они вызывают у нас чувство величайшего восхищения.

Фрески Тассили приоткрыли завесу над таинственной историей пустыни Сахары. Они позволили заглянуть в то далекое время, о котором мы никогда не могли бы узнать, так как от него не осталось никаких следов. Эти изображения оказались столь красноречивыми и обстоятельными, что смогли заменить подробнейшую летопись.

В труднейших условиях безводной и знойной пустыни, каждый день подвер-

---

гаясь бесчисленным опасностям, участники археологической экспедиции Анри Лота на протяжении долгих шестнадцати месяцев с величайшим энтузиазмом вели исследования, чтобы раскрыть загадку пустыни Сахары, загадку, которая долгие века волновала умы человечества.

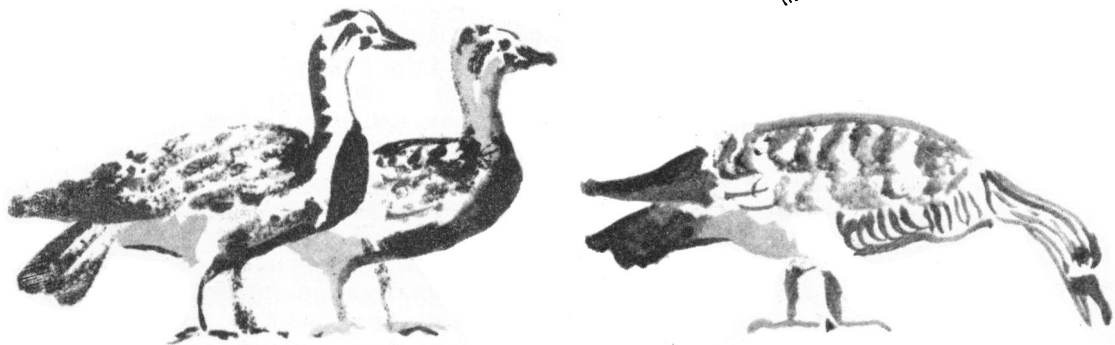
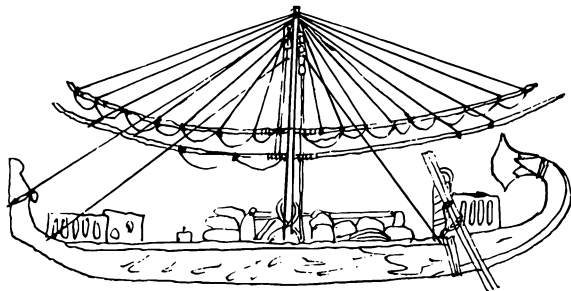
Теперь мы знаем, что пустыня Сахара была когда-то зеленой и плодородной, что бесчисленные стада животных находили здесь пропитание и воду. А среди зеленых рощ жили люди, которые в очень давние времена, тысячи лет назад, многое знали и многое умели.

А если на этой земле, занесенной сейчас мертвыми песками, лишенной воды и растительности, была когда-то жизнь, не значит ли это, что настанет день, когда жизнь снова вернется сюда и эта безжизненная земля станет обитаемой?

И, когда мы думаем об этом, нам хочется представить себе тех людей, которые некогда населяли земли Сахары, представить художников, которые с таким удивительным усердием и мастерством воспроизвели картины своей жизни. Нам хочется понять, для чего они делали эти прекрасные росписи, с какими мыслями и чувствами они принимались за свою работу.

И хочется от всего сердца поблагодарить мужественных ученых, которые своим самоотверженным трудом раскрыли перед нами эти интереснейшие страницы истории.

РОКОВАЯ СТРОКА ПАМЕДЖАИ

амеджаи высекал на камне строки священной надписи, то и дело заглядывая в свиток, доставленный ему писцом. Он высекал эти строки на стене храма, словно по волшебству возникшего среди скал на берегу священного Хапи. Строки ровно ложились на розовой стене, чтобы увековечить величайшее событие, свершившееся на тридцать четвертом году царствования великого божественного фараона Рамсеса.

Он писал о том, как фараон Рамсес победил хеттов во время битвы при сирийском городе Кадеше на реке Оронт:

«...Он захватил их войско самолично, на глазах у всей армии. Он создал себе имя этим навеки. Они будут помнить победу его руки. Кто ускользнул от его длани, тех он поразил своим словом. Мощь его среди них подобна горящему факелу и спустя много лет, в течение которых страна их погибала и опустошалась из года в год бедствиями...»

Памеджаи помедлил, снова прочел высеченные резцом строки и призадумался. Эта надпись увековечит победу над хеттами. Но есть, должно быть, надписи на стенах и на камнях, которые увековечили победы фараонов над страной Куш? Хотелось бы знать: кто и когда протянул свою длань к земле его предков, так разумно названной страной Отрогов Земли?

Он писал о победе Рамсеса над хеттами, а думал о покорении страны Куш. Да и как можно было не вспомнить об этом — ведь там осталась его семья и, может быть, живы престарелые родители? Хотелось бы знать, какому фараону понадобилась страна Куш? Кто сделал ее людей достойным египетских правителей?

Высекая строки о победе Рамсеса над хеттами, он вдруг отчетливо увидел круглую тростниковую хижину и две пальмы над ней. Он вспомнил мать,

сидящую в тени пальмы, увидел, как она плетет из диких трав легкие красивые сосуды, миски и чашки. Покидая дом, он унес с собой ложку из травы, сделанную матерью. Эта ложка и сейчас хранится у него как талисман. Перед ним предстал худой и черный, словно обугленный, с неизменным копьём в руках, отец. Памеджаи увидел его уходящим на охоту; на спине его висел круглый, вырезанный из шкуры жирафы щит. Он вспомнил его робкую улыбку на морщинистом лице. Сейчас ему показалось, что, если бы он вернулся в родные края, он увидел бы вот так же уходящего на охоту отца и мать, занятую плетением. Но он тут же подумал, что не увидит их никогда. Ведь с тех пор тысячи раз сменялись день и ночь, а люди в стране Куш не так уж долговечны. И какой-то голос внутри его говорил ему: «Их нет, Памеджаи...» И от этих мыслей вдруг стало горько на сердце. Очень горько! Горько от того, что не увидит он своих близких. И не менее горько от сознания, что уже ушел безвозвратно самый большой кусок жизни.

И вот он, Памеджаи, раб, увезенный в Египет много лет назад, из юноши превратился уже в зрелого человека. Его черные курчавые волосы посеребрились, а в глазах появилась печаль. Он стал совсем другим человеком. И все, что он думает, и все, что он делает сейчас, совсем не похоже на то, что он смог бы думать и делать у себя дома, когда он пас скот на зеленых холмах Нубии и вместе с отцом ходил на охоту. Давно уже нет того Памеджаи. Но его изменили не только годы: он изменился в тот день, когда пришли в страну Куш воины фараона, чтобы угнать в города великого царства Кеми людей Куш.

С тех пор он много раз спрашивал себя: почему пришли? Он помнит, еще тогда, давно, в пути, люди говорили о том, что страна Куш богата золотом, черным деревом и слоновой костью. И еще говорили, что из стволов пальмы дум делают превосходные корабли, а корабли нужны фараону для новых походов. Но теперь Памеджаи понимает, что самое большое богатство, которое похитил фараон, — тысячи рабов. Их пригнали в страну фараонов, чтобы воздвигнуть дворцы и святилища. И Памеджаи видел, как трудились люди, прибывшие вместе с ним. Одни добывали камень в каменоломнях, другие обрабатывали этот камень и воздвигали из него дворцы и храмы, третьи возделывали поля и виноградники. Очень многое могут руки человеческие! Но то, что они сделали здесь, среди красных скал, казалось Памеджаи самым удивительным. И, несмотря на то что это удивительное родилось у него на глазах, оно оставалось для него загадкой.

Он не мог понять, откуда люди узнали, что можно выдолбить храм в обыкновенной горе. Откуда они узнали, что скалы в этой горе именно такой твердости, какой они должны быть для того, чтобы их можно было долбить, резать и превращать в статуи. Ведь могло случиться так, что раздолбленная гора вдруг вся бы осыпалась? А ведь этого не случилось. Говорили, что великий жрец фараона, главный

жрец, сам все задумал и сам все увидел. Какое же волшебство помогло ему? Но без волшебства он бы не мог узнать, что камень поддается кирке и что внутри этих скал можно высечь громадные залы, а в этих залах поставить статуи бессмертных богов. Какой же силой обладает этот главный жрец, если он все смог предвидеть и угадать! Он задумал необычайное, а невежественные рабы осуществили это.

И вот сейчас в глубине святилища, на расстоянии в сто двадцать локтей от входа, высятся четыре статуи бессмертных богов, и каждый день на рассвете солнечный луч проникает вглубь, в самое сердце горы, и озаряет изображение Рамсеса. Божественный фараон предстает в образе Осириса. Так бывает каждое утро на рассвете. А в дни великих молебствий лучи восходящего солнца выхватывают из крошечной тьмы трех бессмертных богов, оставляя во тьме лишь статую владыки царства мертвых Птаха.

Интересно, как узнал великий жрец, что солнечный луч проникнет в глубину пещерного храма и озарит лица богов? Кто ему об этом сказал? И кто научил людей делать это великое чудо?

Памеджаи отлично помнил тот день, много лет назад, когда сюда, к пустынным скалам, были пригнаны толпы рабов. Он помнил, как мертвая тишина и безмолвие пустынного берега были разбужены звоном кирки и молота. И по мере того как вынимали куски камня, и по мере того, как вырисовывались стены святилища, все неискушенные с удивлением увидели, что красная скала имеет множество оттенков, в зависимости от того, как освещает ее солнце. На рассвете она была совершенно розовой. Днем она выглядела ярко-красной. А к вечеру — лиловой. Казалось, что происходит какое-то волшебное превращение. Но истину знал только верховный жрец, который задумал этот храм. И Памеджаи казалось, что мудрость жреца ведет кирку и резец. Иначе как бы все это свершилось?

Долго, очень долго трудились люди, прежде чем были готовы гладкие стены, на которых можно было высекать священные изображения фараона и строки, повествующие о великой битве на реке Оронт.

Тогда Памеджаи, ученик старого искусного камнереза Пао, начал небывалую для него великую работу. Памеджаи было поручено изобразить фараона Рамсеса во время битвы, когда его мужество и бесстрашие было видно всему войску. Работая резцом, Памеджаи должен был показать на стене святилища фараона на колеснице, несущейся навстречу врагам, с натянутым луком. Царь бесстрашно взирал на ошетилившихся хеттов, и резчику надо было сделать его изображение так, чтобы его величество Рамсес словно бы увидел свое отражение таким, каким оно было в тот великий час.

Тогда еще был жив искусный камнерез Пао. Это он научил его, Памеджаи, удивительному мастерству. Пао был прислан из священных Фив. С ним было немного умелых людей. Но зато ему дали много

молодых здоровых юношей с крайнего юга страны Куш, соотечественников Памеджаи. Пао каждому показал, что делать, и зорко следил за работой. Его помощники, словно тени, следовали за каждым из молодых и помогали им то словом, то плетью, то пинком. Но далеко не все овладели резцом. И худо было неумелым. Их погнали в каменоломни. А вот ему, Памеджаи, повезло. Пао его похвалил.

И каждый раз, давая новую работу, Пао показывал, как ее делать, объяснял, где таится удача и где подстерегает зло. Вначале Памеджаи высекал колонны, подпорки, обелиски. Потом из рук его выходили нарядные вазы и головы львов. Не скоро ему доверили великую работу, но такой день настал. После многих хороших и славных работ Пао сказал, что доверит ему, Памеджаи, дело, которое должен был бы выполнить сам. Нужно было изобразить на стене самого земного бога. Но не красками, а резцом.

Никто не знает, как билось сердце Памеджаи, как дрожали руки, когда он выбивал на твердой стене первые борозды, первые линии, из которых потом сложилось священное изображение. И когда перед ним возникла голова великого фараона, он, раб Памеджаи, доверился своим рукам, как доверяются богу, и руки послушно все сотворили.

И вот на стене ожил облик Рамсеса, и стало видно, как он обвязал вожжи вокруг пояса, чтобы свободнее владеть руками в бою. Воевал он бесстрашно, и надо было показать, как бегут от него враги. Только он, Памеджаи, знает, сколько долгих дней провел он у этой стены и как страшился этой работы. Больше всего, как он помнит, ему помогло доброе слово Пао. Этот искуснейший из искусных ни разу не похвалил ни одного из тех, кого знал Памеджаи. Он без жалости послал их грузить камни, под тяжестью которых многие свалились и уже никогда не поднялись. А вот ему он подарил доброе слово, и оно так помогло Памеджаи, что работать вдруг стало легко и хорошо. Когда ему пришлось показать, как пастух в страхе угонял свое стадо, он принялся за это дело с особенной любовью и знанием. И не только потому, что уже многое умел, а потому, что вдруг очень хорошо представил себе своего отца, который пас стада где-то у Отрогов Земли. Он представил себе, как его отец бежит от вражеской стрелы, бросив деревянное копье, воздев руки в небо в величайшем ужасе и отчаянии. Он очень усердно трудился над сценой убегающего пастуха, и наградой ему было доброе слово камнереза Пао:

— Теперь я знаю, что твой отец имел свое стадо и облик его в сердце твоём.

Памеджаи потерял счет дням, которые он провел за своей трудной и замысловатой работой. Он не мог считать дни не только потому, что был слишком занят, но и потому, что в пещере было темно и работать нужно было при свете факелов.

Памеджаи было еще трудно, потому что он никогда не видел подлинной битвы и не мог представить себе все величие царского

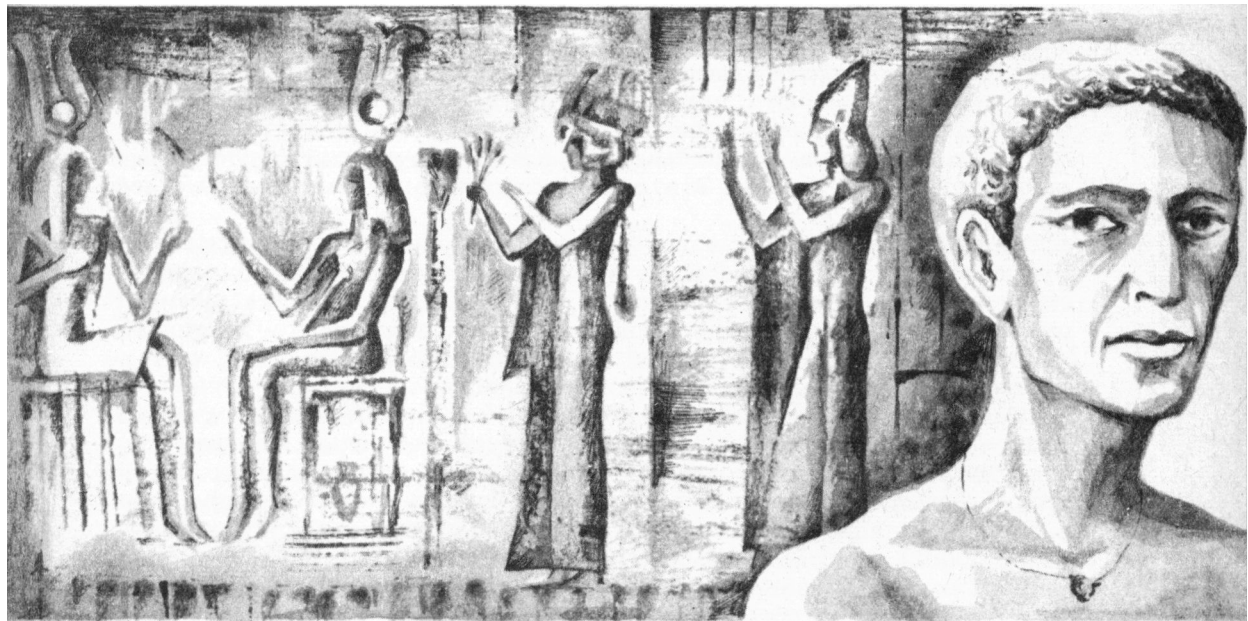
подвига и все ничтожество падших врагов. И так, преодолевая все, что мешало ему, Памеджаи делал свою работу. Иной раз он обращался с вопросом к самому Пао; старый камнерез никогда не отказывал ему. Он считал его своим учеником. Это по милости Пао Памеджаи стал изучать иероглифы и медленно, с большим трудом, читал папирусы. Когда Пао узнал, что Памеджаи делает это охотно, он поручил его одному искусному писцу. Это был добрый старый человек. Его круглое лицо всегда улыбалось, а в умных, добрых глазах то и дело сверкали веселые искорки. Своим умом и благородством Хори возвышался над Памеджаи и ему подобными, однако он никогда не показывал своего превосходства, а наоборот, всегда разговаривал как с равными и нередко рассказывал такие увлекательные истории, что хотелось слушать без конца.

Пао научил его искусству резчика, а писец Хори — грамоте. Спасибо Владыке жизни, что он отдал его в такие добрые руки. Не будь этого — кости Памеджаи давно бы уже белели на знойном солнце под Фивами. Но вот он жив и невредим. Он сделал великие работы. И через много лет он пишет на стене святилища то, что приказано его величеством, сыном Амона — Ра.

Вспоминая первые годы своего пребывания в стране фараонов, Памеджаи размышлял над тем, как удивительно сложилась его судьба, судьба пастуха из страны Куш, раба. Когда он родился у Отрогов Земли, его отец был уверен, что сын, так же как и он, будет пасти стада, ходить на охоту и собирать манну небесную — те сладкие выделения тамариска, которые горячий ветер пустыни изредка приносил на пастбища. Памеджаи и не помышлял ни о чем другом. Он рос вместе с овцами, ходил за ними с рассвета до заката. Мало видел людей. Вместе со своими сверстниками он лакомился жареной саранчой, когда удавалось собрать немного. Он бы мог прожить так до самой старости, не узнав о том, что в руках у него таится дар изображать все виденное и даже невиденное.

Если бы в ту пору ему сказали, что он постигнет искусство писца, это великое искусство, доступное лишь избранныкам, он бы не поверил. Если бы ему сказали, что вместо деревянного копья в руках у него вдруг окажется резец и с помощью его он сможет на гладкой стене сделать изображения людей и богов, он бы удивился и сказал: «Такое чудо может свершиться где-либо, но не здесь...» Однако все это свершилось после того, как воины северной части Куша, люди племени маджаи, пришли к Отрогам Земли и стали угонять людей в столицу фараонов.

Маджаи — враждебное племя. Давно говорили о том, что они стали наемниками фараонов. Однако никто не думал, что маджаи согласятся угнать в рабство своих братьев. Да и трудно было представить себе, что в столице божественных фараонов нужны молодые пастухи из Отрогов Земли. Это было непонятно тогда, когда они жи-

ли в своих тростниковых хижинах в маленьком селении. Но это стало понятно, когда тысячи нубийцев оказались в городах Египта. Здесь были нужны крепкие руки. И он, юноша с бронзовым телом и курчавой головой, пастух Памеджаи, оказался среди многих тысяч рабов.

Их гнали по знойной пустыне голодными. Они страдали от жажды. Памеджаи запомнил горькие слезы. Они душили его весь долгий путь. Нелегко было расстаться с хижинкой отца. Он был единственным у своей матери и первое время видел по ночам во сне ее скорбное лицо. Но все это прошло, и теперь, когда он дописывает строки священного свитка на стене этого удивительного храма, ему даже кажется, что маджай сделали для него что-то хорошее. Они помогли ему открыть глаза на прекрасный мир. Они помогли ему познать то, что никогда не открылось бы ему, если бы он оставался пастухом. Дорогой ценой он купил этот новый, открывшийся ему мир. Черная завеса невежества, отгородившая от пастушка большую жизнь, была приподнята мечом людей маджай.

Удивительно! Как это понять? . . И кто мог бы рассказать об этом, чтобы поняли и ум и сердце? Мог бы рассказать старый Хори. Он много хорошего рассказал юному Памеджаи. Но Хори уже нет в живых. Только память о нем сохранилась у Памеджаи и, словно уголек от погасшего костра, светится в его сердце. Как жалко, что не стало

Хори! Не менее печально, что нет уже никого из тех, кто был угнан из его родного селения вместе с ним. В сущности, он, Памеджай, совсем один. Может быть, потому ему так дорого все, что он делает, и даже то, что он пишет сейчас.

Памеджай снова вытаскивает из-за пояса свернутый свиток и сверяет написанные строки. Эти строки говорят о царе хеттов. Это его мысли.

«Уже давно страна наша находится в упадке, и господин наш Сутех гневается на нас. Небо не посылает нам дождя, все страны стали врагами и вместе сражаются против нас. Соберем же все имущество наше, и пусть моя старшая дочь будет во главе его, и понесем дары примирения благому богу Рамсесу, чтобы дал он мир нам и могли бы мы жить».

Так сказал царь хеттов, а потом он повелел отправить к царю Египта свою старшую дочь и нести богатую дань перед ней, «состоящую из золота, серебра, рабов и лошадей без числа, быков, коз и овец десятками тысяч. Не было счета вещам, которые они принесли...» В папирусе было записано все по порядку. Он повествовал о том, какой прекрасной была хеттская царевна на своей колеснице, как велико было войско, сопровождающее ее, как пышно была разодета ее свита. Царский летописец рассказывал о том, что туман, заставший небо, вначале скрывал великое зрелище и божественный Рамсес мог бы его не увидеть во всей дивной красоте, если бы бог гор не внял его молитве и не засиял лучезарным светилом в небе, разогнав туман и холод. И тогда царь Египта увидел красоту хеттской царевны и пригласил ее в свой дворец. А воины царя Египта смешались с воинами хеттского царя, и началась великая дружба на веки вечные.

Надпись, которую ему доверили высекать, рассказывала, как извечные враги Египта стали вечными друзьями. Это была очень важная надпись, поучительная надпись для потомков. И потому камнерез Памеджай много раз подсчитывал строки, вымерял их, прикидывал — все ли ляжет на этой стеле стройно и красиво. И высекал он надпись настолько красиво, что Пабеса, увидевший ее в самом начале работы, помощник главного писца, Пабеса, был восхищен.

Так Памеджай работал много дней, каждый раз перечитывая священный свиток. И все же он плохо рассчитал. В то утро, когда он увидел, что приближается к нижнему краю стелы, он снова развернул свиток и обомлел. Он понял, что надпись не уложится. И хоть последующие строки он вырезал мелкими иероглифами, он вскоре добрался до самого края стелы, не сумев уложить всех строк свитка. Конец священной истории остался у него в руках недописанным.

Когда Памеджай увидел это, тревога охватила его. Его обуял ужас. В глазах потемнело. Сердце забилося часто и тревожно. У него было такое ощущение, словно его повели на казнь. Верней, он сам

себя казнил. Что скажет писец Пабеса, который доверил ему эту надпись! Пабеса хвалил его, а он, Памеджай, не оправдал доверия.

Что скажет великий жрец? Не прогонит ли? А если прогонит, то куда? Очень страшно попасть в каменоломню. Особенно страшно теперь, после многих лет труда, который принес ему, Памеджай, радость.

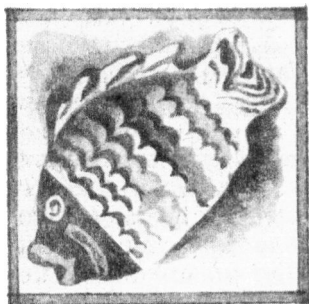
Памеджай подумал об этом и сказал сам себе: «Поистине этот труд принес тебе радость. Горько будет тебе навсегда покинуть это святилище со статуями у входа; лики их обращены к восходящему Солнцу. И как они прекрасны! Судьба швыряла тебя, Памеджай, с места на место, подобно тому, как великий Хапи швыряет маленькую лодку рыбака. Ты видел прекрасные города фараонов, их дворцы и храмы, но подобного чуда ты еще не видел».

Закончив последнюю строку, мелко и неровно вырезанную на стене, Памеджай остановился перед гигантскими статуями божественного фараона, которые отражались в водах священной реки. Почти шестьдесят локтей в высоту! Вчера, когда он последним покидал храм, чтобы отдохнуть короткой ночью, он при свете луны внимательно рассматривал скульптуры. А потом, почувствовав усталость, присел вблизи статуй, и вдруг ему показалось, что он, Памеджай, такой маленький и ничтожный рядом с ними. И он вдруг перестал верить в то, что их воздвигали не так давно, при нем, когда он здесь работал. Он перестал верить в то, что эти статуи созданы руками таких же людей, как и он. Памеджай подумал, что, может быть, эти божественные великаны пришли откуда-то... А может быть, спустились с неба? Странное чувство обуяло его. И он вспомнил слова, которые писал на стене:

«Небо в руках твоих, и земля под ногами твоими, и свершается все, что ты замышляешь...»

Поистине и небо и Земля в руках Рамсеса. Если на тридцать четвертом году царствования фараон воздвиг это святилище и если... если он женится на молодой царевне, прибывшей к нему с несметными сокровищами, разве это не доказательство того, что свершается все, что ты замышляешь?

«Что ждет тебя, Памеджай? Кто даст тебе совет? Кто подскажет человеку с Отрогов Земли, рабу, камнерезу? Если бы был жив Хори... О если бы был жив Хори... он бы сказал, что сделать. А Пабеса? Может быть, скажет, а может быть, и не скажет. Он хороший человек. Он никогда нам не делал зла. Но он очень важный. Он подчиняется великому жрецу. Он бывает во дворце самого фараона. Он знает его многочисленных жен и детей. Он слишком большой человек. Нет, нет, Памеджай, ты должен сам подумать, что сделать. Не жди совета от Пабесы. У него и так много забот. Очень трудно быть великим писцом фараона».

Памеджаи покинул храм последним. Давно уже ушли другие камнерезы и скульпторы. Уже возшла луна, и гигантские статуи богов снова показались ему пришельцами из других миров. Он полюбовался ими и пошел в свою убогую хижину на краю маленькой деревни, где жили рабы. Не зажигая светильника, Памеджаи нащупал в углу миску с остатками вареных бобов, поел и сел у порога, размышляя о случившемся. На сердце было тяжело и тревожно. Сегодня ему очень нужно было бы поговорить с кем-нибудь. Но

с кем? В деревне, где он жил, не было ни одного человека с Отрогов Земли. А люди других племен могут не понять его. Не может же он обратиться к грузчику из сирийцев, который живет рядом. Он грубый человек — чуть ли не каждый день избивает жену и маленького сына. Постоянно слышна брань. Должно быть, тяжкий труд сделал его злобным и неприветливым. Одноглазый каменотес — простодушный человек, но с ним невозможно говорить: он совсем оглох после того, как надсмотрщик ударил его по уху своей толстой палкой.

«Нет у тебя никого, Памеджаи, а был добрый друг Хори. Вот с кем хотелось бы поговорить».

И тут Памеджаи вспомнил про фигурку своего умершего друга. Как же он не подумал о ней! Вот с кем он может поговорить обо всем. И хоть ответа не последует, потому что никто никогда еще не слышал голоса человека, ушедшего в царство Осириса, Памеджаи знал и верил, что Хори услышит его и поймет.

Он взял в руки фигурку улыбающегося писца, погладил черный базальт и стал говорить так, словно перед ним был живой Хори.

— Ты слышишь своего ученика Памеджаи? Худо мне. Послушай меня. Ты был мне добрым другом. Ты украсил мою жизнь и вытащил меня из тьмы. Ты научил меня мудрости и дал мне разум. Ты возвышался надо мной, как небо над землей, и все же подарил мне свою дружбу. А мне не хватает разума, Хори. Что делать? Трудно мне покинуть храм. Ты знаешь его. При тебе ведь воздвигли колоссы у входа. Ты не мог их забыть, Хори. Вся жизнь мою я отдал этому храму. Мне было очень трудно и одиноко. Ты думаешь, друг Хори, что жива та красивая девушка, с которой можно было лепить статуи. Нет ее. Она ушла вскоре после тебя. Ты помнишь Несихонсу? Она вместе с другими рабынями зачищала стены святилища. Эти женщины толпились в полутьме храма, и мы никогда не видели их. Но в то утро, когда ты принес мне священный свиток и мы сидели на

горячем камне у входа в храм, мимо нас прошли рабыни. И вот ты тогда остановил младшую из рабынь, спросил ее имя и сказал мне: «Посмотри, Памеджаи. Когда будешь делать скульптуру богини, тебе достаточно посмотреть на Несихонсу — и получится отличная скульптура». Тогда я увидел громадные глаза, испуганные и печальные, потом я уже никогда не забывал этих глаз, и каждый день ранним утром я торопился на работу, чтобы скорее увидеть Несихонсу и дать ей что-либо. Горсть фиников или головку чеснока. Она принимала это с благодарностью и с доброй улыбкой. Я не успел тебе сказать, как я был счастлив видеть по утрам маленькую рабыню. Мысль о том, что я могу сделать ей что-нибудь доброе, постоянно радовала меня. Я должен признаться тебе, Хори: как-то я даже стащил немного фиников у одной женщины. Но не для себя, для маленькой рабыни. Мы мало говорили с ней. Мы всегда были заняты. Но я мечтал о том, как, закончив работу в этом храме и получив от тебя, Хори, похвалы, я попрошу дать мне кое-что для хозяйства, чтобы жениться на этой доброй и красивой девушке. Но ты умер, Хори. И теперь, даже если бы мне и удалось получить что-либо для хозяйства, мне ничего не нужно. Несихонса умерла. Она была слишком хрупкой и слабой для такой тяжелой работы. А я не получу похвалы. Беда случилась, Хори. Я плохо рассчитал строки свитка, и теперь я должен бежать. У меня мало сил. Я не смогу добывать камень в каменоломнях. Там я пробуду недолго. Я умру. А мне хочется еще пожить. Я должен бежать, Хори. Ты видишь и знаешь все. Ты поймешь меня, ты не рассердишься. Я уйду из этого святилища, Хори. . .

Памеджаи прижал к груди маленькую фигурку писца, затем вернул ее в обрывок полотна, собрал в тростниковую корзинку свой скarb, резцы с молотками и, выйдя из хижины, стал крадучись выбираться из деревни.

* * *

Вчера, возвращаясь с работы, Памеджаи очень внимательно посмотрел, где сидит охранник. Загон для рабов охранялся круглые сутки. Бежать было трудно и опасно. Внутри загона рабы передвигались свободно. Они могли ходить из хижины в хижину, могли разговаривать друг с другом, могли драться. А вот выйти за деревянные ворота, где сидел охранник, было почти невозможно. Выходили только на рассвете, когда шли на работу, а возвращались на закате. С тех пор как он стал рабом, он постоянно помнил, что является чьей-то вещью. Но, видимо, вещью ценной, потому что бесконечно много раз какой-нибудь писец заносил его в список и каждый раз проверял и отмечал. Он отмечал присутствие его, Памеджаи, на работе. И рядом с его именем делал какой-то знак, который показывал,

сколько успел сделать за день Памеджаи, какую он принес пользу. Так он прожил свои годы в постоянном страхе, что произойдет что-то дурное, если он оступится, чего-то не выполнит. Каково же было ему сейчас, когда он собирался совершить преступление, за которое полагалось лишиться головы! Он решился бежать. И завтра, когда все жители этих хижин отправятся в святилище, его уже не будет в этой толпе. Так он задумал. И тот, кто проверяет и записывает, непременно увидит это. Среди многих сот людей он увидит, что Памеджаи недостает. Тотчас же будут посланы охранники, и они начнут рыскать по всей округе. Если поймают, худо будет ему, Памеджаи.

И все же, как ни трудно, как ни опасно, а он должен что-то изменить в своей жизни, должен рискнуть. Но как это сделать?.. Так некстати светит эта полная луна, словно шарит своими серебряными лучами. Как выбраться отсюда? Памеджаи еще не решил, что он сделает. Но он подумал, что если, спрятавшись за выступом глиняной стены, он увидит в полночь, как уляжется на своей циновке охранник, он попробует незаметно, тихо, как тень, проскользнуть мимо него. Но если окажется, что сон охранника чуток и ему, Памеджаи, грозит опасность, он тогда, не задумываясь, стукнет его молотком по виску и побежит. Другого выхода нет. Все равно за побег полагается смерть... И за убийство полагается смерть. Пусть уж все провинности будут собраны писцом в одно место и записаны против его имени. Пусть его ищут. Ведь если он не убежит, останется и будет продолжать свою работу, то все равно жить ему осталось ровно столько дней, сколько пройдет до того времени, когда верховный жрец увидит кривые строки на стеле, прочтет последнюю строку и поймет, что раб Памеджаи дважды ошибся. Он не только потеснил строки и написал их некрасиво и мелко... Но, главное, так скверно рассчитал строки свитка, перенесенные на стелу, что большой кусок посвятительной надписи остался у него в свитке. Вот где главная беда. От этой беды надо бежать во что бы то ни стало.

Вначале Памеджаи положил инструменты и все самое необходимое в тростниковую корзинку. Но когда подошел к хижине, стоящей на краю маленького поселения рабов, он решил, что в руках у него не должно быть лишних вещей, на которые можно обратить внимание. Он связал все свое достояние в два небольших узла. Перебросил их через плечо, а сверху покрылся очень старым рваным покрывалом, которое уже много лет помогало ему спастись от огненных лучей солнца во время долгих и тяжких переходов. Вот теперь, когда он отбросил корзинку, ему было спокойней идти к воротам.

Когда ему встретились двое подвыпивших — они явно хлебнули пива, которым торговал старый толстый пивовар, — Памеджаи спрятался в тени полуразрушенной хижины, чтобы эти люди не уви-

дели его. Теперь он шел вдоль глиняной стены, которая отделяла поселок рабов от большой дороги, ведущей в Икен. Стена была высокой и гладкой; при помощи молотка можно было сделать пробоину, зацепиться за эту пробоину и прыгнуть. Но под стеной мог быть охранник. Однажды молодой раб, вздумавший бежать, сделал пробоину в стене на высоте своей головы и очень успешно перевалил через стену, но прыгнул рядом с охранником, и тому только стоило обернуться, чтобы схватить неудачника. С ним жестоко расправились. При всех живущих в этом поселке рабах его избили до смерти.

Теперь, когда Памеджаи уже оказался в тени этой глиняной стены и мог скрываться в высокой траве, он передвигался бесшумно, прислушиваясь к каждому звуку и постоянно оглядываясь. Сейчас у него была забота, как выбраться из ворот. Но как только эта забота будет позади, как только он окажется на дороге, ведущей в Икен, самое страшное, что может случиться, — встреча со жрецами, которых было великое множество в храмовом хозяйстве, выросшем рядом со святилищем. Каждый жрец считал себя самым главным, и каждый считал себя вправе проверить и узнать, что за человек идет по пыльной дороге в полном одиночестве, куда он направляет свои стопы.

В сторожке у ворот у охранника был голосистый петух. Ровно в полночь он возвестил время и этим очень помог Памеджаи, который решил, что в течение двух-трех часов после полуночи он должен выполнить свой замысел.

Но вот и выступ, самый близкий к воротам. Спрятавшись в тени его, можно было видеть, что делает охранник, которому не полагалось сидеть в сторожке, и потому он спал на циновке у ворот. Памеджаи казалось, что до него доносится храп охранника. В этот поздний час все спало вокруг, и, казалось, нет живого существа, которое могло бы встретиться Памеджаи. Памеджаи стал медленно и тихо продвигаться к воротам и вдруг услышал какой-то шорох и чавканье. Он остановился и насторожился. Он спрятался среди кустов и стал пробираться меж колючих ветвей. И вдруг наткнулся на осла, который мирно пощипывал траву, пользуясь тем, что привязь была длинной и давала ему возможность передвигаться. Памеджаи быстро вытащил ячменную лепешку, протянул ее ослу, и, когда тот занялся едой, Памеджаи оторвал кусок своего покрывала и стал обвязывать ноги осла. Теперь он повел осла на поводу, приманивая его лепешкой. Так они подошли к воротам, где спал охранник. Памеджаи остановился и стал думать, как ему пробраться в ворота вместе с ослом. Ведь если ему удастся скрыться вместе с этим животным, то побег его намного облегчится. Но может быть и наоборот: если осел вдруг заупрямится и не захочет двинуться с места, вряд ли будет время с ним возиться. А еще хуже будет, если он закричит неожиданно.

Может быть, никто не обратит внимания, но каково будет ему, Памеджаи, изнывающему от страха. . . К счастью, пригодилась лепешка. Вот так, тихонько, заманивая осла лепешкой, можно его увести подальше от ворот, к левой части стены, и, может быть, попытаться подняться на стену. . . Что будет, то будет! Если бы у него были веревки, он бы смог связать охранника, пока тот спит. Но веревки нет. Можно было бы заткнуть ему рот большой тряпкой и замотать голову, пока он не проснулся. Но тогда негде будет спрятать все, что Памеджаи унес с собой. Этот обрывок покрывала очень ему нужен в пути. Как хорошо, что охранник спит! . .

Памеджаи так внезапно собрался в побег, так еще не продумал грозящие ему препятствия, так еще был не подготовлен, что на мгновение блеснула мысль, не вернуться ли в свою хижину и отложить побег хотя бы на один день. Да нет, он не должен больше рисковать. Он не должен появляться в святилище. Ведь каждую минуту любой из надсмотрщиков-жрецов может раскрыть его тайну, увидеть эти кривые строки — и тогда уже не спасешься. «Ты должен, Памеджаи, сейчас, немедленно на это решиться». Он схватил веревку, привязанную к шее осла, снова протянул ему кусок лепешки и совсем бесшумно, потому что копыта были подвязаны, двинулся вперед вдоль стены и, наконец, выбрал место, где решил сделать задуманное. Он поставил осла у самой стены, вскочил на него, ухватился за край стены и поднялся. Когда он сел верхом на стену и взглянул вниз, он увидел, как мелькнула тень охранника, делающего обход с наружной стороны. Охранник скрылся за поворотом. Наступил решительный момент. Памеджаи схватился за край стены, на какое-то мгновение повис над землей — и прыгнул. Он ушибся не так сильно, как думал, и, не размышляя, побежал в тень смоковниц, которые росли недалеко от ворот. Прижавшись к стволу дерева, он ждал, когда охранник снова обойдет глиняные стены поселения рабов. И когда увидел, как тот снова скрылся за поворотом, Памеджаи побежал по пыльной дороге, ведущей в Икен. Сейчас он был доволен тем, что светит луна и что хорошо видно на далекое расстояние. Он видел пыльную дорогу, и это вселяло надежду.

Памеджаи бежал к реке. Но не туда, где выгружались суда, доставлявшие к святилищу мраморные плиты, фрукты, овощи и жертвенных животных. Он бежал туда, где были лодки рыбаков и где он мог рассчитывать на их помощь. Он задумал попроситься на лодку, которая отправится с рыбой в сторону Икена. Но там, где стояли лодки и были люди, уже было не безопасно. Он не мог открыто обратиться к кому-либо. Он должен был вначале разобраться в том, какие здесь люди. Бедный раб ему ничем не поможет. Свободный рыбак из деревушки, что была неподалеку, если он небогат и никем не обижен, — он может вдруг откликнуться на просьбу. Но как его разгадать?

Памеджаи спрятался за большой лодкой, оставленной на причале, и, сидя в тени высокого борта, приглядывался к людям, которые суе-тились у своих лодок, и выбирал, к кому подойти. Вот этот старый, костлявый, с лысой головой и громадной шишкой, торчащей из-за уха? У него злое лицо, к нему страшно подойти. Он, должно быть, больной человек. Он может обругать, да еще позовет кого-нибудь. А этот молоденький мальчишка-нубиец. . . Он, видимо, не один здесь. Он раб. У него клеймо на руке. Да вот и его хозяин — какой-то чиновник. Но они отплывают. Пусть плывут. А кто это идет? О! . . Да это жрец из святилища! . . Памеджаи, берегись! Скорей в воду! Даже если тебя съедят крокодилы, это будет лучше, чем попасть в руки этого жреца. Какое у него злое лицо! Говорят, что он очень богат и очень жаден. Подальше от него, Памеджаи. . .

Памеджаи стал быстро отползать к корме, которая была над водой, и тут же незаметно нырнул. Ему удалось пробраться меж лодок, которые стояли близко друг к другу и скрывали его. И так он тихонько плыл подальше от причала, к лодкам рыбаков, которые отчаливали от берега. Рыбаки с сетями наизготове стояли под парусами и ждали мгновения, когда старший прикажет опустить сети в священные воды Нила. На рассвете нередко бывал хороший улов, и люди возвращались с сетями, полными живой бьющейся рыбы. Вот здесь, в этой лодке, двое рыбаков-египтян. Это не рабы. Вот к ним надо попроситься и предложить им свою помощь без вознаграждения, только бы они согласились высадить его на противоположный берег реки. Больше ничего.

Памеджаи взялся за борт лодки и обратился к рыбакам.

— Я свободен, могу вам помочь. Хотите? Я все равно дожидаясь брата.

— Ступай, ступай! Нам нечем тебе платить. Сами ничего не имеем.

— А мне ничего не надо. Просто для забавы помогу вам закинуть сети. Не отказывайтесь от крепких рук.

— Возьмем его! — предложил старший, долговязый и очень худой, с медными браслетами на ногах. — Если ему ничего не надо, пусть поможет нам. Лишние руки не повредят. Прыгай. Боюсь, что не очень ты расторопен.

Они вышли на середину реки и стали забрасывать сети. Памеджаи так старательно помогал, словно сам был заинтересован в хорошем улове. Потом хозяин лодки велел плыть дальше, туда, где вчера были поставлены сети, недалеко от того места, куда хотелось попасть Памеджаи. Он обрадовался и подумал, что ему будет удача.

Они долго тащили сети и, к удивлению рыбаков, вскоре наполнили лодку трепещущей рыбой. Долговязый рыбак в медных брасле-

тах на ногах уже не скрывал своего восторга. Он то и дело хлопал по плечу Памеджай, приговаривая:

— Да ты удачлив! Давно нам не было так весело от пляски рыб. Оставайся с нами, вместе будем ловить рыбу. А продавать ее будет моя жена. Она ловка жарить рыбу.

— Я должен торопиться, меня ждет брат. Подкиньте меня к тому берегу, вот и будет мне награда за помощь.

Памеджай перекинул через плечо свои узлы и поблагодарил рыбаков, когда они поплыли к берегу. Рядом с ними проходили лодки рыбаков, богато украшенные ладьи жрецов и купцов. Был слышен смех, шутки. Кто-то бранился и жаловался на неудачу, кто-то восхищался богатым уловом. Все было так мирно и хорошо, что Памеджай захотелось отбросить свои тревоги и остаться здесь, у этих приветливых рыбаков.

«О я несчастный, — подумал Памеджай, — я не могу распорядиться своей судьбой, я должен подчиниться злему року. Ведь стремлюсь я к столь малому...» «Ты неправ, Памеджай, — сказал ему какой-то голос из глубины его существа. — Ты стремишься к самому большому — ты хочешь спасти свою жизнь, которая никогда еще не была в такой великой опасности. Разве это малое? Для такого дела надо призвать весь свой разум и все свое терпение...»

Лодка рыбаков уже подходила к берегу, когда Памеджай обратил внимание на большую лодку и стоящего посреди нее жреца со шкурой пантеры через плечо. Памеджай мгновенно бросился на дно лодки, скрючился и, опустив голову между колен, стал перебирать рыбу, отбрасывая в сторону мелочь и собирая в кучу более крупную.

— Посмотри, какую крупную рыбу поймали рыбаки, — сказал слуге жрец, — предложи им взамен кувшин с полбой.

Услышав слова жреца, Памеджай еще ниже согнулся, чтобы скрыть свое лицо.

К счастью, рыбаки не пожелали полбы и быстро подвели лодку к берегу. Памеджай выскочил из лодки, но тут же должен был вернуться.

Благодарный хозяин от щедрого сердца предложил ему немного рыбы с собой.

Уже рассвело. Встреча с жрецом снова напомнила Памеджай, как опасно показываться среди людей. Он решил уйти куда-либо на целый день, чтобы скрыться от людских глаз.

А в это время писец Пабеса сидел за папирусом и писал послание своему господину.

«Я прибыл в Пер-Рамсес-Мериамон, будь он жив, здоров и невредим, и нашел его весьма и весьма процветающим.

Это прекрасная область, нет похожей на нее, и, подобно Фивам, сам Ра основал ее. Столица, приятная для жизни. Поля ее полны всяким изобилием, и она снабжается пищей ежедневно. Ее пруды полны рыб, а ее озера — птиц. Ее поля зеленеют травами, и растительность — в полтора локтя. Плоды в садах подобны вкусу меда, закрома ее полны ячменем и полбой, и они поднимаются до неба. Лук и чеснок, цветы в роще, гранаты, яблоки, маслины, фиги в плодовых садах. Сладкое вино каенкема превосходит мед. Красные рыбы удж из канала столицы... Воды Гора дают соль и натр. Корабли ее отбывают и прибывают, и обилие пищи в ней ежедневно.

Радостно пребывание в столице... Пойдемте отпразднуем ее праздники неба и начало времен года!

Юноши великого Рамсеса в праздничном одеянии ежедневно. Сладкое оливковое масло на их головах с новыми прическами. Они стоят у своих дверей, и их руки полны ветвями, зеленью, букетами...

Пребывай, будь счастлив, ходи, не покидай ее... Рамсес, возлюбленный Амоном бог».

Пожелав здоровья и благополучия своему господину, писец Пабеса свернул свиток и приложил свою печать. Он спешил сообщить обо всем виденном, потому что старший над ним Аменемопет ждал вестей. Пабеса не стал писать о том, что было известно господину, а ему было известно, что великий Рамсес воздвиг новую столицу на месте старинного города Авариса, которым когда-то владели гиксосы. Отсюда было удобнее управлять городами Верхнего и Нижнего Египта. Отсюда было ближе к сирийским владениям, подвластным правителю с тех пор, как хетты стали друзьями и больше не посягали на сирийские земли.

Пабеса был восхищен дворцами и храмами Пер-Рамсеса, но еще больше его восхищали плоды земные. Здесь каждому пахарю воздавалось за его труды множеством прекраснейших плодов. Все нравилось Пабесе. Но было здесь и нечто удивительное. Знающего и многое видевшего писца поразили толпы черных людей. Они были пригнаны сюда из страны Куш, из царства Пунт и других жарких стран, покоренных фараонами. Эти страны вместе с податями составляли тысячи рабов.

Пабеса видел, что всюду, где воздвигаются дворцы и храмы, трудятся черные люди. Их же он видел среди полей, садов и виноградников. Пабеса побывал во всех городах фараона. Он бывал во дворцах во время пышных церемоний и в храмах в часы священнодействий. Он исписал сотни папирусов, которые хранил верховный жрец Египта для великих потомков божественного фараона. И, как человек, много видевший, он мог сравнивать. Нередко ему приходили в голову самые неожиданные мысли. Он то и дело сравнивал преимущество одного занятия перед другим. Может быть, это осталось с детских лет, когда старый писец заставлял его писать на доске о преимуществах занятий писца перед другими. Он на всю жизнь запомнил такие строки:

«Не будь человеком без разума, не имеющим воспитания! И ночью тебя учат, и днем тебя воспитывают, но ты не слушаешь никаких наставлений и делаешь то, что задумал. . . И львов обучают, и лошадей укрощают, — что же касается тебя, не знаю подобного тебе во всей стране. Заметь это себе!»

Пабеса запомнил слова, которые бичевали, как плеть, и запомнил плеть, которая оставила на спине огненные следы. Тогда он научился запоминать. А потом он научился видеть и размышлять.

Недавно, когда он был у второго порога священного Хапи и видел рабов, которые волокли огромные плиты из каменоломен, он подумал, что труд грузчиков самый тяжкий и неблагодарный. Рабы тащат огромные плиты по проложенной ими же дороге, а за ними идет надсмотрщик с плетью и не позволяет остановиться ни на минуту. Если грузчик, изнемогая от усталости, остановится, в тот же миг плеть оставит кровавый след на его спине. Несчастный долго будет помнить эту плеть и днем, и бессонной ночью.

Глядя на них, Пабеса нередко думал о том, что боги покровительствуют ему, дав ему в руки такое прекрасное ремесло. Рядом с грузчиком каменотес, стоящий с резцом и молотом под знойным солнцем с рассвета до заката, — каменотес, которому постоянно хочется есть, потому что горсть полбы и головка чеснока — ничто в этот долгий-долгий день, выглядит счастливым рядом с грузчиком. Но раб-башмачник еще более счастлив, если он искусен в своем деле. Если он сумеет сделать сандалии для жрецов или знатных царедворцев, то получит щедрое вознаграждение. Однако башмачников десятки, а грузчиков и каменотесов — тысячи.

Пабеса видел, как падали замертво люди, пригнанные из страны Куш к берегам Хапи, где воздвигали пещерный храм. Если бы им делали могилы, то ими было бы занято все пространство вдоль берега реки. Но рабам не делали могил.

Когда Пабеса учился в школе, когда он прочел первые свитки, у него появился интерес к каждой написанной строке. И все, что он читал, говорило ему о мудрости, величии и могуществе жрецов и

фараонов. Мудрые жрецы уверяли, что сами боги даруют фараонам рабов. Ведь рабы приходят вместе с победой. Пабеса верил в это.

Сейчас Пабеса торопился в обратный путь к пещерному храму, который должен был посетить божественный Рамсес. Верховный жрец поручил Пабесе проверить надпись на стеле, которая увековечила брачный союз Рамсеса с хеттской царевной. Пабеса был уверен, что раб Памеджаи достаточно грамотен, чтобы хорошо выполнить свою работу. Еще покойный Хори говорил о том, как легко читает Памеджаи самые замысловатые надписи. Памеджаи долгое время был скульптором, и от работы, которую он очень хорошо выполнял, его отвлекли только потому, что среди камнерезов он был самым грамотным. Пабеса знал, что, когда будет сделана надпись на стеле, Памеджаи будет поручена статуя любимого сына Рамсеса — Аменхеркепшефа. Фараон приказал сделать статую сына у входа в храм. Почему он пожелал изобразить этого сына? Говорят, что у него двести детей, чем же этот лучше других? Подумав об этом, Пабеса улыбнулся. Даже он не смог бы ответить на такой вопрос.

С тех пор как умер Хори, Пабеса стал первым помощником у главного писца фараона. Никому не поручали таких сложных папирусов, какие доставались Пабесе. Выполняя поручение главного писца, он так много узнал и увидел, что смог бы даже подсказать великому фараону, как поступить в том или другом случае. Но его не спросят, потому что рядом с фараоном всегда мудрость верховного жреца.

Однако Пабесе довольно и того, что он имеет. Пока он еще молод и силен, он быстро и легко выполняет трудные поручения. Вот сейчас, после того как он прочтет надпись на стеле, он отправится к дальней крепости с причудливым названием «Обуздавшая чужестранцев». Наместник фараона в стране Куш Хеканахт очень тревожится, все ли благополучно у стен этой крепости. Но там все благополучно. С вершин неприступных башен хорошо видны дали, и можно всегда подготовиться к нашествию врага. В последний раз, когда Пабеса видел «Обуздавшую чужестранцев», он удивился, как угрюмо и неприветливо там. На небольшой скалистой вершине, где высились стены крепости, свистели холодные ветры и кружились клубы черной пыли. Ветер бил в лицо часового-нубийца, который пристально вглядывался в даль пустыни. Когда-то предки этого нубийца возделывали эту суровую землю у подножия скал и довольствовались плодами своей земли. Они пасли скот. Они были бедны и невзыскательны. Они даже не знали о том, как богата их земля золотом, серебром и медью. У них не было медных рудников и плавильных печей. Все это было сделано по велению фараонов, когда нубийцы стали рабами.

В давние времена на этих землях были целые рощи пальмы дум. Из нее выдалбливали плоскодонные лодки и строили корабли для

дальних странствий. И теперь встречается пальма дум, из которой рабы-нубийцы сооружают корабли для фараона. Черное дерево, которое увозят сейчас в священные Фивы, прежде шло для вытачивания небольших скульптур. Они очень искусны — люди страны Куш, нубийцы юга и севера. Должно быть, когда-то они были дружны и обменивались плодами своих трудов, а теперь их сделали врагами. Люди севера страны Куш нападают на людей юга и помогают воинам фараона угонять их в рабство. Люди одной земли враждебны между собой. Неслыханное дело! Кто знает, что было бы, если бы они были едины. Старинные свитки рассказывают немало поучительного, когда даже самые ничтожные и неимущие, объединившись под властью смелого вождя, низвергали самых великих.

Может быть, Пабеса и не думал бы об этом, если бы в свое время ему не пришлось многое услышать от Хори, который не верил жрецам и священным свиткам, но зато чрезмерно верил самым простым и даже ничтожным людям. Пабеса знал о том, что Хори подружился с рабом Памеджаи. Он долгое время осуждал за это Хори, но потом, когда ближе узнал Памеджаи и поверил в его дар, он и сам стал относиться к нему с уважением.

ПАМЕДЖАИ БЕЖАЛ

Когда Пабеса оказался вблизи второго порога, в местности, называемой верхним колодцем, он вдруг встретил Памеджаи, которого искал в храме возле стелы. Писец был крайне удивлен, когда не застал Памеджаи за работой. Еще больше его удивило то, что надсмотрщик не знал, где Памеджаи, и был зол, когда Пабеса обратился к нему с вопросом.

Памеджаи бросился на колени и низко склонился к земле.

— О великий, о мудрый Пабеса, помоги! Ты не знаешь, какая беда случилась. Великая беда! Теперь меня бросят в каменоломню...

— Не знаю, какая беда случилась. Ты говоришь так бессвязно, словно темный человек, не умеющий читать папирус. Какая беда случилась?

— Я очень старался. Я все рассчитал. Я писал брачную стелу, имея вот этот свиток за поясом. Все мои иероглифы были ровными и красивыми. И строки выстроились подобно воинам фараона. Но я плохо рассчитал, и последние строки не уложились. Стела недописана. Боюсь, что великий фараон не стерпит такой оплошности. Я бе-

жал из храма и искал тебя много дней. Я знаю, ты мудрый человек, ты скажешь мне, что делать.

Памеджаи стоял рядом с писцом фараона и, глядя в его лицо, старался прочесть на нем свой приговор. Но лицо Пабесы было непроницаемо. И хотя писец сочувствовал камнерезу, он ничем не показывал своего сочувствия. Он безмолвно и как будто даже равнодушно слушал Памеджаи. Сейчас он пожалел о том, что не прочел стелу до конца и не посмотрел последние строки, расположенные так низко, что пришлось нагибаться. Он прочел верхние строки, написанные четко и красиво. Сейчас, когда Памеджаи рассказал ему о своем несчастье, он понял, что раб прав. В самом деле, верховный жрец может его покарать за оплошность.

— Все это очень прискорбно, Памеджаи. Ведь ты не впервые выполняешь такую работу. Как же это случилось с тобой? Очень скоро в этот храм прибудет Рамсес со своей молодой супругой, и верховный жрец обязательно прочтет ему строки на брачной стеле, и когда он дочитает до конца, у него тотчас же появится желание наказать тебя. Что он придумает, никто не знает. К тому же тебе известно, что не дожدهшься прощения от злого и коварного скульптора царя.

Обливаясь слезами, Памеджаи снова рухнул на землю и, касаясь сандалий Пабесы, молил его о помощи.

— Я думаю, Памеджаи, что тебе надо бежать. Я никому ничего не скажу. Если меня спросят о тебе, я скажу, что видел тебя очень больным. Пусть думают, что ты где-нибудь свалился замертво. Если эта весть дойдет до скульптора царя, то это спасет тебя. А я потом помогу тебе перебраться к самым дальним границам Египта, и ты получишь работу там, где воздвигают новую крепость.

— Не знаю, где же мне скрыться, великий господин. Может быть, скрыться пока в Икене? Туда прибывают караваны и суда с нубийским золотом.

— Ты прав, Памеджаи. В Икене много людей. Да и кому придет в голову искать тебя в Икене после того, как станет известно, что ты был тяжело болен.

— Спасибо тебе, великий господин, писец Пабеса. Я знаю, ты не оставишь меня. И пока я могу держать в руках резец, ты не отдашь меня в каменоломни. Ты ведь знаешь, что там могут работать только очень молодые и крепкие. А человеку, пробывшему в рабстве целых пятнадцать лет, уже невозможно взять в руки кирку и молот.

— Ступай, Памеджаи. Я помню — тебя очень ценил Хори. На этот раз я постараюсь сделать так, как сделал бы Хори.

Памеджаи стоял, опустив голову и не в силах остановить горячих слез. Сейчас он больше всего печалился о том, что никогда больше не сможет увидеть пещерный храм и прекрасные статуи, отражающиеся в водах великого Хапи. Сейчас он понял, что полюбил этот храм и эти статуи так, будто это были живые создания.

Камнерез хотел спросить писца о том, настанет ли день, когда он снова сможет вернуться к своей работе, но он не решился спросить.

— Скажи, Памеджаи, что тревожит тебя? Ведь мы решили, что в Икене тебе будет безопасно. Может быть, ты думаешь о смерти? Не думай об этом. Я постараюсь сделать так, чтобы о тебе забыли.

— Все это верно, — согласился Памеджаи. — Я знаю, ты сделаешь так, как сделал когда-то Хори. Он спас меня, когда я был еще молодым и неграмотным. Я не стану рассказывать о том, что он сделал для меня. Но если бы не он, я бы попал ко второму порогу, в «Каменное чрево». Оттуда не вернулись люди из Отрогов Земли. А сейчас я думаю о том, что бежал бы к себе домой, но мне уже невозможно жить без резца. Я должен заниматься своим делом. Ведь я отдал ему половину своей жизни. С тех пор как я узнал, что резец мой таит в себе чудесную силу, я не могу с ним расстаться. Посуди сам, Пабеса, мой господин, каково мне теперь отказаться от своего занятия и пойти пасти скот. Отныне все переменилось для меня. Отроги Земли уже не так мне дороги, как священный храм на берегу Хапи.

— Беги в Икен, — ответил Пабеса. — Жди меня там.

В ИКЕНЕ

Всю дорогу до Икена Памеджаи думал о том, как несчастлива его судьба. Сейчас, когда он попал в беду, оказалось, что на всем белом свете нет человека, который захотел бы ему помочь. Вот он идет по знойной дороге один-одинешенек, и нет с ним близкого друга, и нет никакого достояния, и снова, как в далекой юности, нет у него еды и нет поклажи. Его черную изможденную спину прикрывает рваный кусок полотна. На нем маленький фартучек, а в узелке черная фигурка Хори, да еще талисман — скарабей, сделанный из сердолика. Священный скарабей помогал ему прежде. А сейчас это единственная вещь, которую он может обменять на какую-либо еду. И хоть скарабей дорог ему как память о Хори — ведь Хори подарил ему кусочек сердолика, — сейчас настало то трудное время, когда придется отдать скарабея. Хорошо, если дадут за него несколько лепешек, горсть фиников да еще бы мешочек бобов.

Размечтавшись об этом, Памеджаи еще больше прежнего почувствовал голод и ускорил шаг, чтобы скорее добраться до Икена.

Но вот уже виден Икен. Что ждет его здесь? .. Не поймают ли?

Но Пабеса ведь знал, когда сказал, что лучше идти в Икен. Поймать его могут только те люди, которые хорошо его знают, а они далеко отсюда. Все они живут у пещерного храма, у второго порога Хапи.

«Прежде всего добуду себе пость, — подумал Памеджаи, входя в ворота Икена. — Какой хороший город Икен! Так много людей... Здесь легко затеряться среди грузчиков, среди торговцев и корабельщиков. Я вижу людей с Отрогов Земли. Не печалься, Памеджаи, все будет хорошо...»

Он шел по улицам Икена и все думал, к кому бы обратиться с предложением взять священного скарабея и дать взамен еду. Но он не решился обратиться к первому попавшемуся человеку на улице; он пошел в порт, туда, где грузились суда. Он увидел суда, груженные черным деревом и слоновой костью. Он увидел грузчиков-нубийцев, которые тащили на головах сверкающие на солнце слитки меди. Его внимание привлекли клетки со львами и леопардами. Грузчик-нубиец тащил на спине шкуры леопардов. Памеджаи пошел за ним. И когда грузчик остановился передохнуть, он протянул к нему сердоликового скарабея и сказал на своем родном языке:

— Добрый человек, ты брат мне, мы оба с Отрогов Земли. Может быть, тебе нужен этот талисман на счастье? Дай мне за него немного еды. Я очень голоден.

Узнав, как скромны требования Памеджаи, грузчик-нубиец тотчас же сбегал на судно и принес все, о чем мечтал Памеджаи. Мало того, он дал ему еще несколь-

ко головок чеснока. И Памеджаи радостно рассмеялся, когда собрал все это богатство в свое рваное покрывало.

Прощаясь с Памеджаи, грузчик сказал:

— Ты кстати пришел ко мне, брат. Выгружать шкуры самых страшных хищников — пустое занятие. А вот когда надо выгружать клетки с хищниками, вот тогда важно иметь с собой священного скарабея. Мой брат погиб оттого, что лев протянул лапу из клетки и нанес ему смертельные раны.

— Мой скарабей тебе поможет, друг. . .

Памеджаи так понравилось в порту Икена, что он тут же на берегу расположился, чтобы отдохнуть и посмотреть, как живут здесь люди. К тому же он вдруг понял, что может увидеть здесь бесчисленные дары подвластных фараону правителей, которые хотят задобрить Рамсеса и заслужить его благоволение. Спрятавшись в тени большой ладьи, Памеджаи так и уснул, положив под голову узелок с едой. Все его достояние уместилось под головой.

А рядом разгружались суда. Откуда-то доставили сюда горы страусовых перьев. Должно быть, их привезли для опахал всем двумстам дочерям и сыновьям фараона. Горы пестрых с золотом страусовых перьев! Памеджаи спал и не видел, как вереница рабов перетаскивала корзины, полные виноградом, фигами, гранатами и маслинами.

Он проснулся только на рассвете следующего дня, и то не сам, а с помощью старого нубийца, который дал ему хорошего пинка. Судно уходило от причала, и, заметив спящего, корабельщик разбудил худого, с седеющей бородой человека без покрывала и без сандалий.

Вскочив, Памеджаи не сразу понял, где он, а потом, увидев свой узелок, вспомнил все, рассмеялся, схватил его и побежал. На душе у него было необыкновенное чувство свободы — чувство, которого он не испытывал с самого детства. Сегодня никто не мог его погнать, выругать, заставить таскать тяжести. Никто не мог приказывать делать трудную и непонятную работу. Он волен, как птица, и может пойти куда угодно и делать что угодно.

Памеджаи пошел по городу. Он размышлял о том, что для полного счастья и для безопасности ему хорошо было бы сделать татуировку на лице. Но где найти человека, который это сделает? Да и платить нечем. Он остановился у колодца. Сюда приходили женщины с кувшинами. Они набирали воду и, ловко подбросив кувшин на плечо, уходили прочь, гордые и красивые. Сюда приходили старики и дети. Памеджаи молча смотрел на незнакомых людей, не решаясь обратиться к кому-либо с вопросом. Так он провел несколько часов. И хотя неизвестно было, найдется ли здесь нужный ему человек, Памеджаи решил его искать именно здесь, у этого колодца. И вот когда солнце уже клонилось к закату, вдруг появился высокий худой ста-

рик в маленьком фартучке, с головой, повязанной пыльным куском полотна, — старик, который привлек внимание Памеджаи глубокими штрихами на лице. На нем была татуировка, какую умели делать люди, живущие у Отрогов Земли. Когда старик наполнил свой сосуд водой, Памеджаи подошел к нему и спросил, не скажет ли он, где живет знахарь, умеющий делать татуировку.

— А зачем тебе знахарь? — удивился старик. — Обычно такие знаки племени делают в юности. А ты и так проживешь свой век.

— Я прожил без них значительную часть своей жизни, а теперь понял, что без священных знаков моего племени мне худо. Мне не успели сделать знаки моего племени. Назови мне такого человека, если знаешь, я хорошо отплачу. Я могу сделать священного скарабея из любого камня. Я могу сделать фигурки богини Хатор. Я могу сделать из дерева фигурки зверей. Вот сколько всего могу я сделать. Выбирай!

— Пойдем со мной, умелый человек. Я сам тот знахарь, который делает юношам и детям эти знаки племени. Пойдем в мою хижину. Она на самой окраине города, недалеко от ворот Икена.

Они пошли и вскоре очутились за глинобитной оградой. Крошечный дворик говорил о том, что хозяин беден. Он не смог себе сделать маленького бассейна и не смог вырастить ни одной зеленой ветки, потому что поблизости не было воды, нечем было поить зеленые растения.

Уже на следующий день старый знахарь Пааам принялся за дело. Он сделал глубокие продольные надрезы на лбу, на щеках, на подбородке, затем втер в каждый надрез какой-то черный порошок и сказал, что придется посидеть здесь, за оградой, несколько дней, пока раны не заживут. Старик объяснил Памеджаи, что если пойти по улицам города с кровоточащими ранами, то бывает иногда, что человек потом тяжело болеет и умирает. Пааам не смог объяснить причину такого несчастья. Он предполагал, что дурной глаз вредит людям. К тому же Пааам хотел, чтобы Памеджаи отплатил ему и, в свою очередь, сделал бы обещанного скарабея. Он подал Памеджаи кусок желтого песчаника и предложил заняться скарабеем.

Памеджаи вытащил свои резцы, маленькие бронзовые молоточки и принялся за работу. Ему очень хотелось достойно отплатить Паааму. Он понимал, что Пааам поможет ему избавиться от тех страхов, которые его преследовали с того мгновения, когда он в сумерках покинул свою хижину у пещерного храма.

Памеджаи трудился, прячась от солнца за глиняной оградой. А тем временем татуировка его становилась все лучше и лучше. Раны заживали. Остались только красные рубцы, которые очень изменили его лицо. Он увидел это, когда Пааам налил воду в большую миску и сделал для него водяное зеркало, где отражение Памеджаи было видно так же отчетливо, как если бы он смотрелся в серебряное

зеркало. Памеджаи посмотрел и радостно рассмеялся. Он вдруг понял, что нет уже больше прежнего Памеджаи. И что по Икену сейчас пойдет совсем новый человек. Теперь ему уже не страшен царский скульптор, ему не страшен был верховный жрец, и даже сам его величество Рамсес уже не страшил его, камнереза Памеджаи.

Закончив скарабей, Памеджаи решил отблагодарить благородного Пааама еще одной хорошей работой. Он велел старому знахарю притащить кусок красного известняка, чтобы сделать из него изображение богини Хатор. Старик очень обрадовался. Он знал, как любит богиню Хатор его жена Бакет.

Когда Памеджаи стал вырезать фигуру Хатор, Пааам спросил его:

— Откуда ты взялся, искусный человек? Мне трудно поверить, что ты прибыл из тех же мест, где я жил в молодости и где жили мои предки, люди Азии. Я знал там искусных ремесленников. Я помню, как хорошо выделывали кожи и украшали их тиснением удивительной красоты. Мне говорили слуги из дворца верховного сановника Икена, что под ногами его лежат кожаные подушки, сделанные в наших краях. Я знал ювелиров и каменотесов. Но мне ни разу не приходилось видеть человека, который бы резцом своим создавал богов. И как случилось, что, имея такие искусные руки, ты так беден, что все твое достояние спрятано в этом обрывке полотна? Если хочешь, скажи. А если не хочешь, молчи. Я тебя не принуждаю. И если тебе в тридцать лет понадобились знаки племени, чтобы изменить свое лицо, не говори мне, для чего ты это делаешь. Это твое дело.

Именно потому, что Пааам не настаивал и не пытался выведать от него истину, Памеджаи вдруг почувствовал, что ему необходимо обо всем рассказать Паааму.

В сумерках Пааам освобождался от своих забот, а заботы Пааама были немалые. Он должен был лечить больных грузчиков в порту: он заговаривал им зубы, когда они от боли завывали, как дикие звери, он приносил с собой для лечения желчь кобры, смешанную с медом, и давал тем, кто уверял, что в животе бушуют ядовитые змеи. Он лечил болезнь глаз луковым соком, от которого несчастные вначале как бы слепли, а потом говорили, что глаза прояснились. В сумерках, когда никто уже не приходил к Паааму за целебными травами, Памеджаи поведал ему свою печальную историю и рассказал обо всем, начиная с того дня, когда он вместе с другими юношами маленького селения был угнан с юга Нубии в столицу фараонов — священные Фивы.

Пааам редко прерывал Памеджаи. Он слушал очень внимательно. Казалось, что он знает и Пао, и Хори, и Пабесу. Только когда Памеджаи вспомнил о юной рабыне Несихонсу, Пааам не сдержался, схватил Памеджаи за руку и прошептал:

— Что же ты не сказал обо всем доброму писцу Хори? Почему

не женился на маленькой рабыне Несихонсу? Ведь Хори ничего не стоило замолвить слово и сделать так, чтобы маленькая рабыня получила более легкую работу, тогда бы она не погибла. . .

Пааам умолк, потому что увидел слезы на глазах Памеджайи. Он понял, что не должен был этого говорить, но уже было поздно. К тому же говорил он, подумав не головой, а сердцем. Уж очень ему обидно было за Памеджайи. Он, Пааам, человек с Отрогов Земли, не был рабом. Он даже не знает, как случилось, что его отец с матерью оказались в Икене. А он, их единственный сын, унаследовал от отца те знания целебных трав, заклинания и колдовство, которыми с давних пор исцеляли грузчиков в Икене. Он был свободным человеком. Вот почему ему было горько за Памеджайи, печально за него, за то, что все хорошее уже прошло и не вернется. Паааму было жаль Памеджайи, когда он во всех подробностях узнал о пещерном храме. Ему еще никогда в жизни не приходилось слышать ничего подобного. Он с трудом представлял себе гигантские скульптуры богов у входа в святилище. Но Памеджайи обладал удивительным умением рассказывать о небывалом. И его рассказ увлек старого Пааама и как бы помог увидеть то, что было далеко от него.

Когда Памеджайи преподнес Паааму маленькую скульптуру богини Хатор, старик даже прослезился от радости.

— Теперь она мне еще более дорога. Запомни, Памеджайи: здесь, в Икене, у тебя есть большой друг. Старый Пааам никогда тебя не забудет. Ты пойдешь своей дорогой. Теперь ты новый человек, Памеджайи. Ты уже не раб. Тебя не найдут и не угонят в каменоломни. Только будь осторожен. Никому больше не рассказывай о себе. А главное — храни в тайне свое искусство резчика. Помни, что тебя может выдать твое мастерство. Тебе уже никогда нельзя будет заняться прежним делом. Ты не должен украшать храмы, ты можешь только делать вот такие маленькие фигурки — вырезать скарабеев, делать ушебти. Я всю ночь думал о тебе и решил, что тебе лучше всего отправиться на западный берег Хапи, где живут такие же искусные мастера, как ты. Разве ты не сумеешь делать крышки саркофагов с изображением умершего?

— Ты мудрый человек, Пааам. До этого не додумался даже царский писец Пабеса. Он ведь все знает, а ему не пришла в голову такая хорошая мысль. Я не буду дожидаться Пабесы. Он простит меня. Я отправлюсь на западный берег Хапи. Ты прав, мой друг Пааам. В память о тебе у меня остаются не только знаки племени, но и твои добрые советы. И хоть я буду жить далеко от тебя, я буду знать, что мой друг помнит обо мне, когда обращается с молитвами к богине Хатор.

Так они расстались у калитки маленького глинобитного дворика Пааама, и у каждого на сердце было тепло, потому что каждый нашел себе друга. А с другом легче жить на свете.

После долгого путешествия по городам Кеми писец Пабеса снова пришел в святилище, чтобы посмотреть, насколько велика вина Памеджаи, и чтобы подумать о том, сколь сурова может быть кара. Он вошел в святилище на рассвете, когда солнечный луч проник внутрь храма и осветил нежным светом украшенные барельефами стены, а рядом с ними — священные надписи. Пабеса остановился у брачной стелы и стал внимательно читать строку за строкой. Он увидел неудачу Памеджаи, но подумал о том, что

эта роковая строка написана так низко, что рассмотреть ее можно только согнувшись. И, только прочитав последнюю строку, можно понять, что надпись не дописана... Но Пабеса точно знал, что ни верховный жрец, ни тем более его величество божественный фараон никогда в жизни не унизятся до того, чтобы согнуться, читая даже священную надпись. К тому же рядом с этой надписью искусным резцом Памеджаи были сделаны такие прекрасные сцены из жизни великого фараона, что нельзя было пройти мимо них равнодушно.

Когда Пабеса вновь посмотрел на великого фараона в колеснице, на поверженных им врагов — хеттов, на пастуха, в испуге угоняющего свое стадо, он подумал о том, как ничтожна оплошность, допущенная камнерезом, и как прекрасно мастерство Памеджаи. Сейчас Пабеса понял, что верховный жрец многое потерял в лице Памеджаи. Писец подумал о том, что если бы он распоряжался судьбой таких людей, как Памеджаи, то, глядя на такие вот картины, каких много в святилище пещерного храма, он бы не стал думать о том, что это сделали рабы, и приказал бы дать в руки этих людей достояние, которое позволило бы им жить сытно, под крышей, так же, как свободным людям. Но от его, Пабесы, воли зависит судьба Памеджаи — не только потому, что он допустил оплошность в работе, но и потому, что он бежал. За это могут отрубить голову. И потому царский писец Пабеса должен тотчас же сказать надсмотрщику, жрецам и всем, кто стоял над искусным мастером, о том, как он встретил его у дальнего колодца умирающего и что, по всей вероятности, Памеджаи уже нет в живых.

«Я скажу об этом, — подумал Пабеса, — а потом, когда встречу Памеджаи в Икене, придумаю, каким способом отправить его на земли Нубии, чтобы там ему устроить достойное занятие и безбедную жизнь».

Покинув святилище на берегу Хапи, писец Пабеса поспешил на великое празднество в Пер-Рамсес. Ему уже был привычен долгий путь по священной реке. Через два месяца он снова был в столице.

У ворот дворца толпился народ. Казалось, что все люди, живущие в этом городе, собрались здесь в своих праздничных одеждах. Но только знатные могли пройти за сверкающие медной обшивкой ворота, которые охраняли черные воины из страны Куш. Правда, сейчас, когда Пабеса подошел к воротам, воины пропустили целое шествие черных рабов. У каждого на голове стояла большая корзина с плодами. Это были носильщики с приношениями. Вот прошли юноши в полосатых фартуках, с корзинами румяных яблок. За ними шли носильщики с корзинами крупных красных гранатов. Финики, смоквы, виноград. А дальше носильщики тащили сети, в которых бились еще живые рыбы, шли охотники, в сетях которых билась живая птица. Шествие завершили пастухи, пригнавшие белых козлят и целое стадо телят.

Пабесу пропустили немедленно — в руках у него был свиток, а на шее висела цепь с печатью. Писец прошел в ворота и очутился в прекраснейшем саду. Он шел по золотистому песку, а по обе стороны дорожки серебрились ветви маслин. Чуть подалее вдоль дороги стояли пальмы, а у подножия пальм благоухали цветы. У пруда, где плавали маленькие золотые рыбки, сидели гости. У женщин в руках были цветы. Причудливые прически и воротники из драгоценных камней говорили об их знатности. На мужчинах ослепительно белели тонкие полотняные одежды, а на руках и ногах у каждого сверкали золотые украшения. Писец Пабеса вспомнил строки, которыми он закончил свой свиток, недавно отправленный господину.

«Прибывай, будь счастлив, ходи, не покидай ее, Рамсес, возлюбленный Амоном бог».

В саду было прохладно, душисто и весело от щебета птиц, от нежных звуков сistrы. Все здесь располагало к отдыху и веселью. Как только появлялся знатный гость, так тотчас же за спиной его возникал черный человек с опахалом. И оттого что этих людей с пестрыми опахалами было много, в саду как бы гулял приятный ветерок. Еще не появилась божественная чета в окружении жрецов, а слуги уже разносили прохладные вина из подвалов Рамсеса. На драгоценных сосудах, запечатанных царской печатью, было написано: «Вино из царских подвалов Рамсеса, год царствования — двадцатый». Такие же надписи с указанием: «год царствования — двадцать пятый», «двадцать седьмой»... Прежде чем прикоснуться к кубку, гости вначале внимательно рассматривали печати на винных сосудах и подсчитывали, сколько лет это вино стояло в подвалах

фараона. Ведь торжество состоялось на тридцать четвертом году царствования Рамсеса.

Пока слуги разносили прохладные вина и угощение, а юные ви-ночерпии заполняли золотые кубки, красивые нубийские девушки, завернутые в голубые и желтые покрывала, принесли на золотых блюдах сласти. Не успели уйти нубийские девушки, а уже появились красивейшие девушки Сирии с блюдами дичи, жареных рыб, хлебов и фруктов. А за ними пришли черные юноши из страны Пунт, курчавые, белозубые, с большими красивыми глазами. Одеты в юбочки из перьев пестрых попугаев, они исполняли огненный танец своей страны.

Но вот появилась царственная чета, и все гости пали ниц перед фараоном и прекрасной хеттской царевной. Фараон был уже немолод, но все заметили, что счастье сделало его чело молодым и прекрасным, а величественный головной убор скрыл его седину, и казалось, что он еще много лет будет покорять, властвовать и править.

Пабеса смотрел на все это сказочное великолепие и думал о том, что язык его беден и не в силах передать то, что видит его глаза. Он был озабочен: где ему взять те яркие слова, которые помогли бы увековечить в свитке это величайшее событие? Ему доверено великое дело. Он должен подробно описать все происходящее, не упустив ничего. Он должен рассказать о знатных гостях, о драгоценных украшениях царевны, о винах и угощениях, о цветах, которые благоухают в этот торжественный час, о юных танцовщицах, о жрецах и жрицах, которые поют сейчас гимн великому богу Амо-ну-Ра.

Пабеса едва успевал записывать свои впечатления. И хоть он был безмерно рад тому, что своими глазами увидел столь удивительное, он очень волновался. Он вдруг подумал о том, что малейшая неточность может причинить ему непоправимый вред. От своего господина Аменеморета он узнал, что фараон Рамсес нередко спрашивает свитки первых лет своего правления, и когда писцы читают ему свитки двадцатилетней давности, они поражаются его удивительной памяти. Иной раз им кажется, что он и в самом деле не человек, а бог, столь многое он знает и помнит. Но если он помнит подробности своих походов, помнит о людях, которые прибывали из чужих стран, и помнит о людях, которые ему верно служили, то как ему не запомнить такой счастливый и радостный день его жизни — сегодняшний день?

«Торопись, Пабеса, — говорил сам себе писец, — торопись, если хочешь быть с головой, если не хочешь лишиться головы. . .»

Уже хеттская царевна, ставшая женой великого, непобедимого Рамсеса, правителя многих земель, раздала сокровища из принесенных ею ларцов. Уже трижды сменились юные прелестные танцов-

щицы. Уже устали пить вино именитые гости. А Пабеса все писал и писал свой длинный, бесконечный свиток. Пот градом катился на папирус, и писец вдруг вспомнил строки из поучения, которое он писал еще в детстве:

«Воин приходит в Сирию без посоха и сандалий. И он не знает, жив ли он или мертв из-за дикого льва. Противник прячется в траве, враг готов к сражению, и воин идет, вызывая к своему богу: «Приди ко мне, спаси меня!»

И еще он вспомнил: «Когда хлебопек стоит и печет и ставит хлеба в огонь, то его голова внутри отверстия печи. Его сын держит его ноги, но если однажды он выскользнет из рук своего сына, то он падает в печь...»

Сейчас ему, Пабесе, так же трудно, как воину в Сирии и как хлебопеку в печи. Пабесе кажется, что недостает слов и что язык его беден и ничтожен, чтобы нарисовать на папирусе все то удивительное и прекрасное, что было на этом торжестве. Но он должен найти достойные слова. Он должен оправдать звание придворного писца. Иначе для чего же тогда в детстве, когда плетка учителя гуляла по его спине, он писал незабываемые слова:

«Сделайся писцом! Он освобожден от повинности, он охранен от всяких работ, он удален от мотыги и кирки. Ты не будешь носить корзину, избавит это тебя от доли гребущего веслом... Ты не будешь под многими господами, под многочисленными начальниками. Из всех дел и обязанностей — писец первый».

Сейчас ему трудно, но ведь он первый человек. Пусть градом льется пот на исписанные свитки и пусть голова словно плавится в огне — это можно перенести. Зато когда он закончит свой свиток, он вздохнет свободно и снова устремит свой взор на что-то необычайное. Поистине великий Рамсес даровал ему, Пабесе, неисчислимыя блага. И самое великое из этих благ — возможность открыть глаза на прекрасный и необозримый мир.

«И все же, — подумал Пабеса, — если бы я имел власть, я бы посадил рядом с этими знатными такого человека, как Памеджаи, и сказал бы ему: «Смотри и запомни это великое событие, чтобы потом увековечить его на стенах святилища! Иначе откуда потомки узнают о величии своих предков?»

Не успел Памеджаи покинуть двор Пааама. Не успел старый знахарь рассказать своей жене Бакет о том, как жаль ему было расставаться с новым другом, как вдруг в маленький дворик знахаря ворвались разъяренные грузчики. Они с криками бросились к Паааму и стали его бранить за то, что он загубил двух грузчиков своим ядовитым зельем. Вчера, когда к Паааму обратились двое больных — они жаловались на боли в животе, — Пааам, как всегда, дал им настойку меда и желчи, а потом, узнав о том, что

им не становится лучше, принес еще немного отвара диких трав, которыми он всегда довольно успешно лечил такие болезни. И вот сейчас он узнал о том, что двое умерли и теперь его хотят потащить к верховному сановнику, чтобы предать суду. Пааам отлично знал, что судебное разбирательство может кончиться для него очень плачевно. Он знал о таком законе, который требовал смертной казни лекаря, если будет доказано, что он умертвил больного. За долгие годы это был первый такой случай у Пааама, когда ему угрожало судебное разбирательство. Никто еще ни разу не обвинял его в том, что он умертвил больного, хотя очень многие больные умирали. Люди понимали, что больные умирают от тяжелой болезни, а не от тех лекарств, которые им дает лекарь. Если эти разъяренные грузчики станут доказывать верховному сановнику его вину, то он, Пааам, погибнет. Чем он сможет доказать свою невиновность?

Эти мысли быстро пролетели в голове Пааама и привели его в ужасное смятение. А грузчики не унимались, проклинали его и вот уже схватили за руки и тащат за собой. Бакет выскочила из хижины, вцепилась в Пааама и стала кричать, что не отпустит мужа. Ее избили и бросили на землю. А Пааама потащили ко дворцу верховного сановника.

У дворца верховного сановника грузчики вдруг столкнулись с Памеджаи.

— Друг Памеджаи, — закричал знахарь, — ложное обвинение, меня хотят загубить, пришел мой последний час! . .

— Что случилось с тобой, Пааам? Почему они волокут тебя к Дому справедливости? — Памеджаи бежал за ним и силился понять, как это случилась такая беда с Пааамом, ведь они расстались едва ли час тому назад. Все было прекрасно, никто никому не угрожал — и вдруг Пааама волочат с проклятиями и угрозами. . .

Вместе с грузчиками и Пааамом Памеджаи вошел в Дом справед-

ливости. Здесь уже толпились люди, желающие найти справедливость у самого справедливого.

— Один будет говорить после другого, — предупреждал страж у входа. — Вас будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым. Следуйте друг за другом молча, иначе вас схватят доверенные верховного судьи. . .

Но они уже проследовали в просторный прохладный зал судилища. На позолоченном сиденье со спинкой сидел справедливейший из справедливых. Он опирался на пеструю кожаную подушку, а под ногами, где лежала искусно сплетенная циновка, также была красная кожаная подушка. Рядом со справедливейшим лежал жезл, а перед ним было разложено сорок свитков с законами. Направо и налево выстроились в ряд вельможи в белых полотняных одеждах, со свитками в руках. Писцы приготовились записывать все решения справедливейшего.

Грузчики, Пааам и Памеджаи молча ждали своей очереди. Они внимательно слушали речи просителей и речи справедливейшего. Памеджаи думал о том, что он скажет в защиту Пааама. Ему вдруг пришло в голову, что он может сослаться на знакомство с писцом Пабесой, что он может вспомнить покойного Хори, а главное, может кое-что сказать о жрецах великого храма Амона-Ра, так как Хори при случае рассказывал ему о великих таинствах, о спасении человеческих жизней. Думая об этом, Памеджаи даже не слушал речи просителей. Мысли его были далеко от Дома справедливости. Сейчас ему хотелось помочь Паааму, но он знал, что может причинить себе великий вред. Ведь могло бы случиться и так, что здесь, в этом Доме справедливости, вдруг окажется какой-либо жрец из пещерного храма, который узнает его. Впрочем, можно ли его узнать с этими знаками племени, пока еще не совсем зажившими, ярко-красными и потому очень изменившими его лицо? . .

И вдруг Памеджаи услышал крик Пааама:

— О начальник Дома справедливости, о господин мой! Великий из великих, богатый из богатых! . . Ты — руль неба, ты — столп земли! . . Руль, не упали, столп, не покачнись. . .

«Откуда такие слова? — подумал Памеджаи. — Ничего подобного в жизни не слышал. Каким голосом он кричит и как уверенно обращается к господину Дома справедливости!»

— Не верь злодеям! Пощади невинного! — кричал Пааам. — Помни о вечности! Помни о справедливости. Злые люди хотят оклеветать меня. Но ты не поверишь!

— Замолчи, дай людям слово сказать, — потребовал вельможа, стоящий справа от господина Дома справедливости.

А великий господин, развалясь на мягких подушках, с трудом сдерживал улыбку. Вопли Пааама позабавили его. И он сказал:

— Пусть выскажется.

— Ты ученый, ты образованный, ты не поддашься невежеству этих грузчиков. Они скажут, что я умертвил людей, а это сущая ложь. Не было случая, чтобы мое зелье причинило вред людям. Я учился у великих жрецов. . .

Тут вмешался Памеджаи. Он сказал:

— Поистине он учился у великих жрецов. Он знает тайны исцеления. Он спас многие жизни. Не слушай клеветников. Если ты не веришь мне, спроси обо мне прекраснейшего из писцов, самого умного, самого чтимого — писца Пабесу.

Имя Пабесы было знакомо господину Дома справедливости. Па-беса не раз бывал здесь со своими свитками и вел записи, которые интересовали главного писца фараона. Имя Пабесы возымело магическое действие. Господин Дома справедливости поднял руку и сказал:

— Имя Пабесы мне известно. Однако я должен знать, зачем пришли эти люди и зачем они привели Пааама. — И он протянул свой жезл к грузчикам, которые пали ниц и долго лежали, уткнувшись носами в деревянный с инкрустациями пол.

Затем они подняли головы и, стоя на коленях, перебивая друг

друга, стали рассказывать о том, как Пааам отравил двоих грузчиков.

Ударив жезлом об пол, господин Дома справедливости крикнул:
— Говорите понятно, ничего не пойму!

— Он убил! Он отравил! Он знает дурное слово. Он злобный колдун!.. Грузчики Икена больше не пойдут к нему... Накажи его, справедливейший из справедливых... — закричал старший из грузчиков, с длинной седеющей бородой и гневными глазами. — Он убил! Убей его! — прорычал грузчик и склонил голову в ожидании решения.

Памеджаи с волнением и трепетом смотрел на происходящее. Он видел слезы на глазах Пааама, видел его волнение, потому что старик уже не мог сдерживать страха и весь трясся, как в ознобе. Памеджаи видел, как Пааам простер руки к господину, который должен был решить его судьбу, но от волнения не смог ничего сказать и стоял с простертыми руками, с дрожащей головой.

«Надо что-то сказать, — подумал Памеджаи. — Надо вступить за Пааама. Старик погибнет!.. Но что сказать?..»

— Я знаю Пабесу! — воскликнул Памеджаи. — Пабеса знает меня. А я скажу, что Пааам не виновен. Пааам тридцать лет трудился в порту Икена. Он спас сотни жизней. Загляни в его хижину, великий господин, и ты увидишь там целебные травы от всех болезней, какие есть на свете. Подумай хорошенько! Не предавай казни невинного.

Памеджаи даже не помнил, как он оказался на коленях с простертыми руками. Но в таком виде он очнулся и обратил внимание на удивительную тишину. Все замерли в ожидании последнего слова. Памеджаи уставился в лицо великого судьи. А Пааам, словно окаменев, смотрел куда-то вдаль, казалось, глаза его видели солнце за пределами этих стен.

Помолчав немного, господин Дома справедливости поднял руку и сказал:

— Я знаю писца Пабесу. Уведите их. Мы не казним Пааама.

И тотчас же охранники стали выталкивать грузчиков, а вместе с ними Пааама и Памеджаи. И как только они оказались на улице, за пределами Дома справедливости, так Пааам бросился к Памеджаи и стал его благодарить, а грузчики окружили их и стали угрожать, что сами найдут справедливость там, где не нашли ее господина из Дома справедливости. Уходя, они долго еще угрожали и проклинали Пааама.

— На судилище тебя спасло имя Пабесы, друг Пааам. Но кто спасет тебя в порту Икена, когда грузчики пожелают расправиться с тобой темной ночью?..

— Я подумал об этом, Памеджаи. Как ни жаль, а придется мне покинуть Икен.

— Тогда сделай это немедленно! Позови свою Бакет, собери в мешочек свои целебные травы, и мы вместе пойдем к поселению Владыки Молчания. Ты мне советовал найти себе прибежище в этом поселении. А я могу тебе сказать то же самое. Разве там мало живых, которым понадобятся твои целебные травы? И разве ты так глуп, что не сможешь помогать бальзамировщикам? Пойдем вместе, Пааам! Видно, боги так задумали. Иначе зачем бы ты сидел у колодца вместе со странником, тебе неизвестным? Иначе зачем ты изменил мое лицо для спасения моей жизни?

— И не для того ли я получил от тебя изображение доброй богини, — ответил с улыбкой Пааам.

СНОВА БЕГСТВО

В сумерках в доме Пааама все уже было готово к уходу. Бакет уложила в тростниковые корзинки весь несложный скарб. Собрала кое-какую еду, бережно сложила в мешочки целебные травы. Среди мягких трав разместила горшочки с мазями и настояками, которыми Пааам исцелял людей. И когда ночь спустилась над Икеном, Пааам, Бакет и Памеджаи сложили все в большие тростниковые корзины и приготовились к бегству. Каждый прислушивался, не идут ли крадучись злобные люди, чтобы расправиться с Пааамом. При расставании с грузчиками у Дома справедливости Пааам понял, что неизбежна еще одна встреча. Этой встречи боялись все трое. Прежде чем выйти, Бакет пошла посмотреть, что делается за калиткой ее маленького дворика, и вдруг остановилась, зажав рукой рот, чтобы не крикнуть. Она увидела троих, которые факелом поджигали кустарник позади дома. Она поняла: они пришли, чтобы сжечь Пааама в его собственном доме. Бакет метнулась в дом и знаками дала понять, что нельзя говорить, а надо взять корзины и скорее бежать. Вместе с Пааамом и Памеджаи она бросилась к калитке. В это время уже яркое пламя охватило хижину и с треском поглощало сухую тростниковую кровлю.

Когда Пааам, Бакет и Памеджаи бежали по пустынной улочке, пожар уже стал настолько заметным, что люди, выбегая из жилищ, бросались туда с криками: «Пааам горит! Пааам горит!»

Бакет позволила себе закричать и заплакать лишь тогда, когда они вышли за ворота города и можно было бежать по пустынной дороге.

— Они подожгли наше жилище! Посмотри, Пааам, как высоко в небо поднялось пламя! Эти злодеи, должно быть, вопят от радости. Они думают, что мы горим. Пусть проклятие падет на головы этих разбойников!

— А мне все равно, — отвечал Пааам. — Наоборот, даже лучше, ведь они думают, что сожгли нас, и не пойдут за нами следом. О чем ты плачешь, Бакет? Разве ты не видишь, как добры к нам боги? Разве не боги прислали ко мне Памеджаи? Я выручил его, а он выручил меня. Ты бы послушала, как Памеджаи говорил перед его величеством в Доме справедливости! Без него ты осталась бы одна, Бакет. И, может быть, грузчики удовлетворились бы моей гибелью и не сожгли бы твой дом вместе с тобой, но меня бы не было с тобой рядом, верная Бакет. Мы рядом и не станем печалиться. Я думаю сейчас о другом. Я хочу спросить тебя, Памеджаи: кто призывает нас жить в поселении Владыки Молчания? Кто?

— Должно быть, боги нам внушили эту мысль, и мы захотели пойти туда, — ответил Памеджаи.

— А я подумал сейчас, что нет нам нужды селиться в таком печальном месте, — сказал Пааам, идя рядом с Памеджаи и задыхаясь от быстрой ходьбы с тяжелой ношей, которая мешала ему спокойно рассказать о задуманном. — Когда я увидел свою горящую хижину, что-то защемило внутри меня. Мне сделалось печально и очень захотелось вырваться из этой печали. И я сказал себе быстро-быстро... Мои мысли бежали так же, как и ноги мои... И я сказал себе: «Пааам, невесело будет тебе в поселении Владыки Молчания! Каждый день ты будешь думать о людях, которые очень неохотно покинули свой дом и своих близких, чтобы уйти на запад, в страну Молчания...» И я сказал себе: «Почему бы нам не пойти в город Мим? Это город наших предков, близкий моему сердцу». Как ты думаешь, Памеджаи?

— Ты спрашиваешь меня, Пааам?.. Ты хочешь знать мое мнение? Как это хорошо с твоей стороны!.. Дай мне собраться с мыслями, Пааам. Посуди сам: ведь камнерезу Памеджаи непривычно задумываться над своей судьбой и еще более непривычно выбирать свой путь...

Памеджаи выразил свою мысль очень верно и очень искренне. Впервые в жизни он ощутил какую-то гордость и сознание свободы. Это была счастливейшая минута его жизни, когда Пааам обратился к нему с таким вопросом. До сих пор ему еще никогда не приходилось задумываться над тем, где ему будет хорошо и приятно и где ему будет скверно. Ведь он еще никогда в жизни не принадлежал сам себе. Он никогда не выбирал себе не только города, но и жалкой хижины. И несмотря на то что он достиг многого благодаря своим умелым рукам, он не достиг самого главного — свободы. И это главное пришло к нему в тот страшный час, когда уже рассчитывать было

не на что и когда казалось, что и самая жизнь покинет его, уйдет к Владыке Молчания. Он шел сейчас рядом с Пааамом, и все эти мысли шли вместе с ним и нашептывали ему: «Будь смелее, Памеджай. Скажи свое желание. От этого зависит направление пути».

И Памеджай вдруг сразу решил, что идти надо именно в Мим, в старинный город Мим, о котором ему рассказывали много хорошего рабы-каменотесы, пригнанные оттуда к пещерному храму. И как только он решил это, ему показалось, что ничего другого он в жизни не желал.

— Ты прав, Пааам. Конечно, надо идти в город Мим. Я согласен с тобой. Не стоит заниматься этим печальным ремеслом и думать все время о Владыке Молчания. Поверь мне: куда легче будет думать о Владыке Жизни. Пойдем, Пааам, вместе с Бакет в город Мим. Не будем менять своего решения. Пойдем самым кратчайшим и разумным путем. А печаль оставим на этой дороге. Пусть она не болтается у нас в ногах и не омрачает наш путь. Только знай, Пааам, что рано утром, когда великий Ра даст нам свет и тепло, ты должен уже называть меня другим именем. Ты изменил мне лицо, а теперь, когда ты изменишь мне имя, в город Мим придет уже новый человек. И этот человек не будет бояться ни жрецов, ни гонцов из Дома справедливости, которых может послать за мной жрец. Они будут искать беглого раба, но по справедливости меня не следует считать беглым рабом, Пааам. Разве я не откупился своим трудом искусного камнереза?

— Ты прав, Памеджай. Я убежден, ты давно откупился. Правда, я не видел творений твоих рук, но ты многое мне рассказал, и мне кажется, что ты сделал работу сотен неумелых рабов. Считаю себя свободным человеком. Не говори мне, Памеджай, что ты беглый раб.

В это время к ним подошла Бакет. Подхватив последние слова мужа, она поняла, о чем говорили друзья, и, несмотря на свою робость и чрезвычайную скромность, позволила себе сказать свое мнение:

— Разве человек, сотворивший богов, может быть рабом? Вдумайся в это, Памеджай. Вдумайся хорошенько, и оковы, которые незримо висят на твоём сердце, спадут, и ты будешь свободным и счастливым.

Памеджай даже остановился в изумлении. Он никогда не думал, что эта тихая, скромная женщина может так тонко и разумно рассуждать.

— Спасибо тебе, благородная Бакет, за твои добрые слова. Ты права. Мы пойдем в сторону восходящего Солнца. Мы начнем там новую жизнь. Я рад, что небо благословило меня и направило мои стопы к вам, в ваш дом. Может быть, я трудом своим угодил великому, всемогущему, и он подарил мне немножко смелости и наход-

чивости. И еще он подарил мне немножко удачи. С тех пор как я покинул свою хижину у пещерного храма, удача идет со мной рядом, и я словно вижу ее со стороны и восхищаюсь ею. Подумать только! Ведь меня мог встретить жрец. Меня мог возвратить на место Пабеса. И здесь, в Икене, многое могло повернуться против меня...

— Слава всемогущему, мы уже не «здесь в Икене», а уже далеко за пределами Икена. И это очень важно, — улыбнулся Пааам. — Я рад этому. Я был неправ, когда хотел послать тебя в сторону заката. Это случилось бы, если бы мы не повстречались у Дома справедливости. Не там твоё место, Памеджаи!

— А я подумал, что там мое место, Пааам. И знаешь, по какой причине? Трудно поверить, но это была единственная причина, которая заставила меня согласиться с твоим советом. Я подумал, что на всех крышках саркофагов, предназначенных для захоронения любой знатной госпожи, я бы стал делать изображение госпожи моего сердца — маленькой рабыни Несихонсу. И когда об этом подумал, я решил, что пойду в сторону заката.

— Поверь мне, старому Паааму, — твой замысел воплотится в жизнь в тысячу раз лучше. Ты будешь делать маленькие фигурки богини Хатор с лицом Несихонсу. Богиня не рассердится, она ведь добрая.

Первое утро в пути показалось Памеджаи особенно радостным и счастливым. Ему казалось, что он только в детстве видел такое ясное, такое красивое и прохладное утро. Они шли вдоль полей, засеянных ячменем и пшеницей, и спелые колосья, казалось, звенят и о чем-то говорят им. И Памеджаи прислушивался к этому звону и, касаясь рукой спелых золотистых колосьев, думал о будущем.

— Как же мы назовем тебя? — спросил Пааам. — Я знал одного человека. У него было красивое имя. Да и сам он был хорошим человеком. Его звали Тхутисенбу. Как ты думаешь, друг, подходящее имя?

— Совсем другое, нисколько не похожее на мое и в самом деле звонкое. Может быть, эти золотые колосья подсказали тебе, Пааам? Я согласен. Простись с Памеджаи и скажи слово приветствия новому человеку — Тхутисенбу.

Тем временем они подошли к полю, где значительная часть зерна была уже собрана. И вдруг до них долетела песенка носильщиков зерна. Вдоль поля друг за дружкой шли люди с корзинами на головах, черные, голые, в крошечных набедренных повязках. Большие корзины, наполненные зерном, прикрывали их головы от знойного солнца.

Они шли и пели:

Должны ли мы день целый
Таскать зерно и белую полбу?

Полны ведь уже амбары,
Кучи зерна текут выше краев,
Полны корабли,
И зерно ползет наружу,
А нас все заставляют таскать.
Воистину из меди наши сердца!

— Посмотри, мой друг Тхутисенбу, посмотри на этих людей, послушай их песни, сравни себя с ними, и ты поймешь, что ты счастлив.

— Я уже говорил тебе, Пааам, что мне выпало великое счастье найти резец, который стал источником всех благ моей жизни. Поистине мне жаль этих носильщиков и жаль вон ту маленькую женщину, которая так усердно трудится, растирая зерно. Посмотри, какая она маленькая и какой громадный камень у нее в руках.

Когда они подошли ближе, Пааам увидел маленькую худенькую девушку у зернотерки. Слабыми, тонкими руками она с трудом передвигала громадный камень. Она была полуголой, с фартуком из линейного куска полотна. Ее правая нога была прикована к каменной довольно длинной цепью, что давало ей возможность поворачиваться. Но уйти эта девушка не могла.

Пааам спросил девушку, что это за деревня, кому она принадлежит и кто здесь хозяйничает. Девушка поднялась, разогнулась, и все услышали звон цепей и увидели ее бледное худенькое личико и короткие растрепанные волосы.

— Наша деревня принадлежит храмовому хозяйству, — ответила девушка. — Все, что у нас растет на полях, все, что нам дают пальмы и плодовые деревья, — все увозится в храм. Наш храм богини Хатор находится недалеко — всего один день пути отсюда.

— Значит, песню носильщиков зерна поют храмовые рабы? — спросил Памеджаи.

Тут Бакет обратила внимание на большой красный шрам на спине девушки. Она спросила:

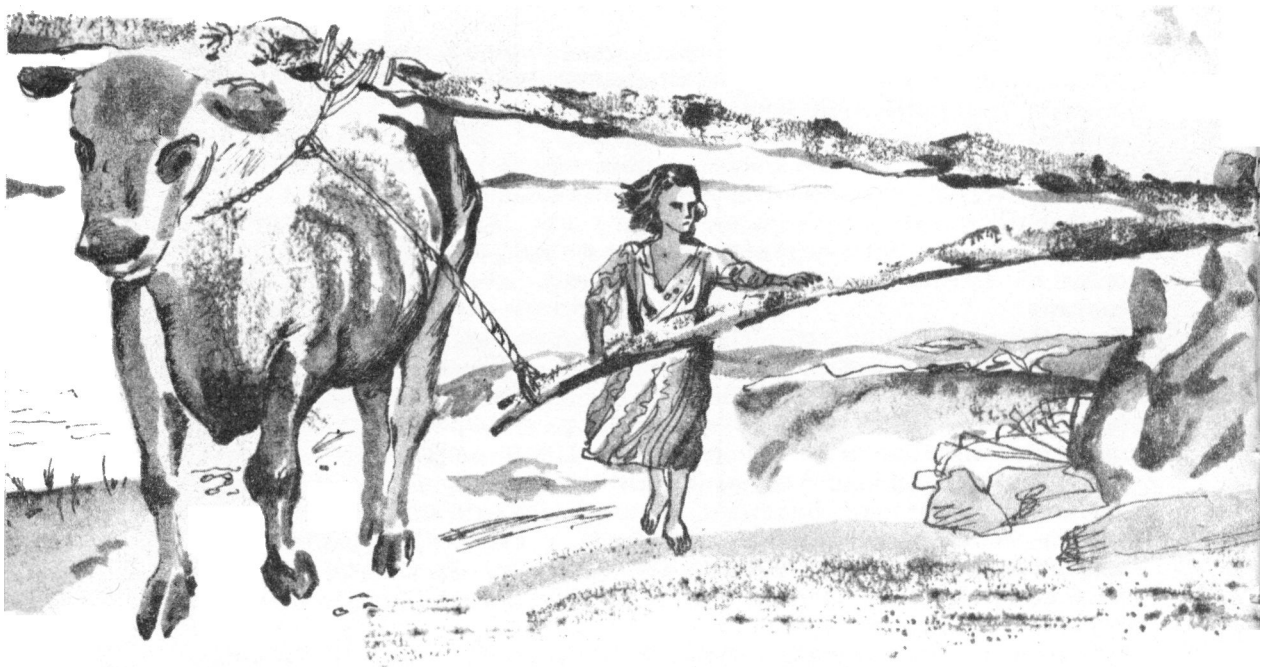
— Как это случилось у тебя?

— У нас злой надсмотрщик. У него плеть из шкуры гиппопотама.

— Скажи мне свое имя, — попросила Бакет и протянула девушке горсть сухих фиников и тонкую маленькую лепешку.

— Меня зовут Таметс. Богиня Хатор вознаграждает тебя, добрая женщина, за твое приношение. Финиковые пальмы далеко отсюда. Мне никогда не доставалось фиников. А лепешек нам не положено. — И она прижала к груди маленькую лепешку.

— Ты живешь здесь вместе с родителями? — спросил Пааам. Он не стоял праздно. Он согнулся над своей корзиной и стал искать целебную мазь, которая помогла бы девушке быстрее залечить кровавый шрам.

— Я не помню своих близких, — отвечала Таметс. — В моей хижине живут чужие женщины, такие же рабыни. Они здоровей меня, и потому их посылают в поле. Раньше и меня посылали, а сегодня привязали к этой зернотерке. Так бывает часто. Я провожу здесь целые дни под знойным солнцем и все жду, когда надсмотрщик придет и отцепит меня от камня. Когда мы все вместе, мне позволяют ходить без цепи. А когда деревня пустеет, я остаюсь на цепи — боятся, что я убегу. А куда мне бежать? На всем белом свете я не знаю ни одного человека, к которому я могла бы обратиться с просьбой помочь мне. Мне некуда бежать...

— Великий и щедрый бог Ра призывает нас сделать доброе дело, — сказал Пааам. — Сейчас, когда в деревне пусто, когда все в поле и надсмотрщик занят, великий Ра внушил мне и сказал: «Возьми, Пааам, за руку бедную рабыню Таметс и сделай ее свободной». Как ты думаешь, Тхутисенбу, должны мы выполнить то, что нам велит всемогущий и всесильный бог Ра?

Надо сказать, что эта мысль в то же мгновение пришла в голову Памеджаи, но он прогнал ее. Он был нерешительным. Ведь он еще не привык к мысли о том, что свободен. А Пааам, который не знал оков рабства, был более решительным. И как хорошо он все

придумал! Только великий всемогущий Ра, который надоумил и его, Памеджаи, разорвать цепи рабства и обратиться к Паааму, — только он мог так придумать. Памеджаи вдруг осмелел. Он ничего не ответил. Он вытащил из корзины свои резцы, молотки и щипцы, быстро разорвал звенящую цепь, схватил за руку Таметс и сказал:

— Поспешим отсюда. Воспользуемся мгновением. И если Ра поможет нам, мы все придем в Мим и будем счастливы.

Маленькой Таметс нечего было терять. Она недолго жила на свете, но ей казалось, что прошла уже долгая страшная и безрадостная жизнь. Она тоже решила, что великий Ра повелел надсмотрщику оставить ее сегодня у зернотерки, тогда как ей полагалось собирать снопы. А раз так случилось, значит, надо бежать вместе с этими добрыми людьми. Доброта их сказалась во всем: и в том, что они ее позвали с собой, и в том, что Бакет так щедро ее одарила. Она прижала к груди лепешку, на которой лежала горсть фиников, и сказала:

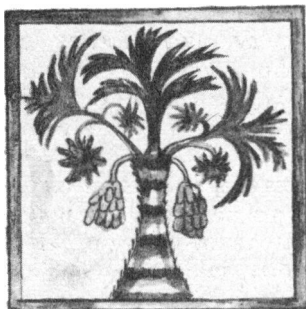
— Пойдем. Только скорее, как бы не вернулись люди с поля!.. Я пойду куда угодно. Я никого не боюсь. Страшнее моей жизни может быть только смерть. Но ведь нас могут и не поймать, не правда ли?

— Возьми вот это полотно и прикройся, — предложила Бакет. — Если нас встретят, тебя тогда не узнают. Завернись, чтобы не видно было твоего лица. Подвяжи мои старые сандалии. Встречные не должны увидеть рабыни. Возьми мой серебряный браслет. Вот этот, с бирюзой. А эти медные надень на ноги. Пааам, посмотри: разве можно узнать в этой женщине маленькую рабыню у зернотерки?

Они поспешили, и по знойной пыльной дороге шли уже четверо свободных и счастливых. Таметс смеялась и радовалась, не скрывая своего восхищения. Это полотняное покрывало и браслеты, эти старые, поношенные сандалии, которые достались ей, — все это показалось бедной девушке царскими дарами, и она шла сейчас как во сне. Ей казалось, что приснился счастливый сон и как только она откроет глаза, все это исчезнет и снова в руках у нее будет тяжелый камень зернотерки, а за спиной голос надсмотрщика. Она очень хорошо запомнила свист тяжелой кожаной плети. Уже не впервые надсмотрщик наказывал ее. Так бывало в те дни, когда мука, полученная из ее зернотерки, казалась ему недостаточно тонкой и мягкой.

Они устроили привал уже на закате, когда были далеко от деревеньки храмового хозяйства и когда им уже не угрожала встреча с хозяевами этой деревеньки, которые могли бы увести свою рабыню. На привале Таметс предложила сделать маленький костер из собранного ею хвороста, раскалить камень и испечь на нем тонкие-тонкие, почти прозрачные лепешки. Вместе с Бакет они занялись этим делом, а Пааам и Памеджаи тем временем рассуждали о том, как они начнут строить свою новую жизнь в нубийском городе Миме.

МИМ

Они шли по ночам. Днем прятались среди скал, среди высоких колосьев ячменя, в пальмовых рощах, в пещерах, вдали от чужих глаз. Все боялись, как бы жрец храма Хатор не вздумал искать маленькую Таметс. И хотя Паааму удалось узнать, что этот небольшой храм имеет три тысячи рабов, у него не было уверенности в том, что не будет послана погоня за маленькой рабыней. И оттого, что они шли только по ночам, путь до города Мима растянулся бесконечно. К тому же он осложнился оттого, что припасы Пааама уже иссякли, и оттого, что воду в кожаном мешке таскали на спине. Они были еще на полпути к Миму, когда Памеджаи обратил внимание на залежи алебастра и подумал: «Бог Ра покро-

вительствует нам и принес нам целое богатство. Если мы сейчас проведем несколько дней возле алебастра, я сделаю маленькие скульптуры богинь и богов, а взамен мы получим всякую еду». И когда они, укрывшись за скалой, принялись добывать алебастр, а Памеджай вытащил свои резцы и всякие инструменты, которыми стал работать быстро и ловко, Пааам, Бакет и маленькая Таметс поняли, что они не пропадут и что победят и голод и все невзгоды, которыми усеян дальний путь.

В тени серых скал они провели несколько дней, ровно столько, сколько понадобилось, чтобы сделать около двух десятков самых разнообразных фигур. Начав работать, Памеджай увлекся и уже не ограничился изображением своей любимой богини Хатор. Он сделал несколько скульптур Гора, Анубиса в виде шакала и Аписа — священного быка. Он сделал скульптуры священных кошек и маленьких обезьян, и каждая вещь вызывала восторг и восхищение у всех его спутников. Покидая серые скалы в тот день, когда уже не осталось ни одной лепешки и на исходе уже была вода, они, однако, пошли в путь веселые, полные надежд.

Когда они очутились у маленького селения пастухов, где собирали молоко и масло для богатого владельца, живущего в своем поместье, они в этом же первом селении получили еду взамен скульптуры Хатор и Аписа. Вокруг селения расстилались превосходные пастбища, а пастухи охраняли стада священных коров и быков. Они объяснили Паааму, как лучше и быстрее добраться до города Мима. Они напоили свежим молоком голодных путников и дали им в дорогу немного овощей. Чем ближе был город Мим, тем легче была дорога. Чаще встречались деревни. Среди них нередко были свободные нубийские деревни, где жили такие же пастухи, каким был отец Памеджай. Их быт, их язык и обряды во многом напоминали Памеджайа обычаи его селения, и от этого с ним происходило что-то очень странное. Иной раз ему казалось, что не прошло тех долгих лет, которые отделяют его от хижины отца и матери. И казалось, что он словно вчера покинул порог своего дома. Но откуда тогда все те знания, что были в голове, и то умение, которым обогатились его руки? Однако это прошлое, которое было тяжким, потому что оно было связано с рабством, сейчас не тяготило Памеджайа. Может быть, потому, что он был уже не один и шли они в нубийский город Мим, где жили нубийцы.

А нубиец должен понять нубийца. Если правитель умный и знающий, он оценит людей умелых и полезных. А если он человек вздорный, кичливый и злобный, то надо будет покинуть этот город. Кто может их заставить остаться здесь, если ничего хорошего им не уготовано?

И настал день, когда все радостно воскликнули: «Стены Мима... Видны стены Мима!» К этому времени маленькая рабыня Таметс

уже подлечила свои раны целебными мазями, подаренными ей Пааамом. Она намного изменилась. Перестала хмуриться, чаще подымала голову и смотрела вокруг ясными веселыми глазами. Памеджаи нередко любовался ею, и ему все чаще казалось, что, может быть, она родная сестра Несихонсу. Ведь Несихонсу говорила о том, что у нее были сестры.

Пааам ликовал. Когда он увидел ворота Мима, он почувствовал себя победителем: ведь ему в голову пришла мысль пойти в Мим!

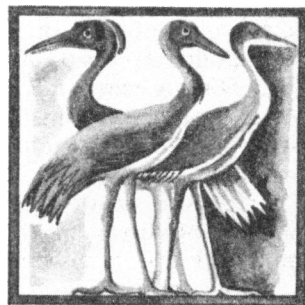
Прежде чем войти в ворота, Бакет и Таметс привели себя в порядок и нацепили все украшения, какие Пааам когда-либо дарил своей жене. Этого потребовал от них Пааам. Он хотел, чтобы стражники у входа видели, что идут люди свободные и независимые. Ведь это было очень важно.

И вот они в богатом городе Миме. Правда, город невелик, и потому особенно бросается в глаза довольно большой и нарядный дворец правителя. Неподалеку от дворца храм. Такой же, каких много в Египте и какие стали воздвигать в Нубии с тех пор, как ее покорили египетские фараоны. Вокруг дворца тенистый сад и пруды, а поодаль — обыкновенные нубийские хижины, ничем не примечательные. Правда, вот за высокими глиняными оградами, должно быть, живут начальники телохранителей, жрецы и важные воины. Город невелик, но это нубийский город, и потому сердце Памеджаи замирало от надежд и ожиданий. Должно быть, то же самое происходило с Пааамом и с Бакет. Когда они вошли под тростниковую крышу маленькой харчевни и предложили фигурку богини и зеленого скарабея, чтобы получить в обмен немного съестного, Пааам в ожидании долгожданной похлебки вдруг сказал:

— По всему видно, что нам покровительствует самый великий, самый мудрый, тот, кто дает жизнь и человеку, и животному, и растению. Подумать только! Все наше прекрасное путешествие никогда бы не состоялось, если бы эти злобные грузчики не вздумали сжечь мою хижину. Все предначертано великим. Не иначе, как великий прислал тебя, Тхутисенбу, в мой дом. Я спас тебя, ты спас меня, и все мы, взявшись за руки, не побоялись долгого пути.

В это время им подали горячую похлебку, лепешки и немного печеных рыб. Не стоит скрывать: для всех это было величайшим лакомством. И, принявшись за еду, каждый из них вознес свои молитвы всемогущему и всесильному Ра.

Маленькие фигурки, вырезанные Памеджаи, сделали невозможное возможным. Когда хозяин харчевни узнал о том, что им некуда деваться и что они ищут себе пристанища, он предложил им остаться за оградой небольшого двора, где вела хозяйство его жена. Несколько дней Памеджаи вместе с Пааамом бродили по городу, и наконец они решили обратиться к нубийскому принцу. Они узнали, что вблизи дворца строится новый храм и, естественно, что мастерство Памеджаи могло бы пригодиться там. Надо было только так предложить услуги Памеджаи, чтобы никому не пришло в голову, что он и есть тот беглый раб — искусный камнерез, — которого, возможно, разыскивают. Что касается Пааама, то он хотел предложить свои услуги лекаря. Он был уверен, что принесенные им из далекого Икена целебные травы, многие из которых были доставлены из страны Пунт, всегда помогут ему в самом трудном деле. Как ни странно, но Пааам совершенно перестал вспоминать грузчиков, которые хотели его убить за неудачное лечение. Пааам был полон добрых надежд, и он стал уговаривать Памеджаи не откладывать и поскорее отправиться ко дворцу, где, может быть, их ждет большая удача.

— Ты старше меня, искусный лекарь Пааам, однако мне странно, что ты без всяких молитв, без гадания и предсказаний осмеливаешься идти на поиски неизвестного. Мне странно это, Пааам, — сказал Памеджаи.

Пааам смутился. Он не смог объяснить своего поведения. Сейчас, когда Памеджаи упрекнул его, ему и самому показалось непостижимым это. Но сам он не позаботился ни о молитвах, ни о гадании. Может быть, потому, что никогда ничего подобного не предпринимал. Его жизнь в Икене не приносила ему таких неожиданностей, с какими он столкнулся с тех пор, как увидел Памеджаи. Слово Памеджаи был послан к нему самим великим и всемогущим, чтобы сразу все изменить и перевернуть, а главное, заставить решиться на что-то неожиданное. Ведь прежде, если бы Паааму сказали, что он, ничтожный знахарь, к которому обращались грузчики в порту Икена, осмелится явиться пред царским сыном Куша, он бы не поверил. Никогда бы он прежде не решился на такое. А теперь словно какие-то необъяснимые силы завладели им и швыряют его, куда им заблагорассудится.

— Не будем откладывать этого важного дела, Тхутисенбу. Зачем нам откладывать? Нам надо скорее найти свое занятие и свою

крышу. Я заметил, что хозяин харчевни своей приветливостью прикрывает жадность и скаредность. Он хитрый. Мне не нравится оставаться с ним рядом.

— И мне он показался не таким добрым человеком, каким мы его приняли при первой встрече, — согласился Памеджай. — Я готов пойти во дворец при одном условии: если ты обо мне ничего не будешь говорить, чтобы случайно, впопыхах не проговориться и не выдать мою тайну. Я скажу, что сейчас прибыл из дома своих предков у Отрогов Земли и что владею резцом. И если жрец, ведающий строителями нового храма, хочет получить быстрого работника, пусть возьмет меня, а за это даст мне хижину и пропитание.

— Я согласен! — воскликнул Пааам. — Но только скажу тебе: будь благоразумным и проси пропитание на двоих. Ведь ты не откажешься от нашей маленькой Таметс, которая так привязалась к тебе и так умело делает тонкие хрустящие лепешки?

— Не откажусь!

Так, обсудив все самым обстоятельным образом, они подошли к воротам дворца, где стояли молодые красивые воины, которых Пааам тут же назвал людьми с Отрогов Земли. Об этом он и спросил их. Они радостно заулыбались, закивали и, обращаясь к Памеджай, сказали, что им очень приятно встретить человека, у которого знаки племени почти ничем не отличаются от знаков племени, сделанных на их лицах в далеком детстве.

— Я вижу: все мы братья и друзья. Мы великие друзья, — сказал Пааам. — Поверь мне, человеку с сединой, я отлично вижу и понимаю людей с первого взгляда. Еще никогда в жизни мне не пришлось видеть у ворот дворца таких прекрасных юношей.

Он сказал им еще много лестных слов, и молодые воины пропустили их во дворец как добрых знакомых. Когда они уже вошли в ворота, один из охранников подошел к Памеджай и сказал:

— Послушай, брат, ты выбрал хороший день для посещения. Сегодня Великому Господину была доставлена дань из самых отдаленных селений. Он получил вдоволь золота, слоновой кости и страусовых перьев. Ты увидишь, как он весел и покладист. Ступайте. Вам будет удача.

И вот они перед царским сыном Куша в городе Миме. Богатые покои нубийского принца понравились им, но заставили насторожиться и быть осторожней. Ни Пааам, ни Памеджай никогда еще не были в таких покоях, и никому из них ни разу еще не приходилось стоять перед таким важным господином. Увидев на высоком позолоченном кресле молодого, красивого принца, они пали ниц и долго лежали у порога, уткнувшись носами в золотистые цветы лотоса, вырезанные на фоне черного драгоценного дерева. Памеджай глазом художника увидел, как искусно инкрустирован пол и как разумно

использован перламутр, чтобы оттенить лепестки цветов. На одно мгновение Памеджаи подумал об искусном резчике по дереву, которого он, быть может, узнает когда-нибудь, а затем он поднял голову и увидел жест господина, показывающий, что можно приблизиться к нему. И они ползком приблизились и остановились почти у самых ног господина, который сидел на своем ложе в набедренной повязке из шкуры молоденького леопарда и в очень красивом головном уборе из страусовых перьев. Когда Памеджаи поднял глаза, он увидел воинственное и довольно суровое лицо молодого принца, хотя по молодости лет он не должен был быть таким суровым, тем более что лицо его было очень красиво. А Памеджаи был убежден в том, что человек с красивым лицом, которому не надо завидовать чьей-либо более привлекательной внешности, должен быть добрее и приветливее.

— Что же вы молчите? — спросил вдруг принц. — Говорите, да поскорее!

И Памеджаи, снова поднявший глаза, увидел уже совсем другое лицо, необыкновенно приветливое и даже немножко озорное. И камнерез, встретившись с живыми карими глазами юного принца, вдруг понял, что нубийский принц напустил на себя такую суровость и неприступность для пущей важности, а на самом деле он был чело-веком приветливым и, должно быть, благородным.

Что касается Пааама, то он словно окаменел. Вся его прыть и отвага куда-то мгновенно испарились, и он тяжелым камнем ле-жал сейчас у ног великого господина, не смея поднять глаз и головы.

— И долго вы будете так лежать в молчании? Зачем вы здесь? Что вам от меня надобно? Подымитесь и скажите, что вам надобно. Я рад приветствовать людей с Отрогов Земли.

— Мы пришли к тебе, царский сын Куша. Я камнерез с Отрогов Земли, — сказал Памеджаи. — До меня дошло, что нужны искусные камнерезы, чтобы воздвигнуть в новом храме достойные изображе-ния богов. Если прикажешь мне, царский сын Куша, я буду трудиться изо всех сил, чтобы угодить твоей светлости.

— А я лекарь, постигший тайны целебных трав и колдовства, могу быть полезным при дворе, чтобы лечить придворных и рабов. А что касается царского сына Куша, то мне точно известно, что великий и всемогущий Ра даровал ему долгие-долгие и очень счастливые годы. Я точно знаю, что царский сын Куша никогда не пожалуется на нездоровье и ему не потребуются мои целебные травы.

Тут принц уже не выдержал и весело рассмеялся.

— После таких речей мне ничего не остается, как предоставить каждому из вас место при дворце. Но если ваши речи окажутся праздными и пустыми, то, право же, я найду слова, которые заста-

вят вас покинуть не только мой дворец, но и мой прекрасный город Мим.

Принц ударил золотым молоточком о край большой золотой чаши, и тотчас же у ног его распростерся вельможа, ему было предложено заняться этими полезными людьми, которые пришли из благодатной земли.

Так началась жизнь друзей в прекрасном городе Миме.

БОГ ВСТРЕТИЛСЯ С БОГАМИ

Золотая ладья Великого бога и земной богини остановилась недалеко от пещерного храма, и тотчас же перед владыкой обеих земель и его женой, которой дали новое имя — Маа-Гор-Нефру-Ра, оказались люди с носилками. Горячий ветер колыхал прозрачные голубые занавески, из-за которых были видны красные кожаные подушки и позолоченные подлокотники. Как только их величества удобно расположились в своих носилках, тотчас же рядом с ними оказались черные люди с опахалами и охранники с длинными копьями в руках. Молодые сильные носильщики побежали, соперничая с добрыми конями, а вместе с ними понеслась вся вереница рабов и вельмож, которые сопровождали божественного фараона.

Но вот показались гигантские статуи, головы которых смотрелись в священные воды Нила. Носилки были тихонько опущены у подножия статуй, и божественный фараон вместе со своей молодой супругой остановился и поклонился собственному своему изображению, которое было даже трудно рассмотреть вблизи — настолько оно было грандиозным.

Верховный жрец, старый худой человек в набедреннике и с шкурой леопарда на плече, с зеленым скарабеем на тяжелой золотой цепи, с открытой впалой грудью, поросшей редкими седыми волосами, склонившись перед земным своим божеством, задом пятился к входу в храм, как бы очищая дорогу и приглашая вслед за собой величайшего из великих и, как думал верховный жрец, самого могущественного на Земле.

В святилище их давно уже ждали. Жрецы с факелами в руках и юные жрицы в венках из лотоса и с сверкающими в свете огней систрами выглядели очень торжественно и таинственно. Полуголые девушки, едва прикрытые прозрачным белым полотном, казались бронзовыми статуями, и молодая царица вначале даже не поняла,

живые ли это люди. Но как только их величества переступили порог святилища, все пали ниц, и у ног великих и бессмертных образовался гигантский букет из белых лотосов. Фараон Рамсес и его молодая супруга долго возвышались над всеми ничтожными, что пали к их ногам. Но верховный жрец поднялся, люди выстроились вдоль высоких стен святилища, и колеблющееся пламя факелов вырвало из тьмы волшебные изображения, которые тотчас же привлекли внимание фараона и его жены.

— Его величество, да будет он жить вечно, может увидеть свое изображение на этой стене, — сказал старый жрец в леопардовой шкуре. — Здесь навеки отображены мужество и отвага его величества. Вот как он скачет навстречу врагам, и кони его так же бесстрашны. Они под стать этому льву, который несется рядом с ними.

— Я все вижу, жрец. И царица, владычица обеих земель, все видит. Здесь не нужно лишних слов. Каждый из нас видит себя, как в зеркале. Не правда ли? Ответь мне, владычица обеих земель.

Юная царица с восхищением рассматривала прекрасные барельефы, сделанные на стенах святилища руками Памеджаи, которого сейчас уже здесь не было и о котором фараон ничего не знал. Она была поражена тем, как умело сделал художник изображения воинов, врагов и даже ее изображение. Однако она не посчитала, что изображение владыки обеих земель — ее мужа — подобно его отражению в зеркале. Сейчас, здесь, в этом святилище, он показался ей особенно старым. Может быть, этому способствовало желтое пламя факелов? И как он мог поверить в то, что хоть сколько-нибудь похож на этого красивого молодого фараона в царской колеснице, который так бесстрашно несется вперед, чтобы затоптать ногами коней своих врагов! О, если бы он хоть сколько-нибудь был похож на этого молодого прекрасного бога!

Юная царица не позволила себе ни вздохнуть, ни опечалиться. Наоборот, она тотчас же сказала именно то, что должна была сказать, хоть и думала иначе. Она сказала:

— Мой великий господин, я смотрю на это изображение и удивляюсь, как бесподобно оно передает твой прекрасный облик. Всего лишь три дня тому назад, когда ты отправился на смотр своего войска в своей золотой колеснице, я полюбовалась тобой и подумала о том, как ты молод и красив в своем царском наряде. И вот все это здесь. Это прекрасно. Я бы хотела, чтобы художник, который сумел все это сделать, украсил стены моего дома такими же прекрасными изображениям.

— Это так легко и просто сделать, госпожа моего сердца! Сейчас я прикажу — и все будет сделано необыкновенно быстро и совершенно так, как тебе этого хочется. Как ты думаешь, жрец?

Верховный жрец вчера лишь узнал о том, что исчез камнерез и скульптор Памеджаи, который сделал эти изображения. Обычно верховному жрецу не докладывали о таких пустяках, но Памеджаи был в числе немногих искуснейших мастеров, которых вырастил великий мастер. С тех пор как Пао умер, его учеников особенно ценили и берегли. Верховный жрец еще не решил, где и как искать Памеджаи. Сообщение о том, что он будто бы скончался где-то у ближнего колодца, было для него неубедительным. Он в него не поверил. Он подумал о том, что нужно искать Памеджаи, но пока еще ничего не успел сделать. И вот сейчас это посещение храма владыкой обеих земель и совсем неожиданное требование послать во дворец именно Памеджаи застали старика врасплох. Однако он тут же ответил:

— Мой великий господин, да будешь ты жив, здрав и невредим десять тысяч лет вместе со своей юной и прекрасной супругой, твое желание будет выполнено.

— Я хочу этого мастера во дворец. Пришли его ко мне, — повторила царица.

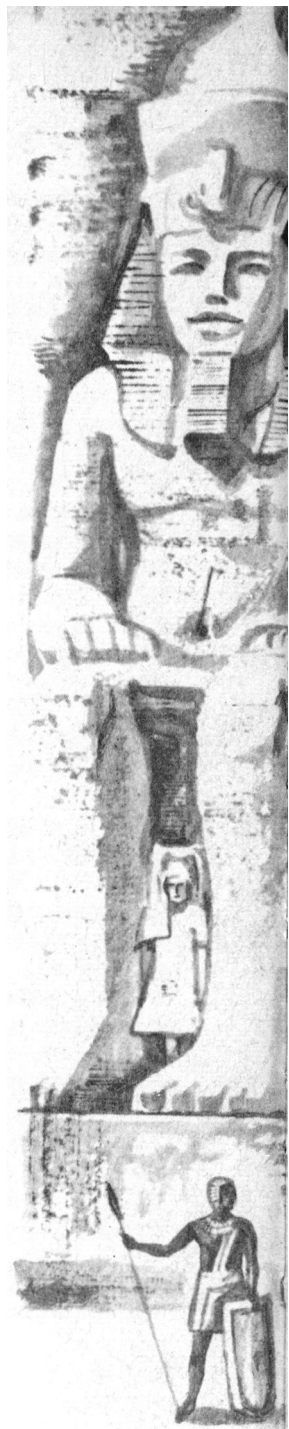
— Твое слово — священо. Твое желание — закон, великая госпожа, — ответил старый жрец и повел земных богов в глубь храма, за сто двадцать локтей от входа, туда, где стояли четыре статуи бессмертных богов.

И снова великий фараон Рамсес с удовлетворением отметил, что изображение божественного Осириса вполне напоминает его собственное лицо, правда несколько сейчас изменившееся. Лицо божественного Осириса скорее напоминало его облик лет двадцать пять назад, когда он был в расцвете своей силы и красоты. Но, право же, он не так изменился за эти годы, иначе его юная и прекрасная царица не стала бы ему говорить такие приятные слова, какие она сказала сейчас, глядя на картины, сделанные камнерезом — Памеджаи, что ли? .. И тут фараон сказал, обращаясь к жрецу:

— Пришли во дворец великой госпожи ваятеля Памеджаи. Почему-то мне запомнилось его имя.

Чтобы отвлечь внимание фараона от изображений, сделанных Памеджаи, верховный жрец обратил внимание его величества на посвятельную надпись, которая, как ему казалось, должна была особенно понравиться фараону, поскольку она на веки вечные сохранила память о великом подвиге божественного правителя.

— Это хорошо, что наш подвиг так увековечен в этом святилище, оно теперь мне дороже многих моих великих

храмов, — сказал Рамсес, — но я не склонен читать эту надпись. Это мы поручим нашему великому сыну Сатни-Хемуасу, прославленному своей ученостью. Ты знаешь, жрец, что из двухсот моих детей — это один из достойнейших моих наследников. Он знает письменность, и тайное открыто ему. Он знает силу чудодейственных талисманов. Ему ведомы священные слова заговоров. Нет ему равных, кто бы так произносил могущественные заклинания. Завтра, когда Сатни-Хемуас соблаговолит прийти в это святилище, он прочтет эту посвяtitельную надпись, посмотрит, все ли здесь правильно и хорошо написано. Ведь мы озабочены тем, чтобы наши потомки даже через тысячи лет смогли прочесть наше сообщение и порадоваться нашим успехам, как мы сейчас читаем посвяtitельные надписи на стенах храмов и обелисках и радуемся удачам наших предшественников.

— Все будет по-твоему, великий господин, — отвечал с поклоном верховный жрец. — Я сам буду сопровождать твоего любимого сына, и он при мне прочтет эту прекрасную посвяtitельную надпись, ставшую одним из лучших украшений храма, потому что она прославляет мужество и бесстрашие нашего божественного фараона.

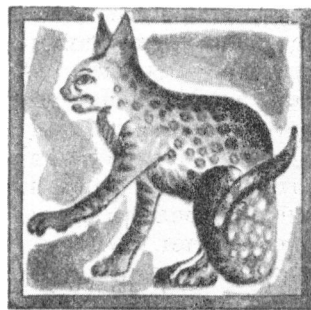
Покидая храм, его величество, остановившись у входа и любуясь гигантскими статуями богов, приказал верховному жрецу, чтобы в это святилище, где уже завершаются великие работы, были доставлены самые прекрасные благовония: хекену, иуденеб, хесаит, ладан и всякие ароматические смолы. А для приношения богам, сидящим в глубине святилища, было велено доставить свежие смоквы, виноград и плоды сикоморы.

Его юная супруга Маа-Гор-Нефру-Ра тоже остановилась у входа и очень внимательно рассмотрела изображение дочери Рамсеса — Бент-Анты, играющей на сестре.

— Это прекрасно, — сказала царица.

— Создавай прекрасные памятники для бога; это заставит жить имя того, кто это сделает... — сказал фараон своей молодой жене Маа-Гор-Нефру-Ра, вспомнив эти строки из священного свитка Ахтоя. Сейчас ему показалось, что эти слова помогли ему возвеличить себя в глазах молодой супруги.

Верховный жрец божественного фараона Рамсеса был одним из самых мудрых и знающих людей в стране. В молодости он был жрецом храма Исиды на маленьком острове вблизи Первого порога. Когда владыка обеих земель призвал его к себе и доверил ему все тайное и все явное, когда он доверил ему сооружение и украшение великих храмов, верховный жрец почувствовал свою силу и понял, что настало время осуществить самые свои заветные замыслы. Одним из таких замыслов был этот пещерный храм на берегу Нила, который жрец Исиды увидел в этой красной горе тогда, когда это была еще просто гора. Он первый сказал об этом фараону, и, увидев, как радостно принял это предложение владыка великой страны, он потребовал от него множество рабов и самых лучших мастеров страны, которые смогли бы осуществить дерзкий замысел. Рассказывая фараону о том, каким он себе представляет этот удивительный храм, верховный жрец нередко сравнивал это сооружение со многими прекраснейшими сооружениями страны и всегда завершал свой рассказ одной и той же фразой: «Подобного не знали твои великие предки, потому что даже величайшая пирамида Хеопса не потребовала такого умения и таких знаний. Ведь там все просто: хорошо уложены превосходные плиты, доставленные из наших богатых каменоломен. А здесь надо будет выдолбить в горе громадные красивые залы, нужно увидеть в этом песчанике уже готовые статуи богов, и стены этого святилища нужно так украсить, чтобы спустя тысячи лет потомки наши увидели твоё величие, будь ты жив, здрав и невредим, мой великий господин!»

Рамсес не жалел затрат. И какая надобность была жалеть рабов, когда они подобны стадам на тучных пастбищах фараона. Рамсесу очень хотелось увековечить себя и свою младшую, самую молодую и красивую супругу, на которой он женился на тридцать четвертом году своего царствования. Победа над хеттами и такое безропотное подчинение очень задиристого и непокладистого хеттского царя, который, желая угодить владыке великой страны, прислал в жены свою прекрасную дочь с богатыми дарами, — такое событие требовало благодарности богам, оно требовало большой жертвы. И вот эта жертва принесена. Осуществлен замысел верховного жреца, воздвигнут храм, какого, должно быть, нет на всем белом свете. Мало того, что этот храм так безмерно красив и величав. Мало того, что он так необычен. Помимо всего, он несокрушим. Он будет стоять дольше, чем стоят пирамиды. Даже пыльные бури ему не страшны. И нашествие врагов

ему ничем. Впрочем, стоит ли думать о нашествии врагов правителю такой великой и могучей страны?

Жрец Исиды был удовлетворен тем, как великий фараон оценил его многолетний труд и труд его бесчисленных помощников — художников, скульпторов, каменотесов. О труде десятков тысяч рабов он не думал. Это было так естественно, что десятки тысяч рук изо дня в день осуществляли замысел мудрого жреца. Но радость, которую испытывал верховный жрец, была омрачена пустяком. Однако об этом пустяке надо было помнить. Желание царицы заполучить во дворец скульптора и камнереза Памеджаи требовало немедленного выполнения, а выполнить эту прихоть оказалось невозможным по той простой причине, что Памеджаи не оказалось нигде. Писец Пабеса, который поручал Памеджаи сделать посвятельную надпись на брачной стеле Рамсеса, уверяет, что он видел Памеджаи у колодца тяжело больного, в сильном жару, страдающего от безмерной жажды. Пабеса уверяет, что он предложил Памеджаи вернуться в свою хижину с тем, чтобы лекарь из рабов попытался его исцелить, но Памеджаи говорил о том, что не уйдет от колодца, пока страшная жажда, мучающая его, не пройдет. И вот Пабеса оставил раба у колодца, и больше его никто никогда не видел. Если верить писцу Пабесе, то получается, что раб Памеджаи умер у колодца, а люди, которые пришли за водой, отдали ему последний долг. Не впервые рабам приходится хоронить раба без священных пелен и бальзамировщиков. Но кто сделал это и когда, невозможно узнать. За десять дней, которые прошли с тех пор, как Пабеса видел раба Памеджаи у колодца, умерло больше десятка рабов из тех, кто живет в поселке пещерного храма. Где и как узнать об этом?

Верховный жрец вдруг поймал себя на мысли о том, что слишком много думает о каком-то жалком рабе, хотя он и был искусным камнерезом. «Какое имеет значение, — подумал он. — Я тотчас же позову искусного мастера и велю ему назваться Памеджаи. Надо вспомнить, каким был по возрасту Памеджаи... Примерно лет за тридцать?.. Вот такого и надо послать во дворец».

В тот же день во дворец был послан искусный мастер, один из многих сотен мастеров, которые работали на отделке пещерного храма. И по приказанию верховного жреца этот мастер назвал себя Памеджаи. Мало того, верховный жрец не побоялся согрешить и велел соврать, будто этот мастер делал все то, что сделал Памеджаи. Новый Памеджаи был польщен. Он отлично знал работу настоящего Памеджаи, и ему показалось весьма лестным, что его посылают во дворец, да еще с такой рекомендацией. Впрочем, хоть он и отдавал должное настоящему Памеджаи, в своей работе он нисколько не сомневался и был уверен в том, что выполнит все задуманное великой царской женой.

Новый Памеджаи принялся за украшение покоев царицы в только что воздвигнутом прекрасном дворце. Но работать ему пришлось долго и даже не довелось закончить отделку одной стены. А случилось это вот почему...

* * *

Как только верховный жрец, мудрый жрец Исиды, нашел нового Памеджаи и избавился от этой ненужной заботы, он тотчас же вспомнил, что его величество, будь он жив, здоров и невредим, пожелал, чтобы его любимый сын, прославленный своей ученостью Сатни-Хемуас, прочел брачную стелу в пещерном храме. Теперь ему, верховному жрецу, предстояло вместе с сыном фараона снова побывать в пещерном храме, и тогда все главные заботы и тревоги, которые не оставляли его на протяжении всех тех лет, пока долбили храм в горе, уйдут от него. Ему останется только позаботиться о том, чтобы жрецы доставили из Фив и Мемфиса прекрасные благовония, а садовники из цветущих садов фараона доставили бы для священных жертв самые превосходные плоды и самый сладкий виноград. Подумав о том, как близок час почти уже совсем беспечной жизни, верховный жрец улыбнулся. Ему было приятно сознавать, что все задуманное им для того, чтобы возвеличить фараона, а заодно и себя, — все сделано, все выполнено.

На следующий день Сатни-Хемуас в сопровождении верховного жреца прибыл в священный храм, и снова жрецы и юные жрицы встретили их с зажженными факелами в руках, и снова белели на головах красивых девушек лепестки нежного лотоса, а в руках звенели сistrы. И вот Сатни-Хемуас принялся читать посвятельную надпись. Он с удовлетворением заметил, что сделана она искусной рукой камнереза и, как ни странно, вполне грамотно. Он прочел первые строки и сказал верховному жрецу, что вполне удовлетворен работой мастера. Пока он читал, медленно и внимательно, верховный жрец с удовольствием рассматривал картины, рассказывающие о великих походах владыки обеих земель. Он молча рассматривал картины, а сын фараона тихо шевелил губами, стоя у брачной стелы. Но вот сын фараона уже прочел значительную часть посвятельной надписи и уже слегка согнулся для того, чтобы прочесть то, что было написано совсем низко...

И вдруг верховный жрец услышал визгливый голос Сатни-Хемуаса:

— Как он смел! Он загубил прекрасную стелу нашего бога!..

Верховный жрец мгновенно очутился рядом с сыном фараона и, согнувшись, стал рассматривать стелу.

Он понял возглас Сатни-Хемуаса — он увидел, как небрежно сделаны последние строки, увидел, что не дописан конец, и почувство-

вал, какие неприятности грозят ему, несмотря на все то прекрасное, что удалось сделать для возвеличения фараона.

— Что ты сделаешь с этим мастером, с этим ничтожным рабом, для которого священные слова о владыке обеих земель ничто?! Намерен ли ты его наказать?

— Наказать немедленно и строго, — ответил верховный жрец. — Знаешь ли ты, великий сын божественного отца, нашу крепость, которую очень хорошо назвали «Обуздавшая чужестранцев»? Поистине эта крепость многих обуздала. Но служить там не сладко. В наказание за такую небрежность я велю отослать этого раба Памеджаи в эту крепость. Пусть он трудной и верной службой искупит свою вину.

Вот почему новый Памеджаи недолго проработал во дворце великой царской жены. Новый Памеджаи был отослан в гарнизон крепости с причудливым названием «Обуздавшая чужестранцев».

ТАМЕТС — ХОЗЯЙКА ДОМА

Может быть, он был и не самым прекрасным городом страны Куш, но, что несомненно, этот город оказался самым лучшим для Памеджаи, Пааама, Бакет и Таметс. Царский сын Куша, узнав о талантах и способностях этих людей, предоставил им дом и велел трудиться на благо его дворца. Дворец у него был большой и богатый. Нужно было постоянно пополнять его новыми скульптурами, всевозможной резьбой по камню и дереву, что весьма успешно делал Памеджаи, с великим увлечением и благодарностью.

Именно благодарностью, потому что у Памеджаи была насущная необходимость отблагодарить царского сына Куша, который отнесся к нему с таким доверием и помог ему стать свободным и счастливым человеком.

Настало время, когда Памеджаи смог употребить для себя такое красивое, такое необыкновенное слово, как «счастье». За долгую его жизнь это слово появилось у него только в Миме, потому что здесь он оказался свободным и здесь он сделал свободной и счастливой маленькую рабыню Таметс, которая стала его женой.

В большом просторном доме половина комнат принадлежала Бакет и Паааму. Пааам стал придворным знахарем и довольно успешно лечил всю челядь дворца. Вблизи города Мима, среди полей и садов, Пааам нашел много целебных трав, из которых он готовил настойки, притирания и мази. После того неудачного случая в Икен-

ском порту, когда он чуть не погиб от рук взбунтовавшихся грузчиков, Пааам стал строже относиться к своей работе, и, хотя трудно его обвинить в преступлении, потому что все те лекарства, которые он давал грузчикам, несомненно, были безвредными, он все же с большой опаской относился к новым, еще малознакомым ему способам лечения и, как правило, прежде всего пробовал их на себе и Бакет.

Маленькая Таметс долго смеялась, когда узнала, что Бакет пила очень горькую и противную настойку, которая должна была лечить от удушливого кашля. Но у Бакет не было никакого удушливого кашля, и Пааам, который нисколько не сомневался в том, что такой кашель можно вылечить именно этой настойкой, хотел лишь узнать, не причинит ли она какого-либо вреда. Но так как Бакет осталась живой и невредимой, то новая настойка нашла свое применение.

Постепенно Пааам становился все более известным своими целебными настойками, и к нему стали ходить со всей округи, требуя лечения решительно от всех болезней. Старая Бакет еще больше прежнего помогала мужу, и так как за долгие годы она многое от него узнала, то и сама прослыла знахаркой, к которой охотно ходили женщины. Все это очень радовало Паааама не только потому, что его повсюду встречали с доброй улыбкой, но и потому, что ему в дом приносили много нужных и полезных вещей. Люди, возделывающие поля вблизи города Мима, приносили ему зерно, овощи и виноград. Ткачи приходили с кусками тонкого полотна, а башмачники постоянно делали для него и для Бакет удобные красивые сандалии. Пааам очень радовался своим удачам и сожалел лишь о том, что оказался в этом прекрасном городе уже в старости. Голова у него была уже совсем-совсем белой.

А по соседству, во второй половине дома, постоянно был слышен стук молотка о звонкий камень. Памеджаи трудился над новыми скульптурами. Уже были сделаны отличные изображения царского сына Куша из черного базальта, его старшего сына, его старшей и младшей жены, его брата и племянника, а впереди еще было много-много работ. Никогда еще Памеджаи не трудился с такой радостью и готовностью. Радость была вызвана не только тем, что работа его нравилась высокому господину, который хорошо за нее платил. Радость была еще в том, что каждая работа вызывала чувство восторга у маленькой Таметс. Обычно, когда Памеджаи заканчивал очередную скульптуру, Таметс подходила и говорила:

— Тхутисенбу, волшебник, вот эта работа самая прекрасная из всех твоих работ. Царский сын Куша должен подарить тебе много золотых украшений в дар за эту работу.

— Ты слишком добра ко мне, Таметс. Тебе всегда кажется, что мои работы хорошие, даже превосходные... Впрочем, они не хуже других работ... Не хуже того, что я видел во дворце, и, как говорил

мне царский сын Куша, не хуже того, что есть во дворце самого великого на свете. Недавно у него был по поручению фараона помощник главного писца Пабеса, о котором я много тебе говорил. Он отлично понимает в этих делах. И он сказал нашему принцу вот такие слова: «Тебе можно позавидовать, царский сын Куша, я вижу, ты обзавелся отличными мастерами. Это похвально. Вельможа обязан думать о своих потомках, и потому его долг — увековечить себя в камне. И вот, я вижу, у тебя целый хоровод отличных скульптур из черного базальта. Поздравляю».

Вот так сказал сам Пабеса. К счастью, я его не видел, и он меня не видел. Но я думаю, что он давно позабыл обо мне, потому что дел у него много, и все это царские дела, не наши. А я виноват перед Пабесой. Я покинул Икен, не дождавшись его. И, видит бог, я сделал это потому, что не хотел причинить ему хлопот. Я благодарен ему за то, что он хотел мне помочь...

— Он не только хотел! — воскликнула Таметс. — Насколько мне известно, он помог тебе тем, что позволил бежать. Как я ему благодарна! И еще я тебе благодарна за то, что ты не остался в Икене. И еще я благодарна грузчикам, которые хотели убить Пааама. Если бы этого не случилось, Пааам остался бы в Икене вместе со своей доброй Бакет, и все вы никогда бы не встретили маленькую Таметс, и маленькая Таметс стояла бы сейчас прикованная цепью к жерновам, и не было бы у нее таких пышных красивых волос, какие вышли сейчас от сытной еды и от хорошей жизни.

И, нисколько не стесняясь, маленькая Таметс заплакала, обливаясь потоком слез, но это был не горький, не соленый поток — это был какой-то сладостный поток, который, как ей казалось, обновил ее и снова сделал ее моложе и красивее. Но ей и не надо было становиться моложе и красивей. Таметс была и молодой и красивой. Прежде этого нельзя было увидеть, потому что от голода и тяжелой работы она была худой как скелет. К тому же она не имела никакой одежды, кроме маленького фартука, а сейчас на ней была такая красивая голубая юбка со множеством мягких складок, и прозрачная белая накидка, брошенная на худенькие плечи, очень украшала ее миловидное лицо. Она давно уже переменялась, стала полнее, щеки у нее порозовели, а большие глаза, искусно подведенные синей краской, казались громадными, как звезды. Когда у Таметс подросли густые красивые волосы, Бакет сделала ей удивительно красивую прическу, похожую на парик царской жены. Она смазала ей волосы благовонным маслом, и когда Таметс увидела себя в маленьком бронзовом зеркале, которое ей подарил Памеджай, она вначале даже не узнала себя, а когда узнала, радостно рассмеялась и поверила в то, что она совсем недурна.

Целыми днями Таметс трудилась, устраивая все лучше и лучше свое маленькое хозяйство. Каждую работу она делала с величайшей

готовностью и радостью. Она любила ухаживать за цветами, которые росли в их маленьком дворике. Она издалека приносила воду, чтобы напоить каждый цветок и помыть зеленые листки. Она охотно размельчала зерна на своей маленькой зернотерке и пекла тонкие лепешки в печурке, которую сделал ей Памеджаи. В свободное время она занималась плетением циновок, корзин и сосудов, какие давно когда-то умела делать мать Памеджаи. Таметс была рада, когда ей удалось сплести точно такую же ложку, какую Памеджаи хранил в память о своей матери.

Надо сказать, что маленькая Таметс только и думала о том, как бы угодить своему Памеджаи, сделать ему что-нибудь приятное. Она очень сожалела, что совсем лишена дара, которым был награжден ее муж. Она не владела резцом и молотком. Она только могла подавать ему нужные инструменты, но работать, участвовать в его деле она не могла.

Вот так двое рабов — Памеджаи, раб фараона, и Таметс, рабыня храма богини Хатор, — стали счастливыми и свободными. Может быть, благодаря Паааму, а может быть, потому, что, как они думали, боги вняли их мольбам и помогли им обрести желанную свободу.

* * *

Но настал день, когда простолюдины прекрасного города Мима заговорили о небывалом. Давно уже в городе Миме подобного не случалось.

— Богиня Хатор любит ее, — говорили женщины.

Они говорили о маленькой Таметс, которая родила близнецов. И то, что эти близнецы выжили и весело улыбались каждому, кто брал их на руки, и то, что никакие болезни не приходили в дом Памеджаи, — все это говорило о какой-то колдовской силе, которая явно покровительствовала камнерезу Памеджаи и его маленькой жене Таметс.

— Тебе многие завидуют, — говорила Бакет, стараясь помогать молодой женщине.

На всякий случай она приносила Таметс настойки каких-то трав, которые советовала пить, для того чтобы дети росли лучше и чтобы мать была здоровее. А Пааам, отказавшись от своих целебных трав, теперь все чаще пользовался заклинаниями, в которые очень верил с тех пор, как в дом к другу пришла такая радость.

Таметс и Памеджаи не знали, но Пааам хорошо помнил о том, какие заклинания он произносил незадолго до того, как родились близнецы. Он делал это от всего сердца, с полной уверенностью, что поможет друзьям. Ему очень хотелось, чтобы у маленькой Таметс, которую он полюбил и к которой привязался, родился хороший, здо-

ровый сын. И вот родилось двое прекрасных сыновей. Как тут не поверить в заклинания?

Время шло, и сыновья Памеджаи, как уверяла Бакет, росли не по дням, а по часам. Любуясь ими, дедушка Пааам, как теперь называли его малыши, каждый раз вспоминал о том, как он сделал татуировку Памеджаи, и всегда заканчивал свой рассказ обещанием сделать мальчикам еще более красивую татуировку, чтобы все знали и видели, к какому хорошему племени они принадлежат, откуда они.

Старший из сыновей Памеджаи, тот, который первым показался на белый свет, был назван Памеджаи, а второго называли Моси. Они были очень похожи друг на друга, и Таметс нередко огорчалась, когда не могла распознать, кто же из них Моси и кто Памеджаи.

Им было не более пяти лет, когда они уже охотно участвовали в работе отца. Моси подавал инструменты, а Памеджаи убирал мусор, приносил глину, когда нужно было делать слепок, иногда садился с резцом за работу и, взяв маленькую плитку, отрезанную отцом от камня, пытался вырезать на ней изображение собаки. В доме Памеджаи была собака, которая следовала за мальчишками повсюду и была их любимицей. Памеджаи не столько различал сыновей по внешности и голосу, сколько по их наклонностям к работе. Но случилось так, что и отец ошибся, потому что вдруг застал Моси за той же плиткой, которую усердно обрабатывал Памеджаи. Увидев, как сын старательно высекает рисунок, он сказал ему, что если сын всегда будет работать так медленно и старательно, как сейчас, то скорее достигнет цели. И отец напомнил (как он думал — Памеджаи), что три дня тому назад он делал свою работу небрежно. И тогда Моси хитро улыбнулся и признался отцу, что небрежно сделанная плитка принадлежит Памеджаи, а он, Моси, впервые принялся за это дело и потому так старается. Отец было рассердился и прикрикнул на сына, чтобы тот не морочил ему голову. А потом призадумался над случившимся и весело рассмеялся. В самом деле было смешно от того, что мальчишки так забавно пользовались своим сходством. На то они и были мальчишками!

Памеджаи с каждым днем все больше убеждался в том, что сыновья его непременно унаследуют способность отца воспроизводить виденное, а когда нужно — изображать даже и не виденное. Работая для дворца царского сына Куша, он не переставал готовить своих сыновей к будущим великим работам. Он делал это с таким же увлечением, с каким когда-то, будучи юношей, начинал свою работу у знаменитого Пао, скульптора царского двора.

Вначале слабыми и неумелыми руками, а потом более уверенно и с увлечением братья учились работать и с каждым годом все с большей готовностью делали все так, как им велел отец.

Им было уже по десять лет, когда у них появилась мечта увидеть

пещерный храм на берегу Нила. Отец рассказывал много любопытного об этом храме. Он и сам мечтал увидеть его хотя бы еще раз в жизни.

Памеджаи и Моси знали во всех подробностях, как был устроен этот храм, как украшены стены святилища и как были сделаны священные надписи, призванные увековечить великий поход самого фараона. Они знали о том, какая беда постигла отца. Знали не только потому, что это важное событие в жизни Памеджаи никогда не забывалось, но и потому, что на этом примере отец хотел научить своих сыновей всегда делать свою работу самым тщательным образом. Никогда не отступать от правил, всегда заранее все подсчитать и все предвидеть.

Сыновья Памеджаи даже не помнили, когда впервые им довелось услышать рассказ о брачной стеле фараона, но всякий раз они слушали этот рассказ с неизменным вниманием. И каждый раз у Моси замирало сердце, и он, протягивая руку к отцу, обычно просил:

— Повтори, отец, как это было.

И отец повторял:

— ...И вот я вытащил из-за своего полотняного фартука священный свиток и стал снова проверять сделанную мной надпись, и вдруг сердце у меня остановилось, а в глазах потемнело. Я вдруг увидел, что конец священной надписи остается в моем свитке. Я увидел, что на стене не поместится конец священной надписи. Я стал писать мелко-мелко и от волнения писал криво, но как ни старался, а все строки священной надписи не поместились на брачной стеле фараона...

И тут всегда вступал в разговор Памеджаи. Он задавал один и тот же вопрос:

— А если бы ты не бежал, отец, что бы с тобой сделали?

— Не знаю, сынок, — отвечал Памеджаи.

Но ведь он отлично знал, что мог погибнуть. Потому он и бежал в Икен. Правда, ему еще не пришлось встретить человека, который бы точно знал, какое ему грозило наказание.

Сыновья Памеджаи очень хорошо знали, как был устроен пещерный храм, как он выглядел в дни торжественных молебствий и жертвоприношений и как прекрасно там бывает на рассвете, когда великий Гор, проснувшись, посылает в глубину храма, к подножию божественного Осириса, свои первые лучи. Но одно дело слышать о таком чуде, а другое дело — увидеть это чудо. Дети знали, что отец и мать мечтают о посещении этого храма все двенадцать лет, прожитых в Миме. И сыновья мечтали об этом путешествии. Они не раз вместе с отцом строили планы и обсуждали, как все это произойдет. Как отец добудет лодку и как она доставит их туда, ко Второму порогу великого Хапи.

И вот настал день, когда они отправились в далекое путешествие. Уже совсем состарившийся Пааам и его верная Бакет не могли позволить себе такого трудного путешествия. И пошли они вчетвером — Памеджаи, Таметс и сыновья. Каждый имел поклажу на голове, и каждый имел посох в руках. Им предстоял долгий путь пешком, а потом путешествие по реке.

ПАМЕДЖАИ ВЕРНУЛСЯ В СВАТИЛИЩЕ

И вот наступил счастливый миг, когда все семейство камнереза было доставлено на лодке к розовым скалам на берегу священной реки. Когда они приближались к берегу, им показалось, что скалы эти обыкновенные и гора обыкновенная. Их внимание привлекали только гигантские статуи, стерегущие вход в святилище. Может быть, все казалось обыкновенным оттого, что солнце еще не взошло и нежные краски раннего утра еще не заиграли в его лучах.

Но вот они стоят вчетвером у подножия прекрасных статуй божественных гигантов, каких, наверно, никто никогда не видел. Вспомнив рассказ отца о том, как он присел у ног божественного Рамсеса, и, пользуясь тем, что у входа не видно было ни одного жреца, потому что было еще слишком рано и никто не должен был прийти сюда, Моси, не сказав ни слова, подбежал к статуе Осириса и присел у ног божества. Тотчас же у другой статуи оказался маленький Памеджаи, и они радостно рассмеялись, потому что были счастливы увидеть это чудо.

Таметс, взяв за руку Памеджаи, стояла как зачарованная и долго не решалась о чем-либо спросить. Впрочем, ей не было надобности спрашивать — ведь она обо всем уже давно знала. В доме Тхутисенбу слишком много воспоминаний было связано с этим святилищем.

Но небо розовело, и Памеджаи, взяв за руки своих сыновей, предложил Таметс последовать за ним в храм, потому что было очень важно своими глазами увидеть волшебное превращение. Они вошли в темноту. А через несколько мгновений золотой луч прорезал эту темноту и бросился к ногам Осириса, сидящего в глубине святилища.

— Как это прекрасно! — воскликнула Таметс. — Позволь мне, Тхутисенбу, отнести к ногам божества вот эти фрукты и цветы, которые мы принесли с собой.

Она открыла корзинку, вынула из нее свежие финики, несколько гроздей винограда и букетики нежных полевых цветов. Каждый из них взял что-либо в руки, и тихо, безмолвно, очень торжественно, с дарами все они подошли к статуе Осириса, единственной освещенной сейчас солнцем.

— Я вижу мрачного Птаха, — прошептал Моси после того, как положил у подножия Осириса цветы и кисть винограда.

— А мне его жаль, — признался маленький Памеджаи, — он всегда в темноте. Несчастный. Он как слепой.

Братьям не пришлось долго шептаться. Отец знаком дал понять, что надо молча отойти отсюда и что надо подождать, когда жрецы с факелами войдут сюда и станет возможным увидеть ту работу, которую он сделал здесь в дни своей молодости.

Они вышли из храма и долго рассматривали каждую из четырех гигантских скульптур, стоящих у входа. Они смотрели на речные дали, полюбовались тихой и спокойной в этих местах рекой. И так они дождались того мгновения, когда у входа в храм появился жрец с факелом в руках и когда отец снова взял за руки сыновей и предложил Таметс следовать за ними. На этот раз не было торжественного жертвоприношения, но в храме было светло и можно было все хорошо рассмотреть. Памеджаи был даже доволен тем, что не было посторонних, кроме жрецов. Ему очень хотелось кое-что рассказать Таметс и сыновьям, дополнить то, что они знали, потому что одно дело — услышать, а другое дело — увидеть.

— О, я отлично вижу нашего деда из страны Куш! — воскликнул Моси. — Я вижу, как он испуган нашествием врагов, как он метнулся со своим посохом и стадо его разбежалось. Посмотри, Памеджаи, ведь это наш дед! Никто об этом не знает, но мы-то знаем...

Они стояли у священной стены и тихо переговаривались о своем. Они не заметили, как в храм вошел очень важный, почтенных лет господин. Он вошел в храм тихо, медленно, останавливаясь у каждой скульптуры, у каждого изображения. Вначале он не обратил внимания на людей, стоящих у противоположной стены, но когда маленький Моси позвал брата и довольно громко крикнул: «Памеджаи, посмотри!» — важный господин подошел и стал молча рассматривать давно знакомую ему работу, сделанную человеком, хорошо ему известным. Это был писец Пабеса. Очутившись в этих краях, недалеко от храма, по своим делам, он не смог отказать себе в удовольствии побывать в этом святилище, которое всегда казалось ему самым прекрасным. Имя Памеджаи, услышанное из уст мальчика, заставило его вспомнить этого искусного раба из страны Куш, раба, который погиб и о котором у него осталась в сердце добрая память. И оттого, что эта память была очень доброй, он сделал то, чего никогда не сделал бы в другом случае. Он обратился к незнакомым людям и сказал Памеджаи, стоявшему в тени рядом с Таметс:

— Я услышал имя Памеджаи. Так зовут вашего маленького сына. И хотя я вас не знаю, мне очень приятно, что вы его назвали таким хорошим именем. Я должен вам сказать, что стена, украшенная этими картинами, — это память о прекрасном мастере, одном из лучших мастеров, которые трудились здесь. Их были сотни. А каменотесов были тысячи. Все вместе они осуществили прекрасную мечту мудрого жреца, который задумал это святилище в этой горе. И вот раб Памеджаи из страны Куш, который своим волшебным резцом увековечил память о нашем божественном фараоне Рамсесе, сделав такую прекрасную работу, потом допустил небольшую оплошность в одном деле, и погиб у стен крепости, которую называют «Обуздавшая чужестранцев». Он при мне свалился с высокой стены в бурные воды Хапи, и в одно мгновение его не стало. Я не знал, кто падал со стены этой крепости, когда подошел к воротам, чтобы войти в крепость. Но когда я уже вошел в крепость и начальник отряда сделал мне сообщение о лазутчиках, которых поймали его воины, он назвал мне имя человека, который свалился в бездну. Это был тот самый Памеджаи, который сделал эту прекрасную работу.

Все время, пока Пабеса это говорил, Памеджаи смотрел на стену, боясь встретиться с ним глазами. Стоявшая рядом Таметс вся дрожала от волнения. И когда Памеджаи обернулся к ней, он увидел, что слезы градом текут по ее лицу. Главный писец умолк, и тогда настоящий Памеджаи, отец маленького Памеджаи, обернулся, подошел поближе к важному господину, к главному писцу фараона, и сказал:

— Мой господин, мой великий господин Пабеса! Прости. Вот здесь, в стенах святилища, я предстаю пред тобой — настоящий, живой Памеджаи... — Он бросился к ногам Пабесы и, обнимая их, продолжал: — Не удивляйся и не пугайся, великий Пабеса! Добрый человек, Пабеса! Прими благодарность раба Памеджаи. Ты спас меня. Случилось так, что я должен был покинуть Икен вместе с человеком, который помог мне... Мы счастливо ушли от великой опасности и стали жить в городе Миме. Боги милостивы...

— Подымись, Памеджаи! Дай мне посмотреть на тебя. И как мне поверить, что ты Памеджаи?..

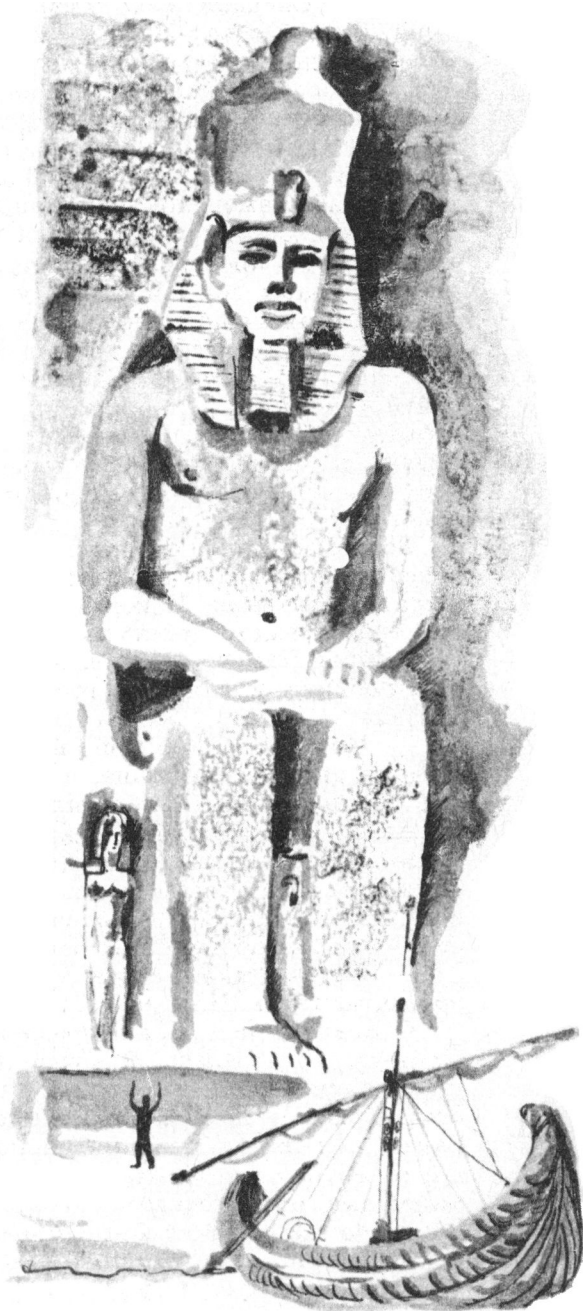
Памеджаи поднялся и предложил всем выйти из святилища, чтобы друг друга узнать. И когда они вышли из святилища и уселись у подножия гигантских статуй, Памеджаи во всех подробностях рассказал, как он изменил свое лицо, как он подружился с Пааамом и Бакет, как женился на маленькой рабыне Таметс и как он растит теперь своих сыновей, которые непременно должны стать великими мастерами, чтобы превзойти его в искусстве ваяния и своими руками увековечить лики бессмертных правителей и богов.

И Пабеса, мудрый писец Пабеса, все знающий и все видящий,

слушал его и от удивления не находил слов. Очень строгий и педантичный Пабеса с трудом сдерживал слезы и не мог даже задавать вопросов, потому что в горле у него застрял ком. Пабеса, который служил фараону и всю жизнь был тесно связан со жрецами, не осудил Памеджаи за то, что тот бежал, и за то, что он увел маленькую рабыню Таметс. Он не осудил его не только потому, что ценил его за талант, но еще и потому, что почитал все его действия справедливыми. Перед ним стояла маленькая хрупкая женщина, очень тоненькая, с красивым лицом и маленькими руками. Он понимал, что эта женщина была обречена на верную смерть. Она бы давно умерла у своей каменной зернотерки. А что касается Памеджаи, то он — Пабеса сам был свидетелем его гибели — правда, его мнимой гибели, и в этом великое счастье Памеджаи.

— Все это хорошо, — сказал Пабеса. — Но зачем ты здесь? Что заставило тебя прийти к святилищу, где ты чуть не лишился жизни?

— Мудрый Пабеса, если ты можешь понять душу раба, лишнего всего, что нам дают боги, то ты поймешь меня. Не тебе говорить, как живет раб, как тяжело он трудится и как бесправен. Ты много раз бывал в этом святилище, когда каменотесы высекали эти скульптуры и когда я вырезал резцом эти картины на стенах. Ты знаешь, Пабеса, что раб лишен всех

человеческих радостей. Но было у меня одно великое преимущество. Я, который в начале своего пути хотел умереть, познал радость со-зидания. Я полюбил свою работу, Пабеса. Я гордился ею. И когда случилась беда, я прежде всего горевал о том, что никогда уже не смогу увидеть этих великанов у входа и моего отца, бегущего в страхе от наступающих воинов и воздевшего руки к небу. Поверь мне, мудрый Пабеса, будь ты жив, здоров и невредим тысячу лет, поверь, я очень горевал об этом.

— Я верю тебе, Памеджаи.

— Тогда пойми меня. Все эти годы я вспоминал это святилище. Я множество раз рассказывал о нем моим сыновьям и моей Таметс. И они полюбили этот храм, хоть и не видели его никогда. Я скучал и тосковал по моей работе. Вот об этой работе, которую я уже никогда не делал.

Памеджаи показал рукой на изображения, сделанные им давно.

— Я никогда больше не пытался рисовать картину резцом на стене, чтобы не рисковать, не напомнить о пропавшем Памеджаи.

— К счастью, тебя не искали, поверили мне, что ты умер у колodца, — сказал Пабеса. — Боги покровительствовали тебе, Памеджаи. Если бы кинулись тебя искать, то могли бы настигнуть по дороге в Икен.

— Я тебе обязан своим счастьем, господин, великий писец Пабеса.

— Не многим ты обязан мне, Памеджаи. А если хочешь знать, я скажу тебе, что спасло тебя и что принесло тебе счастье.

— Скажи, мудрый человек. Ведь сам я не могу ответить на этот вопрос.

— Тебя спасли твои умелые руки. Тебя спасла твоя любовь к своему делу. Вот я слушаю тебя и думаю, что каждый раз, когда ты был уже на краю гибели, тебя спасал твой резец. Он спас тебя от голода. Он заставил поверить в тебя Пааама, он привел тебя ко дворцу нубийского принца. И тебя ценят в Миме за твой труд. Вот что я увидел, когда узнал все подробности твоего спасения и твоей жизни. Послушай меня, Памеджаи. Если хочешь знать, то и много лет назад, когда тебе покровительствовал добрейший и благороднейший из всех известных мне писцов, Хори, он говорил мне, что уважает тебя за твое искусство и преданность делу.

— Мне дороги эти слова, Пабеса. Ты, мудрый человек, понял меня. Это самое главное.

— Я рад, Памеджаи, — сказал Пабеса, — что встретил тебя в этом святилище, что встретил тебя таким счастливым, полным жизненных сил и хороших замыслов. Боги добры к тебе. Они вознаградили тебя за твое усердие, за твои великие труды. Никогда не вспоминай дурного. Ты сказал, что тебя зовут Тхутисенбу. Я приветствую тебя, свободный человек Тхутисенбу! Если бог дарует мне еще дни и мне

доведется побывать в городе Миме, я навещу тебя, побываю в твоём доме и с радостью посмотрю на маленькие скульптуры, сделанные твоими сыновьями. Знаешь, Памеджаи, должен признаться тебе, что я очень печалился, узнав о твоей гибели. Покидая эту злосчастную крепость, я сказал себе: «Бедный человек... Последняя строка брачной стелы стала роковой строкой Памеджаи». Как хорошо, что эта роковая строка не привела тебя к гибели, а вывела тебя на дорогу свободы. Это редкий дар Богов! Я такого ещё никогда не встречал. Я напишу об этом в своём свитке. Он будет храниться в моём доме и будет положен в мою гробницу. Пусть потомки узнают об этом чуде.

Абу-Симбел спасен

Послесловие

Герой этой маленькой повести — раб-нубиец Памеджаи, искусный камнерез и скульптор, один из многих тысяч рабов-строителей, которые создали пещерный храм Абу-Симбел.

Этот храм был воздвигнут среди розовых скал на берегу Нила в XIII веке до нашей эры, во времена царствования египетского фараона Рамсеса II. За тысячи лет до наших дней древнейшие в мире геологи выбрали для него отличное место на севере от Второго Нильского порога, там, где река поворачивает к востоку. Храм был вырублен в горе и обращен фасадом к восходящему солнцу. Более трех тысяч лет у входа в храм встречали восход гигантские скульптуры богов.

Поражают грандиозные размеры Большого храма Абу-Симбела, высеченного в скале. Высота фасада 33 метра, ширина 38 метров, глубина 63 метра. Гигантские статуи Рамсеса II, стоящие у входа, имеют 20 метров высоты.

Большой зал подземного храма разделен четырехгранными колоннами, восемь из них сделаны в виде 12-метровых статуй фараона.

Все в этом храме необыкновенно эффектно, полно величия. Изобретательность строителей удивляет даже людей XX века. С какой выдумкой сделано святилище в глубине храма!

Сквозь узкий проход, ведущий во внутреннее помещение храма проникают лучи восходящего солнца. Они освещают статуи трех бессмертных — Гора, Амона, Рамсеса, оставляя в тени статую бога Птаха, владыки царства мертвых.

В Большом пещерном храме Абу-Симбела фараон Рамсес II предстает как равный богам, как сын солнца, супруг богини, принявшей образ молодой красивой женщины Нефертари.

Малый храм Абу-Симбела посвящен супруге фараона Нефертари, тоже обожествленной, равной богине Хатор. Этот храм воздвигнут вблизи Большого пещерного храма и точно так же украшен гигантскими статуями фараона и его любимой жены. Шесть статуй Рамсеса II и Нефертари стоят у входа в этот храм. Древние камнерезы украсили стены барельефами и посвятельными надписями, которые рассказывают о подвигах царя, о его мужестве и бесстрашии, проявленном им в битве при Кадеше. Рамсес II повелел увековечить свой доблестный поход и показать памятное сражение во всем блеске, чтобы спустя много-много лет потомки узнали, каким храбрым был фараон, как он спас египетское войско от поражения.

Прошло более тридцати столетий, и по-прежнему, как и в дни царствования Рамсеса II, на северной стороне храма можно увидеть картины битвы при Кадеше, вырезанные искусным резцом древнего художника.

Большая рельефная картина сделана удивительно живо и выразительно. В центре ее крупным планом показан фараон Рамсес II на троне, перед битвой. Перед ним военачальники. Идет военный совет, который заседал более трех тысяч лет назад.

Простерши руки к земному богу, в едином порыве, в величайшем напряжении и покорности слушают воины слова повелителя. Фараон спокоен и величав. Он знает, что нет силы, которая может сокрушить мощь его войска.

Это войско, победившее хеттов, изображено на нижней части рельефа. Здесь виден лагерь египетских воинов. Показано избивание пленных хеттов.

Однако художник должен был показать, что победа далась нелегко. И вот на верхней части рельефа видно наступление кавалерии хеттов. Она многочисленна и сильна. Но на берегу Оронта, где произошло сражение, уже стоят египетские стрелки на колесницах. Они станут победителями великого сражения.

Так резец ваятеля повествует о днях царствования Рамсеса II.

Рядом с прекрасными барельефами, где видны фараон и его молодая жена, хеттская царевна, сохранились посвятельные надписи, рассказывающие о брачном союзе великого царя Египта и дочери царя хеттов.

«Тогда он (то есть Рамсес II) снарядил свою пехоту и свои колесницы для того, чтобы они смогли ударить по стране хеттов. Он захватил их войско самолично, на глазах у всей армии. Он создал себе имя этим навеки...» — повествует эта стела.

А дальше говорится о том, как прекрасна была юная царица, как торжественно встретил ее Рамсес II и как само небо благосклонно послало солнечные лучи сквозь густой туман, благословляя прекрасный союз.

Когда дочь великого царя хеттов проследовала в Египет, пехота колесницы и сановники его величества смешались в ее свите с пехотой и колесницами хеттов, чужеземные воины наравне с египетскими...

Они ели и пили вместе, имея одно сердце, как братья, и никто не ссорился со своим товарищем, и мир и братство были между ними по воле самого бога. И великие цари всех стран, через которые они проходили, были в замешательстве и отвернулись, пораженные, когда увидели людей из страны хеттов, соединившихся с воинами царя Египта».

Так древний летописец увековечил на стене священного храма необычайные события, когда многолетняя война и враждебность сменились дружбой и братством народов, которые по воле своих правителей постоянно нападали друг на друга и точно так же — по воле своих правителей — в один прекрасный день стали друзьями. И как же было не увековечить посвятельной надписью это удивительное событие!

Текст документа, составленный при дворе Рамсеса II, сохранился не только на отвесной скале большого храма в Абу-Симбеле. В свое время он был разослан в различные храмы Египта. Три других варианта этого документа сохранились в Асуанском и Карнакском храмах Египта и в храме Амара в Судане.

Надпись, сохранившаяся в Абу-Симбеле, не закончена. Она не поместилась на этой стене, окончание ее узнали из надписей, найденных в других местах. Из них ученые узнали, что, когда хеттская царевна со своей свитой достигла дворца фараона, Рамсес был поражен ее красотой; он поместил царевну в своем дворце, и его видел каждый день вместе с ней... После заключения этого брака хетты, бывшие извечными врагами Египта, стали его друзьями.

В наши дни эти строки воспринимаются с особым интересом. Ведь они говорят

о том, что более трех тысяч лет назад люди уже задумывались над проблемами мира.

Время шло, перелистывая страницы истории. И когда религия древних египтян была забыта, когда были заброшены древние храмы и Абу-Симбел перестал быть святилищем, пески пустыни замели тропы, ведущие к храму, засыпали статуи у входа, и гора, превращенная когда-то в прекрасный храм, слилась с горами песка. Пещерный храм Абу-Симбел был забыт и словно перестал существовать на целых две тысячи лет.

Но случай помог открыть его. Случилось так, что в Каир прибыл молодой путешественник-швейцарец Иоганн Людвиг Буркхардт. Он собирался совершить путешествие по берегам Нила, чтобы посмотреть памятники Древнего Египта. Это было в 1812 году. В это время европейцам не разрешалось подниматься по Нилу выше города Дерр, который находился в 240 км к югу от Асуана. Такое путешествие мог совершить только мусульманин. И молодой швейцарец, знавший об этом, изучил арабский язык, побывал в Сирии, Ливане и Палестине и настолько хорошо овладел арабским, настолько изучил обычаи, нравы и религию мусульман, что сами арабы считали его мусульманским мудрецом и называли улемом. Он первым из европейцев совершил паломничество в Мекку и принял имя Ибрагим-ибн-Абдалла. Арабы называли его «шейх Ибрагим».

Совершая путешествия по Нилу и останавливаясь в разных местах, Людвиг Буркхардт расспрашивал местных жителей о памятниках времен фараонов. В маленькой деревушке Феррайг ему рассказали, что на противоположном берегу, в месте, называемом Абу-Симбел, находится небольшой храм. Они говорили о малом храме Абу-Симбела, который был виден среди песков, и ничего не говорили о большом храме, потому что он был скрыт тысячелетними песками пустыни. Буркхардт увидел малый храм и записал в своем дневнике:

«Осмотрев, как мне казалось, все древности Абу-Симбела, я собирался уже подняться наверх по засыпанной песком промоине — тем же путем, каким спустился. Но по счастливой случайности я сделал несколько лишних шагов по направлению к югу, и моему взору внезапно предстали едва выступавшие из песка четыре колосса, высеченные в скале на расстоянии двухсот метров от храма».

Прошло много времени, прежде чем этот памятник Древнего Египта был освобожден от песков и огражден стенами. Только в 1910 году были полностью очищены четыре статуи у входа, и путешественники смогли увидеть этот удивительный пещерный храм во всей его красе. Ученые, историки и архитекторы, единодушно признали, что Абу-Симбел является величайшим творением в истории человечества. Но еще до того как храм был полностью очищен, более ста лет назад, его увидел путешественник Максим дю Кан. Он писал:

«Постарайся представить себе Собор Парижской богородицы, вырубленный в целом утесе... Ни одно европейское сооружение не может дать представления о труде, вложенном в этот гигантский храм».

С этими словами словно перекликаются слова современных экспертов:

«Храмы Абу-Симбела представляют собой поразительное достижение строительного искусства. Мы не говорим здесь о значении самих монументов; нас восхищает глубокое знание геологии, проявленное древними египтянами. Наличие твердых пластов песчаника, перемежающихся с более мягкими, было с выгодой использовано при сооружении храмов и статуй... Замысел монументов Абу-Симбела выше традиционных концепций древних египтян, для которых пирамида была наиболее совершенным произведением архитектуры, завершением длительного развития, направленного к геометрической абстракции. Здесь же преобладает пластическое восприятие ансамбля. Монумент сливается с окружающей местностью, архитектура тесно связана со скульптурой, и скульптура фактически приобретает господствующее положение в ансамбле».

И вот этот удивительный памятник должен был погибнуть при разливе Нила после сооружения высотной Асуанской плотины. Правительство ОАР и Республики Судан обратились в ООН с просьбой помочь им спасти сокровище древней культуры. И тогда генеральный директор ЮНЕСКО Витторино Веронезе призвал общественность всех стран мира принять участие в спасении памятников древности. Он писал:

«...Некогда народ Египта создал одну из самых высоких в мире цивилизаций. Он воздвиг на берегах могучей реки постройки непревзойденной красоты и величия. Но сейчас некоторые из них могут быть затоплены водами того огромного озера, которое возникнет после завершения строительства новой плотины.

...Мы не можем допустить исчезновение таких жемчужин древнего искусства, как храмы Абу-Симбела...»

Начиная с 1960 года печать всего мира сообщала о проектах спасения пещерных храмов Абу-Симбела. Большой и малый храмы, некогда воздвигнутые Рамсесом II, стали известны инженерам, строителям, гидрогеологам, искусствоведам, египтологам всех стран мира. Был объявлен конкурс проектов. А в это время археологические экспедиции Англии, Франции, Америки, СССР, Польши, ОАР и многих других стран вели работы по изучению громадных пространств древней Нубии, издавна населенных. Земли древней Нубии сохранили следы жизни племен и народов, живших здесь тысячи лет назад. За короткий срок были сделаны открытия, которые рассказали всему миру о древних цивилизациях, рожденных на этой земле.

Археологами были вновь открыты давно забытые города, крепости и храмы. Найдены гробницы правителей, имена которых упоминались в древних папирусах. Раскопаны бесчисленные памятники древней цивилизации.

Французская археологическая экспедиция во главе с профессором Жаном Веркуттером сделала интереснейшее открытие в Миргиссе. Она раскопала египетскую крепость Среднего Царства, воздвигнутую четыре тысячи лет назад на крутом обрывистом утесе.

Тысячи рабов доставили сюда, на западный берег Нила, миллионы штук сырцового кирпича и тысячи деревянных балок. Они соорудили мощную крепость с высокими стенами, башнями и бастионами. Археологи открыли остатки башни

десятиметровой высоты с лестницами и помещениями. Недалеко от крепости раскрыты остатки города периода Среднего Царства.

Зачем египтянам понадобилась эта мощная крепость здесь, в Нубии? Такой вопрос задали себе ученые, когда завершили раскопки крепости в Миргиссе. Ответ был найден во время раскопок храма на территории крепости. В молельне богини Хатор археологи подобрали маленькую деревянную стелу, на которой было написано слово «Икен». Ученым известно, что Икен — торговый склад древних египтян в Нубии. Здесь разгружали суда с нубийским золотом, слоновой костью и драгоценными породами дерева.

Но вряд ли была воздвигнута крепость для того, чтобы охранять торговые склады египтян.

Другая находка, сделанная в крепости Семна, дополнила ответ, интересующий археологов. В Семне была найдена стела фараона Сенусерта III. На стеле сохранилась надпись о том, что царь приказывает гарнизону крепости не пропускать ни одного нубийца севернее Икена.

Не менее интересным было открытие, сделанное во время аэрофотосъемки. Экспедиция Жана Веркуттера обнаружила к северу от крепости следы древней трассы канала, который, по мнению археологов, позволял обходить опасные быстрины. Во время раскопок выяснилось, что это не остатки древнего канала, а следы древнего волока, сделанного в районе стремнин второго порога Нила четыре тысячи лет назад.

Была раскрыта дорога для перетаскивания судов по суше, застланная бревнами, вроде железнодорожных шпал, через каждые сорок сантиметров. Поверх бревен была сделана обмазка из ила, по которой скользили суда, перетаскиваемые рабами, в пору, когда Второй порог Нила был непроходим.

Древний волок раскопан на протяжении двух километров. Он был покрыт тонким слоем песка в несколько сантиметров, и потому удивительно, как хорошо сохранились следы деревянных шпал на затвердевшем иле и следы человеческих ног, оставленные здесь тысячи лет назад, когда рабы египетского фараона в последний раз тянули суда через волок.

Любопытное открытие сделал профессор Шайнер и его экспедиция, организованная музеем в Нью-Мексико. Изучая доисторические памятники Нубии, ученые пришли к выводу, что пятьдесят тысяч лет назад в долине Нила протекало несколько больших рек. На берегах этих рек жили многочисленные племена. Остатки поселений людей того далекого времени встречаются на протяжении тридцати километров в глубь пустыни. В настоящее время люди могут жить только на расстоянии нескольких сот метров от реки. Следовательно, эта безводная каменисто-песчаная пустыня, какую видят сейчас, была когда-то сплошным зеленым оазисом. В те незапамятные времена здесь водились слоны, жирафы, гиппопотамы и многие другие животные, изображения которых найдены на скалах.

В суданской Нубии, в пустынной долине около Абка, найдено около трех тысяч изображений диких животных, сделанных на черных гранитных валунах. Безвестные художники вырезали на твердых, как железо, камнях изображения слонов,

---

жирафов и страусов. Ученые признали, что этой картинной галерее пять тысяч лет.

Для спасения Абу-Симбела было разработано несколько проектов. Одни предлагали поднять храм и окружающие его скалы над уровнем воды. Другие считали более целесообразным построить дамбу из каменной наброски и земли для защиты большого и малого храмов. Было еще предложение построить защитную бетонную дамбу перед каждым храмом, накрыть оба храма огромным железобетонным копаком.

К концу 1960 года был принят проект шведской строительной фирмы «Ваттен-бигнадобиран» (Стокгольм), предложившей рассечь храмы на блоки и перенести их на высоту в 60 метров. Выполнение работ по этому проекту было поручено международному объединению, куда входили фирмы ОАР, Франции, ФРГ, Италии и Швеции.

Предстояла настолько грандиозная работа, что английский писатель Ричи Келлер посчитал ее столь же значительной, как создание Большой пирамиды, сложенной из двух миллионов трехсот тысяч каменных блоков весом по две с половиной тонны каждый. Начались подготовительные работы. Во всех помещениях храма были установлены подпорки, которые поддерживали своды и стены, пока выпиливали блоки.

Некоторые виды песчаника Абу-Симбела оказались очень хрупкими, появилась угроза разрушения. Пришлось их укреплять путем введения химических веществ. Для этой цели были изучены и испытаны различные синтетические смолы. С особой тщательностью были обработаны стены, покрытые надписями, чтобы не повредить их при распиловке.

Не просто было решить вопрос о режущих инструментах. Из всего многообразия современной техники, ручной и механизированной, надо было выбрать самое разумное. И вот испытывали всевозможные виды ручных пил, дисковых, проволочных и цепных. На место работ были доставлены самые совершенные подъемные механизмы, платформы и тягачи. Распиловка на блоки выполнялась под наблюдением археологов.

21 сентября 1965 года была снята с фасада большого храма Абу-Симбела лицевая часть огромной головы Рамсеса II весом в 20 тонн. Большой и малый храмы Абу-Симбела были распилены на 2000 блоков весом до 30 тонн каждый. Эти блоки были доставлены на новое место, выше их прежнего на 60 метров. Здесь они были собраны, и сейчас они возвышаются над водами Нила, точно так же встречая восход, как это было впервые при Рамсесе II, 3200 лет назад.

Для того чтобы статуи и драгоценные барельефы не пострадали, ученые тщательно исследовали каждый сантиметр стен и статуй. Была отмечена каждая трещина. Перед подъемом каждая из отмеченных трещин была укреплена, и делали это с такой же тщательностью, как если бы склеивали драгоценную фарфоровую чашку.

Абу-Симбел спасен. И сейчас, когда мы читаем сообщения о том, как завер-

---

шаются грандиозные работы по сооружению высотной Асуанской плотины, мы знаем, что сокровища древней культуры уже не пострадают от вод разлившегося Нила. Многие поколения людей, может быть, даже спустя тысячи лет, как и в наши дни, будут приходить сюда, чтобы увидеть прекрасные творения зодчих Древнего Египта.

* *
*

Директор службы памятников Нубии Али Вриони писал: «Проводимая в Нубии кампания — небывалое явление в истории человеческой культуры. Мир впервые стал свидетелем организованных международных действий, направленных на сохранение древних памятников и археологических ценностей, которые, с юридической точки зрения, принадлежат только двум государствам. Еще никогда в истории на сохранение древних памятников не выделялись столь крупные средства, никогда такие работы не достигали столь грандиозных масштабов».

Зона затопления изучалась несколько лет. Юнеско организовало археологические исследования, в которых приняли участие экспедиции со всех континентов. Обширная территория Нижней Нубии, подлежащая затоплению, 400 километров, детально изучена.

Сейчас, когда значительная часть Суданской Нубии уже залита водами действующей Асуанской плотины, музеи многих стран мира создают новые экспозиции по материалам, добытым археологическими экспедициями в древней Нубии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дочь Эхнатона	7
Праздничный костер Макеры	79
Волшебная антилопа	153
Роковая строка Памеджаи	193

Дорогие ребята!

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для среднего и старшего
возраста

Моисеева Клара Моисеевна

ДОЧЬ ЭХНАТОНА

Повести

Ответственный редактор
Г. А. Д у б р о в с к а я.
Художественный редактор
С. И. Н и ж н я я.
Технический редактор
Т. В. П е р ц е в а.

Корректоры

Л. М. К о р о т к и н а и Т. Ф. Ю д и ч е в а.

Сдано в набор 23/III 1970 г. Подписано к печати 25/VIII 1970 г. Формат 70×90^{1/16}. 17 печ. л. 19,89 усл. печ. л. (19,74 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз. ТП 1970 № 464. А10314.

Цена 69 коп. на бум. № 2.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 772.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*Прочитайте книги, выпущенные издательством
«Детская литература»:*

Л. Воронкова

СЛЕД ОГНЕННОЙ ЖИЗНИ. МЕССЕНСКИЕ ВОИНЫ.

Первая повесть из истории Древней Персии эпохи царя Кира. Вторая повесть рассказывает о войне между Мессений и Спартой в Древней Греции

Н. Остроменцкая

ВЕТЕРАН ЦЕЗАРЯ.

Повесть из истории Древнего Рима, о сподвижнике Юлия Цезаря — Луции Сестии Гавии, прозванном «ветераном Цезаря»

К. Монсеева

ЗВЕЗДЫ МУДРОГО БИРУНИ.

Прочтите эту повесть о далеком Хорезме, и вы станете свидетелями трудных и благородных дел великого ученого аль-Бируни, который на многие столетия предвосхитил научные открытия в астрономии, математике и минералогии

К. Монсеева

ЛЮДИ ИЩУТ ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО.

Археологи, востоковеды, лингвисты, художники, архитекторы, реставраторы — всех этих людей, столь различных и, казалось бы, не связанных между собой в работе, объединяет одна прекрасная идея: узнать о том, как жили наши предки. Все вместе они открывают новые страницы истории

В. Ян

П О В Е С Т И.

В книгу входят избранные произведения известного советского писателя.

69 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“